РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

МАТЕРІАЛЫ

для выработки

ПАРТІЙНОЙ ПРОГРАММЫ

Выпускъ II

Н. Рязановъ.

ПРОЕКТЪ ПРОГРАММЫ „ИСКРЫ“ И ЗАДАЧИ РУССКИХЪ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТОВЪ.

Цѣна 3 фр.

Изданіе группы „БОРЬБА“.

ЖЕНЕВА.

1903 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ первомъ выпускѣ этихъ „Матеріаловъ“, посвященномъ разбору *новой* программы „Рабочаго Дѣла“, мы имѣли дѣло съ кругомъ идей, осужденныхъ, по нашему глубокому убѣжденію, на медленную смерть. Тов. Ленинъ, еще въ Мартѣ 1902 г. выступившій въ походъ противъ „Рабочаго Дѣла“ и въ Іюнѣ того же года заявлявшій, что экономизмъ уже умеръ, можетъ теперь видѣть, что мой относительный пессимизмъ былъ ближе къ истинѣ.

На вопросъ „Что дѣлать?“ тов. Ленинъ отвѣчаетъ: „ликвидировать третій періодъ“. Но ликвидація ликвидаціи рознь. Прежде всего нужна вѣрная оцѣнка всѣхъ плюсовъ и минусовъ ликвидируемой „массы“. Мы думаемъ, съ своей стороны, что точка зрѣнія, на которой стоитъ тов. Ленинъ, не даетъ возможности вѣрно оцѣнить тѣ „плюсы“, которыми только и можно объяснить „гигантскій шагъ впередъ“, сдѣланный, по его же словамъ, нашимъ движеніемъ съ 1894 по 1901 г. Въ теченіе этого періода установились тѣ тѣсныя связи между рабочей массой и соціалдемократіей, которая намъ „догматикамъ“ не менѣе дороги, чѣмъ „практикамъ“. Революціонная соціалдемократія, „ортодоксія“ должна дать ясный и опредѣленный отвѣтъ на вопросъ: какъ можно работать „для рабочаго дѣла въ тѣсной органической связи съ пролетарской борьбой“ (я сохраняю неуклюжую формулировку тов. Мартынова), не ставя во главу угла „массовое рабочее движеніе?“. Судьба делеонистовъ въ Америкѣ и соціалдемократической федераціи въ Англіи показываетъ, что вопросъ этотъ является для революціонной соціалдемократіи кореннымъ вопросомъ, вопросомъ жизни или смерти.

Въ разборѣ Новой программы „Рабочаго Дѣла“ я старался дать посильный отвѣтъ на этотъ вопросъ и очень жалѣю, что „Искра“ воспользовалась этимъ

случаемъ только для того, чтобы „задѣть“ *) „Рабочее Дѣло“ и группу „Борьба“. Гораздо лучше было бы, если бы „Искра“ доказала ошибочность нашего взгляда.**)

Но можетъ быть взгляды „Искры“ и наши на этотъ вопросъ совершенно тождественны? Мнѣ думается, что несовсѣмъ. По нашему мнѣнію, руководство экономической борьбой пролетаріата должна взять въ свои руки *революціонная* социалъ-демократія, та самая революціонная социалъ-демократія, которая къ современному политическому режиму предъявляетъ одно только „требованіе“: перестать существовать. Только такимъ путемъ можно будетъ „создать традиціи, которыя никогда не позволятъ буржуазной демократіи, какъ бы революціонно она ни выступала, тащить на своемъ буксирѣ рабочее движеніе“ [1]), расширить и укрѣпить тѣ связи, которыя дадутъ намъ возможность во время революціи и на другой день послѣ нея быть дѣйствительнымъ авангардомъ самого революціоннаго класса, а не только штабомъ безъ арміи.

Ликвидація ликвидаціи рознь. Мы вѣдь не „начинаемъ сызнова“. Мы только хотимъ, чтобы „минусы“ предъидущаго періода скорѣе исчезли. А этого мы достигнемъ только въ томъ случаѣ, если намъ удастся создать партію единую и объединенную теоретически и практически. Единственной почвой для этого объединенія является программа революціонной

*) Вотъ уже второй разъ „Искра“ удостоиваетъ своихъ бывшихъ „ближайшихъ сотрудниковъ“ упоминаніемъ и каждый разъ прибѣгаетъ къ *личной* полемикѣ. Не хочетъ ли она насъ заставить прибѣгнуть къ тому способу, которымъ, по словамъ Паскаля, воспользовался нѣкій теологъ, чтобы прекратить такія нападки со стороны „преподобныхъ отцовъ“? A bon entendeur—salut!

**) Какъ ни авторитетно для насъ мнѣніе Московскаго комитета, мы все таки не можемъ согласиться, что „литературная дѣятельность Лиги революціонной социалдемократіи имѣетъ исчерпывающее значеніе въ дѣлѣ теоретической борьбы съ многочисленными теченіями, стремящимися опошлить и исказить великіе революціонные принципы международной социалдемократіи“.

[1]) См. Объявленіе объ изданіяхъ гр. „Борьба“. с. 9.

социалъ-демократіи со всѣми вытекающими изъ нея практическими послѣдствіями или, говоря иными словами, „ортодоксальная программа“.

Въ предлагаемой брошюрѣ мы подвергаемъ разбору проектъ такой „ортодоксальной“ программы, представленный редакціей „Искры“ и „Зари“. Попутно мы выскажемся и по поводу тѣхъ разногласій, о которыхъ мы не могли говорить до сихъ поръ съ надлежащей подробностью. Теперь все „специфическое“, что „Искра“ вноситъ въ старую программу русской революціонной социалдемократіи, на почвѣ которой мы стояли, когда, вслѣдъ за тов. Плехановымъ и Аксельродомъ, вмѣстѣ съ нашими товарищами изъ „Искры“, выступали съ прямой полемикой противъ „Рабочаго Дѣла“, кристаллизовалось въ проектѣ ея программы и нашло себѣ подробный коментарій въ статьяхъ тов. Плеханова и Ленина, напечатанныхъ въ четвертой книжкѣ—мы не скажемъ: давно не выходящаго журнала—„Зари“. И мы надѣемся доказать, что именно это „специфическое“, „нѣчто новое“, дѣлаетъ программу Искры не дѣйствительно ортодоксальной, а только „болѣе или менѣе“, „мѣстами“ ортодоксальной.

Мы жалѣемъ, что эта программа, обѣщанная уже въ третьемъ № „Искры“ такъ сильно „запоздала“. Какъ и въ полемикѣ съ „Рабочимъ Дѣломъ“, мы предпочли имѣть лучше дѣло съ программой, чѣмъ съ отдѣльными статьями. И мы надѣемся, что товарищи наши поймутъ, почему и мы должны были „запоздать“ съ нашей критикой. Понятно также, что мы должны были вдаться въ нѣкоторыя „сухія“ теоретическія подробности. Вѣдь мы имѣемъ дѣло съ проектомъ, авторы котораго, по выраженію тов. Плеханова, „не боятся *прослыть* ортодоксами“. И мы должны были подробно обосновать наше несогласіе съ тѣми „мѣстами“ программы, которыя только *кажутся* ортодоксальными.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Изъ области теоріи.

1) Историческія справки.

Ничто не забывается такъ скоро, какъ исторія. Это вѣрно по отношенію къ прошлому, когда достаточно было нѣсколькихъ десятилѣтій, чтобы покрыть мракомъ неизвѣстности прошлыя судьбы какого нибудь явленія, это вѣрно и по отношенію къ настоящему времени. Проходитъ лѣтъ десять и прошлое такъ основательно забывается, что его приходится возстанавливать чуть ли не съ помощью тѣхъ же пріемовъ, которыми пользуются историки культуры для возстановленія исторіи давно исчезнувшихъ цивилизацій. Не миновала этой судьбы и исторія „единственнаго печатнаго проекта программы русской соціалъ-демократіи“, выработаннаго группой „Освобожденіе Труда“. Названная группа съиграла*) слишкомъ большую роль въ исторіи русскаго соціалъ-демократическаго движенія, и читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы посвятимъ этому предмету нѣсколько страницъ. Исторія этого проекта дастъ намъ нѣсколько любопытныхъ указаніи.

Переиздавая въ своей замѣчательной брошюрѣ „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціалъ-демократевъ“ „Проектъ программы русскихъ соціалъ-демократовъ“, тов. Аксельродъ замѣчаетъ, что она издана въ 1885 г. Тов. Плехановъ

*) Въ избѣжаніе недоразумѣній я подчеркиваю, что говорю о *группѣ* „Освобожденіе Труда“, а не объ ея отдѣльныхъ членахъ. *Теперь* исторія этой группы является уже законченнымъ цѣлымъ и можетъ поэтому быть предметомъ болѣе или менѣе объективнаго историческаго изслѣдованія. Въ статьѣ „Группа Освобожденіе Труда“, напечатанной въ Календарѣ, я уже пытался дать эскизъ этой исторіи.

въ комментаріи къ новому проекту добавляетъ, что проектъ этотъ былъ выработанъ въ 1884, а опубликованъ въ 1885 г. Но и тов. Аксельродъ, и тов. Плехановъ одинаково ошибаются. Группа „Освобожденіе Труда“ опубликовала *двѣ* программы. Когда былъ выработанъ первый проектъ, можно сказать только гадательно: въ 1883 или въ 1884, но *опубликованъ* онъ былъ въ 1884 г.*). Второй былъ выработанъ не раньше 1887 г., какъ видно хотя бы уже изъ того, что въ немъ ни однимъ словомъ не упоминается партія „Народной Воли“, которой въ первой программѣ было посвящено нѣсколько строкъ. *Опубликованъ* этотъ проектъ въ 1888 г. въ приложеніи къ брошюрѣ „Чего хотятъ соціалъ-демократы“. Это именно и есть тотъ проектъ, о которомъ тов. Плехановъ говоритъ, что онъ „не былъ, насколько мы знаемъ, *открыто принятъ* ни одной изъ дѣйствующихъ въ Россіи организацій, хотя *всѣ* серьезныя русскія соціалъ-демократическія организаціи работали въ его духѣ“.

Въ цитируемой тов. Плехановымъ статьѣ**) я уже указалъ на нѣкоторые пункты, не выдерживающіе критики съ точки зрѣнія „ортодоксальнаго марксизма“. На мой взглядъ это обстоятельство объясняется историческими условіями, при которыхъ возникла гр. „Освобожденіе труда“. Тов. Плехановъ напротивъ объясняетъ допущеніе такихъ пунктовъ „дипломатичностью“. Группа сдѣлала это „просто потому, что ей невозможно было не считаться съ народническими симпатіями, — скажемъ откровенѣе: *предразсудками*, — тогдашнихъ русскихъ революціонеровъ“. Только „на счетъ представительной системы и прямого народнаго законодательства надо прямо сказать, что въ этомъ отношеніи группа „Освобожденіе Труда“ находилась тогда подъ вліяніемъ идей Риттинггаузена“.

*) См. Программа соціалъ-демократической группы „Освобожденіе Труда“. Женева. Типографія группы „Освобожденіе Труда“. 1884 г.

**) См. Przeglad Socialdemocratyczky № 1, 1902.

Съ такимъ объясненіемъ трудно согласиться. „Дипломатичность“ — вещь очень опасная, особенно въ программахъ. Польза, приносимая ею, очень сомнительна, за то вредъ несомнѣненъ. Мы всѣ помнимъ, какъ бернштейніанцы воспользовались нѣкоторыми неясными выраженіями въ предисловіи Энгельса къ „Klassenkämpfe in Frankreich“ Маркса. Оказалось, какъ говоритъ тов. Плехановъ, что эта неясность была умышленная. „Энгельсъ уступилъ совѣту своихъ друзей-практиковъ и этимъ подалъ поводъ къ неправильному теоретическому истолкованію его взглядовъ. А это неправильное теоретическое истолкованіе уже теперь причинило массу практическихъ неудобствъ, гораздо болѣе чувствительныхъ, чѣмъ всѣ тѣ неудобства, которыя могли бы явиться въ результатѣ яснаго и недвусмысленнаго изложенія его мысли“. И тов. Плехановъ извлекаетъ изъ этого „урокъ для слишкомъ уступчивыхъ теоретиковъ: они должны твердо помнить, что тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о выраженіи теоретическихъ взглядовъ, практики всегда очень непрактичны“*). И если бы тов. Плехановъ былъ правъ, то намъ пришлось бы ограничиться повтореніемъ того, что „дипломатичность“ по своимъ практическимъ послѣдствіямъ гораздо вреднѣе ошибокъ bona fide. Но мы думаемъ, что тов. Плехановъ совершенно напрасно „взводитъ поклепъ“ на гр. „Освобожденіе Труда“. Обѣ программы группы являлись вѣрнымъ отраженіемъ взглядовъ всей группы въ то время, и это не трудно было бы подтвердить многочисленными иллюстраціями изъ сочиненій различныхъ членовъ группы**). Но несомнѣнно и то, что взгляды группы съ теченіемъ времени подвергались

*) Г. Плехановъ: Предисловіе къ „Манифесту Коммун. Партіи“. Женева, 1900 г., ст. 76 — 77.

**) Приведу только одну. Вотъ что писалъ тов. Плехановъ въ декабрьской книжкѣ Соціалъ-демократа за 1890 г., т. е. мѣсяца за два до опубликованія письма Маркса о Готской программѣ: „Она (Готская программа) составлена съ такимъ знаніемъ дѣла, что выдержитъ не только придирчивыя нападки своихъ беззубыхъ враговъ, но — что гораздо труднѣе — также и безпристрастную вдумчивую критику своихъ сторонниковъ“.

значительнымъ измѣненіямъ. Заключительнымъ фазисомъ этого развитія является проектъ, выработанный редакціей Искры и Зари, который мы съ полнымъ правомъ можемъ считать въ тоже время и проектомъ группы „Освобожденіе Труда“. Ниже мы увидимъ, что, къ вящему сожалѣнію всѣхъ ортодоксовъ, развитіе это не всегда совершалось по восходящей линіи. А теперь обратимся къ прежнимъ проектамъ, которые скорѣе можно назвать Principienerklärung, какъ выражаются нѣмцы.

Уже при бѣгломъ разсмотрѣніи перваго проекта бросается въ глаза одна его особенность, рѣзко отличающая его отъ второго. Программы тоже имѣютъ свою судьбу. Будущему историку революціоннаго движенія въ Россіи придется отмѣтить и тотъ любопытный фактъ, что программу, придающую огромное значеніе революціонной интеллигенціи, обвиняли въ противоположномъ.

Указавъ, что „однимъ изъ вреднѣйшихъ слѣдствій этого отсталаго состоянія производства было и есть до сихъ поръ неразвитое состояніе средняго класса, который неспособенъ у насъ взять на себя *иниціативу* борьбы съ абсолютизмомъ“ проектъ дальше заявляетъ: „Соціалистической интеллигенціи пришлось по этому стать во главѣ современнаго освободительнаго движенія, прямой задачей котораго должно быть созданіе свободныхъ политическихъ учрежденій въ нашемъ отечествѣ, причемъ соціалисты, *съ своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активнаго и плодотворнаго участія въ будущей политической жизни Россіи**)“. Можно сказать, что непомѣрно велика „гордыня“ той интеллигенціи, которой такія ожиданія отъ нея кажутся умаленіемъ ея исторической роли! Дальше „*На соціалистической интеллигенціи лежитъ обязанность организаціи рабочихъ и посильной подготовки* (это слово напечатано курсивомъ въ программѣ) ихъ къ борьбѣ, какъ съ современной правительственной систе-

*) Курсивъ всюду нашъ.

мой, такъ и съ будущими буржуазными партіями“. „Група „Освобожденіе Труда“ убѣждена, что не только успѣхъ, но и самая возможность такого осмысленнаго движенія русскаго рабочаго класса въ огромной степени зависитъ отъ указанной выше работы интеллигенціи въ его средѣ“. Но интеллигенція того времени не откликнулась на этотъ зовъ. Отъ нея требовалось при этомъ невозможное для нея дѣло. За вышеприведенными строками слѣдуетъ „но“, черезъ которое перескочили тогда лишь очень немногіе ея представители. „Но названная група полагаетъ, что сама интеллигенція должна предварительно стать на точку зрѣнія современнаго научнаго соціализма, лишь постольку удерживая народническія традиціи, поскольку онѣ не противурѣчатъ его положеніямъ“. Но для этого революціонная интеллигенція, считавшая себя достаточно сильной, чтобы самой снять съ народа давящій его гнетъ, должна была убѣдиться въ своемъ безсиліи. Логика теоретической мысли оказалась недостаточной, нужна была логика практическаго опыта, а на это потребовалось еще нѣсколько лѣтъ.

Въ проектѣ 1888 года на интеллигенцію уже не возлагается никакихъ обязанностей, она, можно сказать, почти исчезаетъ изъ программы. Объясняется ли это „дипломатичностью“, которая совѣтовала отказаться отъ „дипломатичности“ съ революціонной интеллигенціей? По нашему мнѣнію нисколько. Это явилось только отраженіемъ разочарованія въ способности русской революціонной интеллигенціи того времени стать на точку зрѣнія научнаго соціализма. Слѣды этого настроенія мы замѣчаемъ и въ предисловіи тов. Плеханова къ „Рѣчи Алексѣева“, и въ возрастающихъ надеждахъ на либеральную оппозицію. „Пойметъ или нѣтъ (наша „интеллигенція“ — свою роль), но событія ждать ея не станутъ. Отсутствіе союзниковъ изъ „интеллигенціи“ не помѣшаетъ нашему рабочему классу сознать свои интересы, понять свои задачи, выдвинуть вожаковъ изъ своей собственной среды, создать свою собственную, *рабочую интеллигенцію. Такая* интеллигенція не измѣнитъ его дѣлу, не оставитъ его на произволъ судьбы. Нужно однако еще разъ замѣтить, что въ своей борьбѣ съ самодержавіемъ рабочій классъ будетъ, по всей вѣроятности, не одинъ, хотя, разумѣется, только онъ одинъ способенъ придать ей рѣшительный оборотъ. Само положеніе дѣлъ необходимо будетъ толкать на *посильную для нея* борьбу всю нашу буржуазію, т. е. наше „общество“, нашъ торгово-промышленный міръ, нашихъ помѣщиковъ, этихъ дворянъ въ мѣщанствѣ, и, наконецъ, даже деревенское „третье сословіе“*). Тов. Аксельродъ пишетъ „Письмо къ соціалистамъ-рабочимъ“ о „Задачахъ рабочей интеллигенціи“. Въ статьѣ „Революціонеры изъ буржуазной среды“, которую, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Старовѣръ, всѣ мы читали съ напряженнымъ вниманіемъ, „Вѣра Засуличъ толковала о послѣднихъ дняхъ французской и нѣмецкой интеллигенціи стараго типа и объ окончательномъ исчезновеніи ея съ арены европейской исторіи“. Убѣжденная, что „Русскій рабочій классъ проснется рано или поздно и безъ помощи революціонеровъ изъ буржуазной среды. Его, во всякомъ случаѣ, разбудитъ громъ соціалистической революціи въ Европѣ“, она спрашиваетъ съ сомнѣніемъ: „неужели революціонное движеніе русской интеллигенціи, когда-то такое сильное, такое чистое, такъ искренно желавшее отдать свои силы на служеніе народу, — неужели оно одно прекратится, почти ничего для него не сдѣлавши?“ И ей „хочется вѣрить, что этого не будетъ, что русская революціонная интеллигенція успѣетъ во время покончить всѣ свои недоразумѣнія съ научной революціонной мыслью и всей душой отдастся своей исторической задачѣ, сконцентрируетъ на ней всѣ свои силы и помыслы“[1]).

Въ старой программѣ былъ еще одинъ пунктъ, совершенно исчезнувшій изъ второго проекта. Первый проектъ составлялся тогда, когда „Народная Во-

*) Плехановъ, Горе Тихомірова. Женева, 1889. С. 45.

[1]) Тогда же въ кружкахъ марксисткой молодежи зародилось то отношеніе къ интеллигенціи, которое въ каррикатурной формѣ нашло себѣ послѣ выраженіе на страницахъ „Рабочей Мысли“.

ля", хотя и получившая уже смертельный ударъ, все еще являлась господствующей революціонной партіей. Поэтому нужно было въ той или иной формѣ опредѣлить свое отношеніе къ ней. Это было сдѣлано въ слѣдующихъ словахъ: „Преслѣдуя эту цѣль (пропаганда современнаго соціализма въ Россіи и подготовка рабочаго класса къ сознательному соціально-политическому движенію) всѣми зависящими отъ нея средствами, группа „Освобожденіе Труда" въ тоже время признаетъ необходимость террористической борьбы противъ абсолютнаго правительства и расходится съ партіей „Народ. Воли" лишь по вопросамъ о такъ называемомъ захватѣ власти революціонной партіей и о *задачахъ непосредственной дѣятельности соціалистовъ въ средѣ рабочаго класса* (курсивъ въ текстѣ)". Въ настоящее время мы конечно можемъ находить, что эта формулировка *недостаточно „ортодоксальна" и что она дѣлаетъ* слишкомъ большія уступки „Народной Волѣ". Но мы думаемъ, что и это обстоятельство находитъ свое объясненіе не въ „дипломатичности" авторовъ проекта программы. Не говоря уже о „Нашихъ Разногласіяхъ", группа и послѣ никогда не высказывалась противъ террора принципіально*) Но къ тому времени, когда составлялся второй проектъ, „Народная Воля", какъ партія, сошла со сцены — и указанный абзацъ сталъ лишнимъ.

О теоретической части можно сказать, что по своей принципіальной выдержанности она занимаетъ почетное мѣсто среди современныхъ ей соціалъ-демократическихъ программъ. Она уступаетъ только французской программѣ и во многихъ отношеніяхъ

*) На той же точкѣ зрѣнія стояла „Искра". Въ послѣднихъ №№ она высказывается еще рѣзче противъ террора; но все таки почему то не договариваетъ до конца. По моему мнѣнію соціалъ-демократы должны высказаться противъ террора, какъ средства политической борьбы, принципіально. Смотрѣть на терроръ съ точки зрѣнія „цѣлесообразности" и ссылать его въ область „тактики" нельзя уже просто по тому, что это такое средство политической борьбы, которое идетъ въ разрѣзъ съ практикой массовой борьбы и только затемняетъ классовое самосознаніе рабочихъ.

лучше готской. Видно, что авторы ея уже испытали на себѣ благотворное вліяніе Энгельсовскаго Анти-Дюринга.

Второй проектъ въ своей теоретической части немного отличается отъ перваго. Исключены лишь нѣкоторыя неясности и сдѣланы нѣкоторыя перестановки. Какъ и первый проектъ, онъ больше напоминаетъ Principien-Erklärung, чѣмъ программу. Въ стилистическомъ отношеніи онъ несомнѣнно лучше перваго. Онъ болѣе сжатъ и точенъ. Но и этотъ проектъ сохранилъ еще нѣкоторые слѣды „неортодоксальнаго" марксизма.

Уже въ самомъ началѣ его мы встрѣчаемъ заявленіе, что русскіе соціал-демократы „стремятся къ полному освобожденію *труда* отъ гнета капитала". Такая формулировка такъ же мало „раціональна", какъ и самое названіе группы „Освобожденіе Труда"*). Но это почти единственный серьезный промахъ, который можно замѣтить въ „теоретической" части программы. Другія ея ошибки заключаются только въ практической части. На нихъ достаточно указать: требованіе прямого народнаго законодательства, государственная помощь производительнымъ асоціаціямъ, неопредѣленная формулировка рабочаго зако-

*) Признавая нераціональность этого названія, тов. Плехановъ хочетъ и это обстоятельство объяснить „дипломатичностью". Приведенная формулировка была обычной для нѣмецкой соціал-демократіи 80-хъ годовъ. Не случайность же, что первая значительная организація въ Россіи назвала себя „Союзомъ борьбы за освобожденіе *рабочаго класса*". Намъ кажется также, что тов. Плехановъ слишкомъ преувеличиваетъ значеніе „анархической хулы на международную соціал-демократію", къ которой въ теченіе долгихъ лѣтъ привыкало ухо *возможныхъ* товарищей. Это преувеличеніе сказалось еще въ отчетѣ, представленномъ группой на Брюссельскій международный конгрессъ. Наиболѣе рѣзкими противниками нѣмецкой соціалъ-демократіи были у насъ бакунисты-бунтари. Достаточно вспомнить статьи П. Аксельрода въ „Общинѣ". Отголоски этого настроенія можно замѣтить еще въ „Черномъ Передѣлѣ". Нужно прибавить къ этому, что „хула" на нѣмецкую соціалъ-демократію, нашедшая себѣ выраженіе въ этихъ органахъ, являлась реакціей на „хулу" нѣмецкой соціалъ-демократіи. А она прекратилась окончательно въ 1880 г. послѣ Виденскаго конгресса.

нодательства, неясная редакція „аграрной“ части. Но эти мелкіе недостатки не мѣшаютъ второму проекту были прекраснымъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію изложеніемъ принциповъ научнаго соціализма.

Они не мѣшали ей и для своего времени быть прекраснымъ отвѣтомъ на насущные вопросы *русской* дѣйствительности. Какъ мы увидимъ дальше, задачи историческаго момента были формулированы съ рѣдкой проницательностью, дѣлающей эту формулировку вѣрной и для настоящаго времени. А всего этого мы далеко не можемъ сказать о третьемъ проектѣ, къ разсмотрѣнію котораго мы и обращаемся теперь. Но прежде чѣмъ мы это сдѣлаемъ, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, чего мы должны требовать отъ программы.

2) Чего мы должны требовать отъ программы?

Казалось бы, что между нами „ортодоксами“ на этотъ счетъ не можетъ быть никакихъ разногласій. Мы всѣ признаемъ, что намъ „необходимо *ясная* теорія, *послѣдовательная* программа“. Но къ сожалѣнію въ спорахъ послѣднихъ лѣтъ нѣкогда ясная „ортодоксія“ приняла неожиданныя формы. Въ то время, какъ мы думали, что организаціонный грѣхъ оппортунистовъ сводится къ неправильному пониманію демократическаго принципа и къ смѣшенію задачъ массоваго рабочаго движенія и соціал-демократическаго, мы съ удивленіемъ узнали, что демократическій принципъ, т. е. контроль надъ дѣйствіями выбранныхъ данной организаціи, должностныхъ лицъ и равноправіе членовъ данной организаціи, организаціонный принципъ, издавна отличавшій „ортодоксовъ“, въ сущности является отличительнымъ признакомъ оппортунистовъ. Но принявъ неожиданную форму въ области организаціонныхъ вопросовъ, „ортодоксія“, та самая „ортодоксія“, которая такъ много говоритъ о своей ортодоксальности, приняла не менѣе неожиданныя формы и въ области „принциповъ“. Такими сюрпризами богатъ и новый проектъ программы, и это тѣмъ удивительнѣе, что въ составленіи его принималъ участіе тов. Плехановъ.

Чего мы должны требовать отъ программы? Программа партіи должна дать краткое, ясное и послѣдовательное изложеніе принциповъ. Программа — не манифестъ, въ одно и тоже время являющійся обвинительнымъ актомъ противъ существующаго строя и защитой „вновь возникающаго порядка вещей“. Программа — это объявленіе войны, сдѣланное существующему строю, но объявленіе войны, которое заранѣе учитываетъ всѣ факторы побѣды и показываетъ противнику картину его будущаго и неминуемаго пораженія. Программа — это своего рода credo партіи и memento mori для ея противниковъ. Вотъ почему всякое многословіе въ программѣ только ослабляетъ ея силу.

Теоретическое выраженіе капиталистическаго общества, формулировка матеріальныхъ и интеллектуальныхъ элементовъ создаваемаго имъ соціалистическаго строя, діагнозъ его „болѣстей“ и прогнозъ его будущихъ судебъ, программа по своему содержанію должна быть глубоко интернаціональна. Но это общее теоретическое содержаніе программы осложняется однимъ элементомъ. Какъ ни общи принципы соціалдемократіи, съ какой бы необходимостью они ни овладѣвали рабочимъ движеніемъ на извѣстной ступени его развитія, самый процессъ ихъ усвоенія происходитъ при разнообразныхъ условіяхъ въ зависимости отъ своеобразнаго развитія данной страны, въ зависимости отъ комбинаціи международныхъ экономическихъ и политическихъ условій, сложившейся въ данное время. Этотъ элементъ сказывается не только въ различной формулировкѣ такъ называемыхъ ближайшихъ задачъ, но и въ томъ ударенія, которое дѣлается на нѣкоторыхъ требованіяхъ теоретической части.

Какъ бы ни огорчали всякихъ добросердечныхъ людей такъ называемые „расколы“ и „раздоры“, но соціалдемократическая партія всюду развивается только путемъ борьбы съ другими революціонными партіями. И еще болѣе „печальный“ фактъ: соціалдемократическая партія развивается обыкновенно

путемъ внутренней борьбы различныхъ фракцій*). Пролетаріатъ не представляетъ собою нѣчто однородное, онъ состоитъ изъ различныхъ частей, изъ которыя каждая носитъ особый „отпечатокъ“, исчезающій только исподволь. Пролетаріатъ не представляетъ собой также нѣчто неподвижное, разъ на всегда сложившееся: онъ растетъ и развивается, но ростъ и развитіе отдѣльныхъ его частей совершается далеко не равномѣрно. Вполнѣ естествена поэтому борьба различныхъ фракцій въ средѣ „рабочей“ партіи, которой de facto является соціалдемократическая партія. Въ той или иной формѣ эта борьба всегда является борьбой соціалдемократическаго рабочаго движенія съ массовымъ рабочимъ движеніемъ, борьбой „теоріи“ съ „практикой“. Она кончается побѣдой „теоріи“, и эта „побѣда“ должна найти себѣ выраженіе въ программѣ партіи. По выраженію Маркса программа партіи тогда „указываетъ пограничные камни, которыми измѣряется высота, достигнутая партіей въ ея движеніи“.

Указанный мною элементъ сказывается и въ такъ называемой программѣ-minimum. „Ближайшія“ требованія данной партіи видоизмѣняются въ зависимости отъ своебразныхъ условій данной страны. Программа, если она хочетъ дать членамъ партіи вѣрную руководящую нить въ ихъ дѣятельности, должна исходить изъ правильной оцѣнки современной дѣйствительности и формулировать maximum требованій, предъявляемыхъ къ ней. Задача эта очень трудная, особенно въ такихъ странахъ, которыя, какъ Россія многими частями своими проходятъ еще чрезъ „період первоначальнаго накопленія“. Русскимъ соціалъ-демократамъ приходится по этому уже *въ настоящемъ* стать въ опредѣленное отношеніе ко мно-

*) Дѣйствительно печальны личные раздоры, которыми по обыкновенію осложняется этотъ естественный процессъ. Но они такъ же неизбѣжны, какъ и тотъ Personencultus, который характеризуетъ первую стадію развитія соціалдемократіи. Эти явленія могутъ исчезнуть только тогда, когда десятокъ спѣвшихся или неспѣвающихся вождей становятся подъ контроль *партіи*.

гимъ такимъ явленіямъ, съ которыми нашимъ товарищамъ на западѣ пришлось считаться post festum. И чѣмъ вѣрнѣе будетъ эта оцѣнка въ настоящемъ, тѣмъ болѣе соціалъ-демократическій анализъ будетъ подтверждаться критикой исторіи, тѣмъ больше выиграетъ наше движеніе *въ будущемъ*.

Что программа должна быть „ортодоксальна“ — мы всѣ согласны. Только при свѣтѣ ясно формулированныхъ принциповъ можемъ мы твердо и увѣренно разбираться въ сложномъ лабиринтѣ общественныхъ явленій: лишь выяснивъ себѣ ясно и опредѣленно, что мы такое и чего мы хотимъ, мы не рискуемъ уклониться на путь компромисовъ, какъ въ области теріи, такъ и въ области практики. Для насъ, русскихъ соціалъ-демократовъ, болѣе, чѣмъ для кого либо, обязательна чистота принциповъ и болѣе, чѣмъ для кого либо, непростительно отступленіе отъ нихъ. Мы имѣемъ за собой богатый опытъ нашихъ западноевропейскихъ товарищей. Онъ въ достаточной степени показываетъ, какъ гибельно дѣйствуютъ на дѣло всякія уклоненія въ сторону.

Съ этимъ согласны и „ортодоксы“, для которыхъ пресловутый организаціонный планъ „Искры“ является воплощеніемъ „ортодоксіи“, и тѣ „ортодоксы“, для которыхъ по словамъ тов. Ю. Мартова „даже не существуетъ тѣхъ организаціонныхъ вопросовъ, которые для представителей „ортодоксіи“ самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ основными задачами русской соціалдемократіи“.

Но въ чемъ собственно должна состоять ортодоксальность программы, что такое собственно „ортодоксія“? Я думаю, что даже тов. Мартовъ согласится съ слѣдующимъ опредѣленіемъ: *„Программа должна быть строго согласована съ принципами научнаго соціализма, въ ней не должно быть никакихъ слѣдовъ „критики“*. Наши противники иронически скажутъ: „По Марксу“, но эта иронія является только признакомъ недомыслія. „По Марксу“ значитъ только — въ согласіи съ научнымъ анализомъ дѣйствительности. Марксовская „догма“ такъ же ортодоксальна,

какъ „ортодоксальна“ дѣйствительность. Она такъ же „вѣчна“, какъ „вѣченъ“ капитализмъ и пока будетъ существовать послѣднiй, будетъ существовать и „ортодоксiя“, какъ единственная руководящая нить, дающая намъ возможность разобраться въ этой дѣйствительности и установить тѣ элементы ея, съ помощью которыхъ мы можемъ преобразовать эту дѣйствительность.

Но если программа должна быть составлена „по Марксу“, это далеко еще не значитъ, что въ нее должны войти всѣ результаты изслѣдованiй Маркса. „Ортодоксальная“ программа не должна даже давать подробную картину капиталистическаго строя. Она должна только указать на „непреложный“ „желѣзный“ *фактъ*, отмѣченный впервые Марксомъ и Энгельсомъ: неустранимость пролетарiата, невозможность для него, какъ класса, освободить себя, сохраняя основы капитализма, историческую необходимость освободительной борьбы пролетарiата, подготовку самимъ капитализмомъ всѣхъ элементовъ будущаго строя. Одного этого факта достаточно, чтобы „оправдать“ существованiе социалдемократiи. Неудивительно поэтому, что самъ Марксъ, вырабатывая программу французской социалдемократiи ограничился только указанiемъ на этотъ фактъ. Въ его вводныхъ положенiяхъ нѣтъ ни одного слова, которое давало бы возможность истолковать его такъ или иначе, вѣрнѣе перетолковать. Она поражаетъ своей краткостью и сжатостью. Марксъ не счелъ нужнымъ упомянуть ни объ обнищанiи, ни объ обостренiи борьбы классовъ, онъ даже не упомянулъ о кризисахъ. И онъ былъ правъ: все это такiе факты, которые ничего не прибавляютъ къ основному факту: „капиталистическое производство заключаетъ въ себѣ условiя, независимыя ни отъ доброй воли, ни отъ благого умысла, допускающiя сравнительное благосостоянiе рабочаго класса только на короткое время“.

Характерно, что Каутскiй въ своемъ проектѣ программы тоже не считалъ нужнымъ упомянуть о всѣхъ этихъ фактахъ. Два абзаца, которые подвергались такой ожесточенной критикѣ всякихъ критиковъ, прибавлены были изъ проекта, выработаннаго Либкнехтомъ вмѣстѣ съ Vorstand'омъ партiи. Къ сожалѣнiю, такая краткость возможна только тамъ, гдѣ на лицо имѣются достаточно выяснившiяся общественныя отношенiя. Мы еще меньше, чѣмъ нѣмцы и австрiйцы, можемъ мечтать о такой краткости, но изъ этого еще не слѣдуетъ, конечно, что программа должна превратиться въ научный трактатъ. Указывая на тенденцiи капиталистическаго строя, программа должна выбирать наиболѣе основныя, никогда не указывая формы, въ которыхъ эта тенденцiя выражается. Формы эти очень измѣнчивы и нисколько не мѣняютъ сущности дѣла. Примѣръ: накопленiе капиталовъ въ немногихъ рукахъ происходитъ путемъ централизацiи ихъ или концентрацiи; какъ та, такъ и другая могутъ принимать различныя формы. Но самый фактъ этого накопленiя остается неизмѣннымъ*).

3) Къ чему иногда приводитъ излишняя опасливость?

Если бы мы даже не имѣли прямого указанiя тов. Плеханова, то одинъ бѣглый просмотръ программы сказалъ бы намъ, что авторы этого проекта составляли его подъ страхомъ быть непонятыми почтеннымъ Эдуардомъ Бернштейномъ. Можно подумать, что напуганные „злосчастной“ судьбой Эрфуртской программы они поставили себѣ задачей составить такую программу, подъ которую не могъ бы подкопаться даже этотъ рыцарь вѣчнаго сомнѣнiя.

„Но если въ нашей программѣ, говоритъ тов. Плехановъ, теперь уже неумѣстны какiе бы то ни было дiалоги съ нашими противниками, то это вовсе не значитъ, что при ея составленiи излишне было вспомнить жгучiе вопросы нашихъ дней, такъ сильно волнующiе социалъ-демократовъ всего мiра. Мы говоримъ о тѣхъ вопросахъ, которые подняты были въ социально-политиче-

---

*) Вотъ почему такъ смѣшны попытки доказать „устарѣлость“ Марксовскаго анализа капитализма указанiемъ на то, что онъ не зналъ трестовъ или не принялъ въ расчетъ ихъ дѣйствiе. Какiя бы формы ни принимало соединенiе к а п и т а л а — устранить слѣдствiя к а п и т а л и з м а можно только его уничтоженiемъ.

ской литературѣ капиталистическихъ странъ критическимъ походомъ болѣе или менѣе ученыхъ представителей буржуазіи противъ научнаго соціализма Маркса и Энгельса".*)

„Поднятые вопросы"! Кѣмъ? Эдуардомъ Бернштейномъ, авторомъ „дрянной книжонки", по словамъ тов. Плеханова. Когда Каутскій на Штуттгартскомъ Партейтагѣ заявилъ, что мы должны быть благодарны Бернштейну, который„ поднялъ" вопросы, давшіе намъ случай пересмотрѣть и т. д. нашу программу, то это было послѣднимъ колебаніемъ стараго друга, долго не рѣшавшагося выступить противъ соратника лучшихъ дней. Тогда тов. Плехановъ, слѣдуя за Парвусомъ, спрашивалъ Каутскаго въ горячо написанной статьѣ „Wofür sollen wir ihm dankbar sein?" („За что мы должны его благодарить?"), и результатъ, къ которому онъ пришелъ, гласилъ, что „не за что", такъ какъ Бернштейнъ не привелъ ни одного новаго довода и ограничился только пережевываніемъ буржуазной критики Маркса. Въ своей статьѣ „Cant противъ Канта" тов. Плехановъ пишетъ: „Кстати, мы и до сихъ поръ не можемъ понять, за что собственно благодарилъ Бернштейна Каутскій на Штутгартскомъ партейтагѣ. Книга Каутскаго „Bernstein und das socialbemokratiche Programm" вполнѣ подтверждаетъ нашу мысль о томъ, что благодарить было не за что." И мы думаемъ, что тов. Плехановъ былъ вполнѣ правъ. „Новые вопросы" Бернштейна, представшіе его „пытливому" уму, были въ своемъ родѣ не новѣе, чѣмъ „Новые вопросы", на которые намъ то и дѣло даютъ отвѣты поссибилисты всѣхъ странъ. Акаковы были отвѣты Бернштейна? Какъ совершенно справедливо отмѣтилъ тов. Плехановъ „въ теоретическихъ доводахъ Бенрнштейна нѣтъ ничего, кромѣ невѣжества и путаницы понятій".

Но можетъ быть „жгучіе вопросы", „поднятые Бернштейномъ", и вызванный этимъ споръ привели къ „новымъ" отвѣтамъ? Нѣтъ. „Теоретики соціализма" должны были придти къ результату, что весь походъ

*) Плехановъ, Заря № 4 с. 20.

Бернштейна и К° оказался „покушеніемъ съ негодными средствами", что Марксовская догма осталась непоколебленной. Понятно поэтому, какое удивленіе возбудилъ среди „ортодоксовъ" проектъ новой австрійской программы, „изъ страха іудейска" предъ Бернштейномъ желавшій формулировать „яснѣе" нѣкоторые пункты старой Гайнфельдской программы. Оживленные дебаты въ партійной прессѣ и потомъ на партейтагѣ вертѣлись именно вокругъ пункта: должны ли мы при формулировкѣ нашей программы считаться съ Бернштейніадой или нѣтъ. Надо замѣтить, что противниковъ новаго проекта (въ томъ числѣ и Каутскаго) особенно возмущало не то обстоятельство, что проектъ зараженъ бернштейніанствомъ. Ихъ возмущало большето, что, какъ говорилъ и самъ Адлеръ, самый пересмотръ совершался подъ вліяніемъ этихъ споровъ и что нѣкоторыя положенія программы были иначе формулированы, чтобы избѣжать ложныхъ толкованій со стороны Бернштейна и Бернштейніанцевъ. Этотъ недостатокъ былъ исправленъ на съѣздѣ, хотя и въ исправленномъ видѣ программа все еще сохранила нѣкоторые слѣды этихъ формальныхъ уступокъ. Этимъ же обстоятельствомъ объясняется и то, что новая австрійская программа въ „эстетическомъ" отношеніи стоитъ ниже старой: она болѣе многословна, менѣе ясна и не всегда послѣдовательна.

Одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ. Желаніе сдѣлать программу ясной даже для Бернштейніанцевъ привело только къ тому, что проектъ „Искры" и „Зари" отличается излишнимъ многословіемъ и въ погонѣ за „ясностью" утратилъ не только ясность, но и другое достоинство: точность и опредѣленность или иначе выражаясь „догматичность".

„Догма, догма!" Сколько твердили намъ объ этой догмѣ! Сколько „жалкихъ словъ" не говорили намъ о „затвердѣлости" и окаменѣлости положеній Эрфуртской программы! „Догматики" хотятъ уложить живую, текучую дѣйствительность на Прокустово ло-

же неподвижной теоріи. Явленія дѣйствительности, въ разное время принимающія различныя формы, иногда „болѣе“ рѣзкія, иногда „менѣе“ рѣзкія, въ формулировкѣ „догматиковъ“ получаютъ рѣзкую характеристику, несоотвѣтствующую дѣйствительному положенію вещей. Какъ говоритъ Бернштейнъ о Марксѣ: „Факторы, которые вліяютъ на указанныя противорѣчія въ смыслѣ ограниченія ихъ, либо совершенно игнорируются у Маркса, либо если затрогиваются при случаѣ, то упускаются впослѣдствіи при сведеніи и сопоставленіи констатированныхъ фактовъ, такъ что соціальное вліяніе антагонизмовъ кажется сильнѣе и непосредственнѣе, нежели оно на самомъ дѣлѣ есть“. Всѣ критическія потуги Бернштейна и сводились къ тому, чтобы указать факторы, упущенные изъ виду Марксомъ, и конечно ослабить такимъ образомъ „соціальное вліяніе антагонизмовъ“. Въ результатѣ этихъ потугъ получился, конечно, нуль, но поднятый по этому случаю шумъ испугалъ многихъ „догматиковъ“. Они сочли нужнымъ „исправить“ окаменѣлыя положенія „догмы“ и сдѣлать ее неуязвимой. Въ обществѣ этихъ испуганныхъ догматиковъ очутились и наши „ортодоксы“. Мы увидимъ сейчасъ, какую „эластичность“ пріобрѣлъ ихъ „догматизмъ“ подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ „дрянной книжонки“ Эдуарда Бернштейна.

а) *Какъ проектъ „Искры“ исправляетъ „догму“ о неизбѣжной гибели самостоятельныхъ производителей.*

„Догматики“ писали: „Для пролетаріата и падающихъ среднихъ слоевъ — мелкой буржуазіи, крестьянъ — онъ (ростъ производительности человѣческаго труда) — означаетъ увеличивающійся ростъ необезпеченности ихъ существованія, нищеты, гнета, порабощенія, униженія, эксплуатаціи“ („Эрфуртская программа“).

Какія мрачныя, сгущенныя краски! Развѣ мы не видимъ мѣстами болѣе свѣтлыя картины? Развѣ всюду эти слои попадаютъ въ такую полную зависимость отъ капитала? Всюду ли эта зависимость одинаково тяжела?

„По моему мнѣнію сильныя выраженія, которыя употребляетъ иногда Каутскій, влекутъ его къ выводамъ, которые были бы вѣрны, если бы эти слова имѣли всеобщее приложеніе; но они не могутъ претендовать на такое всеобщее значеніе, такъ какъ они относятся только къ части этой дѣйствительности“. Такъ говоритъ Бернштейнъ, мастеръ по части расплывчатости и неопредѣленности. Но врядъ ли онъ скажетъ это по поводу новаго проекта программы. Авторы нашего проекта, никогда не боявшіеся „крѣпкихъ словъ“, вдругъ испугались „сильныхъ выраженій“. Они дали теперь новую формулировку, несравненно болѣе „гибкую“, несравненно лучше охватывающую живую дѣйствительность. Оказывается, что авторы Эрфуртской программы „пересолили“. Съ чисто нѣмецкой обстоятельностью проектъ программы гласитъ: „Область господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній все болѣе и болѣе расширяется по мѣрѣ того, какъ постоянное усовершенствованіе техники, увеличивая хозяйственное значеніе крупныхъ предпріятій, ведетъ къ вытѣсненію мелкихъ самостоятельныхъ производителей, превращая часть ихъ въ пролетаріевъ, *съуживая* роль остальныхъ въ общественно экономической жизни и мѣстами ставя ихъ *въ болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе явную, болѣе или менѣе тяжелую зависимость отъ капитала.*“

Какія возраженія приведетъ противъ этого абзаца нашего проекта Эд. Бернштейнъ — о томъ повѣдаютъ намъ его „Documente des Socialismus“. Но еще интереснѣе, что скажутъ „теоретики соціализма“? Это не трудно угадать.

Почему программа говоритъ о „расширеніи области господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній“, когда можно было просто сказать о *ростѣ* или *развитіи* капитализма? Не потому ли, что ростъ капитализма означаетъ ростъ пролетаріата, т. е. экспропріацію самостоятельныхъ произво-

дителей sans phrases, а слова „расширеніе области господства и т. д.“ отличаются большей „гибкостью“ и даютъ возможность лучше охватить живую дѣйствительность?

Что значитъ увеличивать „хозяйственное значеніе?“ Неужели постоянное усовершенствованіе *техники* ведетъ *къ вытѣсненію мелкихъ самостоятельныхъ производителей* только *потому, что увеличиваетъ хозяйственное значеніе крупныхъ предпріятій*?

Мелкіе самостоятельные производители *вытѣсняются* — кѣмъ? Эрфуртская программа говоритъ о „вытѣсненіи разбросанныхъ мелкихъ предпріятій колоссальными крупными“. За то она ясно и „догматично“ говоритъ о томъ, что капиталъ экспропріируетъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей.

Вмѣсто того, чтобы говорить о *пролетаризаціи* мелкихъ самостоятельныхъ производителей, авторы проекта говорятъ объ ихъ *вытѣсненіи*. Куда? *Часть* вытѣсненныхъ самостоятельныхъ производителей превращается въ пролетаріевъ. Она слѣдовательно *вытѣсняется* въ пролетаріатъ. Какъ велика эта часть? Увеличивается ли она съ ростомъ капитализма? Мы напрасно будемъ ждать отвѣта на этотъ вопросъ. А только опредѣленный отвѣтъ на *этотъ* вопросъ отличаетъ насъ отъ всякихъ „критиковъ“ и „буржуазныхъ ученыхъ“. Кто отрицаетъ, что *часть* мелкихъ самостоятельныхъ производителей превращается въ пролетаріевъ?

„Роль *остальныхъ* въ общественно экономической жизни *съуживается* и *мѣстами* они попадаютъ въ болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе явную, болѣе или менѣе тяжелую зависимость отъ капитала.“

Въ какое умиленіе придетъ авторъ „дрянной книжонки“, когда прочтетъ это „гибкое“ положеніе! Какое ликованіе начнется въ лагерѣ бернштейніанцевъ, когда они узнаютъ, что подъ этимъ положеніемъ подписался одинъ изъ самыхъ видныхъ теоретиковъ научнаго соціализма, одинъ изъ самыхъ „строптивыхъ“ защитниковъ ортодоксіи — Г. В. Плехановъ! Нашего полку прибыло!

Программа имѣетъ дѣло съ капиталистическимъ обществомъ, находящимся въ процессѣ развитія или, говоря на жаргонѣ авторовъ нашего проекта, „болѣе“ или „менѣе“ развитымъ. А это общество развивается только на костяхъ мелкаго производства. Роль послѣдняго не *съуживается*, оно просто *устраняется*, какъ ненужное колесо въ механизмѣ капиталистическаго строя. Съ капиталистическимъ производствомъ оно соприкасается только въ области товарнаго обращенія, на внутреннемъ или всемірномъ рынкѣ. И это „соприкосновеніе“ обходится очень дорого мелкому производству, такъ какъ для него оно означаетъ „болѣе“ или „менѣе“ быстро наступающую *экспропріацію*. Дни мелкаго производства тогда сочтены. При такомъ укладѣ общественно экономической жизни, когда ею овладѣваетъ капитализмъ, самостоятельные производители либо *уже* экспропріированы, либо *еще* экспропріируются. Этотъ процессъ *экспропріаціи* можетъ принимать различныя формы, но послѣднее обстоятельство не мѣшаетъ намъ говорить объ общемъ процессѣ экспропріаціи мелкихъ самостоятельныхъ производителей. Это слово можетъ быть непріятно только защитникамъ существующаго строя; признать, что капиталистическое общество основано на экспропріаціи, *уже совершившейся и все больше и больше совершающейся*, мелкихъ самостоятельныхъ производителей и на возрастающей эксплуатаціи *экспропріированныхъ*, значило бы признать, что капиталистическая частная собственность не можетъ существовать рядомъ съ частной собственностью, основанной на собственномъ трудѣ, иными словами это означало бы отказъ отъ всякой буржуазной апологетики. Вотъ почему всякіе „критики“ и сикофанты существующаго строя изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы затушевать этотъ процессъ.

Что роль „*остальныхъ*“ самостоятельныхъ производителей *съуживается*, признаетъ даже такой ярый

защитникъ мелкой крестьянской собственности, какъ Давидъ. Признаніе этого факта мы найдемъ и въ безчисленныхъ Handbüch-ахъ и монографіяхъ безчисленныхъ катедеръ-экономистовъ и катедеръ-соціалистовъ. *Это* ли должна была указать ортодоксальная программа, не „болѣе“ или „менѣе“ ортодоксальная, а дѣйствительно ортодоксальная программа?

„Догматики“ писали: „Полное исчезновеніе мелкаго производства — не первый, а послѣдній актъ трагедіи, носящей заглавіе: „Гибель мелкаго производства“. Первымъ слѣдствіемъ конкурренціи капиталистическаго производства является то, что ремесленникъ, — а все что относится къ послѣднему, вѣрно также по отношенію къ крестьянину, — мало по малу теряетъ весь достатокъ, нажитый его собственнымъ трудолюбіемъ или трудолюбіемъ его предковъ. Мелкій производитель бѣднѣетъ; надо бороться съ бѣдностью — и онъ начинаетъ работать еще трудолюбивѣе. Онъ работаетъ до поздней ночи, засаживаетъ за работу жену и дѣтей, замѣняетъ дорогихъ взрослыхъ подмастерьевъ дешевыми учениками, чрезмѣрно увеличивая число послѣднихъ. И въ то время, какъ рабочій день удлиняется, а работа идетъ съ лихорадочной быстротой, безъ отдыха, безъ перерывовъ, — питаніе ухудшается, расходы на квартиру и на одежду все болѣе сокращаются. Нѣтъ жизни болѣе горькой, болѣе жалкой, чѣмъ жизнь мелкаго ремесленника или крестьянина, борющагося съ конкурренціей крупнаго производства“.*)

Дальше. „Собственность на средства производства, ограждавшая мелкаго производителя отъ нищеты, сдѣлалась для него цѣпью, приковывающею его къ нищетѣ. Для мелкаго производителя частная собственность получила обратное значеніе. То, что сто лѣтъ тому назадъ было для ремесленника и крестьянина благословеніемъ, стало для нихъ теперь проклятіемъ..... Частная собственность на средства

*) Каутскій, Эрфуртская программа, с. 21 русск. пер.

производства увеличиваетъ, стало быть, не только матеріальную *нищету*, но и *зависимость* мелкаго производителя. Она и въ этомъ отношеніи получила обратное значеніе, — изъ щита свободы она превратилась въ орудіе порабощенія“.

Какія „сильныя выраженія“, какія мрачныя краски! И вотъ гг. Давиды, Герцы, Носсиги, Черновы въ запуски начинаютъ рисовать „болѣе или менѣе“ свѣтлыя картины положенія мелкихъ самостоятельныхъ производителей, и читатель, засыпанный цитатами изъ сочиненій, увѣнчанныхъ или не увѣнчанныхъ преміей Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, долженъ извлечь выводъ, что если съ одной стороны нельзя не сознаться, что роль мелкихъ самостоятельныхъ производителей съуживается, то съ другой стороны должно признаться, что только „мѣстами они попадаютъ въ болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе явную, болѣе или менѣе тяжелую зависимость отъ капитала“.

Но для чего понадобилась эта „болѣе“ или „менѣе“ нелѣпая формулировка нашимъ ортодоксамъ? Не боялись ли они упрека въ „генерализаціи“, который выставили противъ соотвѣтственнаго положенія Эрфуртской программы рыцарь расплывчатаго образа Эдуардъ Бернштейнъ и его вѣрный оруженосецъ Эдуардъ Давидъ, который, подобно Нарциссу Тупорылову всегда „смотритъ на дѣло, мысля конкретно“? Но увы, даже „мысля конкретно“, мы должны придти къ другому выводу. „Самостоятельный, независимый отъ капитала крестьянинъ или ремесленникъ въ культурныхъ странахъ сталъ такимъ же рѣдкимъ явленіемъ, какъ и бѣлый воронъ.... Огромное большинство (weitaus grosse Mehrzahl) мелкой буржуазіи и мелкихъ крестьянъ такимъ образомъ (кустарная промышленность, домашняя форма крупной промышленности, задолженность) уже теперь являются наемными рабочими капитала. Еще маленькій шагъ и падаетъ послѣдняя оболочка, которая придавала имъ еще видъ самостоятельныхъ и имѣющихъ собственность производителей, и они

переходятъ въ ряды пролетаріата, въ великую армію обездоленныхъ". (Каутскій).

И если авторы новаго проекта хотѣли „смотрѣть на дѣло, мысля конкретно", то они должны были подчеркнуть, что нѣтъ двухъ отвѣтовъ на ясный и опредѣленный вопросъ: экспропріируются ли мелкіе самостоятельные производители или нѣтъ? Процессъ экспропріаціи не нужно представлять себѣ слишкомъ грубо: пришли, молъ, грабители и отняли у самостоятельнаго производителя его орудія производства. Кромѣ насильственной экспропріаціи имѣется вѣдь и *мирная*. А она совершается не „съ бацу" и принимаетъ самыя разнообразныя формы, сводясь къ обнищанію, раззоренію, увеличенію зависимости отъ капитала. И если мы хотимъ изъ того процесса эскспропріаціи, въ которомъ *уже находятся* всѣ мелкіе самостоятельные производители, выхватить одинъ моментъ, то „мысля конкретно" мы должны будемъ сказать: если *мѣстами* имѣются еще дѣйствительно самостоятельные производители, то огромное ихъ большинство въ данный моментъ проходитъ различныя степени экспропріаціи; одни уже переходятъ въ ряды пролетаріата, другіе находятся наканунѣ этого перехода, третьи находятся въ тяжелой зависимости отъ капитала, будетъ ли эта зависимость явная, какъ у крестьянъ-кустарей и ремесленниковъ, работающихъ на капиталъ, или зависимость скрытая, какъ у крестьянъ, ремесленниковъ, лавочниковъ, „задолжавшихся" капиталу. Если для *уже экспропріированныхъ* развитіе капитализма означаетъ ростъ степени ихъ эксплуатаціи, то для массы самостоятельныхъ производителей оно означаетъ: увеличеніе зависимости отъ капитала, обнищаніе, переходъ въ ряды пролетаріата. При такой формулировкѣ программа „догматично" указываетъ на очень конкретный фактъ: *непрерывно совершающуюся экспропріацію самостоятельныхъ производителей съ ея заключительной фазой—переходомъ въ ряды пролетаріата.*

И если намъ скажутъ, что мы забѣгаемъ впередъ, выставляя такое утвержденіе, то мы отвѣтимъ слѣдующими прекрасными словами. „Передъ тѣмъ, кто хочетъ изобразить какое либо живое явленіе въ его развитіи, неизбѣжно и необходимо становится дилемма: либо забѣжать впередъ, либо отстать. Середины тутъ нѣтъ". *) Наши авторы, которыхъ, кажется, трудно было заподозрить въ отсутствіи „прыткости", предпочитаютъ, какъ видно, отстать.

в). *О томъ какъ „Искра" исправляетъ „догму" о кризисахъ.*

„Догматики" писали: „Пропасть между имущими и неимущими увеличивается еще больше вслѣдствіе неразрывно связанныхъ съ сущностью капиталистическаго производства кризисовъ, которые становятся все обширнѣе и опустошительнѣе, всеобщую необезпеченность превращаютъ въ нормальное состояніе общества и доставляютъ доказательство, что производительныя силы существующаго общества переросли его, что частная собственность на орудія производства уже несовмѣстима больше съ ихъ цѣлесообразнымъ приложеніемъ и полнымъ развитіемъ".

Опять „сильныя выраженія"! Опять мрачныя краски! Опять упущенъ изъ виду цѣлый рядъ факторовъ, вліяющихъ на указанныя противорѣчія въ смыслѣ ограниченія ихъ и опять таки, понятно, соціальное вліяніе антагонизмовъ кажется сильнѣе и непосредственнѣе, нежели оно на самомъ дѣлѣ есть!

И Нарциссы Тупорыловы, которые любятъ „смотрѣть на дѣло, мысля конкретно" опять апеллируютъ къ дѣйствительности. Мы вѣдь „видимъ", что кризисы уже измѣнили свою форму. Мы не можемъ сказать, что они становятся все болѣе острыми. Вѣдь кризисы замѣняются промышленнымъ застоемъ. Мы не можемъ сказать опредѣленно, увеличиваются ли эти промышленные застои. Мы, привыкшіе мыслить конкретно и охватывать всю дѣйствительность, можемъ только сказать: мы наблюдаемъ болѣе или

*) В. Ильинъ. Развитіе капитализма въ Россіи, с. 243.

менѣе острые кризисы, болѣе или менѣе продолжительные застои. А если это такъ, если кризисы не становятся все болѣе острыми, промышленные застои все болѣе продолжительными, если мы видимъ только „болѣе" или „менѣе" острые кризисы, болѣе или менѣе продолжительные застои, то не можемъ ли мы сдѣлать выводъ, что эти „болѣе" или „менѣе" острые кризисы, „болѣе" или „менѣе" продолжительные промышленные застои смѣнятся уже не острыми кризисами, не продолжительными застоями? А затѣмъ, въ упоенiи своей „конкретностью", мы зададимъ себѣ робкiй вопросъ: „Нельзя ли намъ по крайней мѣрѣ на долгое время считать уже невозможными всеобщiе промышленные кризисы на старый ладъ"? Этотъ вопросъ былъ поставленъ въ „дрянной книжонкѣ" Бернштейна и жизнь, которую въ отсутствiи „конкретности" не заподозрилъ бы даже Нарциссъ Тупорыловъ, дала уже свой ясный отвѣтъ. И кризисъ этотъ оказался еще болѣе обширнымъ и опустошительнымъ, чѣмъ прежнiе.

Наши „критики" по своему обыкновенiю ухватились за формальныя измѣненiя и изъ этихъ измѣненiй поспѣшили сдѣлать выводъ объ измѣненiи самого явленiя.

Перiодическiе кризисы при капиталистическомъ производствѣ такъ же неизбѣжны, какъ приливы и отливы въ океанѣ. Но эта перiодичность пока не поддается точному учету и объясненiю. Капитализмъ растетъ съ необычайной быстротой и втягиваетъ въ свой круговоротъ одну страну за другой. Установившаяся для извѣстной стадiи развитiя всемiрнаго рынка перiодичность смѣняется другой, какъ только въ бассейнъ всемiрнаго рынка начинаютъ катиться волны новыхъ потоковъ капитализма. Изолированный капитализмъ отдѣльной страны уступаетъ мѣсто всемiрному капитализму, выраженiемъ котораго служитъ всемiрный рынокъ, отличающiйся отъ стараго не только количественно, но и качественно. Противорѣчiе между производительными силами, развивающимися при капиталистическихъ отношенiяхъ производства, и способомъ присвоенiя, прежде проявлявшееся только въ нацiональномъ масштабѣ, теперь охватываетъ цѣлый рядъ нацiй и становится интернацiональнымъ. Удивительно ли, что перiодичность, въ которой проявлялось это противорѣчiе, мѣнялась въ XIX столѣтiи и еще вѣроятно измѣнится въ XX столѣтiи, чтобы наконецъ „окончательно" установиться, когда закончится экстенсивный процессъ развитiя капитализма?

Основываясь на фактахъ англiйской промышленной жизни, Энгельсъ установилъ въ 40-хъ годахъ пятилѣтнюю перiодичность. Различныя фазы промышленнаго цикла должны были при этомъ быстро смѣнять одна другую. Это наблюденiе оказалось невѣрнымъ. Марксъ пришелъ къ выводу, что циклъ промышленной жизни равняется 10—11 годамъ. Весьма вѣроятно, что циклъ этотъ, къ великому огорченiю послѣдователей теорiи Джевонса, придется опредѣлить иначе.*)

Но мѣняетъ ли это „сущность" дѣла? Стали ли кризисы менѣе острыми? Объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ ростъ банкротства среди капиталистовъ и ростъ резервной армiи. Кризисъ 70-хъ годовъ значительно уступаетъ кризису 80-хъ годовъ, а этотъ въ свою очередь значительно уступаетъ кризису 90-хъ г. г. Можно сказать съ увѣренностью, что переживаемый нами кризисъ далеко оставитъ за собой своихъ предшественниковъ. Но удлиняется ли циклъ или нѣтъ, не подлежитъ сомнѣнiю, что кризисы становятся болѣе всеобщими и болѣе опустошительными, слѣдовательно болѣе острыми, что фаза расцвѣта значительно сокращается, что и эта сокращенная фаза сопровождается частичными кризисами въ различныхъ отрасляхъ промышленности, что „ме-

*) Въ послѣднее время Парвусъ выставилъ новую „теорiю" перiодичности промышленнаго развитiя. Онъ отличаетъ смѣну промышленныхъ циклов ъ съ ускореннымъ и замедленнымъ темпомъ. Но указавъ новую форму перiодичности, онъ ограничивается только этимъ эмпирическимъ указанiемъ. Въ теорiи же кризиса онъ остается такимъ же „догматикомъ" какъ и прежде.

ланхолическая“ фаза промышленнаго цикла становится все больше. Нужно ли прибавлять, что и слѣдствія кризисовъ не смягчаются? Какъ и прежде, кризисы ускоряютъ процессъ экспропріаціи мелкихъ производителей и ухудшаютъ положеніе уже экспропріированныхъ.

Нашло ли себѣ выраженіе въ предлагаемомъ намъ проектѣ это положеніе вещей? Нашло, но въ очень ослабленной формѣ. Почему? Да просто потому, что авторы увлеклись желаніемъ „смотрѣть на дѣло, мысля конкретно“. Чтобы обезопасить себя отъ упрековъ въ „генерализаціи“, они поставили себѣ цѣлью дать „*фотографически точное* изображеніе того, что происходитъ въ дѣйствительности“. Авторы проекта забыли, что программа не должна давать *описанія*, которыя, какъ намъ извѣстно еще изъ учебниковъ словесности, тоже не всегда должны отличаться *фотографической точностью*.

Программа указываетъ только главныя тенденціи капиталистическаго строя. Кризисы упоминаются въ программахъ, потому что они представляютъ явленіе, неразрывно связанное съ капитализмомъ, и потому что они ускоряютъ и обостряютъ свойственный этому строю ходъ развитія. Мы уже видѣли, что программа можетъ быть ортодоксальной, даже не упоминая о кризисахъ. Но разъ уже это дѣлается, то соціалъ-демократическая программа должна указать на то, что кризисы (а это явленіе предполагается извѣстнымъ) только усиливаютъ тенденціи, свойственныя капитализму. Кромѣ того, она должна подчеркнуть, что для соціалъ-демократовъ кризисы представляютъ явленіе, неразрывно связанное съ сущностью капитализма и что слѣдовательно его не устранишь никакими палліативами, какъ это думаютъ буржуазные апологеты. Мы уже видѣли, какъ это сдѣлано въ Эрфуртской программѣ. Программа австрійской соціалдемократіи выражается короче. „Порождаемые отсутствіемъ плана въ капиталистическомъ способѣ производства, кризисы со своими спутниками — безработицей и нищетой, ускоряютъ и обостряютъ этотъ ходъ развитія“.*)

Это конечно не „фотографически точное изображеніе того, что происходитъ въ дѣйствительности“. Но недостатокъ ли это? Только въ глазахъ бернштейніанцевъ, съ особенной страстью воюющихъ противъ всякой „догмы“, не считающейся со всѣми „болѣе или менѣе“, которые намъ въ такомъ изобиліи преподноситъ вѣчно живая текучая дѣйствительность. За то они могутъ быть довольны тѣмъ „фотографически точнымъ изображеніемъ“ кризисовъ, которое даетъ намъ предлагаемый проектъ. Оно отличается обстоятельностью, которой могъ бы позавидовать авторъ не одной изъ монографій, вышедшихъ изъ многочисленныхъ семинаріевъ Брентано, Конрада и tutti quanti Присмотримся же къ „фотографически точному изображенію“ кризисовъ.

„*Такое положеніе дѣлъ* внутри буржуазныхъ странъ и постоянно обостряющееся соперничество этихъ странъ на всемірномъ рынкѣ дѣлаютъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ сбытъ товаровъ, производимыхъ въ постоянно возрастающихъ количествахъ. Перепроизводство, проявляющееся *въ болѣе или менѣе острыхъ кризисахъ*, за которыми слѣдуютъ *болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя*, представляетъ собою неизбѣжное слѣдствіе развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ. Кризисы *и періоды промышленнаго застоя*, въ свою очередь, еще болѣе раззоряютъ мелкихъ производителей, еще болѣе увеличиваютъ зависимость наемнаго труда отъ капитала, еще быстрѣе ведутъ къ относительному или даже абсолютному ухудшенію положенія рабочаго класса“.

Въ этомъ „фотографически точномъ изображеніи“ такъ много неяснаго съ научной точки зрѣнія, что я затрудняюсь, „съ чего начать“. Начну съ частности. Отъ одного остроумнаго человѣка я слышалъ, что уже одно заглавіе статьи Мартынова „Обличи-

*) Цитирую по переводу тов. Кричевскаго въ Рабочемъ Дѣлѣ № 11—12.

тельная литература и пролетарская борьба" достаточно доказываетъ, что онъ противоставляетъ одну другой. Другой несравненно болѣе остроумный человѣкъ напомнилъ при этомъ для вящшей убѣдительности одну изъ главъ „Манифеста Коммунистической партіи": „Буржуа и пролетаріи". Я уже готовъ былъ повѣрить, что „*и*" противопоставляетъ, но третій, тоже остроумный человѣкъ напомнилъ мнѣ о томъ, что прекрасная брошюра Плеханова „Соціализмъ *и* политическая борьба" посвящена какъ разъ доказательству того, что эти два понятія нельзя противологать одно другому. Слѣдовательно, маленькое *и* можетъ противопоставлять, можетъ и соединять.

„Кризисы *и* періоды промышленнаго застоя". Какое значеніе имѣетъ тутъ союзъ „и"? Противопоставляетъ онъ или соединяетъ? Трудно сказать опредѣленно. Мы можемъ только сказать, что „*и*", поставленное между этими двумя понятіями, должно показывать, что авторы отличаютъ кризисы отъ періодовъ промышленнаго застоя. Иначе они не сочли бы нужнымъ выдѣлить второе явленіе. Для чего они это сдѣлали? Для обстоятельности. И дѣйствительно, если явится какой нибудь новый Бернштейнъ и докажетъ намъ, что „болѣе или менѣе острые кризисы" уже исчезаютъ, то у насъ про запасъ останутся еще „болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя". Мы такимъ образомъ побѣдоносно парируемъ возможное возраженіе возможнаго Бернштейна. Но къ, сожалѣнію, мы при этомъ „фотографичность", конкретность тожъ покупаемъ на счетъ логики и научности.

Кризисъ — не крахъ и крахъ — еще не кризисъ. Бываютъ денежные кризисы, которые возникаютъ совершенно самостоятельно. Они имѣютъ центромъ движенія денежный капиталъ и потому ихъ непосредственной сферой являются банки, биржа и ея сферы. Бываютъ денежные кризисы, какъ *особая фаза* всякаго промышленнаго кризиса. Профаны привыкли этотъ *крахъ, это* внезапное паденіе курса всѣхъ

цѣнностей отождествлять съ промышленнымъ кризисомъ вообще. Эти крахи могутъ быть „болѣе или менѣе остры", но они не мѣшаютъ *кризисамъ* становиться все болѣе острыми и все болѣе опустошительными. Энгельсъ, отмѣтившій уже ослабленіе степени „вспышки", все-таки говоритъ о подготовленіи „einer weit gewaltigeren Künftigen Krise" (гораздо болѣе могучаго кризиса). Періодъ промышленнаго застоя не противополагается кризису, а является его необходимой составной частью. За кризисомъ или, если хотите, періодомъ промышленнаго застоя въ циклѣ промышленной жизни слѣдуетъ то, что Марксъ назвалъ его „меланхолической фазой", т. е. переходная фаза между кризисомъ и расцвѣтомъ промышленности. Вотъ почему въ программѣ „ортодоксовъ" совершенно не должно быть мѣста кризисамъ *и* слѣдующимъ за нимъ періодамъ промышленнаго застоя, кризисамъ *и* періодамъ промышленнаго застоя. Въ ней отмѣчаются конфликты между производительными силами, развиваемыми капитализмомъ, и способомъ присвоенія, свойственнымъ капитализму. А эти конфликты на языкѣ науки называются *кризисами.*

Логика страдаетъ и въ другомъ случаѣ. Проектъ говоритъ, что „кризисы и періоды промышленнаго застоя, въ свою очередь, еще болѣе разоряютъ мелкихъ производителей и т. д." А между тѣмъ онъ говоритъ о „болѣе или менѣе острыхъ кризисахъ", о „болѣе или менѣе продолжительныхъ періодахъ промышленнаго застоя". Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. „Болѣе или менѣе острые кризисы" и „болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя" могутъ только еще „болѣе или менѣе" раззорять мелкихъ производителей, еще „болѣе или менѣе" увеличивать зависимость наемнаго труда отъ капитала и т. д. Этотъ выводъ, конечно, „болѣе или менѣе" нелѣпъ, но виноваты тутъ „болѣе или менѣе" нелѣпыя посылки.

Но и кромѣ этихъ „болѣе или менѣе" сомнительныхъ мѣстъ, которыя могутъ быть объяснены „болѣе или менѣе" невнимательной редакціей, абзацъ о

кризисахъ заключаетъ и другія неясности, „болѣе или менѣе“ противорѣчащія „догмѣ“. Авторы проекта хотѣли еще дать объясненіе „болѣе или менѣе острыхъ кризисовъ, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя“.

Чтобы понять это объясненіе, намъ приходится обратиться къ тому абзацу въ программѣ, который предшествуетъ абзацу о кризисахъ. А онъ вотъ что гласитъ: „Тотъ же техническій прогрессъ даетъ кромѣ того предпринимателямъ возможность все въ большихъ размѣрахъ примѣнять женскій и дѣтскій трудъ въ процессѣ производства и обращенія товаровъ. А такъ какъ, съ другой стороны, онъ приводитъ къ относительному уменьшенію потребности предпринимателей въ живомъ трудѣ рабочихъ, то спросъ на рабочую силу необходимо отстаетъ отъ ея предложенія, вслѣдствіе чего увеличивается зависимость наемнаго труда отъ капитала и повышается уровень его эксплуатаціи“.

Мы еще будемъ имѣть случай вернуться и къ этому „фотографически точному изображенію“ и потому, оставляя его пока въ покоѣ, извлечемъ изъ него то, что относится къ разбираемому нами абзацу. Мы видимъ, что то „положеніе дѣлъ“, о которомъ упоминается въ началѣ абзаца о кризисахъ, равняется увеличенію зависимости отъ капитала и повышенію уровня его эксплуатаціи. Подставляемъ одну величину вмѣсто другой и получаемъ: „Увеличеніе зависимости наемнаго труда отъ капитала и повышеніе уровня его эксплуатаціи (вслѣдствіе того, что спросъ на рабочую силу необходимо отстаетъ отъ ея предложенія) внутри буржуазныхъ странъ и постоянно обостряющееся взаимное ихъ соперничество на всемірномъ рынкѣ дѣлаютъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ сбытъ товаровъ, производимыхъ въ постоянно возрастающемъ количествѣ“.

Сбытъ товаровъ, производимыхъ въ постоянно возрастающемъ количествѣ, все болѣе и болѣе затрудняется. Пусть такъ. Но что это означаетъ, какъ не постоянное перепроизводство?

Чѣмъ же вызывается это перепроизводство, „проявляющееся въ болѣе или менѣе острыхъ промышленныхъ кризисахъ, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя“? Уменьшеніемъ спроса на рабочую силу („неизбѣжное слѣдствіе развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ“) и, вслѣдствіе этого, увеличеніемъ зависимости наемнаго труда отъ капитала и повышеніемъ уровня его эксплуатаціи или „относительнымъ или даже абсолютнымъ ухудшеніемъ положенія рабочаго класса“.

„Сказать, что кризисы происходятъ отъ недостатка способныхъ платить потребителей, будетъ простымъ тождесловіемъ. Капиталистическій строй не знаетъ иного рода потребленія, кромѣ платящаго, исключая лицъ, пользующихся общественнымъ призрѣніемъ, и мошенниковъ. То, что товары не находятъ сбыта, означаетъ только, что они не находятъ покупателей, способныхъ заплатить за нихъ, т. е. не находятъ потребителей (предполагая, что товары покупаются, въ концѣ концовъ, для производительнаго или личнаго потребленія). Если же этому тождесловію придать видъ болѣе глубокой основательности, сказавъ, что рабочій классъ получаетъ слишкомъ незначительную долю своего собственаго продукта и что бѣдѣ можно помочь, увеличивъ долю его участія, вслѣдствіе чего повысится его заработная плата, то на это придется только замѣтить, что кризисъ каждый разъ подготовляется какъ разъ такимъ періодомъ, въ продолженіе котораго заработная плата вообще повышается, и когда, въ дѣйствительности, рабочій классъ получаетъ большую долю въ той части годичнаго продукта, которая предназначена для потребленія. Такіе періоды должны бы, наоборотъ, предотвратить кризисы, съ точки зрѣнія этихъ рыцарей „простого“ здраваго смысла. Слѣдовательно, оказывается, что капиталистическое производство заключаетъ въ себѣ условія, независимыя ни отъ доброй воли, ни отъ

злаго умысла, допускающія сравнительное благосостояніе рабочаго класса только на короткое время и которыя бываютъ всегда только буревѣстниками кризиса". („Капиталъ", томъ второй, с. 310 русскаго перевода).

Энгельсъ къ этому мѣсту дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „Къ свѣдѣнію могущихъ быть приверженцевъ теоріи кризисовъ Родбертуса". И дѣйствительно, всякія попытки объяснить перепроизводство „относительнымъ или даже обсолютнымъ ухудшеніемъ положенія рабочаго класса" сводятся къ указанному Марксомъ тождесловію. Товары не находятъ сбытъ, потому что рабочій классъ, получая недостаточную заработную плату, не въ состояніи купить всей массы произведенныхъ товаровъ. Въ измѣненной формѣ это положеніе гласитъ, что *покупательная способность населенія данной страны отстаетъ отъ ея производительныхъ силъ*". И это тождесловіе такъ же мало объясняетъ „перепроизводство, проявляющееся въ болѣе или менѣе острыхъ кризисахъ, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя", какъ и предыдущее.

„Постоянно обостряющееся взаимное соперничество буржуазныхъ странъ на всемірномъ рынкѣ", представляющее большой интересъ съ точки зрѣнія его соціально политическихъ слѣдствій, ничуть не помогаетъ намъ при объясненіи перепроизводства. Оно само является результатомъ „все болѣе и болѣе затруднительнаго сбыта товаровъ" внутри этихъ буржуазныхъ странъ и, слѣдовательно, представляетъ производное явленіе. При объясненіи *даннаго* кризиса, происшедшаго тогда то и тогда то, анализъ внѣшней торговли, иными словами отношеній всемірнаго рынка, является необходимымъ, такъ какъ онъ даетъ матеріалы для опредѣленія условій „вспышки" и распространенія кризиса. Но при научномъ объясненіи кризисовъ, какъ явленій, тѣсно связанныхъ съ самой сущностью капиталистическаго производства, предполагающихъ специфическій характеръ воспро-

изводства всего общественнаго продукта, *внѣшняя торговля* не даетъ ни одного новаго элемента.

Но намъ скажутъ, что мы напрасно „придираемся". можетъ быть, это только редакціонная оплошность? Заглянемъ, поэтому, въ комментарій.

„Марксъ и Энгельсъ видѣли въ промышленныхъ кризисахъ выраженіе того обстоятельства, что *производительныя силы* буржуазнаго общества переросли его *имущественныя отношенія....* Въ брошюрѣ „Развитіе научнаго соціализма" Энгельсъ, вслѣдъ за Фурье, называетъ промышленные кризисы кризисами отъ полнокровія, т. е. *перепроизводства.* Но объяснять кризисы противорѣчіемъ между средствами производства и имущественными отношеніями значитъ видѣть въ нихъ періодически повторяемый самой общественно-экономической жизнью доводъ въ пользу соціалистической революціи.... Это несоотвѣтствіе между производительными силами и имущественными отношеніями почти уже поддается теперь *количественному измѣренію* (разумѣется, далеко *не точному).* Опираясь на данныя нѣмецкой имперской статистики, Рихардъ Калаверъ, путемъ очень простого разсчета, пришелъ къ тому выводу, что за четыре года (1895 — 1899), ознаменовавшіеся чрезвычайно высокимъ *подъемомъ,* производительныя силы нѣмецкой промышленности возрасли по крайней мѣрѣ на 38.50 проц., а покупательная способность внутренняго рынка Германіи увеличилась ни въ какомъ случаѣ не болѣе какъ на 20%. Такъ какъ въ 1899 году нѣмецкая промышленность работала „во всю", то выходитъ, что въ этомъ году *по меньшей мѣрѣ* 2/5 общей суммы произведенныхъ ею товаровъ не могли найти сбыта на внутреннихъ рынкахъ. Это значитъ, что въ 1899 году населенію Германіи не хватило по меньшей мѣрѣ полутора милліарда марокъ для того, чтобы безъ остатка купить всю массу имъ же самимъ произведенныхъ товаровъ. Почему не хватило? Это можетъ быть объяснено *только распредѣленіемъ національнаго дохода Германіи,* которое въ свою очередь *опредѣляется ея имущественными отношеніями.* Ясно стало быть, что если производительныя силы германской промышленности далеко опередили покупательную способность населенія этой страны, то это показываетъ, что ея имущественныя отношенія уже не соотвѣтствуютъ ея производительнымъ силамъ, т. е. что совершенно правы были основатели научнаго соціализма со своимъ „тенденціознымъ" объясненіемъ „эпидеміи излишняго производства". Когда покупательная способность населенія данной страны отстаетъ отъ ея производительныхъ силъ, то ей остается апелировать только къ вывозу. Германія, разумѣется, не позабыла объ этомъ. Но, къ несчастью, промышленный подъемъ распространился на весь цивилизованный міръ и привелъ всѣ его страны приблизительно *къ такому же несоотвѣтствію между ростомъ производства и покупательною способностью населенія.* Поэтому всѣмъ имъ пришлось въ усиленной степени аппелировать именно къ *вывозу.* Неудивительно, что международный рынокъ

оказался переполненнымъ и что почти всемірный промышленный кризисъ положилъ конецъ пышному расцвѣту промышленности....*)

Если даже взять теорію кризисовъ Маркса, поскольку она выразилась въ Манифестѣ, то и въ такомъ случаѣ ее придется нѣсколько иначе формулировать. Но сначала посмотримъ, въ какой связи упоминаются кризисы въ Манифестѣ. Указавъ ходъ развитія буржуазнаго общества, Марксъ и Энгельсъ показываютъ дальше, что ему грозитъ та же судьба, которая постигла феодальное общество. „На извѣстной ступени развитія этихъ средствъ производства и сообщенія *условія, среди которыхъ совершались производство и обмѣнъ въ феодальныя организаціи земледѣлія и промышленности*, словомъ феодальныя имущественныя*) отношенія оказались несоотвѣтствующими вызваннымъ къ жизни производительнымъ силамъ. Эти отношенія стѣсняли производство, а не облегчали его. Они сдѣлались его цѣпями. Ихъ нужно было ниспровергнуть, и они были ниспровергнуты.... На нашихъ глазахъ совершается подобное этому историческое движеніе... Въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій исторія промышленности и торговли представляетъ собой *исторію возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современной организаціи производства*, противъ имущественныхъ отношеній, которыя являются условіями жизни для буржуазіи и для ея господства. Чтобы пояснить это, достаточно назвать *торговые кризисы*, которые, возвращаясь періодически, *все болѣе и болѣе* угрожаютъ существованію всего буржуазнаго общества.... Какимъ образомъ устраняетъ буржуазія кризисы? Съ одной стороны, путемъ уничтоженія цѣлой массы производительныхъ силъ, съ другой стороны, посредствомъ завоеванія новыхъ рынковъ, и болѣе широкой эксплуатаціи старыхъ. Слѣдовательно, не чѣмъ другимъ, какъ подготовленіемъ *болѣе широкихъ и сильныхъ* кризисовъ и уменьшеніемъ средствъ противодѣйствія имъ“.

Мы видимъ, что для Маркса и Энгельса кризисы являются симптомомъ того, что буржуазное общество рушится подъ тяжестью противорѣчія между производительными силами, порождаемыми имъ, и свойственной ему *организаціей производства*. Конечно, каждой организаціи производства соотвѣтствуютъ опре-

---

*) *Заря* № 4, ст. Плеханова, с. 21 — 24.

*) Ясно, что Марксъ говоритъ тутъ объ имущественныхъ отношеніяхъ не въ юридическомъ ихъ выраженіи, не въ качествѣ соотношеній воли личностей, а въ ихъ реальной сущности, т. е. въ качествѣ отношеній производства.

дѣленныя отношенія распредѣленія, но эти отношенія уже даны въ *томъ распредѣленіи элементовъ производства*, которое лежитъ въ основѣ капитализма. Основное противорѣчіе буржуазнаго общества — это противорѣчіе между общественнымъ характеромъ производства и капиталистическимъ присвоеніемъ. Но кризисы сами возникаютъ только на извѣстной ступени развитія буржуазнаго общества. Необходимымъ предварительнымъ условіемъ ихъ является развитіе крупной промышленности. Только она дѣлаетъ возможнымъ и обязательнымъ неудержимое развитіе производительныхъ силъ. „Громадная способность крупной промышленности къ расширенію, предъ которой расширяемость газовъ оказывается дѣтской игрушкой, проявляется теперь въ видѣ *потребности* расширять ее и качественно и количественно, несмотря на всѣ препятствія. Эти препятствія создаются условіями потребленія, сбыта, рынковъ для продуктовъ крупной промышленности“. Правда, что та же самая „крупная промышленность, по всему свѣту гоняющаяся за потребителями, доводитъ у себя дома потребленіе рабочихъ массъ до ничтожнаго минимума и такимъ образомъ подрываетъ свой собственный рынокъ“. (Энгельсъ). Правда также, что, какъ говоритъ Марксъ, „послѣдней причиной всѣхъ дѣйствительныхъ кризисовъ остается всегда бѣдность и ограниченность потребленія массъ, противодѣйствующая стремленію капиталистическаго производства развивать производительныя силы такимъ образомъ, какъ еслибы границей ихъ развитія была лишь абсолютная потребительная способность общества“. Но изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, что „основатели научнаго соціализма“ могли бы удовлетвориться при объясненіи кризисовъ ссылкой на „распредѣленіе національнаго дохода“, на „несоотвѣтствіе покупательной способности населенія данной страны ея производительнымъ силамъ“, на „относительное и даже абсолютное ухудшеніе положенія рабочаго класса“ и т. д. „Распредѣленіе національнаго дохода“, о которомъ такъ много говорилъ Род-

бертусъ, является только способомъ прикрыть специфическія черты капиталистическаго способа производства. Онъ превращается такимъ образомъ въ ассоціацію капиталистовъ (фабрикантовъ и землевладѣльцевъ) и наемныхъ рабочихъ, между которыми и распредѣляется „національный доходъ". Въ дѣйствительности же „національный" доходъ при капиталистическомъ способѣ производства составляется изъ прибавочной стоимости, выкачиваемой изъ рабочаго класса и распредѣляемой между различными категоріями капиталистовъ; доходъ же рабочаго класса въ такомъ случаѣ является только частью „издержекъ производства", затрачиваемыхъ капиталистической націей на производство „дохода". И если принять во вниманіе, что „капиталистическое общество употребляетъ, сравнительно, больше годичнаго труда, которымъ оно располагаетъ, на изготовленіе средствъ производства (т. е. постояннаго капитала), которыя не могутъ быть разложены на доходъ ни въ видѣ заработной платы, ни въ видѣ сверхстоимости, но могутъ только играть роль капитала*)", то понятно становится, какой безсмысленной фразой является „распредѣленіе національнаго дохода", какъ мало оно можетъ дать при объясненіи кризисовъ.

Не больше поможетъ намъ и „несоотвѣтствіе" покупательной способности населенія данной страны ея производительнымъ силамъ. Во первыхъ можно говорить только о соотвѣтствіи покупательной способности населенія стоимости всей массы товаровъ, произведенныхъ въ теченіе даннаго года, т. е. тому, что Марксъ называетъ Productenwerth. Во вторыхъ даже въ болѣе правильной формѣ, оно является только парафразомъ того факта, который именно нужно объяснить.

„Во время кризисовъ, говоритъ Энгельсъ, противорѣчіе между общественнымъ производствомъ и капиталистическимъ присвоеніемъ переходитъ въ жесточайшее столкновеніе двухъ враждебныхъ силъ. Обращеніе товаровъ на время прекращается; деньги изъ орудія обращенія становятся его препятствіемъ; всѣ законы производства и обращенія товаровъ дѣйствуютъ навыворотъ. Экономическія противорѣчія доходятъ до своего апогея: *способъ производства возстаетъ противъ способа обмѣна, производительныя силы возстаютъ противъ способа производства, который онъ переросли*)*".

*) См. *Капиталъ*, т. II, с. 333.

Вполнѣ понятно, что „возстаніе производительныхъ силъ" противъ способа производства принимаетъ форму возстанія противъ способа обмѣна: послѣдній для капиталистическаго способа производства является „единственно сохранившейся формой общественной связи".

Производительныя силы общества развиваются въ колоссальныхъ размѣрахъ именно потому, что въ такихъ же размѣрахъ развивается общественная организація производства внутри фабрикъ. Но анархія производства въ обществѣ, отсутствіе всякаго плана въ общественномъ производствѣ, то обстоятельство, что въ капиталистическомъ обществѣ средства производства не могутъ функціонировать иначе, какъ превратившись въ капиталъ, т. е. въ орудіе эксплуатаціи человѣческой рабочей силы, тотъ фактъ, что товарное производство есть общая форма капиталистическаго производства.... и порождаетъ опредѣленныя условія обмѣна, присущія этому способу производства, т. е. порождаетъ такія условія нормальнаго хода производства, которыя превращаются во столько же возможностей кризиса, — однимъ словомъ, всѣ специфическія условія производства, въ которыхъ движется капиталъ, не могутъ не приводить къ перепроизводству, особенно рѣзко проявляющемуся въ кризисахъ.

Блестящій анализъ воспроизводства общественнаго капитала, данный Марксомъ во второмъ томѣ „Капитала", показалъ, что кризисы при капиталистическомъ способѣ производства неизбѣжны даже при предположеніи „идеальнаго нормальнаго воспроиз-

*) Въ русскомъ переводѣ „Развитія Научнаго Соціализма" эти слова выпущены.

водства, простого воспроизводства уже дѣйствующаго общественнаго капитала". Частичное перепроизводство, составляющее нормальное явленіе капиталистическаго способа производства, періодически превращается въ общее перепроизводство. Присущая капиталистическому способу производства тенденція абсолютнаго развитія производительныхъ силъ и находитъ себѣ выраженіе не въ перепроизводствѣ средствъ потребленія, а въ перепроизводствѣ средствъ производства. Въ *этомъ* перепроизводствѣ и нужно искать главную причину кризисовъ. Оно вызываетъ ту „несоразмѣрность въ производствѣ основнаго и оборотнаго капитала", которой экономисты такъ охотно объясняютъ кризисы*).

Но, скажутъ намъ, развѣ проектъ не говоритъ о томъ, что „въ болѣе или менѣе острыхъ кризисахъ, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя" проявляется „перепроизводство", развѣ проектъ не говоритъ о томъ, что это перепроизводство представляетъ собою неизбѣжное слѣдствіе развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ?

Обратимся, поэтому, къ „теоріямъ преобладанія фактора распредѣленія", какъ выражается г. Туганъ-Барановскій, нѣкогда одинъ изъ столповъ „легальнаго марксизма", а теперь писатель, „обладающій большимъ прилежаніемъ и нѣкоторой способностью къ описательнымъ трудамъ, для экономической теоріи мертвый или еще не родившійся"[1]). Не имѣя теперь подъ руками ни Сисмонди, ни Родбертуса, мы заимствуемъ изложеніе ихъ теорій у г. Тугана, сдѣланное имъ тогда, когда его „марксизмъ" не подлежалъ еще сомнѣнію.

„Исходнымъ пунктомъ теоріи Сисмонди является положеніе, что какъ спросъ на товары для каждаго отдѣльнаго лица опредѣляется его доходомъ, *такъ и весь національный спросъ ограничивается размѣрами національнаго дохода*. Между тѣмъ, *вся современная*

[1]) *Заря* № 4, с. 233.

организація народнаго хозяйства направлена къ уменьшенію національнаго дохода и расширенію производства. Подъ давленіемъ конкуренціи, каждый предприниматель долженъ понижать цѣну своихъ товаровъ, для этого онъ уменьшаетъ плату рабочимъ и замѣняетъ ихъ машиной, и въ то же время расширяетъ производство. Но вѣдь рабочій — главнѣйшій потребитель товаровъ; слѣдовательно, ухудшая его положеніе, предприниматели сами *лишаютъ себя покупателей. Не имѣя сбыта на внутреннемъ рынкѣ, предприниматели бросаются на внѣшній* — но и тамъ совершается тотъ же процессъ обѣдненія массы населенія и такимъ образомъ получается общее переполненіе рынка"*).

Чѣмъ отличается эта теорія отъ теоріи, изложенной въ программѣ „Искры"?

Обратимся къ теоріи Родбертуса. Бернштейнъ въ своей „дрянной книжонкѣ" говоритъ, что и у Родбертуса кризисы объясняются не просто недостаточнымъ потребленіемъ массъ: оно связывается съ растущей производительностью труда. Предоставимъ теперь слово г. Тугану. „По мнѣнію Родбертуса, не низкій абсолютный уровень заработной платы, а ея относительное паденіе, сравнительно съ общимъ національнымъ доходомъ, является истинной причиной кризисовъ. Вслѣдствіе тяготѣнія заработной платы къ минимуму средствъ существованія, доля рабочихъ въ общемъ *національномъ доходѣ должна падать при всякомъ успѣхѣ* техники, понижающемъ цѣну предметовъ потребленія рабочаго класса. Поэтому, успѣхи техники имѣютъ тенденцію сокращать покупательную силу самаго многочисленнаго класса населенія. Хотя въ такой же мѣрѣ и возрастаетъ покупательная сила капиталистовъ, но промышленность не можетъ сразу приспособиться къ измѣнившемуся спросу — и происходитъ кризисъ".

Указаны ли въ проектѣ тѣ differentia specifica, которыя отличаютъ теорію кризисовъ Маркса отъ теоріи кризисовъ Родбертуса?

Заглянемъ теперь въ „дрянную книжонку" Берн-

*) Курсивъ всюду нашъ. Въ нашей литературѣ имѣется мѣстами прекрасный разборъ теоріи Сисмонди, принадлежащій В. Ильину. Къ сожалѣнію, этотъ „легальный марксистъ", какъ и всѣ почти „легальные марксисты", за исключеніемъ Бельтова и В. Иванова, проходя чрезъ „кавдинскія ущелья" нашей цензуры, часто долженъ былъ принимать обличье брентаниста. Въ указываемой статьѣ Сисмонди служитъ „козломъ отпущенія" за прегрѣшенія народниковъ и поэтому она, конечно, не даетъ *исторической* оцѣнки этой теоріи. Но она хорошо указываетъ слабость „теоріи преобладанія распредѣленія", общую теоріи Сисмонди съ послѣдующими теоріями того же рода.

штейна. Показавъ, въ чемъ заключаются „противорѣчія“ Марксовской теоріи кризисовъ, онъ, сдѣлавъ ей основательную прививку конкретности, заключаетъ[1]: „Въ этой теоріи вѣрно только то, *что производительная способность въ современномъ обществѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ дѣйствительный, опредѣляемый покупательной способностью спросъ на продукты**) ; что милліоны живутъ въ дурныхъ жилищахъ, плохо одѣваются и недостаточно питаются, несмотря на то, что въ изобиліи имѣются средства, чтобы создать для нихъ достаточно жилищъ, пищи и одежды ; что слѣдствіемъ этого несоотвѣтствія въ различныхъ отрасляхъ промышленности является перепроизводство, проявляющееся въ томъ, что фактически производится большее количество товаровъ, чѣмъ нужно — напр. больше пряжи, чѣмъ могутъ переработать существующія ткацкія фабрики — или что извѣстные товары произведены если не въ большемъ количествѣ, чѣмъ ихъ требуется, то въ большемъ, чѣмъ они могутъ быть куплены ; что вслѣдствіе этого существуетъ большая неравномѣрность въ полученіи рабочими занятій, которая дѣлаетъ ихъ положеніе въ высшей степени необезпеченнымъ, все снова бросаетъ ихъ недостойную зависимость и влечетъ за собой тутъ чрезмѣрный трудъ, а тамъ безработицу“.

Многимъ ли отличается очищенная авторомъ „дрянной книжонки“ теорія кризисовъ Маркса отъ теоріи Маркса, какъ она изложена въ проектѣ программы и комментаріи тов. Плеханова?

Не эту ли теорію подтверждаетъ своимъ „простымъ разсчетомъ“ извѣстный ревизіонистъ и конфузіонистъ Рихардъ Кальверъ, на котораго почему то счелъ нужнымъ сослаться тов. Плехановъ?

Я выше указалъ, что проектъ программы говоритъ еще о перепроизводствѣ, какъ о „неизбѣжномъ слѣдствіи развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ“. Но сама программа указываетъ, что такимъ же неизбѣжнымъ слѣдствіемъ развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ является и цѣлый рядъ другихъ фактовъ: увеличеніе хозяйственнаго значенія крупныхъ предпріятій, возможность для предпринимателей примѣнять женскій и дѣтскій трудъ все въ большихъ размѣрахъ и т. д. Слѣдовательно, если программа хотѣла дать объясненіе кризисовъ, то она должна была показать специфическій характеръ этого перепроизводства и указать, что кризисы, въ которыхъ оно проявляется, представляютъ собою результатъ „*противорѣчія современныхъ производительныхъ силъ съ современными отношеніями производства*“, противорѣчія, которое „показываетъ, что производительныя силы переросли капиталистическія отношенія производства“*). Только тогда читатель программы могъ бы видѣть въ кризисахъ „періодически повторяемый самой общественно-экономической жизнью *доводъ въ пользу соціалистической революціи*“.

[1]) Въ своей надгробной рѣчи автору „дрянной книжонки“ тов. Плехановъ приводитъ почти всю эту цитату, но онъ ее начинаетъ словами „Въ ученіи Маркса и Энгельса“. Рѣчь идетъ не о теоріи Маркса вообще, а только о теоріи кризисовъ. См. „Заря“ № 2-3, с. 223

*) Курсивъ мой.

Повторяю: программа соціалъ-демократіи не должна обязательно говорить о кризисахъ. Лишь для тѣхъ, кто не понимаетъ еще, что и обычный ходъ развитія капитализма, когда онъ идетъ „мирною стопою“, является только мартирологомъ самостоятельныхъ производителей и орудіемъ эксплуатаціи и угнетенія экспропріированныхъ, кризисы могутъ представлять особенно сильное доказательство „негодности“ капитализма. Программа должна указать главныя тенденціи капитализма, а кризисы только *обостряютъ* общественно экономическія слѣдствія этихъ тенденцій.

Но если, какъ я уже прежде сказалъ, такая краткость намъ еще „не ко двору“ то мы все таки должны заботиться о томъ, чтобы наша „обстоятельная“ программа была лучше редижирована. При лучшей редакціи даже разбираемый нами абзацъ, хотя и потерялъ бы характеръ „фотографически точнаго изображенія“, сталъ бы „точнѣе“ въ научномъ отношеніи.

*) См. Г. Плехановъ: „Н. Чернышевскій“, *Соціалдемократъ*, №4. с. 189. Отсылаемъ читателя къ этой статьѣ. Она даетъ, правда, тоже недостаточное, но несравненно болѣе ясное и послѣдовательное изложеніе теоріи кризисовъ.

Попробуемъ сдѣлать это, сохраняя „болѣе или менѣе" ходъ изложенія мысли нашего проекта.

„Такимъ же неизбѣжнымъ слѣдствіемъ развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ является перепроизводство, проявляющееся въ періодически повторяющихся кризисахъ. Эти кризисы, въ которыхъ особенно рѣзко выражается присущее капиталистическому способу производства противорѣчіе между производительными силами и отношеніями производства, еще болѣе увеличиваютъ зависимость наемнаго труда отъ капитала и такимъ образомъ показываютъ, что производительныя силы переросли капиталистическія отношенія производства."

Но и эта болѣе точная редакція, по нашему мнѣнію, совершенно напрасно загромоздила бы программу. Лучше всего ограничиться указаніемъ на кризисы, какъ на фактъ всѣмъ извѣстный, и ихъ слѣдствія, какъ это дѣлаютъ нѣмецкая и австрійская программы. Указавъ характерныя тенденціи развитія капитализма, программа должна сказать, что „это развитіе еще болѣе ускоряется кризисами, неразлучно связанными съ капитализмомъ, что эти кризисы еще болѣе разоряютъ самостоятельныхъ производителей, еще болѣе ускоряютъ сосредоточеніе производства и собственности въ немногихъ рукахъ и, увеличивая безработицу и обостряя необезпеченность существованія рабочихъ, еще болѣе усиливаютъ степень эксплуатаціи наемнаго труда".

Комментарій къ партійной программѣ, который безусловно необходимъ, дастъ уже точное и полное объясненіе.

5. „Въ пику" автору „дрянной книжонки".

Мы видимъ, что призракъ вѣчно сомнѣвающагося автора „дрянной книжонки" до такой степени пугаетъ нашихъ ортодоксовъ, что программа ихъ начинаетъ принимать только „болѣе или менѣе" ортодоксальный характеръ. Изъ боязни порѣзаться ножницами, они ими уже основательно порѣзались. Ниже мы увидимъ, что они и въ другихъ случаяхъ порѣзались. Они какъ будто чувствуютъ это, и, чтобы избѣжать съ другой стороны обвиненій въ бернштейніанствѣ, они прибѣгаютъ къ особому пріему, который дѣйствительно представляетъ „нѣчто новое"

и не пришелъ еще въ голову „нѣмцамъ". „Въ пику" автору „дрянной книжонки", сказавшему, что для него „движеніе — все, конечная цѣль — ничто", авторы проекта пользуются каждымъ случаемъ подчеркнуть свое особенное пристрастіе къ „конечной цѣли". „Русская соціалъ-демократія преслѣдуетъ ту же конечную цѣль". „Эта конечная цѣль опредѣляется". Конечную цѣль всей дѣятельности международной соціалъ-демократіи". „На пути къ ихъ общей конечной цѣли"!

Кто осмѣлится теперь сказать, что мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствительно ортодоксальной, а „болѣе или менѣе" ортодоксальной программой?! Такъ вѣдь и сказано: „Се левъ, а не собака"!

Русская пословица говоритъ, что „масломъ каши не испортишь". Но какъ и многія русскія пословицы, она ошибается. Авторы проекта „перемаслили" и въ своемъ суздальскомъ рвеніи подчеркнули какъ разъ ту часть программы, которая обща намъ съ оппортунистами всѣхъ странъ.

Въ упомянутой уже мною статьѣ тов. Плехановъ „отмѣтилъ и тотъ любопытный фактъ, что даже надѣлавшая много шума фраза г-на Бернштейна: „движеніе все, а конечная цѣль ничто" заимствована г. Бернштейномъ у Шульце Геверница. Мы съ своей стороны думаемъ, что авторъ „дрянной книжонки" способенъ былъ и самъ додуматься до этой фразы. Но заимствована ли эта фраза или нѣтъ, она составляетъ духовную собственность только г. Бернштейна. За исключеніемъ Пеуса, бернштейніанцы оказались гораздо „дипломатичнѣе" своего учителя. А такъ какъ мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ тов. Плеханова, что Бернштейнъ, взятый самъ по себѣ, не только не страшенъ, но просто смѣшонъ, страшна же и очень только бернштейніада, то мы обратимся къ бернштейніанцамъ.

Послушаемъ Турати, главу итальянскихъ оппортунистовъ: „Въ тенденціи между реформистами и „революціонерами" нѣтъ разницы, такъ какъ и тѣ, и другіе стремятся къ коллективизму (общественной

собственности на землю и другія орудія производства)". „Господи, Господи!"

А что говорилъ на вѣнскомъ партейтагѣ глава австрійскихъ оппортунистовъ, Пернерсторферъ? Приводить ли цитаты изъ рѣчей Фольмара, Жореса и даже „кавалера русскаго ордена Святыя Анны первой степени" барона Мильерана? Не твердятъ ли они постоянно „Господи, Господи", не подчеркиваютъ ли они при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ свое согласіе съ „конечной цѣлью"?

А наши русскіе оппортунисты? Развѣ „Рабочая Мысль" не подчеркивала „конечную цѣль"? Развѣ „Рабочее Дѣло" можно упрекнуть въ томъ, что оно низводило съ пьедестала „конечную цѣль"? Кто не признаетъ теперь „конечную цѣль"? Какъ уже сказалъ Гаркортъ „We are now all socialists", мы теперь всѣ соціалисты.

Почему же оппортунисты съ такой охотой ухватились за эту „конечную цѣль"? Да просто потому, что это для нихъ лучшій способъ затемнить истинный смыслъ борьбы между ортодоксами и оппортунистами: подчеркивая свой *соціализмъ*, они тѣмъ самымъ набрасываютъ флеръ на свои попытки ослабить свой *соціалъ-демократизмъ*. Въ туманѣ признаваемой и всѣми одинаково подчеркиваемой общей „конечной цѣли" исчезаютъ всѣ различія не только между различными фракціями соціалъдемократіи, но и между соціалъ-демократіей и другими соціалистическими партіями. Признавая и одинаково подчеркивая общую „конечную цѣль", можно — и это блестяще выполняется всѣми оппортунистами всѣхъ странъ—путемъ такихъ махинацій, какъ раздѣленіе „программныхъ" и „практическихъ" задачъ, принциповъ и тактики свести на нѣтъ всѣ специфическія черты, которыми отличается соціалъ-демократія отъ другихъ соціалистическихъ партій. Болѣе того Можно уничтожить и тѣ различія, которыя отдѣляютъ соціалъдемократію отъ буржуазной демократіи.

И если мы хотимъ подчеркнуть ортодоксальный характеръ нашей программы, то мы должны, указавъ

нашу цѣль, *подчеркнуть* тѣ средства, которыми мы соціалъ-демократы, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ соціалистическихъ партій, стараемся достигнуть этой цѣли. Бернштейновская формула „движеніе — все, конечная цѣль — ничто" нелѣпа и безсмысленна во всѣхъ отношеніяхъ. Это — формула безъ всякаго содержанія. Движеніе безъ цѣли не имѣетъ никакого смысла. Оно, конечно, вполнѣ возможно. Что представляетъ собою литературная дѣятельность автора „дрянной книжонки", если не безцѣльное верченіе бѣлки въ колесѣ?

Цѣль предполагаетъ движеніе. Какое? „Вотъ въ чемъ вопросъ"! И характерное отличіе ортодоксовъ состоитъ именно въ отвѣтѣ на вопросъ, *какимъ* движеніемъ мы скорѣе достигнемъ поставленной себѣ цѣли?

„Конечная цѣль" въ своемъ родѣ такой же неудачный терминъ, какъ и „конечная причина". Но если даже и помириться съ этимъ терминомъ, всетаки является вопросъ: въ чемъ же состоитъ эта „конечная цѣль"? Турати и Пернерсторферъ отвѣчаютъ— въ коллективизмѣ. Такъ ли это? Не совсѣмъ такъ.

Коллективизмъ, коммунизмъ, соціализмъ есть „конечная цѣль" совершающагося на нашихъ глазахъ экономическаго движенія, развитія, законы котораго впервые открыты Марксомъ и Энгельсомъ. Развитіе капиталистическаго строя само подготовляетъ всѣ матеріальныя и интеллектуальныя предпосылки соціалистическаго строя. Соціализмъ *уже* сталъ экономической возможностью. Но какъ осуществить эту возможность? На этотъ вопросъ даетъ намъ отвѣтъ та же дѣйствительность. А что она говоритъ?

Она говоритъ, что исторія есть исторія борьбы классовъ, что всякая крупная перемѣна въ общественныхъ отношеніяхъ является результатомъ борьбы одного класса противъ другого, что только та идея можетъ надѣяться на осуществленіе, за которой стоитъ сила, организованный классъ. Революціонная диктатура даннаго класса — необходимое предварительное условіе такого осуществленія. Но имѣется ли

въ существующемъ обществѣ такой классъ, классовымъ интересомъ котораго являлось бы осуществленіе соціализма? По мнѣнію *соціалдемократовъ*, имѣется. Классъ этотъ — пролетаріатъ: онъ и его классовая борьба съ буржуазіей порождаются тѣмъ самымъ капитализмомъ, „конечной цѣлью“ котораго является соціализмъ. Говоря словами австрійской программы:

„Пролетаріатъ приходитъ къ сознанію, что онъ долженъ содѣйствовать этому развитію и ускорять его и что переходъ орудій труда въ общую собственность всего народа долженъ быть цѣлью, а завоеваніе политической власти должно быть средствомъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“

Поэтому „конечной цѣлью“ *соціалъ-демократіи*, т. е. пролетаріата, понявшаго историческія условія и самую природу совершающагося на нашихъ глазахъ экономическаго переворота, выяснившаго себѣ значеніе своей классовой борьбы, является *соціальная революція, революціонная диктатура пролетаріата*, неизбѣжная и необходимая въ продолженіе того переходнаго періода, въ теченіе котораго придется ускорять „естественное“ развитіе капитализма по направленію *къ его* „конечной цѣли“ — коммунизму. Такая „конечная цѣль“ соціалдемократіи съ желѣзной логикой диктуетъ форму „движенія“, ведущаго къ ней, опредѣляетъ ясно и точно всю ея тактику. Соціалдемократія вполнѣ сознательно *хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ пролетаріата*, она энергично выступаетъ противъ всякой попытки затушевать происходящую на нашихъ глазахъ классовую борьбу и, видя въ доведенной до своего естественнаго конца классовой борьбѣ пролетаріата съ буржуазіей единственный путь для освобожденія рабочаго класса, она должна энергично бороться съ всякой попыткой замѣнить эту борьбу той или иной формой „сотрудничества“ между пролетаріатомъ и буржуазіей. Какъ говоритъ Каутскій, „цѣль и движеніе въ соціалдемократіи тѣсно связаны, одну нельзя отдѣлить отъ другого“. Вотъ почему вполнѣ безсодержательны всякія комбинаціи словъ „конечная цѣль“

и „движеніе“ въ бернштейніанскомъ и въ антибернштейніанскомъ духѣ. Онѣ раздѣляютъ нераздѣльное, онѣ разрываютъ соціалъ-демократію на двѣ самостоятельныя части — соціализмъ и классовую борьбу пролетаріата, между тѣмъ какъ соціалъ-демократія есть неразрывное соединеніе рабочаго движенія съ соціализмомъ“.

„Конечная цѣль“ есть въ то же время „исходный пунктъ“ соціалдемократіи. Именно потому, что противорѣчія *существующаго* строя могутъ найти и теперь свое окончательное рѣшеніе только въ соціализмѣ — она и дѣлаетъ его исходнымъ пунктомъ своей „непосредственной революціонной борьбы“, центромъ тяжести всей своей пропаганды и агитаціи. Быть соціалистомъ — вовсе не значитъ ни къ селу, ни къ городу расписывать картины прекраснаго будущаго, das Endziel betonen, какъ говорятъ нѣмцы. Несравненно важнѣе критика существующаго, настоящаго, показывающая, что нѣтъ изъ него другого выхода, кромѣ соціализма. Но критика дѣйствительно безпощадная, критика, не останавливающаяся на каждомъ шагу изъ опасенія стать „сектантской“, не путающаяся безпомощно во всякихъ „болѣе или менѣе“, въ такомъ изобиліи преподносимыхъ намъ дѣйствительностью, критика, предпочитающая скорѣе „забѣжать впередъ“, чѣмъ „отстать“, критика всего существующаго съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ *только* пролетаріата. Лишь въ этомъ случаѣ мы можемъ назвать себя ортодоксами, вѣрно отражающими ортодоксальную дѣйствительность.

И *ортодоксальный* характеръ программы лучше всего подчеркивается безпощадной критикой капитализма и точнымъ указаніемъ на „конечную цѣль“ соціалъ-демократіи — революціонную диктатуру пролетаріата, чѣмъ повтореніемъ слова „конечная цѣль“. „Не всякій, кто говоритъ: Господи, Господи! войдетъ въ царствіе небесное“. Признаніе „конечной цѣли“ не дѣлаетъ еще насъ *соціалъ-демократами*.

Вотъ почему мы думаемъ, что и русскіе соціалъ-демократы не должны прибѣгать къ такому суздаль

скому пріему, если они хотятъ, чтобы ихъ программа не только *казалась*, но и *была* ортодоксальной. „Не мудрствуя лукаво“, они могутъ послѣдовать примѣру западноевропейскихъ ортодоксовъ и отказаться отъ такого ненужнаго новшества въ программѣ, какъ повторенiе словъ „конечная цѣль“. У нихъ имѣются другія средства, болѣе дѣйствительныя, чтобы показать, что „се левъ, а не собака“!

6) Развитіе обмѣна и международный характеръ рабочаго движенія.

До сихъ поръ мы говорили о тѣхъ недостаткахъ теоретической части программы, которые объясняются, по нашему мнѣнію, излишнимъ страхомъ предъ Э. Бернштейномъ и не менѣе излишнимъ стремленіемъ дать въ программѣ „фотографически точное изображеніе того, что происходитъ въ дѣйствительности“, стремленіемъ, которое объясняется тѣмъ же страхомъ. Мы еще не разъ встрѣтимъ отголоски этихъ стремленій и въ другихъ пунктахъ программы. Въ своемъ мѣстѣ мы ихъ отмѣтимъ, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ недочетовъ программы, которые объясняются развѣ только желаніемъ дать „нѣчто новое“, о чемъ бѣднымъ „нѣмцамъ“ и не снилось. Мы ограничимся „болѣе или менѣе“ длинными примѣчаніями къ каждому „болѣе или менѣе“ сомнительному пункту.

„*Развитіе обмѣна* установило такую тѣсную связь между всѣми народами цивилизованнаго міра, что великое освободительное движеніе пролетаріата должно было стать и давно уже стало международнымъ. Считая свою партію однимъ изъ отрядовъ всемірной арміи пролетаріата, русская социалдемократія преслѣдуетъ ту же конечную цѣль, къ которой стремятся социалдемократы всѣхъ другихъ странъ“.

Сначала стилистическая поправка. Русская соціалдемократія можетъ считать себя (а не *свою партію)* только отрядомъ *всемірной социалдемократіи*. Второй проектъ группы „Освобожденіе Труда“ говоритъ: „русскіе соціалдемократы, подобно соціалдемократамъ другихъ странъ, стремятся къ полному

освобожденію труда отъ гнета капитала“. И авторы нашего проекта гораздо лучше выразили бы свою мысль, если бы сказали: являясь однимъ изъ отрядовъ всемірной арміи социалъ-демократіи и т. д. Такая редакція была бы лучше въ томъ отношеніи, что она подчеркнула бы не только то обстоятельство, что „русская соціальдемократія“ считаетъ свою партію (т. е. себя), но и на самомъ дѣлѣ *есть* отрядъ всемірной арміи социалъ-демократіи.

Но, кромѣ этого стилистическаго промаха, разбираемый абзацъ отличается еще недостаточной „догматичностью“. Программа социалъ-демократіи не можетъ ограничиться однимъ заявленіемъ, что „великое освободительное движеніе пролетаріата должно было стать и давно уже стало международнымъ“. Конечно, рабочій классъ, ведущій свою „великую освободительную борьбу“, долженъ организоваться, *какъ классъ*, у себя дома. „Если не по сущности, то по формѣ борьба пролетаріата противъ буржуазіи есть прежде всего борьба національная. Пролетаріатъ каждой страны естественно долженъ прежде всего покончить съ своей собственной буржуазіей“. Но именно потому, что „великое освободительное движеніе пролетаріата“ только „по формѣ“ является національной борьбой, программа социалъ-демократіи должна указать вытекающія изъ этого факта „интернаціональныя функціи рабочаго класса“ данной страны. Русская программа должна была бы, конечно, указать „интернаціональныя функціи *русскаго* рабочаго класса“. И это тѣмъ легче сдѣлать, что ближайшая *національная* задача русскаго рабочаго класса является въ то же время одной изъ главныхъ задачъ всего международнаго движенія пролетаріата. Низверженіе россійскаго абсолютизма, главнаго очага европейской реакціи, уничтожитъ одно изъ наиболѣе значительныхъ препятствій, мѣшающихъ „великой освободительной борьбѣ“ международнаго пролетаріата. Это счастливое для русскаго рабочаго класса совпаденіе должно быть непремѣнно подчеркнуто въ русской программѣ особенно въ наше время,

когда тенденція съуживать задачи рабочаго класса, сводить ихъ къ „борьбѣ за лучшую жизнь и права“ только начинаетъ исчезать*). Въ сознаніи, что на его плечахъ лежитъ задача освобожденія всей Россіи отъ царскаго деспотизма и всего международнаго движенія отъ одного изъ самыхъ страшныхъ его враговъ русскій рабочій классъ будетъ черпать новыя силы для своей великой и страшно тяжкой борьбы.

Авторы проекта хотѣли объяснить, почему „великое освободительное движеніе пролетаріата должно было стать и давно уже стало международнымъ“. Чѣмъ же они объясняютъ это обстоятельство? Тѣсной связью, которую развитіе обмѣна установило между всѣми народами цивилизованнаго міра.

„Ортодоксально“ ли такое объясненіе? Посмотримъ.

Международнымъ становится теперь не только освободительное движеніе пролетаріата. Національная обособленность исчезаетъ во всѣхъ областяхъ жизни. На это явленіе указано еще въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи“.

„Коммунистовъ упрекаютъ далѣе въ томъ, что они хотятъ будто бы уничтожить отечество, національность.

Рабочіе не имѣютъ отечества. Нельзя лишить ихъ того, чего у нихъ нѣтъ. Стремясь прежде всего завоевать политическое господство, организоваться въ одинъ національный классъ, устроиться въ предѣлахъ націи, пролетаріатъ еще остается національнымъ, хотя совершенно не въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово буржуазія.

Національная обособленность и противоположность интересовъ различныхъ народовъ уже теперь все болѣе исчезаютъ благодаря *развитію буржуазіи, свободѣ торговли, всемірному рынку,* однообразію способовъ производства и соотвѣтствующихъ имъ жизненныхъ отношеній.

Господство пролетаріата еще болѣе ускоритъ ихъ исчезновеніе. *Соединеніе усилій, по крайней мѣрѣ, цивилизованныхъ странъ есть одно изъ первыхъ условій освобожденія пролетаріата*“.

---

*) Характерно, что въ брошюрѣ „Рабочее дѣло въ Россіи“, которая наряду съ „Современной Россіей“ безспорно является самой талантливой изъ всѣхъ брошюръ „экономическаго направленія“, почти ни однимъ словомъ не упоминается эта сторона дѣла.

Авторы нашего проекта замѣняютъ указанныя Марксомъ и Энгельсомъ причины одной — *развитіемъ обмѣна.* Можетъ быть они болѣе согласны съ г. П. Струве, который шествуя по стопамъ Брентано и Шульце Геверница, указываетъ на доминирующее значеніе обмѣна.

Но дѣйствительно ли *обмѣнъ* играетъ такую важную роль? Дѣйствительно ли *его* развитіемъ объясняются установленіе такихъ тѣсныхъ связей между всѣми народами цивилизованнаго міра, что великое освободительное движеніе пролетаріата должно было стать и давно уже стало международнымъ?

Достаточно спросить себя, почему же „развитіе обмѣна“ не проявляло этого дѣйствія раньше, чтобы видѣть какъ — ну скажемъ легкомысленно — такое объясненіе.

Я не буду говорить теперь о роли обмѣна вообще, я коснусь значенія обмѣна лишь постольку, поскольку онъ вліяетъ на установленіе связей между цивилизованными народами.

Обмѣнъ и различныя формы его, способы обращенія опредѣляются способами производства. Только „мѣщанскій кругозоръ, гдѣ голова занята исключительно обдѣлываніемъ дѣлишекъ не видитъ, что въ характерѣ способа производства заключается основа соотвѣтствующаго ему способа обращенія, а не наоборотъ.“*)

Но вѣдь нельзя же отрицать, что обмѣнъ въ свою очередь „болѣе или менѣе“ вліяетъ на производство? Конечно „вліяетъ“, но само это „вліяніе“ опредѣляется условіями соотвѣтствующаго способа производства.

Непосредственный обмѣнъ продуктовъ, первая форма обмѣна, уступаетъ мѣсто другой формѣ обмѣна, простому товарному обращенію. Послѣдняя форма представляетъ явленіе, свойственное самымъ различнымъ способамъ производства. „Какъ бы ни была различна основа того способа производства, продукты котораго вступаютъ въ обращеніе, какъ товары — первобытное ли это общинное хозяйство,

---

*) Марксъ, Капиталъ, т. II.

или производство, основанное на рабскомъ трудѣ, или мелко-крестьянское или мелко-буржуазное, или капиталистическое — они остаются товарами и, какъ таковые, должны продѣлать процессъ обмѣна и сопровождающія его измѣненія формъ." Посредниками при этомъ обмѣнѣ являются купцы, представители торговаго капитала. Торговля, въ основѣ которой лежитъ *простое товарное обращеніе*, можетъ принять большіе размѣры. Она можетъ стать и становится *всемірной торговлей* нисколько не измѣняя способовъ производства тѣхъ странъ, посредникомъ между которыми она служитъ. Такой интенсивный торговый оборотъ мы встрѣчаемъ уже въ древнемъ мірѣ,*) встрѣчаемъ и въ концѣ среднихъ вѣковъ. Послѣдствія ихъ были совершенно различны. Почему же „развитіе обмѣна" приводило къ различнымъ результатамъ?

„Развитіе торговли и торговаго капитала повсюду направляетъ производство на изготовленіе продуктовъ въ видѣ товаровъ, мѣновыхъ стоимостей, увеличиваетъ его размѣръ, разнообразитъ и космополитизируетъ его, обращая деньги въ всемірныя деньги. По этому торговля повсюду оказываетъ болѣе или менѣе разлагающее вліяніе на ту организацію производства, которую она застаетъ и которая во всѣхъ ея разнообразныхъ видахъ направлена преимущественно на потребительныя стоимости. *Но степень ея вліянія на разложеніе старыхъ способовъ производства находится прежде всего въ зависимости отъ устойчивости ихъ и отъ ихъ внутренняго расчлененія. Куда приводитъ такой процессъ разложенія т. е. какой новый способъ производства замѣститъ прежній, это уже будетъ зависѣть не отъ торговли, а отъ характера*

*) Вотъ почему вопреки мнѣнію В. Ильина характеристика экономическаго развитія древняго міра, данная Бюхеромъ въ его ст. „Gewerbe" въ словарѣ Конрада и „Entstehung der Volkswirtschaft" и усвоенная Струве, безусловно невѣрна. Гораздо ближе къ истинѣ Эд. Мейеръ, хотя онъ иногда вмѣстѣ съ другими представителями реалистическаго направленія въ изученіи древняго міра преувеличиваетъ сходство съ болѣе поздними явленіями.

самого прежняго способа производства. Въ античномъ мірѣ вліяніе торговли и развитіе торговаго капитала постоянно имѣло послѣдствіемъ рабовладѣльческое хозяйство; но — смотря по отправной точкѣ — оно имѣло также послѣдствіемъ *превращеніе рабства патріархальнаго*, имѣвшаго въ виду производство непосредственныхъ средствъ существованія въ такое рабовладѣльческое хозяйство, которое имѣло цѣлью производство прибавочной стоимости. Напротивъ того, въ новомъ мірѣ оно обращается въ производство капиталистическое. Отсюда слѣдуетъ, что сами эти результаты зависѣли отъ совсѣмъ иныхъ условій, а не отъ развитія торговаго капитала"*).

Въ своей извѣстной лекціи „Ueber die Ursachen der sozialen Not", читанной имъ въ 1888 г., Брентано поднялъ большой шумъ по поводу того, что у Маркса обмѣнъ есть слѣдствіе производства а не наоборотъ, что Марксъ совершенно исказилъ причинную зависимость существующую между крупной промышленностью и всемірнымъ рынкомъ[1]).

Но примѣръ Брентано показываетъ какъ разъ обратное „Быстрое расширеніе мірового рынка, увеличеніе разнообразія обращающихся товаровъ, соревнованіе между народами Европы въ овладѣніи азіатскими продуктами и американскими сокровищами, колоніальная система оказали существенное вліяніе на уничтоженіе феодальныхъ оковъ производства. Однако новый способъ производства въ первый свой періодъ, въ періодъ мануфактуры, развивался только тамъ, гдѣ условія для этого были еще даны въ продолженіе среднихъ вѣковъ. Стоитъ только сравнить, напримѣръ, Португалію и Голландію. А когда въ XVI и частью XVII столѣтіи внезапное расширеніе торговли и созданіе новаго мірового рынка оказали преобладающее вліяніе на гибель

*) Марксъ, Капиталъ, т. III.

[1]) Онъ по этому вполнѣ послѣдовательно обвиняетъ Маркса и въ томъ, что послѣдній совершенно игнорируетъ вліяніе „относительнаго регресса или недостатка спроса, а именно это явленіе и есть главная причина кризисовъ. Авторы нашего проекта застраховали себя отъ такого обвиненія.

стараго способа производства и на развитіе капиталистическаго, то это, наоборотъ, совершилось на основаніи уже созданнаго капиталистическаго способа производства. Съ другой стороны, та же самая внутренняя необходимость производить въ постоянно расширяющихся размѣрахъ побуждаетъ къ постоянному расширенію всемірнаго рынка, такъ что при этомъ не торговля дѣйствуетъ на промышленность, какъ революціонное средство, а промышленность постоянно производитъ перевороты въ торговлѣ."

Послѣднее обстоятельство имѣетъ особенно важное значеніе. Развитіе капиталистическаго способа производства совершенно преобразило всемірную торговлю, а вмѣстѣ съ ней и всемірный рынокъ. Прежде когда основой всемірной торговли служило „простое товарное обращеніе", продуктъ становился товаромъ вслѣдствіе того, что попадалъ въ торговлю. Крайніе пункты этого товарнаго обращенія т. е. сами обмѣнивающіеся производители оставались самостоятельными по отношенію къ процессу обращенія, а послѣдній по отношенію къ нимъ. „Тутъ торговля производитъ превращеніе продукта въ товаръ, а не движеніе произведенныхъ товаровъ образуетъ торговлю." Теперь это измѣняется. Во всемірную торговлю все больше притекаютъ „произведенные товары", всемірный рынокъ все больше связывается съ *внутренними* рынками, создаваемыми развитіемъ капитализма. Капиталистическое товарное обращеніе, развивающееся изъ „простого товарнаго обращенія" внутри каждой отдѣльной страны, начинаетъ господствовать и на всемірномъ рынкѣ. Послѣдній измѣняется кореннымъ образомъ не только количественно,—но и качественно: всемірный рынокъ превращается въ капиталистическій всемірный рынокъ, и подобно тому, какъ внутренній національный рынокъ отражаетъ развитіе національнаго капитализма, онъ отражаетъ развитіе мірового капитализма. Какъ говоритъ Parvus, „національныя производства связываются другъ съ другомъ, но только для того, чтобы затѣмъ потерять свой національный характеръ: мѣсто интернаціонализма занимаетъ космополитизмъ. Національныя производства теряютъ свою самостоятельность. Они становятся подчиненными, связанными другъ съ другомъ, взаимно обусловливающимися частями одного производственнаго цѣлаго: не находясь ни въ одной націи, оно именно и составляетъ всемірный рынокъ".*)

Мы видимъ теперь, какъ мало можетъ намъ помочь при объясненіи развитія нашего буржуазнаго общества „развитіе обмѣна". Въ одномъ случаѣ „развитіе обмѣна" создаетъ и укрѣпляетъ національныя связи, національную обособленность. Какъ прекрасно показалъ Каутскій, всемірная торговля и ея носитель купеческій капиталъ („развитіе обмѣна") уничтожили средневѣковый партикуляризмъ, но въ тоже время явились главными факторами превращенія западно европейскихъ народовъ въ рѣзко обособленные другъ отъ друга національные „организмы". Въ другомъ случаѣ, всемірная торговля, всемірный рынокъ („развитіе обмѣна") приводятъ къ ослабленію національной обособленности, къ превращенію отдѣльныхъ національныхъ производствъ въ одно международное производство и даютъ уже возможность предвидѣть то время, когда это международное производство превратится въ космополитическое.

Чѣмъ же объясняется въ такомъ случаѣ это развитіе интернаціонализма? Развитіемъ и распространеніемъ промышленнаго капитализма, капиталистическаго способа производства. Именно это развитіе создаетъ въ каждой странѣ пролетаріатъ, интересы котораго въ различныхъ странахъ не только *одинаковы*, но и *общи*. Сознаніе этого факта все больше распространяется среди рабочихъ классовъ разныхъ странъ, и старое утопическое „международное братство народовъ" все больше уступаетъ мѣсто „международному братству рабочихъ классовъ въ общей

---

*) Никто не указалъ такъ хорошо капиталистическій характеръ современнаго всемірнаго рынка, какъ это сдѣлалъ Parvus въ своихъ блестящихъ статьяхъ „Der Weltmarkt und die Agrarkrisis". Но онъ ограничилъ свою задачу уже с л о ж и в ш и м с я всемірнымъ рынкомъ.

борьбѣ противъ господствующихъ классовъ и ихъ правительствъ".

Вотъ почему „эрфуртская программа" указываетъ, что „интересы рабочаго класса во всѣхъ странахъ съ капиталистическимъ способомъ производства тождественны", что „съ развитіемъ міровыхъ средствъ сообщенія и производства для всеміргаго рынка положеніе рабочаго класса одной страны становится все болѣе зависимымъ отъ положенія рабочихъ классовъ другихъ странъ", что „освобожденіе рабочаго класса есть дѣло, въ которомъ одинаково участвуютъ рабочіе всѣхъ культурныхъ странъ", и что, принимая въ виду все это „соціалъ-демократическая партія Германіи чувствуетъ и объявляетъ себя солидарной съ сознавшими свои классовые интересы рабочими всѣхъ остальныхъ странъ". Сравните теперь съ этой формулировкой ту, которую предлагаетъ намъ проектъ „Искры" и „Зари", и вы должны будете признать, что, хотя послѣдняя дѣйствительно и заключаетъ въ себѣ „нѣчто новое", все-таки „нѣмцы" дали не „болѣе или менѣе" ортодоксальную формулировку, а дѣйствительно ортодоксальную.

Но разбираемый нами абзацъ дѣлаетъ значительный шагъ назадъ и въ сравненіи съ проектами программы, представленными одной только гр. „Освобожденіе труда."

Первый проектъ гласитъ: „Точно также и теперь уже можно предвидѣть международный характеръ предстоящей экономической революціи. Современное развитіе международнаго обмѣна продуктовъ дѣлаетъ необходимымъ участіе въ этой революціи всѣхъ цивилизованныхъ обществъ. По этому соціалистическія партіи всѣхъ странъ признаютъ международный характеръ современнаго рабочаго движенія и провозглашаютъ принципы международной солидарности производителей. Группа „Освобожденіе труда" такимъ признаетъ великіе принципы бывшей „Международной Ассоціаціи Рабочихъ" и торжество интер. труд. всего цивил. міра".

Второй проектъ даетъ болѣе краткую формулировку: „Кромѣ того, теперь уже можно предвидѣть

международный характеръ предстоящей экономической революціи. *При современномъ развитіи международнаго обмѣна*, упроченіе этой революціи возможно лишь при участіи въ ней всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ цивилизованныхъ обществъ. Отсюда вытекаетъ солидарность интересовъ производителей всѣхъ странъ, признанная и провозглашенная еще Международнымъ Товариществомъ Рабочихъ. Мы видимъ, что это только парафразъ, также не совсѣмъ удачный, того, что сказано въ Манифестѣ. Но онъ все таки лучше, чѣмъ проектъ „Искры" и „Зари" подчеркиваетъ солидарность интересовъ пролетаріевъ всѣхъ странъ, признанную и провозглашенную, правда, еще Манифестомъ коммунистической партіи."

7) Къ характеристикѣ буржуазнаго общества.

Мы уже говорили, что программа соціалдемократіи должна указать характерныя черты современнаго порядка вещей и главныя тенденціи его развитія. Это конечно не значитъ, что программа должна характеризовать намъ „статику и динамику" современнаго общества, какъ выражаются наши доморощенные соціологи, повторяя и пережевывая буржуазную соціологію. „Статика" даннаго общества вполнѣ опредѣляется его „динамикой", она является только фазой его *развитія*, закрѣпляемой (фиксируемой) нами теоретически для удобствъ наблюденія. Поэтому и „характеръ" даннаго общества опредѣляется такими чертами, которыя сами находятся въ процессѣ развитія. Указать „характеръ" даннаго общества значитъ только указать свойственную ему форму *развитія*.

„Капиталъ, какъ самовозрастающая стоимость, не только заключаетъ въ себѣ понятіе объ отношеніяхъ классовъ, не только, слѣдовательно, обладаетъ общественнымъ характеромъ, основою котораго служитъ существованіе рабочаго, какъ наемнаго рабочаго. Онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе, процессъ круговращенія чрезъ различныя стадіи.... Поэтому его можно понять только, какъ движеніе, но никоимъ образомъ, какъ покоющуюся вещь"*)

*) Марксъ, *Капиталъ* т. II.

Mutatis mutandis, мы можемъ это сказать и о „надстройкѣ“ капитализма. „Буржуазія не можетъ существовать, не вызывая постоянныхъ переворотовъ въ орудіяхъ производства и въ его организаціи, а слѣдовательно и во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ“. Социалдемократія должна особенно рѣзко подчеркнуть это экономическое *развитіе*, потому что она сама есть продуктъ этого развитія, всю силу свою черпаетъ изъ познанія законовъ этого *развитія* и изъ *него же* черпаетъ увѣренность въ своей побѣдѣ.

Лучше всего это сдѣлано во французской и нѣмецкой программахъ. Въ нѣмецкой программѣ, болѣе обстоятельной, мы имѣемъ предъ собою характеристику *развитія* буржуазнаго общества. Она даетъ намъ *не „статику“* буржуазнаго общества, а его „динамику“. Вѣрная методу Маркса и Энгельса, она даетъ картину этого общества не въ его Sein, а въ его Werden.

Съ первыхъ же словъ она указываетъ, что „*экономическое развитіе* буржуазнаго общества *ведетъ* съ естественной необходимостью къ гибели мелкаго производства“, что „оно *отдѣляетъ* работника отъ средствъ производства и *превращаетъ* его въ лишеннаго собственности пролетарія“. Она говоритъ дальше, что „все больше *становится* число пролетаріевъ, все огромнѣе становится армія безработныхъ“ и т. д. и т. д.

Авторы разбираемаго нами проекта предпочитаютъ апелировать къ „статикѣ“. Они пишутъ:

„Эта конечная цѣль опредѣляется характеромъ буржуазнаго общества и ходомъ его развитія. Главную особенность такого общества составляетъ товарное производство на основѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній, при которыхъ самая важная и значительная часть средствъ производства и обращенія товаровъ *принадлежитъ**) небольшому по своей численности классу лицъ, между тѣмъ какъ огромное большинство населенія *состоитъ**) изъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ, вынужденныхъ своимъ экономическимъ положеніемъ постоянно или періодически продавать свою рабочую силу т. е. поступать въ наемники къ капиталистамъ и своимъ трудомъ создавать доходъ высшихъ классовъ общества“.

*) Курсивъ нашъ.

Когда авторъ „дрянной книжонки“ „поднялъ вопросъ“ о пересмотрѣ основныхъ понятій соціализма, онъ особенно старался ослабить то основное понятіе „догмы“, согласно которому ростъ капитализма означаетъ въ то же время уничтоженіе мелкаго производства и ростъ пролетаріата. Рядомъ собранныхъ съ бору и съ сосенки цифръ онъ хотѣлъ опровергнуть „то представленіе, что рабочій классъ *есть* самый многочисленный классъ“. По его мнѣнію „промышленные рабочіе *составляютъ* повсюду меньшинство населенія“.

Что отвѣтили ему „теоретики соціализма“? Показавъ всю несостоятельность статистическихъ фокусъ-покусовъ автора „дрянной книжонки“, они доказали ему, что онъ былъ бы не правъ даже въ томъ случаѣ, если бы его цифры были точнѣе. Ортодоксы никогда не утверждали, что пролетаріатъ, рабочій классъ, уже *составляетъ* огромное большинство населенія. Онъ только *становится* имъ.

Когда русской соціалдемократіи приходилось завоевывать себѣ право на существованіе, когда она доказывала, что „революціонное движеніе въ Россіи можетъ восторжествовать только какъ революціонное движеніе рабочихъ“, ей возражали, что въ Россіи „на 100.000.000 населенія *приходится* всего 800 тысячъ рабочихъ, объединенныхъ капиталомъ“, что „рабочій, способный къ классовой диктатурѣ, почти не существуетъ“.

Что отвѣтили теоретики русской соціалдемократіи? Показавъ всю несостоятельность статистическихъ фокусъ-покусовъ г. В. В., они аппелировали къ „динамикѣ нашей общественной жизни“, къ несомнѣнному *росту* рабочаго класса. Констатированіе этого факта было для нихъ гораздо важнѣе, чѣмъ топтанье вокругъ да около вопроса о числѣ рабочихъ въ данный моментъ*).

*) Изъ этого вопроса составили себѣ особую спеціальность представители легальнаго марксизма, въ особенности г. Туганъ-

Теоретическая часть программы указываетъ черты развитія, общія всѣмъ капиталистическимъ странамъ.

Но она не должна возводить въ общій признакъ то, что, можетъ быть, составляетъ признакъ только одной-двухъ странъ. И чтобы не впасть въ этотъ промахъ, она должна указать лишь на тенденцію развитія. Однородность основныхъ причинъ всего международнаго движенія пролетаріата особенно ясно и опредѣленно выражается въ томъ обстоятельствѣ, что характеристика тенденцій развитія, сдѣланная на основаніи наблюденій, произведенныхъ въ *данной* странѣ, оказывается вѣрной и по отношенію къ другимъ странамъ. Но исходнымъ пунктомъ *данной* соціалдемократіи является конечно дѣйствительность *данной* страны.

Мы имѣемъ дѣло съ программой *русскихъ* соціалъдемократовъ. Мы имѣемъ слѣдовательно право предполагать, что авторы ея исходили изъ анализа русской дѣйствительности. Никто уже теперь не споритъ о томъ, пройдетъ ли Россія чрезъ фазу капитализма или нѣтъ. Споръ давнымъ давно рѣшенъ. Капитализмъ не только „видимо пересиливаетъ", но и уже пересилилъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что капитализмъ у насъ находится на такой же ступени развитія, какъ и въ западной Европѣ, да и сама послѣдняя далеко не представляетъ собой нѣчто однородное. Предъ нами различныя ступени капитализма, развивающагося въ каждой странѣ при своеобразныхъ условіяхъ. Имъ общи только характерныя черты капитализма и тенденціи его развитія.

Теперь спрашивается, о многихъ ли изъ нихъ мы можемъ сказать, что огромное большинство населенія ихъ *состоитъ* изъ пролетаріевъ? Развѣ только объ Англіи можно сказать это, не вызвавъ особенныхъ

Барановскій. Вѣроятно ихъ имѣлъ въ виду тов. Аксельродъ, когда писалъ слѣдующ. строки: „А между тѣмъ марксистская молодежь 80-хъ годовъ... видѣла единственную гарантію успѣховъ нашего соціалдемократическаго движенія въ численномъ ростѣ фабрично-заводскаго пролетаріата". С. 16 „Работникъ", 5-6.

возраженій. И „теоретики соціализма" въ своей полемикѣ съ Бернштейномъ не утверждали, что „огромное большинство населенія" въ Германіи состоитъ изъ пролетаріевъ. Parvus, особенно много занимавшійся этимъ вопросомъ, не отрицая того факта, что пролетаріатъ абсолютно составляетъ еще меньшинство, указывалъ только, въ противоположность Бернштейну, что „соціально-революціонная армія", т. е. пролетаріатъ и эксплуатируемые капиталомъ мелкіе производители, на содѣйствіе и сочувствіе которыхъ пролетаріатъ можетъ разсчитывать въ борьбѣ съ „арміей капитала", составляетъ уже огромное большинство.

Доказывать ли, что если даже говорить о пролетаріяхъ и *полупролетаріяхъ*, то и въ такомъ случаѣ мы не можемъ сказать, что „огромное большинство населенія въ Россіи уже *состоитъ* изъ нихъ? В. Ильинъ, въ своей книгѣ „Развитіе Капитализма въ Россіи" насчитываетъ „около десяти милліоновъ наемныхъ рабочихъ": „Исключаемъ изъ нихъ приблизительно 1/4 на женщинъ и дѣтей, — остается 7½ милліона наемныхъ рабочихъ изъ взрослыхъ мужчинъ, т. е. около половины всего взрослаго мужскаго населенія страны, участвующаго въ прозводствѣ матеріальныхъ цѣнностей". Мы, конечно, можемъ сказать, что если пріемъ Николая — она, т. е. „сравненіе числа *крестьянъ* занятыхъ хотя бы и временно и нерегулярно различными работами, съ числомъ спеціалистовъ-рудокоповъ, занятыхъ только добычей каменнаго угля, есть пріемъ совершенно безсмысленный", то не больше смысла имѣетъ и пріемъ В. Ильина т. е. *сложеніе* числа спеціалистовъ рабочихъ, занятыхъ только на фабрикахъ и заводахъ съ числомъ крестьянъ занятыхъ хотя бы и временно и нерегулярно различными работами. Но пусть разсчетъ В. Ильина совершенно вѣренъ. И въ такомъ случаѣ мы не можемъ сказать, что „огромное большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ".

Но допустимъ, что огромное большинство населе-

нія дѣйствительно состоитъ изъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ. Если слово пролетарій имѣетъ совершенно опредѣленный смыслъ, и мы можемъ думать, что и авторы проекта употребляютъ его въ этомъ смыслѣ, то этого далеко нельзя сказать о словѣ „полупролетарій“, такъ какъ мы можемъ только догадываться, что собственно оно означаетъ въ данномъ случаѣ. Полупролетарій значитъ, конечно, полусобственникъ (крестьянинъ, ремесленникъ, лавочникъ). Слѣдовательно, полупролетарій — промежуточная степень между собственникомъ и пролетаріемъ, одна изъ фазъ экспропріаціи самостоятельнаго производителя. Это конечно не самостоятельный производитель, „мѣстами“ попадающій „въ болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе явную, болѣе или менѣе тяжелую зависимость отъ капитала“: Полупролетарій уже находится на службѣ у капитала, постоянно или періодически — говорятъ намъ авторы проекта. Слѣдовательно, это либо ремесленникъ, работающій на дому за счетъ капиталиста, или крестьянинъ, продающій силу, „хотя бы и временно и не регулярно“: Нѣмцы называютъ такихъ полупролетаріевъ — proletarische Existenzen.

Спрашивается теперь, въ какой пропорціи „огромное большинство населенія“ распредѣляется между пролетаріями и полупролетаріями? Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы видѣть какъ плохо согласуется формулировка авторовъ проекта съ задачами, которыя ставитъ себѣ не „болѣе или менѣе“, а дѣйствительно ортодоксальная программа.

Авторы и тутъ хотѣли дать „фотографически точное изображеніе того, что происходитъ въ дѣйствительности“, и вмѣсто точнаго и яснаго изложенія основной тенденціи развитія капитализма дали спутанное и неопредѣленное описаніе, вмѣсто „догматическаго“ и „неполнаго“, но яркаго и сильнаго положенія — „гибкое“ и „полное“, но тусклое и слабое. Слѣдуя совѣту автора „дрянной книжонки“, они изъ боязни, что „соціальное вліяніе антагонизмовъ покажется сильнѣе и непосредственнѣе, нежели оно

на самомъ дѣлѣ есть“, приняли во вниманіе всѣ „ограничивающіе“ факторы и дали въ поученіе ортодоксамъ, писавшимъ „догматическую“ Эрфуртскую программу, не „аподиктическія“ положенія.

„Догма“ говоритъ, что соціальная революція можетъ быть произведена только пролетаріатомъ, что въ то время, какъ другіе угнетенные классы съ развитіемъ капитализма приходятъ въ упадокъ и уничтожаются, пролетаріатъ, напротивъ, создается этимъ развитіемъ, сплачивается все тѣснѣе и становится все болѣе важнымъ факторомъ общественнаго производства, что въ то время, какъ всѣ другіе угнетенные классы, становятся соціалдемократическими лишь постольку, поскольку они покидаютъ свою точку зрѣнія и переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата, пролетаріатъ является *дѣйствительно* революціоннымъ классомъ и становится соціалдемократическимъ постольку, поскольку сознаетъ *свои* классовые интересы. И авторы программы, которая хочетъ быть ортодоксальной, испугались „сильныхъ выраженій“ и ни разу во всей программѣ не выразили ясно и категорически основную тенденцію капитализма: *ростъ пролетаріата!*

Но развѣ вы будете отрицать, что кромѣ пролетаріевъ *имѣются, существуютъ* еще и *полупролетаріи?*

Но программа изображаетъ не то, что *есть*, а то что *развивается*. Четверть пролетарія, полупролетарій, три четверти пролетарія — все это различныя фазы развитія *пролетарія*. Только вульгарный экономистъ или „критикъ“, которые понимаютъ слова экспропріація и пролетаризація въ „метафизическомъ“ смыслѣ! — и готовъ пролетарій — могутъ поднимать шумъ по поводу того, что кромѣ *пролетаріевъ* существуютъ и полупролетаріи и съ гордостью упрекать „догматиковъ“, что они проглядѣли „факторъ, ограничивающій указываемыя противорѣчія“. Но, скажутъ намъ, вы такимъ образомъ „забѣгаете впередъ“ и выставляете утвержденіе, нуждающееся въ ограниченіяхъ?

На это мы отвѣтимъ опять прекрасными словами

В. Ильина. Если намъ скажутъ, что мы забѣгаемъ впередъ, выставляя такое утвержденіе, то мы отвѣтимъ на это слѣдующее. Передъ тѣмъ, кто хочетъ изобразить какое либо живое явленіе въ его развитіи, неизбѣжно и необходимо становится дилемма: либо забѣжать впередъ, либо отстать. Середины тутъ нѣтъ". Наши авторы, какъ видно, предпочитаютъ опять отстать.

Мимоходомъ: въ программѣ не можетъ быть допущенъ такой терминъ, какъ „наемникъ". Конечно, всякій наемный рабочій есть „наемникъ", но не всякій „наемникъ" есть „наемный рабочій". Наемникъ — явленіе свойственное самымъ различнымъ общественнымъ формаціямъ. Въ то время, какъ „наемный рабочій" необходимо предполагаетъ „капиталиста", „наемникъ" предполагаетъ только „нанимателя". А что не всякій „наниматель" есть капиталистъ, могутъ не знать только ученики Рошера, столь знаменитаго своей обстоятельностью. Не говоримъ же мы о противоположности интересовъ „наемниковъ" и капиталистовъ. Сами авторы проекта говорятъ вѣдь объ ограниченіи рабочаго дня не „наемниковъ", а наемныхъ рабочихъ. Но можетъ быть они употребили терминъ „наемникъ", чтобы имѣть возможность объединить общимъ признакомъ „наемнаго рабочаго", пролетарія съ полупролетаріемъ — крестьяниномъ, нанимающимся на работы, „періодически"*)?

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ главной особенности буржуазнаго общества. По мнѣнію авторовъ

---

*) „По увѣренію господина профессора Рошера, имъ сдѣлано слѣдующее важное открытіе: Одна швея, работающая у госпожи профессорши въ теченіе двухъ дней, исполняетъ большее количество работы, чѣмъ двѣ швеи въ теченіе одного дня. Мы можемъ только посовѣтовать ученому профессору производить свои наблюденія надъ капиталистическимъ производствомъ, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не въ дѣтской комнатѣ и притомъ не при такихъ условіяхъ, гдѣ нѣтъ самого главнаго лица, капиталиста". Марксъ: „Капиталъ", т. I, с. 276 — 277 русск. пер. Ученый профессоръ, какъ видно, не зналъ, что не всякая наемница — „наемная работница", и что не всякая „нанимательница"— капиталистка.

проекта ее составляетъ „товарное производство на основѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній".

Характеристику эту нельзя назвать особенно удачной. *Буржуазнымъ* обществомъ въ „категорическомъ" смыслѣ этого слова является всякое общество товаропроизводителей. „Опредѣленіе стоимости товаровъ трудомъ, и совершающійся на основаніи этого мѣрила стоимости свободный обмѣнъ продуктовъ труда между равноправными товаровладѣльцами, — это и есть, по замѣчанію Маркса, та реальная основа, на которой покоится вся совокупность политической, юридической и философской идеологіи современной буржуазіи".

Вы можете назвать такое общество равноправныхъ товаровладѣльцевъ *мелко* буржуазнымъ, но оно все таки остается *буржуазнымъ*. Но если буржуазное общество есть общество товаропроизводителей, то оно только на извѣстной ступени своего развитія становится капиталистическимъ: простое товарное производство превращается въ капиталистическое товарное производство.

Капиталистическое производство, говоритъ Энгельсъ. появилось въ обществѣ, состоявшемъ изъ отдѣльныхъ товаропроизводителей, связанныхъ между собою лишь посредствомъ обмѣна своихъ продуктовъ.... Выступая лишь въ видѣ новой формы товарнаго производства, оно оставляло въ полной силѣ свойственныя этому производству формы присвоенія". Капиталистическій способъ производства является вѣнцомъ развитія буржуазнаго общества, но корни его лежатъ въ товарномъ производствѣ.

Конечно, если бы намъ вздумалось изслѣдовать, при какихъ обстоятельствахъ всѣ или, по крайней мѣрѣ, большая часть продуктовъ принимаютъ форму товаровъ, то мы нашли бы, что это случается лишь тогда, когда въ основаніи производства лежитъ совершенно особенная, специфическая форма его, а именно капиталистическая форма производства. Но изъ этого не слѣдуетъ, что капиталистическое про-

изводство характеризуется только тѣми размѣрами, въ которыхъ продуктъ производится, какъ предметъ торговли, какъ товаръ.... Въ дѣйствительности капиталистическое производство есть товарное производство, какъ общая форма производства; но оно является таковымъ и становится все болѣе и болѣе таковымъ въ своемъ развитіи только потому, что самъ трудъ является здѣсь товаромъ, потому, что рабочій продаетъ свой трудъ, т. е. функцію своей рабочей силы или, какъ говоритъ Марксъ въ другомъ мѣстѣ, „капиталистическая эпоха характеризуется тѣмъ, что рабочая сила для самого рабочаго пріобрѣтаетъ форму принадлежащаго ему товара, а его трудъ форму наемнаго труда. Съ другой стороны лишь съ этой минуты товарная форма становится всеобщей формой продукта труда".

Во время оно даже В. В., изъ кожи лѣзшій вонъ, чтобы доказать безнадежность „судебъ капитализма въ Россіи", не отрицалъ все таки, что въ Россіи неудержимо развивается товарное хозяйство. И „защитникамъ" капитализма оставалось только, опираясь на „теорію" и „опытъ", показать, что „неумолимые законы (товарнаго производства) ведутъ къ тому, что на извѣстной стадіи своего развитія товарное производство ведетъ къ эксплуатаціи производителя, создаетъ капиталиста-предпринимателя и пролетарія-работника"*).

Вотъ почему вмѣсто „статической" характеристики буржуазнаго общества, даваемой авторами нашего проекта — главную особенность такого общества составляетъ товарное производство на основѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній — лучше было бы показать, что главную особенность современнаго общества *и въ Россіи* составляетъ развитіе капитализма на основѣ товарнаго производства, что капитализмъ есть неизбѣжный продуктъ развитія товарнаго производства, что онъ, говоря другими словами, является только особенной стадіей товарнаго

*) Плехановъ: „Наши разногласія", с. 210.

производства, той его стадіей, когда на рынкѣ является особый товаръ — человѣческая рабочая сила. Такая характеристика была бы не только вѣрнѣе теоретически и исторически, но и болѣе удобна въ практическомъ отношеніи. Почему?

„Товарное производство, писалъ тов. Плехановъ въ „Нашихъ разногласіяхъ", развивается лишь въ томъ обществѣ, гдѣ средства, а слѣдовательно и продукты производства, составляютъ частную собственность производителя; безъ этого условія никакое раздѣленіе труда недостаточно было бы для его возникновенія. Такимъ образомъ товарное производство представляетъ собою слѣдствіе развитія частной собственности". А мы уже знаемъ, что, говоря опять словами же тов. Плеханова, „сама объективная логика товарнаго производства заботится о превращеніи мелкихъ индивидуальныхъ производителей въ наемныхъ рабочихъ, съ одной стороны, и буржуа предпринимателей, съ другой". Слѣдовательно, кто говоритъ — частная собственность, тотъ говоритъ также — капитализмъ. Въ *этомъ отношеніи* нѣтъ никакого *принципіальнаго* различія между собственникомъ клочка земли или ремесленникомъ и крупнымъ землевладѣльцемъ или фабрикантомъ и есть глубокое *принципіальное* различіе между всѣми указанными общественными группами вмѣстѣ и пролетаріатомъ: это — различіе между собственниками орудій производства и несобственниками. Этого факта не устранишь никакими ламентаціями, отъ него не отболтаешься никакими фразами. А общинное землевладѣніе? Развѣ оно не даетъ возможности выдѣлить нашего крестьянина изъ общей категоріи частныхъ собственниковъ? Нисколько. Подъ этимъ остаткомъ старины скрывается вполнѣ индивидуалистическая организація хозяйства, и олирующая одинъ дворъ отъ другого въ неменьшей степени, чѣмъ изолирована одна община отъ другой. Являясь одной изъ ступеней *разложенія* первобытнаго коммунизма, она можетъ дальше *разлагаться* или развиваться въ сторону *полной* частной собственности только потому, что

она представляетъ собой форму *не полной* частной собственности на орудія производства. Въ предѣлахъ этой самой общины развилось то „трудовое начало“, которое лежитъ въ основѣ частной собственности и даетъ капиталисту право присваивать продукты чужого труда. „Отдѣленіе собственности отъ труда стало необходимымъ слѣдствіемъ закона, исходящаго, повидимому изъ ихъ тожества“. Вотъ почему соціалдемократы основную причину всѣхъ мукъ, которыми мучится современное общество, видятъ не „въ товарномъ производствѣ на основѣ капиталистических производственныхъ отношеній“, *а въ товарномъ производствѣ* tout court, и, слѣдовательно, въ частной собственности на орудія производства.

Изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что соціалдемократы являются врагами *всѣхъ* частныхъ собственниковъ. Есть частная собственность и частная собственность. „Частная собственность, какъ противоположеніе общественной собственности, существуетъ только тамъ, гдѣ орудія труда и внѣшнія условія труда принадлежатъ частнымъ лицамъ. Но частная собственность принимаетъ тотъ или иной видъ въ зависимости отъ того, работники ли эти частныя лица или неработники. Безчисленные оттѣнки, которые на первый взглядъ она представляетъ собою, соотвѣтствуютъ лишь промежуточнымъ фазамъ между этими двумя крайностями. Право частной собственности работника на орудія его производства есть основаніе мелкаго производства, все равно земледѣльческаго ли, или промышленнаго, или того и другого: мелкое же производство есть необходимое условіе развитія общественнаго производства и свободной индивидуальности самого рабочаго. Конечно, этотъ способъ производства существуетъ также при рабствѣ, крѣпостничествѣ и при другихъ зависимыхъ отношеніяхъ. Но онъ процвѣтаетъ, проявляетъ всю свою энергію, пріобрѣтаетъ вполнѣ классическую форму только тамъ, гдѣ работникъ есть свободный владѣлецъ имъ самимъ употребляемыхъ орудій труда, земледѣлецъ — собственникъ обрабатываемой имъ земли, ремесленникъ — собственникъ инструмента, которымъ онъ владѣетъ, какъ виртуозъ“*). Это — частная собственность, пріобрѣтенная собственнымъ трудомъ. Но въ силу указанныхъ уже условій она на извѣстной ступени развитія общества вытѣсняется „капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатаціи чужого, но по формѣ свободнаго труда“.

Вотъ почему соціалдемократы, хотя и ставятъ своей цѣлью уничтоженіе частной собственности на средства производства, обобществленіе средствъ производства, совершенно различно относятся къ этимъ двумъ формамъ частной собственности. Представителямъ частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ они стараются показать, что ихъ положеніе безнадежно, покуда существуетъ товарное производство, и что частная собственность стала теперь средствомъ ихъ экспропріаціи. Противъ представителей „частной собственности, основанной на экплуатаціи чужого, но по формѣ свободнаго труда“, противъ экспропріаторовъ они ведутъ безпощадную войну, стараясь ускорить тотъ моментъ, когда пробьетъ часъ *капиталистической* частной собственности. Главный актъ соціальной революціи — экспропріація не экспропріируемыхъ, а экспропріація экспропріаторовъ, не экспропріація частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ, а экспропріація *капиталистической* частной собственности. И поэтому въ высшей степени важно, чтобы въ той борьбѣ, которую соціалъ-демократія, партія *экспропріированныхъ*, ведетъ противъ *экспропріаторовъ*, *экспропріируемые* скорѣе поняли, что корень всѣхъ ихъ бѣдъ лежитъ въ частной собственности.

Программа соціалъ-демократіи — это уже сдѣлано Марксомъ во французской и Каутскимъ въ нѣмецкой — должна рѣзко отдѣлить частную собственность, основанную на собственномъ трудѣ отъ капиталистической частной собственности. Она должна указать, что капитализмъ, становящійся и въ Россіи господ-

*) Марксъ: „Капиталъ“, т. I

ствующимъ способомъ производства, *развивается на основѣ товарнаго производства*, является только стадіей послѣдняго, что нужно слѣдовательно устранить не только „товарное производство на основѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній," но и товарное производство вообще, что соціалъ-демократы ставятъ себѣ цѣлью не только замѣну капитализма соціализмомъ, но и замѣну товарнаго хозяйства хозяйствомъ соціалистическимъ. Программа, конечно, должна будетъ указать, что только капитализмъ, капиталистическое товарное хозяйство, создаетъ тѣ условія безъ наличности которыхъ невозможна замѣна товарнаго производства соціалистическимъ.

7. Женскій и дѣтскій трудъ, живой трудъ и ухудшеніе положенія рабочаго класса.

О всѣхъ этихъ предметахъ авторы нашего проекта, страдающіе слабостью обстоятельности, трактуютъ въ слѣдующемъ пунктѣ:

„Тотъ же техническій прогрессъ даетъ предпринимателямъ возможность все въ большихъ размѣрахъ примѣнять женскій и дѣтскій трудъ въ процессѣ производства и обращенія товаровъ. А такъ какъ, съ другой стороны, онъ приводитъ къ относительному уменьшенію потребности предпринимателей въ живомъ трудѣ рабочихъ, то спросъ на рабочую силу необходимо отстаетъ отъ ея предложенія вслѣдствіе чего увеличивается зависимость наемнаго труда отъ капитала и повышается уровень его эксплуатаціи".

Конечно обстоятельность вещь очень не дурная, но она не всегда умѣстна, особенно въ програмиѣ. У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ теперь подъ руками всѣхъ програмиъ международной соціалдемократіи — и я могу говорить только о французской, германской и австрійской. Ни въ одной изъ нихъ — а эти безспорно: наиболѣе „ортодоксальныя", — ни въ прежнихъ проектахъ группы „Освобожденіе Труда" ни слова не говорится о ростѣ женскаго и дѣтскаго труда. Почему? Неужели Марксъ, Энгельсъ, Лафаргъ, Гэдъ, Каутскій, Адлеръ не замѣтили этого „слона"? Не думаю. У нихъ были вполнѣ достаточныя причины отказаться отъ такой обстоятельности. „Женскій и дѣтскій трудъ въ процессѣ производства

и обращенія товаровъ" не представляютъ собою такого элемента капитализма, такого свойственнаго ему противорѣчіе, историческое развитіе котораго должно привести къ крушенію капитализма. Это — одно изъ многочисленныхъ побочныхъ слѣдствій роста общественныхъ производительныхъ силъ въ капиталистическомъ обществѣ, одинъ изъ элементовъ будущаго строя подготовляемыхъ развитіемъ капитализма. „Какъ бы ужасно и отвратительно ни казалось разрушеніе старыхъ семейныхъ отношеній при капиталистической системѣ, тѣмъ не менѣе крупная промышленность, силою той положительной роли, какую она даетъ женщинамъ, несовершеннолѣтнимъ и дѣтямъ обоего пола въ общественно организаціонныхъ процессахъ производства внѣ домашней сферы создаетъ новое экономическое основаніе для высшихъ формъ семьи и отношеній обоихъ половъ". И еще. „Изъ фабричной системы, какъ это можно въ подробности прослѣдить у Роберта Оуэна, возникаетъ зародышъ будущаго воспитанія, которое соединитъ для всѣхъ дѣтей опредѣленнаго возраста производительный трудъ съ ученьемъ и гимнастикой, и это не только способъ увеличенія общественнаго производства, но и единственный способъ выработать всесторонне развитыхъ людей". (Марксъ)

Поэтому соціалдемократы ставятъ себѣ цѣлью не отмѣну женскаго и дѣтскаго труда. Не говоря уже о томъ, что такая отмѣна была бы не совмѣстима съ существованіемъ крупной промышленности, она была бы просто реакціонной затѣей такъ какъ при цѣлесообразномъ регулированіи женскаго и дѣтскаго труда онъ является однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ реформированія современнаго общества. И соціалъ-демократическая программа, указывающая въ „програмиѣ maximum", что матеріальная и интеллектуальныя предпосылки будущаго строя создаются самимъ капитализмомъ а въ „програмиѣ minimum" перечисляющая мѣры, съ помощью которыхъ можно цѣлесообразно регулировать женскій и дѣтскій трудъ, поступитъ вполнѣ согласно съ „ортодок-

сіей". Это уже дѣло комментарія дать обстоятельный очеркъ развитія капитализма и всѣхъ его слѣдствій. Если же наши авторы, питающіе склонность къ обстоятельности, хотѣли для полноты картины упомянуть о женскомъ и дѣтскомъ трудѣ, то они, конечно, должны были подчеркнуть и свое отношеніе къ нему: „прогрессивно" ли развитіе женскаго и дѣтскаго труда или нѣтъ? Особенно необходимо это у насъ.

„Вы возстаете противъ того взгляда, что въ каждой группѣ рабочихъ приходится ставить разныя требованія, иногда противорѣчащія идеаламъ соціалъ-демократіи. Теоретически объ этомъ спорить очень трудно. Но слѣдуетъ признать, что если стать на вашу точку зрѣнія, пришлось бы работу среди мануфактурныхъ рабочихъ прекратить. Идя противъ требованій о недопущеніи женскаго труда, ограниченія ученичества, вы потеряли (бы) среди рабочихъ всякое вліяніе. Среди литовскихъ евреевъ пришлось бы работу прекратить, такъ какъ многія стачки и волненія рабочихъ возникали на этой почвѣ. Возьмите знаменитую эдельштейновскую стачку, въ которой играла очень значительную роль интеллигенція, чѣмъ она вызвана? Желаніемъ Эдельштейна ввести женскій трудъ на фабрикѣ„ и т. д. и т. д. *).

Повторяемъ: даже въ русской программѣ можно было не упоминать о развитіи женскаго и дѣтскаго труда, но разъ это дѣлается, то въ виду русскихъ же условій надо было подчеркнуть свое отношеніе къ этому вопросу.

Но для чего же все таки понадобилось авторамъ проекта это новшество? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ все въ томъ же желаніи дать „ясные отвѣты" на поднятые авторомъ „дрянной книжонки" вопросы. А „самымъ важнымъ изъ этихъ жгучихъ вопросовъ, центромъ вокругъ котораго расположились всѣ остальные, былъ, какъ извѣстно, вопросъ о томъ, увеличивается или уменьшается общественное неравенство, – т. е. экономическое разстояніе между классами, — по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ развитіе капиталистическаго общества" или другими

*) См. Плехановъ, Vademecum для редакціи „Рабочаго Дѣла:" изъ письма Г., стр. 34.

словами: улучшается или ухудшается положеніе рабочаго класса?

„Каутскій въ спорѣ съ Бернштейномъ высказалъ ту мысль, что увеличеніе числа работающихъ по найму женщинъ и дѣтей свидѣтельствуетъ объ *объднѣніи* рабочаго класса. Эта мысль, какъ видно, очень не понравилась г. П. Струве". И тов. Плехановъ рядомъ данныхъ изъ жизни Соединенныхъ Штатовъ доказываетъ, что „возрастающее подчиненіе ему женщинъ и дѣтей несомнѣнно означаетъ *ухудшеніе* общественнаго положенія рабочаго класса" *).

Теперь читатель пойметъ, почему авторы проекта считали нужнымъ упомянуть о развитіи женскаго и дѣтскаго труда. Въ ихъ глазахъ это одно изъ главныхъ доказательствъ „ухудшенія общественнаго положенія рабочаго класса". Но въ то время, какъ въ статьѣ тов. Плеханова ростъ женскаго и дѣтскаго труда *свидѣтельствуетъ* объ ухудшеніи положенія рабочаго класса, въ проектѣ онъ является одной изъ двухъ главныхъ причинъ этого обѣдненія. Уменьшеніе въ силу техническаго прогресса потребности предпринимателей въ живомъ трудѣ рабочихъ, съ одной стороны, и ростъ женскаго и дѣтскаго труда, съ другой, ведетъ къ тому, что спросъ на рабочую силу необходимо отстаетъ отъ ея предложенія. Вслѣдствіе этого „увеличивается зависимость наемнаго труда отъ капитала и повышается уровень его эксплуатаціи".

Авторамъ проекта, какъ видно, хотѣлось ввести въ программу изложеніе закона прогрессивнаго умень-

*) Плехановъ. Критика нашихъ критиковъ, „Заря" № 2—3, стр. 133—136. Въ этой статьѣ тов. Плехановъ приводитъ много интересныхъ данныхъ для характеристики положенія рабочаго класса. Но къ большому сожалѣнію, статью портитъ смѣшеніе понятій цѣны рабочей силы и цѣны труда. Только это смѣшеніе позволяетъ тов. Плеханову выставить странное положеніе, что „повышеніе заработной платы можетъ пойти рука объ руку съ пониженіемъ цѣны рабочей силы. „По прямому и ясному смыслу законченной доктрины Маркса" увеличеніе номинальной поденной или понедѣльной платы можетъ сопровождаться прежней или понижающейся *цѣной труда*". См. Капиталъ, т. I глава XVIII.

шенія относительной величины перемѣннаго капитала и его вліянія на положеніе рабочаго класса. Но они сдѣлали это очень плохо. Надо было указать, что запросъ и предложеніе рабочей силы регулируются потребностями самого капитала, что отношеніе запроса и предложенія рабочей силы регулируется на основѣ постояннаго превышенія предложенія надъ запросомъ, т. е. на основѣ резервной промышленной арміи, создаваемой механизмомъ капиталистическаго способа производства и составляющей постоянный его придатокъ. Тогда понятно было бы, что „чѣмъ выше производительная сила труда, тѣмъ сильнѣе давленіе рабочихъ на средства ихъ занятія, тѣмъ ненадежнѣе условія существованія наемнаго работника, т. е. продажа его рабочей силы для увеличенія чужого богатства или для самоувеличенія стоимости капитала". Тогда ясно было бы, почему „по мѣрѣ накопленія капитала положеніе рабочаго, какова бы ни была его рабочая плата, должно ухудшиться". Рѣшающее значеніе имѣетъ уменьшеніе запроса на рабочую силу вообще, а не замѣщеніе запроса на мужскую рабочую силу запросомъ на женскія и дѣтскія рабочія силы.

Авторы проекта „даютъ ошибку" еще болѣе грубаго характера. Они говорятъ объ „относительномъ уменьшеніи потребности предпринимателей въ *живомъ трудѣ* рабочихъ". Это совершенно невѣрное изложеніе закона объ относительномъ уменьшеніи потребности предпринимателей въ *рабочей силѣ*. Авторы проекта забыли, что рабочая сила и выжимаемый изъ нея живой трудъ представляютъ совершенно различныя величины. Какъ и представители вульгарной экономіи они забыли, что въ извѣстныхъ предѣлахъ предложеніе труда, который можетъ быть эксплуатируемъ капиталомъ, не зависимо отъ предложенія рабочихъ рукъ. Какъ не знаетъ себѣ предѣловъ алчная погоня капиталиста *за прибавочнымъ* трудомъ, такъ не знаетъ себѣ предѣловъ потребность капиталиста въ живомъ трудѣ, частью котораго является прибавочный трудъ. Но увеличивающееся количество

живого труда капиталистъ можетъ извлечь не только изъ того же количества *рабочихъ силъ*, но и изъ уменьшающагося. Для этого и существуютъ различные способы: удлиненіе рабочаго дня или интенсификація труда. Если законодательство кладетъ предѣлы удлиненію рабочаго дня, остается только второй способъ. „Развитіе капиталистическаго способа производства и производительности труда даетъ возможность капиталисту, при той же затратѣ перемѣннаго капитала, приводить въ дѣйствіе большее количество труда посредствомъ болѣе интенсивной или экстенсивной эксплуатаціи индивидуальныхъ рабочихъ силъ. Съ тѣмъ же капиталомъ онъ покупаетъ большее количество труда, вслѣдствіе того, что замѣняетъ мало по малу искусныхъ работниковъ чернорабочими, зрѣлыя рабочія силы — незрѣлыми, совершеннолѣтнихъ — дѣтьми, мужчинъ — женщинами, одного янки тремя китайцами.... Средства производства, увеличиваясь въ своемъ размѣрѣ и силѣ, даютъ занятіе меньшему числу работниковъ; но и это уменьшеніе усиливается въ свою очередь вслѣдствіе того, что капиталъ, по мѣрѣ возрастанія производительной силы труда, быстрѣе увеличиваетъ свое требованіе на трудъ, чѣмъ свой запросъ на работниковъ". Поэтому уменьшеніе потребности предпринимателей въ рабочихъ силахъ вовсе не означаетъ уменьшенія потребности предпринимателей въ живомъ трудѣ. „Приростъ перемѣннаго капитала становится показателемъ большаго труда, а не большаго числа работниковъ. Каждый капиталистъ имѣетъ положительную выгоду въ томъ, чтобы опредѣленное количество труда извлекалось изъ возможно меньшаго числа работниковъ, а не изъ большаго, если издержки приблизительно одинаковы. Въ послѣднемъ случаѣ расходъ на постоянный капиталъ возрастаетъ пропорціонально количеству труда, приведеннаго въ дѣйствіе, въ первомъ же случаѣ — гораздо медленнѣе. Чѣмъ обширнѣе размѣръ производства, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ этотъ мотивъ; онъ становится сильнѣе съ накопленіемъ капитала". Это обстоятельство объясняетъ

намъ, почему капиталистъ, не смотря на всю свою алчную погоню за прибавочнымъ трудомъ, или другими словами, неутолимую жажду къ живому труду, относительно уменьшаетъ свою потребность въ рабочихъ силахъ. Странно, какъ авторы проекта забыли эти несомнѣнно „ортодоксальныя“ положенія!

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ „ухудшеніи положенія рабочаго класса“. Категорическое выраженіе этой мысли въ программѣ, по мнѣнію тов. Плеханова, достаточно опредѣляетъ ея ортодоксальный характеръ. „Кто не любитъ марксистской „ортодоксіи“ и кто мечтаетъ если не о полномъ примиреніи классовъ, то хотя бы о „притупленіи“ ихъ борьбы, тотъ можетъ даже и не читать нашего проекта. Онъ писанъ только для тѣхъ, которые не боятся прослыть ортодоксами“.

Мы не боимся не только *„прослыть“*, но и *быть* ортодоксами, и все таки думаемъ, что программа можетъ быть ортодоксальной и безъ категорическаго выраженія этой мысли. Такова напримѣръ программа французской рабочей партіи, принципіальная часть которой формулирована Марксомъ. Но мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы эта мысль была выражена, особенно въ русской программѣ. Наши легальные марксисты—В. Ильинъ, Струве и Туганъ-Барановскій—такъ часто грѣшили въ этомъ отношеніи, что уже ради той молодежи или, говоря словами тов. Ленина, ради „полосы дѣятелей, воспитавшихся почти только на одной „легальной“ марксистской литературѣ“, слѣдовало бы подчеркнуть, что положеніе рабочаго класса не можетъ *улучшаться* при сохраненіи капитализма.

Но разъ эта мысль выражается въ программѣ, она должна быть выражена ясно и опредѣленно. А этого нельзя сказать о предлагаемомъ проектѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ объ увеличеніи зависимости наемнаго труда отъ капитала и повышеніи уровня его эксплуатаціи, въ другомъ—объ относительномъ *или даже* абсолютномъ ухудшеніи положенія рабочаго класса. Какъ видно, авторы проекта считаютъ эти два тезиса эквивалентными.

Не лучше ли было бы просто сказать: „ухудшеніе положенія рабочаго класса“? „Относительное *и* даже абсолютное ухудшеніе“ тоже звучало бы странно. Но можно ли въ программѣ, которая, къ великому огорченію Бернштейна, не можетъ не отличаться „аподиктичностью“, говорить объ относительномъ *или* даже абсолютномъ ухудшеніи?

Для чего въ программѣ такія шатанія? Для чего эта робость? „*Или* даже“! Если вы убѣждены, что положеніе рабочаго *класса* ухудшается, говорите просто и ясно, не заикаясь: оно *ухудшается*. Въ комментаріяхъ вы уже скажете, что оно ухудшается *относительно* для лучше поставленныхъ его частей и ухудшается *абсолютно* для хуже поставленныхъ. И людямъ, которые хотятъ доказать вамъ, что человѣку, падающему съ колокольни, въ воздухѣ *лучше*, чѣмъ на землѣ, вамъ только придется указать на массу „нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія“, которыя накопляются *на сторонѣ* рабочаго класса, распредѣляясь *среди него* въ различныхъ пропорціяхъ.

Но въ проектѣ имѣется еще и третья формулировка. „Такимъ образомъ, усовершенствованіе техники, означающее увеличеніе производительности труда и ростъ общественнаго богатства, обусловливаетъ собою въ буржуазномъ обществѣ возрастаніе общественнаго неравенства, увеличеніе разстоянія между имущими и неимущими и ростъ необезпеченности существованія, безработицы и разнаго рода лишеній *для все болѣе широкихъ слоевъ трудящихся массъ*“.

Какъ согласить эту, хотя и многословную, но все таки опредѣленную формулировку со всѣми „болѣе или менѣе“, на которыя мы „мѣстами“ наткались въ предъидущихъ образахъ? Почему это авторы, которые до сихъ поръ предпочитали „отставать“, вдругъ „забѣжали впередъ“. Да просто потому, что въ погонѣ за обстоятельностью они потеряли послѣдовательность.

Это же отсутствіе послѣдовательности характеризуетъ и „практическую“ часть программы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Изъ области „практики“.

Задачи русскихъ соціалъ-демократовъ.

Въ первой части мы разсматривали такъ называемую программу-максимумъ, въ которой обосновывается „конечная цѣль“ соціалъ-демократіи. Эта часть имѣетъ интернаціональное значеніе и всѣмъ своимъ содержаніемъ показываетъ, что освободительная борьба пролетаріата, по самой сущности своей, есть международная борьба. Въ этой области исчезаютъ всякія національныя границы.—Мы видѣли, что авторы разбираемаго нами проекта, хотя,—а, можетъ быть, именно по томучто — они не боятся прослыть ортодоксами, усердно старались вытравить изъ „Эрфуртской программы“ всякіе слѣды „догмы“, „сильныхъ выраженій“; мы видѣли, что они, не въ примѣръ Карлу Марксу, даже въ программѣ не игнорировали факторовъ, вліяющихъ на общественныя противорѣчія ограничивающимъ образомъ и достигли того, что „соціальное вліяніе антагонизмовъ не кажется сильнѣе и непосредственнѣе, нежели оно на самомъ дѣлѣ есть“. Конечно, это куплено цѣной нѣкоторыхъ уступокъ; конечно, программа стала только „болѣе или менѣе“ ортодоксальной; конечно, въ ней не осталось ни одного яркаго мѣста, которое врѣ-

зывалось бы въ память читателя, но за то мы обезпечены на всегда отъ нашествія своего родного Бернштейна. И къ чему онъ придерется?

Какъ бы то ни было, въ первой части мы имѣли дѣло хотя и съ „болѣе или менѣе“, но все-таки „ортодоксальной“ программой. Мы могли поэтому ограничиться констатированіемъ отступленій или уступокъ, допущенныхъ испуганными или оробѣвшимм „ортодоксами“. Заграничные теоретики не все уступили.

Незамѣтныя эти поправки
Такъ измѣняютъ и мысли, и слогъ,
Что потомъ не подточишь булавки!

Иное дѣло—практическая программа. Она вся насквозь пропитана „русскимъ духомъ“, который такъ часто „лжетъ за двухъ“. Безъ дальнихъ словъ, старая программа революціонной соціалъ-демократіи сдана въ архивъ—правда съ разрѣшенія или при ближайшемъ участіи Г. Плеханова, В. Засуличъ и П. Аксельрода. Заграничные теоретики уступили все, сдѣлавъ только робкую оговорку.

Мы остаемся при нашемъ старомъ убѣжденіи, что „въ основу партійной программы долженъ быть положенъ проектъ программы группы „Освобожденіе Труда“ съ соотвѣтствующими измѣненіями“*) И теперь, когда отъ этой программы отказалась гр. Освобожденіе Труда, мы уже не можемъ ограничиться въ этой части критикой отдѣльныхъ пунктовъ. Мы должны подробно обосновать свою точку зрѣнія, а мы можемъ это сдѣлать только въ томъ случаѣ, если подробно разсмотримъ всѣ „новшества“, внесенныя „Искрой“ въ старое наслѣдіе революціонной русской соціалъ-демократіи. Мы начнемъ съ выясненія задачъ соціалъ-демократіи вообще и русской въ частности.

1). Задачи соціалъ-демократіи вообще.

Соціалъ-демократія – партія пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы. Она партія соціалистическая, потому что главную причину всѣхъ золъ

*) Заря, № 1, с. 236, статья Рязанова.

капиталистическаго строя видитъ въ существованіи частной собственности на средства производства и ставитъ себѣ цѣлью устраненіе этихъ золъ путемъ перехода средствъ производства въ собственность общества. Она — партія демократическая, потому что полная демократизація государственнаго и общественнаго строя – демократическая республика—составляетъ главное условіе свободнаго развитія классовой борьбы пролетаріата. Она — партія революціонная, потому что можетъ достичь своей цѣли только путемъ революціи.

Изъ всѣхъ угнетенныхъ классовъ современнаго общества пролетаріатъ является именно тѣмъ классомъ, который, какъ *классъ*, не можетъ устроить свое благосостояніе на счетъ другихъ и который, завоевавъ политическую власть, можетъ ею воспользоваться только для уничтоженія классовъ, а слѣдовательно уничтоженія и органа классового господства – государства.

Не составляя даже большинства населенія, соц.-дем. всетаки является партіей, представляющей классъ, который съ развитіемъ капитализма растетъ и развивается въ то время, какъ другіе классы приходятъ въ упадокъ и уничтожаются. Кромѣ того, это единственная партія, которая, хотя и связана тѣсно съ настоящимъ, уже и *теперь* является *партіей* будущаго.

Капиталистическій строй *самъ* подготовляетъ всѣ матеріальные и интеллектуальные элементы соціалистическаго строя. Эта подготовка совершается самыми нечистыми средствами, цѣной безконечныхъ страданій и безчисленныхъ жизней цѣлаго ряда поколѣній. Законы капиталистическаго строя являются законами самой ожесточанной борьбы классовъ и такой же борьбы внутри классовъ. Эта борьба одинаково имѣетъ мѣсто какъ среди угнетенныхъ, такъ и среди угнетателей.

Соціалъ-демократія, партія классовой борьбы, принимаетъ эту борьбу, какъ *фактъ*, какъ явленіе, неразрывно связанное съ капиталистическимъ строемъ, который въ своемъ развитіи воспроизводитъ и обостряетъ эту борьбу классовъ. Соціалъ-демократіи нѣтъ

никакой необходимости „раздувать“ эту борьбу. Объ этомъ достаточно заботятся господствующіе классы, въ данномъ случаѣ являющіеся только субъективными носителями объективныхъ теченій капитализма. Представительница классовой борьбы пролетаріата противъ буржуазіи, она не имѣетъ никакой необходимости „раздувать“ и эту борьбу. Ея дѣло—развитіе классового самосознанія, выясненіе пролетаріату условій его классовой борьбы и задачъ, изъ нея вытекающихъ. Если соціалъ-демократія выставляетъ *принципъ* классовой борьбы, то въ томъ лишь смыслѣ, что, являясь партіей *пролетаріата*, она не можетъ не быть безусловной противницей всѣхъ попытокъ затушевать классовую борьбу между пролетаріатомъ и буржуазіей, подставить на ея мѣсто мирное сожительство этихъ классовъ, или ихъ сотрудничество. И если соціалъ-демократія защищаетъ интересы угнетенныхъ классовъ рѣшительнѣе и лучше, чѣмъ какаялибо другая демократическая партія, то лишь потому, что она является партіей *только* пролетаріата, представительницей классовыхъ интересовъ *только* пролетаріата. И это по той простой причинѣ, что только интересы этого класса являются интересами „прогресса“, интересами общественнаго развитія. Классовые интересы пролетаріата — единственный критерій, который даетъ намъ возможность безошибочно разбираться въ лабиринтѣ настоящаго. Вотъ почему соціалъ-демократія, являясь продуктомъ *факта*, неразрывно связаннаго съ капиталистическимъ строемъ, продуктомъ классовой борьбы пролетаріата съ буржуазіей, въ своей дѣятельности руководится „принципомъ“ классовой борьбы, т. е. суммой тѣхъ выводовъ, которые съ необходимостью вытекаютъ изъ этой борьбы. Въ то время, какъ всѣ остальныя партіи — будь то партіи эксплуататоровъ или эксплуатируемыхъ—„стѣсняются“ высказать то, что есть, а именно—что онѣ являются, въ сущности, представителями интересовъ даннаго класса, и прикрываются различными пышными фразами, - соціалъ-демократія, наоборотъ, прямо и открыто заявляетъ, что она—пар-

тія классовой борьбы, партія, защищающая классовые интересы *только* пролетаріата.

Являясь самой передовой партіей, она должна стоять *во главѣ* всякаго революціоннаго движенія, направленнаго противъ существующаго строя, она должна быть его авангардомъ. Но для этого ей нѣтъ нужды *привлекать* къ себѣ другіе классы; она должна *увлекать* ихъ своимъ примѣромъ, какъ партія самаго революціоннаго класса. Въ тѣ эпохи, когда существующій „порядокъ“ вызываетъ противъ себя „всеобщее“ негодованіе, она выступаетъ передовымъ застрѣльщикомъ, но ни на минуту не забывая, что она это дѣлаетъ въ качествѣ представительницы интересовъ самаго передового класса. И въ такіе моменты, когда протестъ можетъ быть „всеобщимъ“, лишь превращаясь въ среднюю величину, выражающую только въ ослабленной степени требованія пролетаріата, соціалъ-демократія должна особенно рѣзко формулировать *его* требованія, чтобы удовлетвореніе ихъ было также „всеобщимъ“. Чаще всего случается, что „всеобщій“ протестъ утихаетъ уже при мизерномъ, частичномъ удовлетвореніи требованій пролетаріата, такъ какъ это частичное удовлетвореніе для остальныхъ участниковъ является полнымъ. Всякое умаленіе *классовыхъ* требованій *пролетаріата* въ данный моментъ съ цѣлью не портить всеобщаго согласія, является, поэтому, измѣной не только дѣлу пролетаріата, но и интересамъ общественнаго развитія. И наоборотъ, особенно рѣзкое подчеркиваніе этихъ „узкихъ“ классовыхъ интересовъ въ данный моментъ является самой лучшей тактикой со стороны соціалъ-демократіи.

Откликаясь на всѣ возникающіе вопросы, отзываясь на всѣ злобы дня, освѣщая всѣ явленія современности съ одной и той же точки зрѣнія, соціалъ-демократія всесторонне выясняетъ отношеніе пролетаріата ко всѣмъ остальнымъ классамъ даннаго общества, или, какъ выражаются нѣмцы, „занимаетъ по отношенію къ нимъ извѣстное положеніе“. Только

путемъ такого выясненія она способствуетъ всестороннему воспитанію пролетаріата.

Позвоночникомъ соціалъ-демократическаго движенія является пролетаріатъ. Собственной задачей соціалъ-демократіи является, поэтому, воспитаніе этого класса. Вотъ почему она и „идетъ“ въ *этотъ* классъ. Это единственный *классъ*, который становится соціалъ-демократическимъ, сознавая *свои классовые* интересы. Изъ „всѣхъ“ остальныхъ *классовъ* возможными союзниками пролетаріата, возможными членами соціалъ-демократической партіи являются только угнетенные классы, а они состоятъ изъ тѣхъ самостоятельныхъ производителей различныхъ категорій, которые становятся жертвами развивающагося капитализма. „Идя въ эти классы“, вѣрнѣе, встрѣчая ихъ на своемъ пути, соціалъ-демократія должна воочію показать имъ безнадежность ихъ положенія въ современномъ обществѣ, она должна разъяснить имъ, что интересы *пролетаріата* являются въ тоже время и *ихъ* интересами, что единственнымъ выходомъ для нихъ является присоединеніе къ великой арміи пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы.

Что же касается остальныхъ *классовъ*, то идти въ эти *классы* значило бы только обнаруживать свое непониманіе механизма современнаго общества. Элементы этихъ *классовъ*, воспріимчивые къ нашей пропагандѣ, скопляются въ рядахъ нашей *интеллигенціи*. Идти въ эту среду намъ необходимо. Завоевать возможно большее число приверженцевъ изъ этой среды—одна изъ насущныхъ потребностей нашего движенія, такъ сильно страдающаго отъ постоянныхъ „кровопусканій“. Но идти въ „интеллигенцію“ не значитъ еще „идти во всѣ классы“. Организація пролетаріата—настолько важная задача, она требуетъ такого громаднаго числа силъ, что было бы непростительнымъ ребячествомъ затрачивать ихъ на завоеваніе различныхъ буржуазныхъ слоевъ. Соціалъ-демократія можетъ отдѣлить отъ себя отряды лишь въ тѣ стороны, гдѣ развитіе капитализма предуготовило для

нея благопріятную почву. Иначе она рискуетъ потерять ихъ. На другіе *классы* она воздѣйствуетъ несравненно сильнѣе, ведя агитацію и пропаганду *не въ нихъ*;, *а противъ нихъ, идя противъ этихъ классовъ.* Иллюстрацію этого даетъ намъ Франція послѣднихъ лѣтъ, гдѣ мы видѣли борьбу жоресистовъ, ставящихъ себѣ задачей „идти во всѣ классы населенія" и часто въ этой погонѣ за „всѣми" классами, забывающихъ живой источникъ всего соціалистическаго движенія —пролетаріатъ, и гэдистовъ, вмѣстѣ съ тов. Аксельродомъ думающихъ, что „задача пріобрѣтенія соціалъ-демократами приверженцевъ и прямыхъ или косвенныхъ союзниковъ среди непролетарскихъ классовъ рѣшается прежде всего и главнымъ образомъ характеромъ пропагандистской дѣятельности въ средѣ самого пролетаріата". Организуйте пролетаріатъ, вооружите этотъ наиболѣе революціонный классъ самой революціонной теоріей—и вы увидите, какъ быстро увеличится число вашихъ „союзниковъ" не только среди тѣхъ „не пролетарскихъ классовъ", которые страдаютъ отъ развитія капитализма, но и среди тѣхъ, что въ борьбѣ за большую долю добычи захотятъ другъ другу „подставить ножку". А организація пролетаріата идетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ яснѣе онъ сознаетъ свои классовые интересы, чѣмъ быстрѣе развивается его классовое сознаніе.

Какимъ же образомъ развивается это классовое сознаніе? „Познай самого себя" — вотъ что неустанно твердитъ рабочему классу соціаль-демократія. Внимательное изученіе условій своего собственнаго существованія, своего жизненнаго положенія развиваетъ въ рабочемъ классѣ сознаніе своей исторической миссіи, которая диктуется именно этимъ жизненнымъ положеніемъ. Рука объ руку съ этимъ должно идти у него изученіе условій своего освобожденія, а такое изученіе невозможно безъ пониманія организаціи современнаго буржуазнаго общества. Трудно сказать, какая сторона важнѣе. Вѣрнѣе было бы сказать, что вторая часть уже заключается въ первой, потому что нельзя изучить условія существованія рабочаго класса, не знакомясь въ то же время съ организаціей существующаго общества.

Объективной предпосылкой этого самопознанія рабочаго класса является кристаллизація различныхъ профессіональныхъ группъ, изъ которыхъ состоитъ пролетаріатъ, въ классъ, объединяемый сознаніемъ общности своихъ интересовъ или, говоря словами Маркса, превращеніе рабочаго класса изъ класса an sich въ классъ für sich.

И „идя" въ рабочій классъ мы, соціалъ-демократы, уясняемъ ему *его классовые интересы*, знакомимъ его съ организаціей капиталистиче каго общества, съ различными классами, съ отношеніями этихъ классовъ другъ къ другу и къ рабочему классу, съ борьбой, происходящей между этими классами и внутри ихъ и отношеніемъ этой борьбы къ борьбѣ рабочаго класса, съ отношеніемъ всѣхъ этихъ классовъ къ государству и т. д. Классовое сознаніе рабочаго класса тѣмъ яснѣе, чѣмъ лучше онъ выяснитъ себѣ всѣ эти вопросы.

Такъ представляли мы себѣ главную задачу соціалъ-демократіи, въ этой „вѣрѣ" мы были воспитаны. Но мы живемъ теперь въ горячее время, когда чуть не каждый день является новый пророкъ, который либо вноситъ „поправки", либо въ корень измѣняетъ старые взгляды. И если мы не переходимъ сейчасъ же къ изложенію нашихъ взглядовъ на задачи *русскихъ* соціалъ-демократовъ, то только потому, что намъ мѣшаетъ это сдѣлать тов. Ленинъ. Онъ не согласенъ съ этими труизмами. А такъ какъ онъ отличается неумѣренной страстью „подталкивать" и „наталкивать", то онъ старается „натолкнуть" насъ на слѣдующія соображенія: „кто обращаетъ вниманіе, наблюдательность и сознаніе рабочаго класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же,—тотъ не соціалъ-демократъ... Что бы стать соціалъ-демократомъ, рабочій долженъ ясно представлять себѣ экономическую природу и соціально политическій обликъ помѣщика и попа, сановника и крестьянина, студента и босяка, знать ихъ сильныя и слабыя стороны и т. д.

и т. д.*)... Классовое политическое *сознаніе* можетъ быть принесено рабочему *только извнѣ*, т. е. извнѣ экономической борьбы, извнѣ сферы отношеній рабочихъ къ хозяевамъ. Область, изъ которой только и можно почерпнуть это *знаніе*, есть область отношеній *всѣхъ* классовъ и слоевъ къ государству и правительству, область взаимоотношеній между *всѣми* классами. Поэтому на вопросъ: что дѣлать, что бы принести рабочимъ политическое знаніе?—нельзя давать одинъ только тотъ отвѣтъ, которымъ въ большинствѣ случаевъ довольствуются практики, не говоря уже о практикахъ, склонныхъ къ экономизму, именно отвѣтъ: „идти къ рабочимъ". Что бы принести *рабочимъ* политическое знаніе, соціалъ-демократы должны *идти во всѣ классы населенія*, должны разсылать *во всѣ стороны* отряды своей арміи" **)

Теперь „оттолкнемъ" отъ себя тов. Ленина, и съ рискомъ не только не получить отъ него „поощреніе", но даже—увы!—заслужить „порицаніе", попробуемъ разобраться въ этой кучѣ „толкающихъ" и „толкающихся" мыслей.

Читатель, оглушенный энергичными „толчками" „человѣка съ планомъ", вѣроятно не замѣтилъ, что въ своемъ увлеченіи процессомъ „подталкиванія" и „наталкиванія" тов. Ленинъ „столкнулъ" одно слово и поставилъ на его мѣсто другое.

Мы говорили о *развитіи* классоваго *сознанія*. Тов. Ленинъ говоритъ, что оно *приносится*. Онъ чувствуетъ, что это выраженіе можетъ „натолкнуть" на цѣлый рядъ „еретическихъ" мыслей и, смѣло „сталкивая" слово „сознаніе", ставитъ на его мѣсто „знаніе". Дальше все идетъ гладко. Если бы тов. Ленинъ

*) Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ тѣхъ его статей, въ которыхъ онъ намъ выяснитъ „экономическую природу и соціально-политическій обликъ помѣщика и попа, сановника и крестьянина, студента и босяка". Мы увѣрены, что онъ такимъ образомъ „подтолкнетъ" сильно не только рабочихъ, но „двинетъ впередъ" и соціологію, и общественную психологію. „Спой, свѣтикъ, не стыдись"!

**) Н. Ленинъ, „Что дѣлать?", сс. 52 и 59.

поставилъ вопросъ, не прибѣгая къ „подмѣну", онъ сказалъ бы: „что дѣлать, чтобы развивать классовое сознаніе рабочаго?"—и тогда онъ отвѣтилъ бы, какъ уже отвѣтилъ въ своихъ „задачахъ русскихъ соціалдемократовъ": „Идти къ рабочимъ". А разъ дѣло идетъ не о классовомъ сознаніи, а о политическомъ знаніи, разъ это сознаніе-знаніе можетъ быть „принесено", то естественно, что его остается „черпать" съ помощью разосланныхъ во всѣ стороны отрядовъ соціалъ-демократіи.

„Принесеніе рабочему классу классового политическаго сознанія *извнѣ*" такая же нелѣпость, какъ и „вовлеченіе массы въ активную политическую борьбу". Les extrêmes se touchent.

Всѣ споры послѣднихъ лѣтъ въ сущности сводятся къ одному главному пункту: одни считаютъ рабочій классъ пассивнымъ элементомъ, которому принципы соціалъ-демократіи надо прививать помощью гомеопатическихъ дозъ и, такимъ образомъ, постепенно „вовлечь" его въ активную политическую борьбу, другіе считаютъ рабочій классъ по самому его положенію наиболѣе революціоннымъ классомъ въ Россіи и хотятъ только, пользуясь опытомъ исторіи и западно-европейской практики, выяснить ему какъ общія условія и ходъ его освобожденія, такъ и частныя условія, при которыхъ совершится эта борьба въ Россіи. Активный протестъ рабочаго класса такъ же неизбѣжно развивается изъ данныхъ соціально-политическихъ условій, какъ и самъ рабочій классъ.

Соціалъ-демократія является только наиболѣе рѣшительной и сознательной частью самого рабочаго класса. Являясь сама продуктомъ историческаго развитія, дѣтищемъ пролетаріата, достигшаго въ лицѣ своихъ наиболѣе развитыхъ представителей классового самосознанія, она, въ свою очередь, становится учительницей отставшихъ слоевъ пролетаріата. Мнѣніе, что соціализмъ вносится въ среду пролетаріата извнѣ буржуазной интеллигенціей, такъ же невѣрно поэтому, какъ и мнѣніе, что соціалъ-демократія выростаетъ „сама собою" изъ нѣдръ пролетаріата. Та-

кое мнѣніе приноситъ пролетаріату „слишкомъ много чести и слишкомъ много безчестія".

„Идеологовъ" имѣетъ каждый общественный классъ. Но можемъ-ли мы сказать, что каждый классъ получаетъ свою идеологію „извнѣ"? Возьмемъ идеологію высшаго порядка—соціальную демократію 40-хъ годовъ. Она являлась идеологіей мелкой буржуазіи. Но „не слѣдуетъ думать, что всѣ демократическіе представители—лавочники или поклонники лавочниковъ. По своему образованію и индивидуальному положенію они могутъ быть далеки отъ лавочниковъ, какъ небо отъ земли. Ихъ дѣлаетъ представителями мелкой буржуазіи то, что ихъ мысль не выходитъ за предѣлы жизненной обстановки мелкой буржуазіи, что они поэтому теоретически приходятъ къ тѣмъ же задачамъ и рѣшеніямъ, къ которымъ мелкій буржуа приходитъ практически, благодаря своимъ матеріальнымъ интересамъ и своему общественному положенію. Таково вообще отношеніе между политическими и литературными представителями класса и представляемымъ классомъ". *)

Тоже самое мы можемъ сказать и объ идеологахъ рабочаго класса. Они теоретически приходятъ къ тѣмъ же задачамъ и рѣшеніямъ, къ которымъ пролетарій приходитъ практически, благодаря своимъ матеріальнымъ интересамъ и своему общественному положенію. „Дѣло вовсе не въ томъ, что тотъ или иной пролетарій, а иногда даже весь пролетаріатъ „мнитъ". Дѣло идетъ о томъ, что пролетаріатъ есть и что, сообразно этому бытію своему, онъ исторически принужденъ сдѣлать. Его цѣль и историческая миссія осязательно и неотразимо диктуется ему какъ всѣмъ его жизненнымъ положеніемъ, такъ и всей организаціей современнаго буржуазнаго общества". (Марксъ).

Но есть и „маленькое" различіе. Идеологи буржуазныхъ классовъ „мнятъ", что свою „идеологію" они творятъ изъ чистой истины, чистой справедливости и т. п. и „приносятъ" ее. „Du glaubst zu schieben und

*) К. Марксъ, „18 брюмера Луи Бонапарта".

du wirst geschoben". Въ дѣйствительности же они не витаютъ надъ классами, и „какъ бы они ни были далеки по своему образованію и индивидуальному положенію отъ лавочниковъ", на дѣлѣ они не поднимаются „выше" лавочниковъ. Нѣтъ для нихъ болѣе смертельной обиды, какъ квалификація „идеологи мелкой буржуазіи"!

Идеологи пролетаріата скромнѣе. Они прекрасно знаютъ, что, какъ бы ни были они далеки по своему образованію и индивидуальному положенію отъ пролетаріевъ, они на дѣлѣ не поднимаются выше пролетаріевъ. Они прямо и открыто заявляютъ: У насъ нѣтъ интересовъ, не совпадающихъ съ интересами всего пролетаріата; мы не выставляемъ никакихъ принциповъ, подъ которые мы хотѣли бы подвести движеніе пролетаріевъ. И нѣтъ для нихъ большей хвалы, и ни чѣмъ не гордятся они такъ, какъ сердитымъ упрекомъ противниковъ: вы—идеологи только пролетаріевъ!

Марксъ, Энгельсъ, Каутскій, которые „по своему образованію и индивидуальному положенію" очень далеки отъ обыкновенныхъ пролетаріевъ, никогда не поднимались „выше" пролетаріевъ. И въ этомъ отношеніи ихъ ничто не отличаетъ отъ Дицгеновъ, Бебелей, Ауэровъ, Иглезіасовъ и Делори. Послѣдніе вносятъ въ ряды пролетаріата идеи соціалъ-демократіи въ такой же степени *извнѣ*, какъ Либкнехтъ и Гэдъ. И то обстоятельство, что представители буржуазной интеллигенціи—Марксъ, Энгельсъ, Либкнехтъ— находятъ себѣ откликъ въ Бебеляхъ, показываетъ, что приносимое якобы *извнѣ* ученіе составляетъ только выводъ изъ условій существованія рабочаго класса. Причина становится слѣдствіемъ—и наоборотъ.

Даже *исторически* мы не можемъ сказать, что соціализмъ вносится въ среду пролетаріата *извнѣ*. Такъ основная идея соціалъ-демократіи — необходимость для пролетаріата съорганизоваться въ самостоятельную политическую партію—уже была *практически* осуществлена *чартистами*, въ рядахъ которыхъ Энгельсъ и Марксъ, по ихъ собственному признанію,

научились очень многому.*) Какъ и всегда, практика предшествовала теоріи.

Вѣрно только то, что научную форму „идеологія“ пролетаріата получила въ трудахъ выходцевъ изъ „буржуазной интеллигенціи“. Но, если мы вспомнимъ, что та же „буржуазная интеллигенція“ даетъ идеологовъ для *всѣхъ* классовъ, то ясно, что даже и въ этомъ смыслѣ мы не можемъ сказать, что соціализмъ вносится въ пролетаріатъ *извнѣ буржуазной* интеллигенціей. Чтобы разработать „экономію пролетаріата“ нужны были „люди науки“. А они естественно рекрутируются по историческимъ условіямъ въ рядахъ интеллигенціи, и при болѣе внимательномъ анализѣ условій жизни и обстановки, среди которыхъ воспитались „люди науки“, выработавшіе научный соціализмъ, и „люди науки“, занимающіеся его распространеніемъ въ рядахъ пролетаріата, мы увидимъ, что если это и *интеллигенція*, то не *буржуазная*. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ это представители „мыслящаго пролетаріата“, которые не въ состояніи мириться съ общественнымъ строемъ, превращающимъ науку въ орудіе господства эксплуататоровъ, а искусство — въ ихъ средство наслажденія.

Нельзя также сказать, что классовое сознаніе рабочихъ развивается изъ внѣ сферы отношеній рабочихъ къ хозяевамъ. Если тов. Ленинъ хотѣлъ этимъ сказать, что классовое сознаніе рабочаго класса не можетъ развиваться изъ сферы столкновеній между рабочими и хозяевами, поскольку они охватываютъ отдѣльныя профессіи или отдѣльныя мѣстности, онъ былъ бы правъ. Классовое сознаніе рабочаго класса развивается, когда начинается *классовая* борьба пролетаріата съ буржуазіей. Тов. Ленину оставалось бы только повторить со мной, что „этотъ процессъ классовой организаціи далеко не такъ простъ и элементаренъ, какъ это кажется тѣмъ практикамъ, которые готовы по поводу каждой незначительной стач-

*) Доказательство — „Heilige Familie“ Маркса и Энгельса и „Lage der arbeitenden Classen in England“ Энгельса.

ки сентенціозно замѣчать: „всякая классовая борьба есть борьба политическая“*). Но это далеко еще не значитъ, что классовое сознаніе *приносится* изъ внѣ сферы отношеній рабочаго класса къ классу хозяевъ.

Мы, къ сожалѣнію, не можемъ также понять, несмотря на всѣ „наталкиванія“ тов. Ленина, что „область, изъ которой *только* и можно почерпнутъ это знаніе, есть область отношеній *всѣхъ* классовъ и слоевъ къ государству и правительству, область взаимоотношеній между всѣми классами“.

Тов. Ленинъ хватилъ черезъ край. *Соціалъ-демократъ* не можетъ развивать сознаніе рабочаго класса, не будя въ немъ сознанія противоположности *его* интересовъ интересамъ всѣхъ другихъ классовъ. Именно по тому, что пролетаріатъ есть единственный *дѣйствительно* революціонный классъ, именно потому, что это классъ „неимущій“, лишенный частной собственности, исходной точкой пропаганды соціалъ-демократіи не можетъ являться „*взаимоотношеніе всѣхъ классовъ*“. Основнымъ условіемъ успѣшности соціалъ-демократической пропаганды и агитаціи является, поэтому, подчеркиваніе классовой обособленности пролетаріата. Лишь подчеркнувъ эту обособленность пролетаріата, мы можемъ безъ риска пуститься въ „область взаимоотношеній между всѣми классами“ и указать на точки соприкосновенія, которыя имѣются между рабочимъ классомъ и остальными общественными классами, преимущественно оппозиціонными, не забывая въ тоже время указать и на *классовый* характеръ государства, нѣсколько измѣняющій отношенія къ нему классовъ имущихъ и неимущихъ. И опять таки къ вящему сожалѣнію, я не могу понять, несмотря на всѣ „наталкиванія“ тов. Ленина, почему соціалъ-демократы, что-бы принести рабочимъ классовое политическое сознаніе, должы идти во всѣ классы населенія.

„По какому случаю шумъ“? Тов. Ленинъ хочетъ

*) „Заря“, № 1, с. 125.

хорошенько „натолкнуть“ экономистовъ на тѣ задачи, которыми они непростительно пренебрегаютъ. Но я опасаюсь, что если онъ такимъ образомъ не рискуетъ вызвать „легкую усмѣшку или гомерическій хохотъ нашихъ конституціоналистовъ“, то онъ несомнѣнно вызоветъ сильное недоумѣніе среди тѣхъ нашихъ товарищей, которые „по мѣрѣ силъ своихъ и разумѣнія работаютъ для соціалъ-демократіи“.

Что составляло предметъ нашего спора въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ? Спорили ли мы о томъ, нужно ли идти во всѣ классы населенія или только въ рабочій классъ?

Центральный пунктъ *нашего* спора, который вели *мы, соціалъ-демократы между собою*, состоялъ не въ томъ, идти или не идти преимущественно въ рабочій классъ, — *въ этомъ отношеніи* были согласны и авторъ передовицы въ № 1 „Рабочей Мысли“, и тов. Ленинъ, авторъ „Задачъ русскихъ соціалъ-демократовъ“, а *въ томъ, каковы задачи нашей непосредственной дѣятельности въ средѣ рабочаго класса*. Наши экономисты въ лучшемъ случаѣ хотѣли ограничиться „борьбой за лучшую жизнь и права“, и, съуживая такимъ образомъ задачи соціалъ-демократіи, привели бы къ первой изъ двухъ перспективъ, рисовавшихся тов. Аксельроду въ 1897 г.: „Рабочее движеніе не выходитъ изъ тѣснаго русла чисто экономическихъ столкновеній рабочихъ съ предпринимателями и само по себѣ, въ цѣломъ, лишено политическаго характера. Въ борьбѣ же за политическую свободу передовые слои пролетаріата идутъ за революціонными кружками или фракціями изъ такъ называемой интеллигенціи“. Русская соціалъ-демократія совершила бы такимъ образомъ самоубійство.

Но тов. Аксельродъ указывалъ и другую перспективу: „соціалъ-демократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу, *частью рядомъ и въ союзѣ* съ буржуазными революціонными фракціями (поскольку таковыя будутъ въ наличности), частью же привлекая прямо въ свои ряды или увлекая за

собою наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенціи“. И на вопросъ, что же дѣлать, чтобы эта перспектива осуществилась, тов. Аксельродъ отвѣчалъ: раздвинуть рамки и расширить содержаніе нашей пропагандистско-агитаціонной и организаторской дѣятельности. Только это расширеніе нашихъ задачъ создастъ и ту „сочувственную внѣшнюю атмосферу“, которая необходима для дѣйствія революціонной партіи. Но нужно ли для этого „идти во всѣ классы населенія“? Должны ли мы отказаться отъ основного положенія русской соціалъ-демократіи, которое тов. Ленинъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ: „Наша работа направлена прежде всего и больше всего на фабрично-заводскихъ, городскихъ рабочихъ. Русская соціалъ-демократія не должна раздроблять свои силы, она должна сосредоточиться на дѣятельности среди промышленнаго пролетаріата, наиболѣе воспріимчиваго для соціалъ-демократическихъ идей, наиболѣе развитого интеллектуально и политически, наиболѣе важнаго по своей численности и по концентрированности въ крупныхъ политическихъ центрахъ страны“?*)

Нисколько. Вопросъ о возможно широкомъ воздѣйствіи русской соціалъ-демократіи на тѣ слои населенія, которые, хотя и не принадлежатъ къ рабочему классу, тѣмъ не менѣе страдаютъ отъ современныхъ порядковъ“, рѣшается гораздо проще. „*Для воздѣйствія на эти слои отнюдь нѣтъ необходимости, чтобы соціалъ-демократы отправились дѣйствовать въ ихъ средѣ*. Задача пріобрѣтенія русскими соціалъ-демократами приверженцевъ и прямыхъ или косвенныхъ союзниковъ среди не-пролетарскихъ классовъ рѣшается прежде всего и главнымъ образомъ характеромъ агитаціонно-пропагандистской дѣятельности въ средѣ *самого пролетаріата*.**) До сихъ поръ дѣятельность эта вращалась почти цѣликомъ вокругъ непосредственно экономической эксплуатаціи рабочихъ нанима-

*) Н. Ленинъ, „Задачи русскихъ соціалъ-демократовъ“, с. 16.
**) Курсивъ тов. Аксельрода.

телями. Указанная же задача требуетъ расширенія объема агитаціи и пропаганды вопросами, представляющими собою узловые пункты, въ которыхъ сходятся и переплетаются интересы какъ пролетаріата, такъ и другихъ классовъ, угнетаемыхъ или тѣснимыхъ абсолютизмомъ и покровительствуемой имъ капиталистической буржуазіей".*)

Но тутъ цѣлымъ скопомъ поднимаются наши экономисты, вплоть до кретиновъ credo, и заявляютъ: „Но это значило бы навязать пролетаріату чуждыя ему задачи"! Аксельродъ дѣлается мишенью самыхъ ожесточенныхъ нападокъ отъ Лиммата и до Енисея, и ему остается только сослаться на слѣдующія за вышеприведенной цитатой слова: „Но эти вопросы оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, самыми важными и существенными въ настоящее время для нашего пролетаріата. Слѣдовательно, подчеркивая и выдвигая ихъ, наша пропаганда и агитація будутъ наиболѣе цѣлесообразны и съ точки зрѣнія, имѣющей въ виду исключительно развитіе политическаго сознанія рабочихъ".

Ergo, чтобы развивать политическое сознаніе рабочихъ, нужно только перемѣстить центръ тяжести нашей пропаганды и агитаціи и не забывать, что этой цѣли мы лучше всего достигнемъ, развивая классовое сознаніе рабочихъ. Говоря опять таки словами тов. Ленина, не того Ленина, который „собрался въ походъ" во всѣ классы населенія, а того Ленина, который совѣтовалъ „сосредоточиться па дѣятельности среди промышленнаго пролетаріата," „наша задача — слить свою дѣятельность съ практическими, бытовыми вопросами рабочей жизни, помогать рабочимъ разбираться въ этихъ вопросахъ, обращать вниманіе рабочихъ на важнѣйшія злоупотребленія, помогать имъ формулировать точнѣе и практичнѣе свои требованія къ хозяевамъ, развивать въ рабочихъ сознаніе своей солидарности, сознаніе общихъ интересовъ и общаго дѣла всѣхъ русскихъ рабочихъ, какъ единаго рабочаго класса, составляющаго часть всемірной арміи пролетаріата".*)

*) Н. Аксельродъ, „Къ вопросу о сущ. задачахъ и тактикѣ русскихъ соціалъ-демократовъ", с. 16-17.

Но я забываю, что „nous avons changé tout cela". И тотъ же тов. Ленинъ опять сердито меня „толкаетъ":

„Есть ли у насъ силы для того, чтобы направить свою пропаганду и агитацію во *всѣ* классы населенія? Конечно, да. Наши экономисты, склонные нерѣдко отрицать это, упускаютъ изъ виду тотъ гигантскій шагъ впередъ, который сдѣлало наше движеніе съ 1894 (приблизительно) по 1901 г. Истинные „хвостисты", они живутъ зачастую въ представленіяхъ давно миновавшаго періода начала движенія. Тогда у насъ дѣйствительно было поразительно мало силъ, тогда была естественна и законна рѣшимость всецѣло уйти въ работу среди рабочихъ и сурово осуждать всякія отклоненія отъ нея, тогда вся задача состояла въ томъ, чтобы упрочиться въ рабочемъ классѣ"**).

„Гигантскій шагъ впередъ"! Не сдѣланъ ли онъ былъ тогда, когда свирѣпствовало экономическое направленіе? Именно тогда, когда идеи, „приносимыя извнѣ" въ среду пролетаріата, были идеями „хвостистовъ"? Не объясняется ли этотъ „неожиданный пассажъ" только тѣмъ, что тов. Ленинъ писалъ „до послѣдней степени на спѣхъ" и плохо согласовалъ различныя части своей книги?

Не наоборотъ ли? „Гигантскій шагъ впередъ сдѣлало рабочее движеніе, а *наше* движеніе, какъ вполнѣ справедливо настаивалъ въ другомъ мѣстѣ тов. Ленинъ, начиная съ 1896 г. „гигантски отстаетъ отъ него". И мы со стыдомъ должны признаться, что мы, „извнѣ приносящіе рабочему классовое политическое сознаніе" *до 1901 г.* отставали отъ рабочаго движенія.

И горькой насмѣшкой надъ *нашимъ* движеніемъ звучатъ слѣдующія слова тов. Ленина: „Теперь въ движеніе втянута гигантская масса силъ, къ намъ идутъ всѣ лучшіе представители молодого поколѣнія образованныхъ классовъ, вездѣ и повсюду, по всей провинціи вынуждены сидѣть люди, принимавшіе уже или желающіе принять участіе въ движеніи, люди,

*) Ленинъ, „задачи русскихъ соціалъ-демократовъ", с. 8-9.

**) Н. Ленинъ: „Что дѣлать?" с. 65.

тяготѣющіе къ соціалъ-демократіи (тогда какъ въ 1894 г. по пальцамъ можно было пересчитать русскихъ соціалъ-демократовъ). Одинъ изъ основныхъ политическихъ и организаціонныхъ недостатковъ нашего движенія — что мы *не умѣемъ* занять всѣ эти силы, дать всѣмъ подходящую работу".

Увы! Это только „мечта". Наша бѣда какъ разъ въ томъ, что если мы и имѣемъ „элементы для штаба спеціалистовъ писателей, спеціалистовъ-корреспондентовъ, арміи репортеровъ-соціалъ-демократовъ, заводящихъ связи вездѣ и повсюду, умѣющихъ проникнуть во всѣ и всяческія „государственныя тайны", „пролѣзть (?!) во всякія закулисы", то у насъ почти не хватаетъ силъ, чтобы удовлетворить запросамъ гигантски разростающагося рабочаго движенія, что у насъ слишкомъ мало людей, которые могли бы идти къ рабочимъ, чтобы нести имъ *живое* слово соціалъ-демократической пропаганды. А *устные комментаріи*, какъ совершенно справедливо замѣтилъ тов. Ленинъ, котораго никто, конечно, не заподозритъ въ умаленіи значенія литературы, гораздо важнѣе печатныхъ.

И теперь, когда наши практическія задачи становятся все сложнѣе, когда русскому рабочему классу надо готовиться къ рѣшительной битвѣ, мы, соціалъ-демократы, должны и сами „идти къ рабочимъ", и звать туда „лучшихъ представителей молодого поколѣнія"!

Каковы же эти задачи?

2) Особенности Россіи и задачи русскихъ соціалъ-демократовъ.

Среди русскихъ соціалъ-демократовъ и по сію пору еще циркулируетъ много предразсудковъ, которые давно уже пора подвергнуть критикѣ. Эти предразсудки объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что въ своей оцѣнкѣ русскихъ условій мы руководились „шаблономъ" Западной Европы. А дѣлали мы это потому, что въ спорахъ съ нашими „самобытниками" слишкомъ сильно подчеркивали черты развитія, общія Россіи съ западно-европейскими странами и

оставляли въ сторонѣ или просто не замѣчали особенностей ея положенія.

А между тѣмъ развитіе Россіи совершается очень своеобразнымъ образомъ. И дѣятельность нашей партіи можетъ быть цѣлесообразной *исторически* только въ томъ случаѣ, если, слѣдуя общимъ принципамъ научнаго соціализма, она будетъ въ ней исходить изъ точнаго анализа всѣхъ особенностей историческаго развитія Россіи.

Характерно, что наши первые соціалъ-демократы, особенно въ своей дѣятельности, посвятили много вниманія именно этимъ особенностямъ. Съ тѣхъ поръ, какъ „Россія стала подобна Европѣ", эти differentia specifica начали изчезать изъ поля зрѣнія русскихъ соціалъ-демократовъ, и на первый планъ выступили черты сходства. И неудивительно. То, что легко ускользало отъ вниманія соціалъ-демократовъ, ставшихъ таковыми послѣ голода 1891 г., бросалось въ глаза соціалъ-демократамъ, выросшимъ и воспитавшимся на традиціяхъ революціоннаго народничества.

Уже въ первомъ изданіи гр. „Освобожденіе Труда" тов. Плехановъ писалъ:

> Общіе философско-историческіе взгляды Маркса имѣютъ ровно такое же отношеніе къ современной Зап. Европѣ, какъ къ Греціи и Риму, Индіи и Египту. Они обнимаютъ всю культурную исторію человѣчества и могутъ быть непримѣнимы къ Россіи только въ случаѣ ихъ общей несостоятельности. Но это не заставляетъ насъ отрицать значеніе экономическихъ особенностей той или другой страны; наоборотъ, въ нихъ мы найдемъ объясненіе всѣхъ ея общественно-политическихъ и умственныхъ движеній"*)

Мы уже видѣли въ первой части, что взгляды группы „Освобожденіе Труда", какъ и многое въ мірѣ, измѣнились. Измѣнились, какъ видно, также взгляды отдѣльныхъ ея членовъ и на этотъ вопросъ. Такъ напримѣръ, въ высшей степени характерное предисловіе В. И. Засуличъ къ переводу „Развитіе научнаго соціализма" исчезло уже изъ второго изданія. Это доказывается также брошюрой „Соціализмъ

*) Г. Плехановъ, „Соціализмъ и политическая борьба", Женева, 1883.

и политическая борьба", которая написана совсѣмъ „мягко" и въ которой даже о русской поземельной общинѣ говорится въ выраженіяхъ, совершенно исчезнувшихъ изъ нашего словаря послѣ выхода „Нашихъ Разногласій", т. е. послѣ того, какъ началась *вынужденная полемика* наша съ народниками всякихъ оттѣнковъ"*)

Тов. Плехановъ и это объясняетъ „дипломатичностью". Но я и тутъ позволю себѣ усомниться**).

Я, съ своей стороны, продолжаю думать, что на измѣненіе теоретическихъ взглядовъ не должна вліять никакая дипломатичность. Пролетаріатъ тѣмъ отличается отъ *всѣхъ* буржуазныхъ партій, что онъ никогда не долженъ опредѣлять нормы своего поведенія въ зависимости отъ того, какъ къ нему *относятся*. Опредѣлять свою тактику, формулировать свои принципы, руководясь „уже сознанными" интересами своихъ противниковъ, такая же плохая тактика, какъ и руководство уже *сознанными* интересами нѣкоторыхъ слоевъ рабочаго класса. Лучшая тактика, лучшая политика — высказывать то, что есть, ни-

*) Г. Плехановъ, „Заря", № 4, с. 19.

**) „Ауэра, говоритъ Парвусъ, считаютъ чрезвычайно хитрымъ, но онъ вовсе не хитеръ. Онъ только дѣлаетъ видъ, будто хитритъ, и что всего замѣчательнѣе: ему вѣрятъ. Поразивъ публику своимъ чертовски-хитрымъ замѣчаніемъ: „Милый Еде, такія вещи дѣлаютъ, но о нихъ не говорятъ", онъ тѣмъ самымъ сталъ въ противорѣчіе съ своимъ маккіевелевскимъ принципомъ". Тоже случилось съ тов. Плехановымъ. Говоря, что *теперь слѣдуетъ ставить точки на і*, онъ хочетъ лишній разъ показать, что онъ былъ когда то дипломатиченъ, и попалъ въ противорѣчіе не только съ „дипломатіей", но и съ исторіей. „*Мы должны ставить точки на і*, потому что, не видя такихъ точекъ, наши противники могутъ по „недоразумѣнію" принять і за фиту или ижицу", такъ писалъ тов. Плехановъ въ „Нашихъ Разногласіяхъ" (с. 213), когда, по его же словамъ, онъ изъ „дипломатичности" не дѣлалъ этого. Можетъ быть, онъ и теперь изъ „дипломатичности" говоритъ, что когда то не ставилъ точекъ на і? Новыя точки, поставленныя теперь, какъ мы увидимъ еще ниже, именно и превратили старое і въ ижицу или фиту, и я предпочелъ бы, что бы мы остались при старыхъ. Впрочемъ, быть можетъ, окажется, что и новыя точки тоже не обошлись безъ „дипломатичности"?

когда не скрывать своихъ настоящихъ намѣреній. Только партіи, живущія *настоящимъ*, интересами минуты, а не соціал-демократія, партія и будущаго, могутъ позволять себѣ роскошь „дипломаіти". Въ незнаніи этого принципа и заключается корень всѣхъ ошибокъ оппортунизма такихъ „глубокихъ политиковъ", какъ Фольмаръ.

Намъ никогда не могъ повредить вполнѣ, до конца высказанный *марксизмъ* и намъ уже много разъ вредилъ недосказанный марксизмъ, такъ какъ для профановъ онъ часто превращается въ брентанизмъ. И можно только жалѣть, что между первыми произведеніями группы „Освобожденіе Труда" и послѣдними существуетъ такая разница въ „тонѣ" и во взглядахъ. Чѣмъ бы ни объяснять эту разницу — „дипломатичностью" или, какъ я предпочитаю, особенностями промежуточнаго періода, — она существуетъ. Многое изъ того, что указывалось раньше, позже уже не подчеркивалось или обходилось молчаніемъ. Но

Не говори: ихъ нѣтъ,
А съ благодарностію: были!

И я „съ благодарностью" долженъ сказать, что нѣкоторыя особенности историческаго развитія Россіи были указаны вѣрно. Эти особенности: 1) соціалистическое движеніе въ Россіи *уже* началось, когда капитализмъ былъ еще въ зародышѣ и 2) наша буржуазія неспособна къ революціонной иниціативѣ. И въ настоящее время мы не должны ихъ упускать изъ виду. Исторія послѣднихъ двадцати лѣтъ обнаружила еще одну особенность, которая прежде не такъ бросалась въ глаза — гигантскій ростъ рабочаго движенія въ рамкахъ самодержавнаго строя.

Забвеніемъ этихъ особенностей, временнымъ прекращеніемъ преемственности революціонной мысли можно отчасти объяснить пониженіе революціоннаго темпа въ дѣятельности русской соціалъ-демократіи, отстававшей въ этомъ отношеніи отъ наиболѣе сознательныхъ элементовъ рабочаго класса и едва

успѣвавшей тащиться въ хвостѣ гигантски разроставшагося рабочаго движенія. Естественными порожденіями этого періода явились экономизмъ въ его различныхъ оттѣнкахъ до credo, съ одной стороны, и преувеличенія „пролетарской борьбы“ — съ другой. Неудивительно, поэтому, что борьба съ этими теченіями заставила ветерановъ нашего движенія опять напомнить своимъ „болѣе или менѣе“ молодымъ товарищамъ эти особенности.

Не надо только забывать, что мы говоримъ объ *особенностяхъ* историческаго развитія Россіи. Эти особенности нисколько не мѣшаютъ ей въ своемъ развитіи проходить, въ общемъ, тѣ же фазы, которыя были пройдены „Западной Европой“. Но каждая изъ этихъ фазъ, не говоря уже о различіяхъ въ ихъ продолжительности, отличается тоже особенностями, которыя объясняются тѣмъ же могучимъ вліяніемъ международныхъ отношеній. Россія находится теперь въ фазѣ „кануна буржуазной революціи“, т. е. въ фазѣ, давно уже пройденной главными странами Западной Европы. И положеніе Россіи дѣйствительно очень своеобразно.

А) Особенность первая. — Капитализмъ подъ „гласнымъ надзоромъ“ соціализма.

Ни одна страна въ Западной Европѣ не имѣла наканунѣ буржуазной революціи до такой степени развитую крупную промышленность, какъ „святая Русь“. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на картину промышленнаго развитія Англіи до ея „великаго бунта“, Франціи — до великой революціи и Германіи — до 48 г., чтобы видѣть, какъ сильно отстали онѣ въ этомъ отношеніи отъ Россіи. Въ Англіи мы имѣемъ передъ собой уже сложившіяся капиталистическія отношенія въ селѣ: развитую арендную систему, сельскій пролетаріатъ, капиталистическую кооперацію въ крупныхъ имѣніяхъ. Помѣщики-романтики уже уступили мѣсто помѣщикамъ практикамъ, производящимъ для рынка. Появляется

уже классъ капиталистовъ-фермеровъ, хотя до „тройственной формулы распредѣленія“ (прибыль, заработная плата, рента) еще очень далеко. Въ городѣ вполнѣ развитое ремесло, находящееся „въ болѣе или менѣе“ явной зависимости отъ торговаго капитала, начатки капиталистической кооперации. Классъ мелкихъ производителей все еще составляетъ огромное большинство населенія. Во Франціи мы замѣчаемъ ту же картину въ селѣ съ той только разницей, что классъ капиталистовъ-фермеровъ сложился уже въ очень замѣтную величину и становится исходнымъ пунктомъ всей системы физіократовъ. Въ городѣ рядомъ съ разрушающимся ремесломъ имѣются уже крупныя мануфактуры. Въ странѣ образовалось уже нѣсколько торговопромышленныхъ центровъ съ значительнымъ рабочимъ населеніемъ. Германія, несмотря на большое разнообразіе мѣстныхъ условій, представляетъ, въ общемъ, ту же картину, но двѣ области, Рейнская провинція и Вестфалія, уже знаютъ крупную промышленность. Во всѣхъ трехъ странахъ мы застаемъ еще наканунѣ революціи остатки формальнаго крѣпостного права. Цехи въ Англіи переживаютъ обѣ революціи 17 вѣка, во Франціи доживаютъ до Великой революціи, въ Германіи отмѣняются въ значительной степени еще до нея. Если можно только позволить себѣ такую „огульную“ характеристику, мы скажемъ, что въ Англіи революція разыгралась на основѣ первой фазы развитія капитализма — кооперации, во Франціи — на основѣ мануфактуры, въ Германіи — мануфактуры съ примѣсью крупной промышленности. Для Россіи же рѣшающее значеніе имѣетъ именно послѣдняя, такъ какъ она уже наложила свою печать на всю ея экономику. Ни въ одной изъ западно-европейскихъ странъ капитализмъ не развивался съ такой головокружительной быстротой, какъ у насъ. Въ то время, какъ въ Англіи и Франціи (въ Германіи и Австріи въ меньшей степени) капитализмъ успѣвалъ еще застаиваться, кристализоваться въ одной изъ фазъ своего развитія и въ продолженіе долгаго вре-

мени воспроизводиться на той же основѣ, онъ въ Россiи едва успѣваетъ утвердиться на извѣстномъ технологическомъ основанiи и превращаетъ нашу страну въ конгломератъ различныхъ мѣстностей, представляющихъ самыя разнообразныя степени развитiя капитализма — отъ капиталистической кооперацiи до послѣдняго слова капиталистической промышленности. Докапиталистическiя формы производства, на фонѣ которыхъ совершается это развитiе, уничтожаются самымъ безпощаднымъ образомъ. Техническiе и экономическiе перевороты, для „Западной Европы" растягивавшiеся на сотни лѣтъ, въ Россiи сконцентрировались на протяженiи перiода едва охватывающаго 100 лѣтъ. Если мы оставимъ въ сторонѣ капиталистическое хозяйство на барщинной основѣ, которое является характерной экономической формой для всякой страны, находящейся въ перiодѣ раскрѣпощенiя, то мы можемъ сказать, что капитализмъ, уже освободившiйся отъ путъ крѣпостного права, въ теченiе четырехъ десятилѣтiй произвелъ въ Россiи столько „разрушительной" и „созидательной" работы, сколько ему не удалось сдѣлать въ Англiи въ теченiе нѣсколькихъ столѣтiй.

А рядомъ съ этимъ развивалось и соцiалистическое движенiе, которое, по своей интенсивности, не имѣетъ себѣ равнаго даже въ исторiи германскаго революцiоннаго движенiя до 1848 г. Начиная съ пятидесятыхъ годовъ, у насъ уже не обрывается традицiя не только соцiалистической мысли, но и соцiалистической практики. И до 80-хъ годовъ это движенiе напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы дать возможность Россiи перейти къ соцiалистическому строю, минуя капитализмъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ народовольцы, пренебрегая законами исторiи, сдѣлали крайне дерзкую попытку покончить заразъ какъ съ абсолютизмомъ, такъ и съ капитализмомъ. Они были увѣрены, что паденiе абсолютизма послужитъ непосредственнымъ прологомъ крушенiя капитализма. За свою дерзость они были жестоко наказаны и по сiю пору еще получаютъ иногда строгiе выговоры за

свое соцiологическое невѣжество, хотя безъ ихъ замѣчательной соцiологической практики, безъ ихъ горькаго опыта мы врядъ ли бы теперь лучше понимали научный соцiализмъ, чѣмъ „чистые" марксисты 70-хъ годовъ.*)

Этотъ фактъ ранняго развитiя соцiализма слишкомъ бросался въ глаза, чтобы не быть замѣченнымъ разными наблюдателями. Народники всѣхъ оттѣнковъ поспѣшили сдѣлать изъ него выводъ, что въ Западной Европѣ капитализмъ развивался „безсознательно", безъ всякаго протеста со стороны „интеллигенцiи", а у насъ дѣло происходитъ какъ разъ наоборотъ, и изъ наличности протестующихъ элементовъ постулировали къ возможности устранить такой патологическiй способъ развитiя общественныхъ производительныхъ силъ, какъ капитализмъ. Особенно нелѣпую форму этотъ выводъ получилъ у В. В., который вмѣстѣ съ Юзовымъ взялъ на себя миссiю доводить до абсурда народничество 70-хъ годовъ и, поэтому, служилъ любимымъ козломъ отпущенiя для всѣхъ нашихъ легальныхъ марксистовъ. Болѣе близкое знакомство съ исторiей Англiи показало бы имъ, что даже въ

---

*) Нашихъ „соцiалистовъ-революцiонеровъ" принимаютъ за „воскресшихъ" народовольцевъ. Это безусловно невѣрно. Они такъ же похожи на народовольцевъ, какъ Бернштейнъ на Маркса. Все великое въ исторiи не „воскресаетъ", а *претворяется* въ дѣятельности будущихъ поколѣнiй, воспитавшихся на опытѣ своихъ великихъ предшественниковъ. Только какой нибудь первобытный народецъ, который ничему не научился и ничего не забылъ, можетъ мечтать о побѣдѣ надъ непрiятелемъ лишь потому, что онъ предъ фронтомъ выставитъ скелетъ своего стараго вождя, когда то доставившаго ему не мало побѣдъ. Не тревожьте, поэтому, костей старыхъ борцовъ и не жалуйтесь, если въ пылу битвы и ихъ настигнетъ „шальная пуля". Не вызывайте ихъ ни завыванiями, ни шумомъ глиняныхъ горшковъ, ни трескомъ барабановъ. „Не ты ли звать меня дерзалъ? *Ты* сходенъ только съ тѣмъ, кого *ты* постигаешь, но не со мной". Но не тревожьте же и вы, товарищи, праха дорогихъ намъ борцовъ. И поражая своихъ противниковъ, не оскорбляйте великихъ тѣней. Вы имѣете дѣло не съ „вандалами", не съ „воскресшими", а съ „проснувшимися", которыхъ разбудилъ шумъ борьбы пролетарiата и которые въ просонкахъ нарядились не въ свои перья.

этой странѣ капитализмъ складывался не стихійно и имѣлъ своихъ В. В. и Юзовыхъ.

Этотъ фактъ обратилъ на себя вниманіе и марксистовъ à la авторъ „Красное знамя въ Россіи". Они „твердо" знаютъ, что каждый классъ долженъ выработать свою идеологію, что данная идеологія предполагаетъ данный классъ, что, слѣдовательно, соціалистическая идеологія предполагаетъ пролетаріатъ. И вдругъ такой пассажъ: сильное соціалистическое движеніе безъ пролетаріата! И нашъ бѣдный марксистъ, „наморщивши чело", строитъ теорію: эта соціалистическая идеологія явилась костюмомъ для складывавшейся уже тогда буржуазіи. Ея представители, буржуазная интеллигенція, усвоили себѣ „послѣднее слово" европейской идеологіи приспособивъ ее, конечно, къ своему классовому кругозору. Такимъ образомъ соціалистическое движеніе „устраняется", а вмѣстѣ съ тѣмъ и отступленіе отъ шаблона. Вопросъ о „наслѣдствѣ" рѣшается, такимъ образомъ, очень просто: оно отрицается. Фактъ не объясняется, — онъ перетолковывается и теряетъ всякіе слѣды своей „особности".

Какъ бы то ни было, какъ бы мы ни объясняли эту „непостижимую странность", „для насъ не должно остаться потеряннымъ то, въ высшей степени важное, обстоятельство, что соціалистическое движеніе началось у насъ *уже* въ то время, когда капитализмъ былъ *еще* въ зародышѣ. *Эта* особенность русскаго историческаго развитія не придумана славянофилами и славянофильствующими революціонерами. Она составляетъ безспорный, всѣмъ извѣстный фактъ, который принесетъ огромную пользу дѣлу нашего рабочаго класса, если только русскіе соціалисты не растратятъ своей умственной и нравственной энергіи на постройку воздушныхъ замковъ въ стилѣ удѣльновѣчевой эпохи"*), или, прибавимъ теперь, даже въ стилѣ капиталистической эпохи.

Одинаково нелѣпы, поэтому, попытки *задержать*

*) Г. Плехановъ: „Наши разногласія", 212.

развитіе капитализма или *ускорить* его, если эти попытки дѣлаются русскими *соціалистами*. *Одинаково* нелѣпы и тѣ соціалисты, которые хотятъ имѣть „положительныя" стороны капитализма безъ его „отрицательныхъ", и тѣ соціалисты, которые забываютъ, что „положительныя" стороны капитализма развиваются тѣмъ быстрѣе, чѣмъ сильнѣе „отрицательное" отношеніе къ нему соціалистовъ. *Одинаково* нелѣпы соціалисты-бюрократы à la Киселевъ, желающіе превратить Россію изъ бѣдной капиталистической страны въ страну народнаго производства, и соціалисты-бюрократы à la Витте, которые вмѣстѣ съ Струве*) желаютъ, что бы Россія изъ бѣдной капиталистической страны стала богатой капиталистической же страной. *Одинаково* комиченъ и соціалистъ-народникъ, который „плачется" по поводу разслоенія крестьянства и хочетъ сохранить разлагающуюся общину, и „марксистъ", который „плачется" по поводу медленнаго хода этого процесса и, какъ мужикъ у Успенскаго, каждый разъ напоминаетъ общинѣ: „пора бы тебѣ, старая, на покой"!

Нѣтъ! Именно потому, что у насъ соціалистическое движеніе *уже* началось, когда капитализмъ былъ *еще* въ зародышѣ, мы должны помнить, что исторія возложитъ на насъ отвѣтственность не только за соучастіе, но и за попустительство. Мы поняли, правда, что нѣтъ той силы, которая могла бы остановить развитіе капитализма, и „помирились" съ этимъ, потому что мы также поняли, что само это развитіе подготовляетъ всѣ матеріальные и интеллектуальные элементы соціалистическаго строя. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что мы должны успокоиться на томъ, что *мы* не „вредимъ". Мы *уже* должны начать борьбу съ капитализмомъ по всей линіи, и борьба эта поставлена въ особенно благопріятныя условія. „Нашъ капитализмъ отцвѣтетъ, не успѣвши окончательно расцвѣсть, — за это ручается намъ могучее вліяніе международныхъ отношеній". (Г. Плехановъ).

*) Я говорю о Струве, авторѣ „Критич. Замѣтокъ".

Но, скажутъ намъ, пролетаріатъ, какъ законный наслѣдникъ капиталистическаго общества, заинтересованъ въ томъ, чтобы оно развивалось какъ можно скорѣе, чтобы наслѣдство его было возможно богаче. Начиная свою борьбу съ капитализмомъ тогда, когда онъ еще „молодъ", когда онъ еще не справился съ докапиталистическими формами производства, соціалъ-демократія только задерживала бы его развитіе, а слѣдовательно отдаляла бы часъ освобожденія пролетаріата. Такъ Турати, глава итальянскихъ оппортунистовъ, опасается, что слишкомъ интенсивная экономическая борьба путемъ стачекъ можетъ привести къ паденію прибыли ниже ея нормальнаго уровня и задержать такимъ образомъ развитіе капитализма. Австрійскіе оппортунисты признаютъ законность протекціонистскихъ вожделѣній австрійской буржуазіи, потому что безъ протекціонизма невозможно развитіе капитализма. Такимъ образомъ, соціалъ-демократіи навязывается новая задача: развитіе производительныхъ силъ, которая до сихъ поръ составляла историческую миссію буржуазіи и которой она не можетъ измѣнить, потому что въ этой работѣ она „подталкивается" такимъ могучимъ стимуломъ, какъ жажда прибавочной стоимости. И въ результатѣ получается извѣстная форма сотрудничества между буржуазіей и пролетаріатомъ, выражающаяся въ „осторожности" и „нѣжности", съ которыми ведется борьба съ капиталомъ даже тамъ, гдѣ она необходима въ силу непосредственныхъ интересовъ рабочаго класса. На соціалъ-демократію падаетъ отвѣтственность за подвиги „отца", „наслѣдство" обременяется сомнительными долгами, сдѣланными съ согласія „сына". И несравненно „практичнѣе" поступаетъ соціалъ-демократія, когда, нанося *свои* удары капитализму, она не считается съ его „возрастомъ". Какъ бы ни были сильны *наши* удары, они никогда не могутъ ему „повредить", поскольку онъ выполняетъ *свою* историческую миссію. Наоборотъ. Чѣмъ энергичнѣе идетъ борьба пролетаріата съ буржуазіей, тѣмъ скорѣе и лучше послѣдняя выполняетъ свои обязанности.

Капиталъ an sich относится очень равнодушно къ вопросу о томъ, какъ добывается прибавочная стоимость—„абсолютно" или „относительно". Если бы это только возможно было, онъ предпочелъ бы прямо класть ее въ карманъ, не занимаясь „воздержаніемъ". Вмѣстѣ съ П. Струве, онъ никакъ не можетъ понять „почему *присвоеніе* прибавочной стоимости (Plusmacherei) имѣетъ меньше правъ на титулъ личной дѣятельности, чѣмъ *производство* прибавочной стоимости"?*) И именно потому, что онъ свою *историческую* миссію выполняетъ плохо, мы не ограничимся тѣмъ, что скажемъ ему, какъ Христосъ Іудѣ: что дѣлаешь, дѣлай скорѣе. Одними увѣщаніями тутъ ничего не сдѣлаешь. Капитализмъ нужно хлестать „въ три кнута". Только въ борьбѣ съ экономической борьбой пролетаріата, капитализмъ начинаетъ „охорашиваться", чтобы доказать, что вся бѣда въ „маленькихъ недостаткахъ механизма"**)

„Могучее вліяніе международныхъ отношеній" достаточно ручается за то, что экономическое развитіе можетъ идти только въ одномъ направленіи — чрезъ капитализмъ къ соціализму.

Процессъ созиданія „основъ" у насъ все время совершался при свѣтѣ критики соціализма. Объ этомъ уже заботились и должны еще въ большей степени заботиться русскіе соціалъ-демократы. Разоблачая всѣ способы первоначальнаго накопленія, они будутъ клеймить каждый шагъ нашего капитализма по пути „мирнаго" прогресса, они будутъ вскрывать всю лицемѣрную подоплеку фразъ объ экономическомъ прогрессѣ, цивилизаціи, культурѣ, которыми съ такой охотой прикрываютъ свои хищническіе подвиги капиталисты всѣхъ категорій. Имѣя въ своемъ распоряженіи богатый опытъ Западной Европы, они будутъ пользоваться этими подвигами, чтобы развивать классовое сознаніе пролетаріата, чтобы предупреж-

*) П. Струве, „Критическія замѣтки" и т. д., с. 12.

**) Понятно, что подгонять капитализмъ мѣрами, которыя ставятъ себѣ цѣлью возвращеніе къ докапиталистическимъ порядкамъ, нѣтъ никакой возможности. Есть борьба и борьба.

дать другіе эксплуатируемые классы о грозящей имъ опасности; они будутъ возставать противъ всякихъ попытокъ ускорить „искусственными средствами“ развитіе капитализма. Борясь противъ всякихъ реакціонныхъ затѣй мелкой буржуазіи, они въ то же время никогда не должны являться адвокатами капиталистовъ. Выяснять историческое значеніе *капитализма* можно и не защищая подвиги отдѣльныхъ группъ *капиталистовъ*. Какъ это дѣло, такъ и непосредственныя заботы объ „экономическомъ прогрессѣ“ они смѣло могутъ предоставить капиталистамъ и ихъ прихвостнямъ. *)

Только въ этомъ случаѣ вся отвѣтственность за развитіе капитализма падетъ не на нихъ, хотя послѣдствія этого развитія послужатъ на ихъ пользу. Только такимъ путемъ соціалъ-демократія докажетъ всей трудящейся массѣ, что, являясь представительницей интересовъ пролетаріата, она въ то же время борется въ современномъ обществѣ не только противъ эксплуатаціи наемнаго труда, но и противъ всякой эксплуатаціи и угнетенія.

Та же особенность значительно облегчаетъ намъ и самую пропаганду соціализма. А однимъ изъ важнѣйшихъ условій ея успѣшности является пониманіе пролетаріатомъ историческаго, переходнаго характера капиталистическаго процесса производства. Въ другихъ странахъ, гдѣ капитализмъ существуетъ „искони“, съ его развитіемъ образуется такой рабочій

*) Такимъ защитникомъ былъ у насъ П. Струве, когда онъ еще выводилъ нашъ капитализмъ въ люди и старался ему обезпечить входъ въ салоны нашей интеллигенціи. На каждомъ шагу онъ старается доказать, что капитализмъ вовсе не виновенъ въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя ему приписываютъ. Эти адвокатскіе напѣвы встрѣчаются сплошь и рядомъ въ сочиненіяхъ нашихъ легальныхъ марксистовъ. Вотъ одинъ образецъ: „Откуда же слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, что это стремленіе нашихъ предпринимателей воспользоваться выгодами докапиталистическихъ пріемовъ хозяйства должно быть поставлено въ счетъ нашему капитализму, а не тѣмъ остаткамъ старины, которые задерживаютъ развитіе капитализма и которые держатся во многихъ случаяхъ силой закона?“ В. Ильинъ, „Развитіе капитализма въ Россіи“, стр. 394.—Ниже мы еще вернемся къ этому писателю.

классъ, который, вслѣдствіе своего воспитанія, традицій, привычекъ, признаетъ требованія этого способа производства за очевидные законы природы. Всѣ безчисленныя муки и страданія, которыхъ стоило развитіе этого способа производства, вся кровь, которой залита была исторія первоначальнаго накопленія капитала—все это скрылось подъ густымъ слоемъ пыли многовѣковой исторіи. Въ болѣе молодыхъ капиталистическихъ странахъ легенда о „священныхъ основахъ“ создается съ большимъ трудомъ. „Стихійный“ элементъ отступаетъ на задній планъ сравнительно съ „сознательнымъ“. Становится ясно, что люди сами дѣлаютъ свою собственную исторію, что, слѣдовательно, ее можно передѣлать человѣческими же руками. А тѣ обстоятельства и условія, которыя непосредственно окружаютъ людей, условія, не выбранныя ими и унаслѣдованныя, начинаютъ теперь измѣняться особенно быстро. Хотя капиталистическій способъ производства не можетъ существовать, не вызывая постоянныхъ переворотовъ въ орудіяхъ производства и въ его организаціи, онъ все таки, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ въ теченіе долгаго времени воспроизводиться на той же основѣ. Примѣръ—Голландія, гдѣ капитализмъ развился очень рано. Тамъ съ теченіемъ времени общественная жизнь отлилась въ опредѣленныя, прочныя формы, и Голландія превратилась въ своего рода буржуазный Китай. Тоже мы видимъ въ Англіи. Теперь темпъ промышленнаго развитія все больше ускоряется, особенно для молодыхъ странъ. „Мы знаемъ уже—и этому учитъ насъ исторія той же Западной Европы—что для капитализма труденъ былъ только первый шагъ и что его непрерывное движеніе отъ „Запада“ къ Востоку совершается съ постоянно возрастающимъ ускореніемъ. Не только развитіе русскаго капитализма не можетъ быть такъ же медленно, какъ было оно, напримѣръ, въ Англіи, но и самое существованіе его не можетъ имѣть такой продолжительности, какая выпала на его долю въ „западно-европейскихъ странахъ“. *) Понят-

*) Г. Плехановъ, „Наши разногласія“, с. 299.

но также, что ускореніе темпа развитія капитализма ускоряетъ и развитіе его послѣдствій. Всѣ „прочныя окаменѣлыя отношенія“ разрушаются еще быстрѣе, и люди, а вмѣстѣ съ ними, слѣдовательно, и пролетаріатъ, оказываются *еще болѣе* вынужденными взглянуть трезвыми глазами на свои взаимныя отношенія и на свое жизненное положеніе. Этимъ обстоятельствомъ объясняется и болѣе быстрый ростъ социалъ-демократіи въ Германіи, Австріи и Италіи, и оно же позволяетъ намъ надѣяться, что у насъ развитіе соціалъ-демократіи пойдетъ еще быстрѣе.

Б) Особенность вторая. — Политическое безплодіе нашей буржуазіи.

„Соціально-революціонная партія не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ. Это дѣло должно бы всецѣло лежать на тѣхъ людяхъ, которые называютъ себя либералами. Но эти люди у насъ совершенно безсильны и, по какимъ бы то ни было причинамъ, оказываются неспособными дать Россіи свободныя учрежденія и гарантіи личныхъ правъ. А между тѣмъ эти учрежденія настолько необходимы, что, при ихъ отсутствіи, никакая дѣятельность невозможна. Поэтому русская соціально-революціонная партія принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизмъ и дать Россіи тѣ политическія формы, при которыхъ возможна станетъ идейная борьба*)“. Такъ формулировали свои взгляды народовольцы (главнымъ образомъ Желябовъ) на Воронежскомъ съѣздѣ.

Не менѣе рѣшительно выражена эта мысль и въ предисловіи тов. В. Засуличъ къ переводу Энгельса: „Юная по счету лѣтъ, но не по нравственному характеру своихъ представителей, русская буржуазія, какъ таковая, не способна уже къ революціонной иниціативѣ, проявлявшейся у западной буржуазіи во времена ея юности. Не она подняла у насъ и знамя борьбы съ абсолютизмомъ, бывшее въ свое время знаменемъ западной буржуазіи. Слишкомъ громко раздаются теперь на свѣтѣ новые революціонные лозунги, которые не могутъ стать ея лозунгами.*)

*) Е. Серебряковъ, общество „Земля и Воля“.

Мы видѣли уже въ первой части, что группа „Освобожденіе Труда“ тоже, хотя и не такъ рѣшительно, какъ тов. В. Засуличъ, указывала на неспособность нашего средняго класса взять на себя *иниціативу* борьбы съ абсолютизмомъ. Это сдѣлано было въ первомъ проектѣ, въ которомъ дана была и попытка объяснить этотъ замѣчательный фактъ. Весьма характерно, что онъ квалифицируется какъ одно изъ *вреднѣйшихъ* слѣдствій отсталаго состоянія производства. И только въ силу неразвитого состоянія средняго класса соціалистической интеллигенціи пришлось взят на себя дѣло созданія свободныхъ политическихъ учрежденій.

Позднѣе этотъ абзацъ исчезаетъ, а съ нимъ и соціалистическая интеллигенція. Второй проектъ составленъ былъ при значительно измѣнившихся условіяхъ. Соціалистическая интеллигенція потерпѣла полное пораженіе, а „отсталое состояніе производства“ уходило въ область прошлаго, вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма неудержимо развивался „средній классъ“. И вмѣстѣ съ разочарованіемъ въ способности русской интеллигенціи усвоить себѣ принципы научнаго соціализма растетъ увѣренность въ томъ, что у нашей буржуазіи начинаютъ уже „атрофироваться жабры, съ помощью которыхъ она дышала въ мутной водѣ разлагающагося абсолютизма“. Мы приводили уже въ первой части цитаты, характеризующія это настроеніе и, поэтому, не повторяя ихъ, скажемъ, что такимъ образомъ все больше укрѣплялась увѣренность, что, какъ и въ Германіи, такъ и въ Россіи соціалъ-демократическая партія „пойдетъ рядомъ съ буржуазіей, поскольку эта послѣдняя является революціонной въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи, противъ феодальной поземельной собственности и мелкаго мѣщанства“.

*) Энгельсъ, „Развитіе научнаго соціализма“, Ж., 1884, с. VIII

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ теперь ни времени ни мѣста для обсужденія всѣхъ вопросовъ, затронутыхъ въ прекрасныхъ брошюрахъ тов. Аксельрода. Мы увѣрены, что какъ только, послѣ объединенія нашей партіи, созданъ будетъ центральный органъ, будетъ открыта дискуссія по всѣмъ тактическимъ вопросамъ. А это обсужденіе тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ больше усложняется политическая и общественная жизнь нашей родины, чѣмъ рѣзче и опредѣленнѣе выступаютъ теперь направленія, до сихъ поръ говорившія только эзоповскимъ языкомъ. Пока мы ограничиваемся бѣглыми замѣчаніями. „Шаблонъ Запада показываетъ, что низверженіе абсолютизма приводило къ господству буржуазіи, ergo—оно „приносило пользу прежде всего буржуазіи". Этотъ же шаблонъ показываетъ, что знамя борьбы съ самодержавіемъ поднимала буржуазія. Присмотримся къ дѣлу поближе.

Дѣйствительно въ Западной Европѣ борьба съ самодержавіемъ велась различными слоями буржуазіи, но и тамъ она велась тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе активное участіе принималъ въ борьбѣ пролетаріатъ, толкая впередъ буржуазію. Наиболѣе рѣшительнымъ борцомъ за демократію была мелкая буржуазія въ городахъ. Крупная и средняя промышленная буржуазія являлась такимъ борцомъ въ несравненно меньшей степени. Исключеніе составляютъ только Англія и Франція, гдѣ эти слои буржуазіи являлись защитниками конституціонныхъ гарантій (ограниченной монархіи) въ борьбѣ съ абсолютизмомъ, поскольку онъ опирался на феодальное землевладѣніе и финансовую аристократію. Поэтому въ Англіи и Франціи буржуазія съиграла роль класса-освободителя, а мелкая буржуазія и ея идеологи до сихъ поръ еще черпаютъ часть своего политическаго вліянія изъ славныхъ традицій своего великаго прошлаго. И только въ послѣднія десятилѣтія интенсивный ростъ рабочаго движенія, выдвигающаго свою политику, дѣлаетъ англійскую и французскую буржуазію все болѣе реакціонной. И добившись уже господства,

имѣя уже политическую власть въ своихъ рукахъ, которая „прежде всего принесла пользу ей", она начинаетъ усердно искать союзниковъ среди „гордыхъ обломковъ прошлаго", чтобы подѣлиться съ ними или совсѣмъ уступить имъ свое господство. На склонѣ лѣтъ ей понадобились люди „крови и желѣза", не стѣсняющіеся никакими „славными традиціями".

Уже въ Германіи „буржуазія имѣла несчастіе придти слишкомъ поздно". Она даже не успѣла воспользоваться властью нераздѣльно и сейчасъ же уступила ее реакціонерамъ, обезпечивъ себѣ политическія условія, необходимыя для свободнаго развитія ея страсти къ прибавочной стоимости. Буржуазія поспѣшила провозгласить священныя права собственности, не успѣвъ раздѣлаться сначала съ феодализмомъ и дала феодаламъ свѣжій вексель на крестьянскую барщину и землю. Она напугана была возстаніемъ французскаго пролетаріата, рисовавшимъ буржуазіи не особенно веселыя перспективы, и съ ужасомъ узнала, что нѣмецкій пролетаріатъ, выражавшій уже въ сороковыхъ годахъ свое недовольство, какъ ей казалось, только несовершенствами полититическаго режима, пытался воспользоваться революціей, чтобы обезпечить себѣ условія, необходимыя для свободнаго развитія своей *классовой* борьбы *съ ней*. За буржуазіей стоялъ пролетаріатъ. И маленькая горсточка идеологовъ буржуазіи оказалась безсильной въ борьбѣ съ пробудившимся инстинктомъ классоваго самосохраненія. Прекрасные дни Аранхуеца скоро пролетѣли, и нѣмецкая буржуазія быстро скатилась по наклонной плоскости націоналъ-либерализма въ мутную воду реакціи. Она чувствуетъ себя тамъ прекрасно, такъ какъ у ней жабры, съ помощью которыхъ она дышала въ мутной водѣ разлагающагося абсолютизма, не только не атрофировались, но еще окрѣпли. „Легкія, которыя, какъ казалось, развились уже въ 40-хъ годахъ и требовали чистаго воздуха политическаго самоуправленія", остались рудиментарнымъ органомъ.

Я сказалъ: „казалось". Меня могутъ спросить: „а

не находится ли это утвержденіе въ противорѣчіи съ «Манифестомъ Комунистической Партіи» Маркса и Энгельса"?

Дѣло въ томъ, что Марксъ и Энгельсъ преувеличивали прогрессивный характеръ нѣмецкой буржуазіи. Въ ихъ распоряженіи находился только опытъ Англіи и Франціи, а этотъ опытъ показалъ, что буржуазія сама толкаетъ пролетаріатъ на путь политическихъ движеній", что исторической миссіей буржуазіи является завоеваніе политической свободы. Они были увѣрены, поэтому, что предстоящая революція принесетъ съ собой господство буржуазіи, что общественныя и политическія условія, которыя принесетъ съ собой это господство, послужатъ нѣмецкимъ рабочимъ оружіемъ противъ той же буржуазіи, что борьба противъ нея *начнется* тотчасъ же послѣ паденія реакціонныхъ классовъ въ Германіи. Буржуазная революція должна была, такимъ образомъ, послужить лишь непосредственнымъ прологомъ рабочей революціи.

Изъ этихъ взглядовъ логически вытекала и тактика, которой придерживались Марксъ и Энгельсъ во время революціи 1848 — 49 г. Они хотѣли идти рядомъ съ буржуазіей и вполнѣ сознательно заняли мѣсто на крайнемъ лѣвомъ крылѣ буржуазной демократіи, отличаясь отъ послѣдней лишь большей крайностью своихъ политическихъ требованій. Въ теченіе всего 1848 и начала 1849 г. они помогаютъ буржуазіи вести *ея* политическую борьбу, диктуютъ ей на каждомъ шагу программу ея дѣйствій, энергично „толкаютъ" ее по пути рѣшительной оппозиціи, берутъ на себя иниціативу въ дѣлѣ отказа отъ податей. И Энгельсъ вполнѣ правъ былъ, когда въ Іюлѣ 1885 г. писалъ о рѣчи Маркса предъ кельнскими присяжными, что въ ней коммунистъ старается выяснить буржуазнымъ присяжнымъ, что тѣ дѣянія, за которыя онъ сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ, составляли *ихъ* обязанность. „*Еще только начинающій* развиваться пролетаріатъ *лишь настолько* заинтересованъ въ этой борьбѣ, насколько онъ *съ помощью побѣды*

буржуазіи получитъ свѣтъ и воздухъ для своего собственнаго развитія". Но тщетны были всѣ усилія и старанія Маркса и Энгельса. Фактически революція *сдѣлана* была рабочими и наиболѣе радикальными слоями мелкой буржуазіи. Буржуазія, по выраженію Энгельса, только вынесла революцію, и Марксъ и Энгельсъ скоро поняли, что они слишкомъ идеализировали буржуазію, которая оказалась совершенно неспособной выполнить *свою* историческую миссію.

А между тѣмъ, пока Марксъ и Энгельсъ тратили свои силы на то, чтобы толкать буржуазію, *уже* начавшееся рабочее движеніе шло своимъ чередомъ. Союзъ коммунистовъ началъ свою дѣятельность слишкомъ поздно и не успѣлъ ничего сдѣлать для того, чтобы связать свои „конечныя цѣли" съ рабочимъ движеніемъ. И оно шло совершенно „стихійно". Коммунисты боролись въ рядахъ буржуазной демократіи и становились въ ея главѣ, рабочіе „занимались стачками, рабочими союзами, производительными ассоціаціями и забывали, что дѣло прежде всего идетъ о томъ, чтобы съ помощью политическихъ побѣдъ завоевать себѣ область, въ которой только и возможно было прочное существованіе указанныхъ вещей"*).

Марксъ и Энгельсъ скоро замѣтили свою ошибку. На это ихъ натолкнулъ опытъ „Новой рейнской газеты". „Толкая" буржуазію, они, коммунисты съ головы до ногъ, не могли, при всемъ своемъ желаніи, быть только крайнимъ лѣвымъ крыломъ буржуазной демократіи, скрыть, что они „толкаютъ" ее только для того, чтобы скорѣе „столкнуть". Въ результатѣ они „оттолкнули" отъ себя буржуазію, которая и слышать не хотѣла о продолженіи навязанной ей революціи, но за то они привлекли къ себѣ массы. „Новая рейнская газета", теряя читателей среди буржуазной демократіи, начала пускать прочные корни въ рабочихъ массахъ. Становилось ясно, что рабочій классъ не можетъ ждать побѣды буржуазіи, что

*) Engels, „Zur Geschichte des Bundes der Kommunisten".

бы лишь послѣ взяться за *свое* дѣло. Кромѣ того, нужно было взять въ свои руки знамя демократіи, которое буржуазія выпустила изъ своихъ. Марксъ и его друзья выступаютъ изъ демократическаго комитета въ апрѣлѣ 1849 г. Въ тоже время кельнскій рабочій союзъ выступаетъ изъ рейнскаго демократическаго союза и сзываетъ на 6 мая конгрессъ, на которомъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ объ организаціи рабочихъ и о посылкѣ делегатовъ на созванный Рабочимъ братствомъ (во главѣ котораго стоялъ Борнъ) конгрессъ въ Лейпцигѣ*). Вмѣстѣ съ тѣмъ „Новая рейнская газета“ становится *пролетарской* газетой. Марксъ печатаетъ свои лекціи о „наемномъ трудѣ и капиталѣ“, а Вильгельмъ Вольфъ свои статьи о „Силезскомъ милліардѣ“. Но было уже поздно. И безъ того достаточно напуганная буржуазія, поспѣшила сдаться на гнѣвъ и милость абсолютизму, пожертвовавъ не только рабочими, но и крестьянами.

Я сказалъ, что Марксъ и Энгельсъ „*ошиблись*“. Но ошибка ошибкѣ рознь. Говоря словами Маркса, это была ошибка всемірно-историческаго характера, коренившаяся въ объективныхъ условіяхъ. И если мы не хотимъ повторить эту ошибку, если мы не хотимъ, чтобы наша ошибка была „личной“, то мы не должны закрывать глаза на ту „особенность“ Россіи, что у насъ буржуазія оказывается рѣшительно неспособной къ какой нибудь революціонной инииіативѣ, что она живетъ въ такой международной атмосферѣ, въ которой *у нея* никогда не атрофируются жабры, съ помощью которыхъ она продолжаетъ дышать въ мутной водѣ разлагающагося абсолютизма а легкія, требующія чистаго воздуха политическаго самоуправленія, останутся въ еще болѣе рудиментарномъ состояніи, чѣмъ у видовъ буржуазіи, предшествовавшихъ ей на лѣстницѣ историческаго развитія.

---

*) На предыдущемъ конгрессѣ, происходившемъ въ Августѣ 1848, кельнскіе рабочіе не были представлены.

Наша финансовая буржуазія такъ же реакціонна, какъ и западно-европейская. Всѣми своими интересами она связана съ самодержавнымъ строемъ. Чисто политическое вліяніе ея ослабляется какъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ рукахъ государства находится главный резервуаръ всего денежнаго и кредитного обращенія страны, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что преобладающую роль въ системѣ государственнаго кредита играютъ иностранные займы.

Активная оппозиціонная роль крупной и средней промышленной буржуазіи у насъ сводится почти къ нулю. Дальше такъ называемаго представительства интересовъ промышленности ея мечтанія не идутъ. *Либерально* у насъ настроены торговая буржуазія и та часть землевладѣльцевъ, которые уже успѣли стать *промышленными* капиталистами, т. е. занимаются не только присвоеніемъ прибавочной стоимости, но и „производствомъ“ ея. Около нихъ группируется буржуазная интеллигенція. Всѣ эти элементы чувствуютъ себя стѣсненными при абсолютизмѣ и не прочь были бы „ограничить“ его. Но эти вожделѣнія отравлены уже въ самомъ корнѣ своемъ. И безъ того куриный полетъ нашего либерализма связывается „трудно опредѣлимымъ настроеніемъ непривычныхъ къ политической жизни общественныхъ слоевъ.“ Если нѣмецкая буржуазія могла еще тѣшить себя до 1848 г. иллюзіей, что такія явленія, какъ возстаніе силезскихъ ткачей, объясняются только несовершенствами политическаго строя, то русская уже достаточно вкусила отъ древа познанія добра и зла, чтобы отказаться отъ такой иллюзіи. Ничего она не боится такъ смертельно, какъ именно *революціи*, которая, согласно шаблону, *прежде всего* должна послужить ей. Она боится не только пролетаріата,—ее страшитъ и растущее недовольство мелкой буржуазіи.

Другими словами, идеологія буржуазіи—*либерализмъ*—въ Россіи „отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть“. Производство у насъ развивается не по днямъ, а по часамъ. Неразвитое состояніе средняго класса отошло уже въ область преданій, а послѣдній все еще не

хочетъ проникнуться сознаніемъ своей освободительной миссіи.

Наши „честные и неподкупные, умные и образованные либералы“, „искренно сочувствующіе страданіямъ своей родины“ *) съ удивительной граціей сравниваютъ „Чернышевскаго, Добролюбова и К. съ мухами, гадящими картину великаго художника“ (то бишь „эпоху великихъ реформъ“.) И наши русскіе радикалы и конституціоналисты, среди которыхъ, по словамъ тов. Ленина, „много умныхъ людей“, никакъ не могутъ додуматься до главнаго „основного права“ —до права всякаго гражданина принимать участіе въ политической жизни страны. И никогда еще то „повальное безлюдье въ либеральномъ лагерѣ“, о которомъ говоритъ тов. Мартовъ, не обнаруживалось такъ ярко, какъ теперь, когда въ лицѣ „Освобожденія“ наши либералы получили органъ „внѣ предѣловъ дѣйствія русской полиціи и цензуры“. И ни въ чемъ не выразилась такъ рѣзко преждевременная старость русской буржуазіи, какъ именно въ томъ обстоятельствѣ, что своего глашатая она нашла въ перебѣжчикѣ изъ рядовъ пролетаріата. Такъ дворянство во Франціи 1789 г. нашло своихъ наиболѣе способныхъ и энергичныхъ выразителей въ лицѣ перебѣжчиковъ изъ третьяго сословія.

Тов. Плехановъ, а съ нимъ и „Искра“, все еще надѣются на возрожденіе русскаго либерализма. Тов. Плехановъ увѣренъ, что когда „въ русской либеральной средѣ распространится та мысль, что политическое пробужденіе русскаго пролетаріата — не миѳъ, а самая неоспоримая истина“, то у насъ возникнетъ серьезное либеральное движеніе. Воодушевленный этой перспективой, тов. Мартовъ съ надеждой обращается „къ образу будущихъ мужей, которые вдохнутъ въ русскій либерализмъ новую жизнь и, начинаетъ вѣщать тов. Мартовъ, явятъ намъ величавыя фигуры собственныхъ Іоганновъ Якоби и (!) Лафайетовъ*) тамъ, гдѣ мы до сихъ поръ (у тов. Мартова появляется въ голосѣ „слеза“) съ сокрушеніемъ видѣли однихъ только рыцарей мирнаго культурнаго развитія“.

*) Плехановъ, „Заря“, № 2—3, с. 174.

„Оставь надежду всякъ входящій“ въ этотъ міръ ликующихъ, праздноболтающихъ, людей ни горячихъ, ни холодныхъ!

Исторія сыграла скверную штуку съ нашимъ либерализмомъ. „Серьезное либеральное движеніе“ можетъ возникнуть только тамъ, гдѣ политическое пробужденіе пролетаріата не самая неоспоримая истина, а миѳъ. Революціонная борьба русскаго пролетаріата слишкомъ сильна, чтобы не разбудить даже такихъ летаргиковъ, какъ наши либералы. И едва успѣвъ протереть только глаза, они уже начинаютъ думать: „а нельзя ли изъ этого извлечь какой нибудь „профитъ“? И наши будущіе Якоби и (!) Лафайеты предпочитаютъ, усѣвшись подъ древомъ „умѣренности“, уже составлять смѣту кашталамъ, которые они вытащатъ чужими руками изъ огня. Хотя они „убѣжденные сторонники порядка и законности“ и „противники насилія, откуда бы оно ни исходило, сверху или снизу“, они прекрасно знаютъ, что и революція non olet. „Умѣренныя партіи при умѣлой тактикѣ всегда выигрываютъ отъ обостряющейся борьбы между крайними общественными элементами“, — говорятъ они вмѣстѣ съ своимъ новымъ лидеромъ и, въ качествѣ трезвыхъ реалистовъ, въ политикѣ (и конечно идеалистовъ внѣ ея), уже благополучно превращаются въ „кретиновъ“ парламентерства съ абсолютизмомъ, въ ожиданіи того времени, когда они станутъ „кретинами парламентаризма“. Даже жалкая нѣмецкая буржуазія только кончила націоналъ-либерализмомъ, даже она кромѣ „охвостья“ имѣла все-

*) Только пророческимъ экстазомъ и „печальнымъ состояніемъ ума“, въ которомъ, очевидно, находился тов. Мартовъ, когда онъ „чертилъ“ эти вдохновенныя строки, можно объяснить это соединяющее „и“, поставленное между дѣйствительно величавой фигурой убѣжденнаго демократа (и будущаго соціалъ-демократа) Якоби—и мелкой, театральной фигурой героя Марсова Поля.

таки Циглеровъ и Вальдековъ. Наша буржуазія начинаетъ блѣдной копіей съ націоналъ-либерализма и „являетъ“ изъ себя сплошное „охвостье“.

Но тутъ меня перебиваетъ авторъ передовицы въ 16 № „Искры“: „Что касается политической борьбы въ особенности, то именно „классовая точка зрѣнія“ требуетъ, чтобы пролетаріатъ *подталкивалъ* впередъ всякое демократическое движеніе. ... Не забудемъ только, что для того, чтобы подталкивать другого, надо всегда держать руку на плечѣ этого другого. Партія пролетаріата должна умѣть ловить всякаго либерала какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ собрался подвинуться на вершокъ, и заставлять его двинуться на аршинъ. А упрется — такъ мы пойдемъ впередъ безъ него и черезъ него“.*)

Съ этимъ врядъ ли согласились бы гэдисты, съ этимъ врядъ ли согласился бы и Либкнехтъ. У партіи пролетаріата слишкомъ много своего дѣла, для котораго ей нужно имѣть свободныя руки. Либераловъ она можетъ время отъ времени „подгонять“, а для этого ей достаточно „бича“ безпощадной критики всей филистерской пошлости „обязывающей умѣренности“*) Опытъ „Искры“ показываетъ, какъ безнадежно дѣло „подталкиванія“ либераловъ, ставящее себѣ даже такую „скромную“ цѣль, какъ побужденіе взять на себя „массу штатской работы по снабженію арміи оружіемъ, провіантомъ, квартирами и свѣдѣніями, не говоря уже о красномъ крестѣ“.**) Въ какую бы изящную перчатку ни облечена была „рука, лежащая на плечѣ либераловъ“, какъ бы мягко ни обходилась она съ нашими „умными и образованными, честными и неподкупными, искренно сочувствующими страданіямъ своей родины либерала-

*) Повидимому „все тотъ же“ Ленинъ, если судить по часто повторяющемуся словечку „подталкивать“. A la longue эти „подталкиванія“ и „наталкиванія“ начинаютъ принимать „отталкивающій“ характеръ.

**) Фельетонъ въ Искрѣ № 22.

ми,*) наши „будущіе Якоби и (!) Лафайеты“ имѣютъ довольно сильное классовое чутье, чтобы „пронюхать“ человѣка, другая рука котораго хочетъ разить „всѣхъ фальсификаторовъ революціонной марксистской теоріи въ области мысли.“ Они высвобождаютъ свое плечо отъ нѣжно жмущей его руки и, несмотря на прочувствованное „до свиданія, наши завтрашніе союзники“, предпочитаютъ все таки имѣть „своего“ человѣка, котораго они и будутъ снабжать „оружіемъ, провіантомъ, квартирами и свѣдѣніями“. И послѣ долгихъ поисковъ и блужданій они его, наконецъ, находятъ....

Неблагодарные! Мы ли не приходили въ восторгъ отъ вашего куринаго писка, мы ли не копались въ каждой „навозной кучѣ“ россійскаго либерализма, чтобы отыскать тамъ „чистую слезу“ о страданіяхъ нашей родины, мы ли не посылали вамъ привѣтовъ, мы ли не назначали вамъ свиданій! „Тѣмъ хуже для нашего врага. Чѣмъ менѣе революціонные элементы возстаютъ противъ него, — тѣмъ лучше для насъ, безусловныхъ противниковъ самодержавія и всего современнаго экономическаго строя.

Пошлемъ же привѣтъ новымъ протестантамъ, а слѣд., и новымъ нашимъ союзникамъ. Поможемъ имъ

„Вы видите: *они бѣдны***); они выступаютъ только съ маленькимъ листкомъ, изданнымъ хуже рабочихъ и студенческихъ листковъ. *Мы богаты*. Опубликуемъ его печатно. Огласимъ новую пощечину царямъ Обмановымъ. Эта пощечина тѣмъ интереснѣе, чѣмъ „солиднѣе“ люди, ее дающіе. Вы видите: *они слабы; у нихъ такъ мало связей въ народѣ*, что ихъ письмо ходитъ по рукамъ, точно и въ самомъ дѣлѣ копія съ частнаго письма. *Мы — сильны, — мы можемъ и должны пустить это письмо „въ народъ“* и прежде всего въ

*) За то любо смотрѣть, какъ „Искра“ расправляется съ своими „товарищами“. Она не „подталкиваетъ“, а „наталкиваетъ“, она не „сокрушается“, а „сокрушаетъ“. „Что прикажете подѣлать, когда эти люди не понимаютъ „тонкаго обращенія“! И снявъ перчатки, она начинаетъ „конопатить, надставлять да притукивать, приколачивать да засмаливать“, словомъ — швыряетъ нечистую силу такъ, что можно сказать, яко таетъ воскъ!

**) Искра, № 18, фельетонъ. Курсивъ нашъ.

среду пролетаріата, готоваго къ борьбѣ и начавшаго уже борьбу за свободу всего народа.“

Такими медовыми и елейными рѣчами „поощряла“ Искра „старыхъ земцевъ по поводу ихъ письма въ концѣ марта 1902 г. А чрезъ двѣ недѣли „бѣдные“ земцы уже упивались умѣренными рѣчами „своего“ человѣка. На горизонтѣ нелегальной литературы явилась новая планета, не quasi, а дѣйствительно періодическая — „Освобожденіе“.

Но „Искра“ все таки недовольна. Она не хочетъ брать либераловъ такими, какъ они есть. Это она предоставляетъ филистерамъ. Довольная собой, она сохраняетъ святое недовольство жизнью. Не тебя я „подталкивала“, не тебя я „поощряла“. И сердитою рукою она „отталкиваетъ“ отъ себя явившагося къ ней во плоти либерала. „Скатертью дорога“! „И ушелъ онъ безъ привѣта“!

А я, „тайный и безсознательный сторонникъ экономизма“, все-таки привѣтствую „Освобожденіе“ и отъ всей души желаю ему успѣха. И не только потому, что г. Струве „убрался“ изъ лагеря марксистовъ. Какъ и многіе ортодоксы, онъ только „слылъ“ марксистомъ. И можно только радоваться, что онъ „убрался“ отъ нашихъ наиболѣе „вліятельныхъ“ марксистовъ. Добрая ссора все таки лучше худого мира, особенно съ „умѣренными“. И мы надѣемся, что они поскорѣе уничтожатъ слѣды его пребыванія, а ихъ, какъ мы увидимъ ниже, еще много. Я привѣтствую „Освобожденіе“ и отъ всей души желаю ему успѣха и потому еще, что теперь, когда наши либералы окончательно раскрыли свои карты, высказались на чистоту, они не представляютъ никакой опасности. Съ *этой* буржуазіи не приходится снимать идеологическій покровъ, которымъ она въ другихъ странахъ облекала свои классовые интересы. Мы имѣемъ предъ собой „голый интересъ“ собственника, „безсердечный чистоганъ“ политическаго разсчета.

Мы привѣтствуемъ и васъ, г. П. Струве! Мы, конечно, не будемъ въ претензіи на васъ, если вы бу-

дете лишь регистраторомъ свободной политической мысли буржуазіи. Вѣдь мы тоже хотѣли *бы* быть лишь регистраторами свободной политической мысли рабочаго класса.

Мы вѣримъ въ *вашу* искренность. И залогъ этой искренности мы видимъ въ вашемъ смѣломъ рѣшеніи порвать съ „условной ложью“ буржуазіи. „Искра“ недовольна этимъ. На первомъ планѣ у нея „шаблонъ“: „Принято дѣлать видъ, будто бы то, что диктуется „политической мыслью“ буржуазіи, выходитъ изъ подъ пера писателя или изъ устъ оратора, какъ свободное выраженіе его собственной мысли“*). И „Искра“ такъ поражена этимъ оригинальнымъ явленіемъ, что, основываясь, вѣроятно, на данныхъ, доставленныхъ „соціалъ-демократомъ репортеромъ, умѣющимъ пролѣзть во всякія закулисы“, дѣлаетъ намекъ на какія то „особыя гарантіи“, которыхъ потребовали отъ „вчерашняго марксиста“ наши „бѣдные“ земцы.

А мы, грѣшники, гордые лишь тѣмъ, что являемся *выразителями* интересовъ *рабочаго класса*, что плохо ли, хорошо ли, формулируемъ *его* политическую мысль, а слѣдовательно и *нашу*, мы, всегда отвѣчающіе презрѣніемъ, когда разные „широкіе“ люди обвиняютъ насъ въ томъ, что мы — куліи на службѣ у пролетаріата, мы можемъ только радоваться, что наша буржуазія нашла себѣ человѣка, который прямо и открыто заявляетъ, что онъ слуга „умѣренныхъ отцовъ“, что его девизъ не „noblesse oblige“, а „умѣренность обязываетъ“. Не хорошо лишь быть сикофантомъ какого нибудь класса, и такое сикофантство мы будемъ разоблачать также безпощадно, какъ мы бы это сдѣлали въ собственныхъ рядахъ. И чѣмъ лучше „Освобожденіе“ будетъ регистрировать политическую мысль нашей буржуазіи, тѣмъ большее спасибо скажемъ мы „бывшему марксисту“, „убравшемуся“ въ лагерь буржуазіи.

Не вина, конечно, регистратора, если регистрируемый предметъ „являетъ собою очень часто не со-

*) „Искра“, № 23.

всѣмъ красивое зрѣлище. *Наготы* можетъ бояться только тотъ, кто не можетъ смотрѣть на статуи безъ „фиговаго листка“. Это не „принято“*). Конечно, всякая бываетъ нагота: иной классъ, „изъ молодыхъ, да ранній“, въ голенькомъ видѣ „являетъ“ собою нѣсколько „шокирующее“ зрѣлище. Наша буржуазія уже „черна, какъ галка, суха, какъ палка“ и знаетъ только одинъ девизъ: „норови въ карманъ“. Нашъ пролетаріатъ еще въ колыбели заставляетъ извиваться гидру абсолютизма и скоро справится съ ней совсѣмъ, несмотря на „дружелюбный нейтралитетъ“ нашихъ „умныхъ и образованныхъ“ либераловъ. Всякія иллюзіи вредны, еще болѣе вредны классовыя иллюзіи, но и изъ нихъ самая вредная — это иллюзія на счетъ другихъ классовъ. И чѣмъ скорѣе исчезнетъ эта иллюзія, тѣмъ лучше для нашего дѣла.

Но тутъ меня опять „толкаетъ“ тов. Ленинъ и — о, удивленіе! — пылая священнымъ огнемъ вдохновенья, говоритъ стихами:

Но не однихъ же пустомель
Встрѣчаемъ мы и въ свѣтскомъ мірѣ:
Есть люди — ихъ понятья шире,
Доступна имъ живая цѣль.
Сбери ка эти единицы,
Таланты, знанія, умы
Съ Великорусской Костромы
До полурусской Ниццы,
Соедини ка ихъ въ одно
Разумнымъ, *обще русскимъ* дѣломъ
Обще русскою газетой.

„Вотъ о чемъ намъ надо мечтать“, — заканчиваетъ тов. Ленинъ и, устыдившись своей романтической выходки, быстро прячется за Писарева.

Попробую и я спрятаться, но только за другой томъ. „Слова и иллюзіи гибнутъ, факты остаются“,— говорилъ нашъ строгій реалистъ. И я увѣренъ, что

*) „Искра“, напримѣръ, по ея собственному признанію, „почитай что голая ходитъ“ (№ 17). И ничего.

розовыя иллюзіи и елейныя слова „Искры“ скоро погибнутъ. Факты слишкомъ громко вопіютъ противъ этихъ иллюзій. А онѣ тѣмъ вреднѣе, что мѣшаютъ намъ разобраться, какъ слѣдуетъ, не только въ русскихъ, но и заграничныхъ дѣлахъ. Такъ „Искра“, ослѣпленная этой иллюзіей, безпомощно блуждала „и вкривь и вкось“, когда ей приходилось „освѣщать“ борьбу нашихъ бельгійскихъ товарищей за всеобщее избирательное право, и единственный урокъ, который она извлекла изъ этихъ событій — необходимость образовать особую ортодоксальную группу, которая „очистила“ бы бельгійцевъ отъ оппортунистической скверны. „Purgare et clystirizare“! Оппортунизмъ бельгійцевъ и заключался какъ разъ въ томъ, что они хотѣли дѣлать революціонное дѣло, держа одну руку на плечѣ либераловъ. И они жестоко поплатились. Но урокъ, который они извлекли изъ этого пораженія, заставилъ ихъ еще больше сосредоточить всѣ свои силы на дѣлѣ революціоннаго воспитанія рабочихъ массъ.

Пора и „Искрѣ“ отказаться отъ своихъ иллюзій. Конечно, брать либераловъ, какъ они *есть*, не годится. Надо брать ихъ, какъ они *становятся*, и именно по этому скорѣе нужно освободиться отъ этихъ иллюзій, тѣмъ паче, что у насъ есть средство исправить ихъ и безъ „меда“! *)

*) Послѣдніе №№ „Искры“ показываютъ, что и ей „не въ моготу становится“ отъ нашихъ „умныхъ и образованныхъ“ либераловъ. И какъ всегда, она сейчасъ же пересаливаетъ. Инцидентъ въ Воронежскомъ земствѣ оказывается „исключеніемъ, которое подтверждаетъ правило“, и письмо Евреинова такъ сильно выводитъ ее изъ равновѣсія, что она попадаетъ въ объятія къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“. Изъ Іеремiи она сразу превращается въ Исаію: „О, это земское холопство и оппозиціонное лакейство!... Какія же египетскія казни, какіе россійскіе скорпіоны нужны еще для того, чтобы выпрямить, наконецъ, угодливо согнутую спину либеральнаго земца, чтобы заставить его почувствовать себя не подручнымъ „представителей русскаго правительства“, но увѣреннымъ въ себѣ работникомъ народнаго освобожденія?!“ (См. „Бобчинскіе въ оппозиціи“, „Искра“ № 27). Бѣдная „Искра“! Она уже истомилась въ ожиданіи либерала, но и сердясь, она „мечтаетъ“ о „работникѣ народнаго освобожденія“!

И все таки, какъ ни противна подчасъ наша либеральная буржуазія, мы, ничего не ожидая отъ нея для себя, должны всегда поддерживать и всегда поддержимъ всякій „лучъ свѣта" въ этомъ сѣромъ царствѣ, всякій проблескъ политической порядочности въ этой средѣ. Но поддержка эта вовсе не должна выражаться въ томъ, что мы будемъ „готовиться къ тому, чтобы на *всякое* поруганіе *сколько нибудь честной* земщины царскимъ правительствомъ *пролетаріатъ* могъ отвѣтить демонстраціями противъ помпадуровъ-губернаторовъ, баши-бузуковъ-жандармовъ и іезуитовъ-цензоровъ". *) „Искра" и тутъ пересаливаетъ. Она „тронута" жалкимъ видомъ „бѣдныхъ" земцевъ и, какъ добрая матушка, долгъ которой заботиться о *всѣхъ* дѣтяхъ. особенно нѣжна къ золотушнымъ и худосочнымъ. Я предпочелъ бы, чтобы *самая честная* земщина отвѣчала не демонстраціями (они для этого слишкомъ почтенные люди), а хотя бы петиціями *только на самыя крупныя* поруганія пролетаріата и крестьянства. Но я, выражаясь вашимъ энергическимъ стилемъ, тов. Ленинъ, потерялъ уже терпѣніе ждать. Что дѣлать?

„Вы—возвышенный спартанецъ,
Я—буржуй и доктринеръ".

И рискуя „прослыть" экономистомъ или быть произведеннымъ въ чинъ „тайнаго экономиста", я осмѣлюсь доложить вамъ, не во гнѣвъ и не въ обиду, что наша поддержка должна выразиться только въ томъ, что въ борьбѣ съ абсолютизмомъ мы будемъ указывать рабочему классу на его солидарность съ либеральными теченіями въ тѣхъ или другихъ вопросахъ, въ тѣхъ или иныхъ задачахъ, что мы будемъ всенародно клеймить гнусныя продѣлки нашего правительства, на которыя оно не скупится и по отношенію къ нашимъ кроткимъ либераламъ.

*) Искра № 18. Все тотъ же елейно-элегическій фельетонъ о „бѣдныхъ" земцахъ и „богатомъ" пролетаріатѣ. Le jaurésisme ou va-t-il se nicher! Свое свойство „блуждать и вкривь и вкось" наша блуждающая „Искра" особенно сильно проявила въ вопросѣ о демонстраціяхъ. Докажите же скорѣй, что я „безсознательный экономистъ"! Мнѣ это дастъ пріятный случай побесѣдовать съ вами о демонстраціяхъ.

Наши нѣмецкіе товарищи тоже хотѣли бы имѣть другую буржуазію. Но партія нѣмецкаго пролетаріата никогда „не держала одну руку" на плечѣ либераловъ. У русскаго пролетаріата тоже слишкомъ много *своего* дѣла. Можно, конечно, вмѣстѣ съ Іереміей Мартовымъ, сколько угодно „сокрушаться", что у насъ нѣтъ Якоби и (!) Лафайетовъ, но у насъ есть болѣе благодарное дѣло.

Не нужно только увлекаться шаблономъ, не нужна намъ, по справедливому выраженію тов. Ленина, и „рабская.... хуже обезьянья подражательность" намъ нужно умѣнье критически относиться къ опыту Западной Европы и самостоятельно провѣрять его, руководясь всегда такимъ надежнымъ критеріемъ, какъ принципы научнаго соціализма. Исторія не повторяется. Повторяется только послѣдовательность главныхъ фазъ соіцальнаго развитія, но облекаясь каждый разъ въ *совершенно новую историческую* оболочку, въ зависимости отъ своеобразнаго хода *историческаго* развитія даннаго общественнаго „организма". И если мы хотимъ, чтобы то, что уже случилось, какъ трагедія, не повторилось, какъ фарсъ, мы должны внимательно изучать *особенности* нашего положенія. Констатируя фактъ неспособности нашей буржуазіи взять на себя иниціативу рѣшительной борьбы съ абсолютизмомъ, мы, повторяю, должны взять это дѣло въ *свои* руки. И это тѣмъ легче, что указанная особенность уже породила другую, еще болѣе увеличивающую своеобразный характеръ исторіи Россіи.

Дѣло въ томъ, что въ борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи, этой очередной задачѣ нашего времени, какъ выражаютя наши Аннибалы либерализма *), иниціативу взяла на себя соціалистическая

*) У настоящаго Аннибала они, впрочемъ, усвоили только изворотливость пуна или, какъ выражались „прямолинейные" римскіе „народники"—блудливость. Есть, правда, и другая общая чер-

партія, нашедшая съ первыхъ же шаговъ своихъ активное содѣйствіе въ рабочемъ классѣ. Это—безсмертная заслуга Народной Воли. И, вслѣдъ за Манифестомъ Р. С.-Д. Р. П., мы и теперь можемъ сказать: „Какъ движеніе и направленіе соціалистическое, Р. С.-Д. Р. П. продолжаетъ дѣло и традиціи всего предшествовавшаго революціоннаго движенія въ Россіи. Ставя главнѣйшею изъ ближайшихъ задачъ Партіи въ ея цѣломъ завоеваніе политической свободы, соціалъ-демократія идетъ къ цѣли, *ясно намѣченной еще славными дѣятелями старой „Народной Воли*".

И сколько бы ни старались наши „освободители" доказывать, что и „мы пахали", имъ никогда не удастся стереть съ страницъ русской исторіи этотъ фактъ. И въ шестидесятыхъ годахъ мы имѣемъ, съ одной стороны, Чернышевскаго, Михайлова и Добролюбова, людей „готовыхъ погибнуть ни за что", а съ другой—Кавелиныхъ, Чичериныхъ, Унковскихъ и т. д. и т. д. *) То же повторилось и въ семидесятыхъ годахъ, когда наши революціонеры не хотѣли прежде всего бороться за политическую свободу, ибо они думали, что она прежде всего принесетъ пользу либераламъ, которымъ, поэтому, всего приличнѣе заняться этимъ дѣломъ. Но эти люди оказались безсильны. Ясно было, что они неспособны дать Россіи свободныя учрежденія и гарантіи личныхъ правъ. И тогда

та. Взявъ на себя клятву, Аннибалъ еще не зналъ, что ему придется быть въ зависимости отъ карѳагенской буржуазіи, всегда готовой продать свободу за чечевичную похлебку, всегда готовой заключить миръ и перемиріе. И несчастный Аннибалъ погибъ, но погибъ „трагически". А что сказать о нашихъ Аннибалахъ, которые и войны то еще не вели, а уже кричатъ о мирѣ и перемиріи? Оставьте же Аннибала въ покоѣ и изучайте лучше „Жизнь и дѣятельность графа Камилло Бензо Кавура".

*) См. біографическія справки въ книгѣ Джаншіева „Эпоха великихъ реформъ", этой настольной книгѣ нашей студенеобразной интеллигенціи. Читая многія изъ этихъ справокъ, я всегда вспоминалъ некрологъ того генерала, который съ несокрушимой энергіей насаждалъ рододендроны послѣ того, какъ съ не менѣе несокрушимой энергіей вырывалъ плевелы.

соціально-революціонная партія принуждена была взять на себя обязанность сломить абсолютизмъ и дать Россіи тѣ политическія формы, при которыхъ возможна станетъ идейная борьба. Семидесятники взялись за это дѣло, скрѣпя сердце: они въ душѣ были убѣждены, что соціально-революціонная партія не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ. И несмотря на это, они дѣлали свою работу съ такою революціонной страстью, нанесли такіе страшные удары абсолютизму, что онъ уже началъ подумывать о „конституціи". А что дѣлали тогда „наши умные и образованные, честные и неподкупные" либералы? Они „успокаивали" революціонеровъ и, стращая ими правительство, обѣщали послѣднему для истребленія крамолы помощь всероссійской земской полиціи. И до сихъ поръ они сохраняютъ еще благодушную увѣренность, что они получили бы „конституцію", если бы не эти „отчаянные".

Они забываютъ однако, что отъ 1 марта до 28 апрѣля, когда абсолютизмъ оправился уже отъ оглушающаго удара, прошло два мѣсяца. Дѣлали ли они что нибудь съ своей стороны, чтобы добить гнусное чудовище, въ теченіе всего этого времени метавшееся въ безсильномъ бѣшенствѣ изъ стороны въ сторону? Конечно! Они, какъ Аграѳена предъ барыней, лебезили предъ самодержавіемъ „и на пяточкахъ, и на носкахъ, и лапочками, и бочками, и словами, и глазами" и, въ концѣ концовъ, „выюлили и вызмѣили" бараній парламентъ и коммиссіи свѣдущихъ людей. „Дѣтки скушали, ложки обтерли, сказали спасибо". *)

*) Остается только удивляться, какъ въ „Южномъ Рабочемъ" могла появиться такая статья, какъ „Земство и правительство" (см. № 10). Можно было бы подумать, что ее писалъ земецъ-конституціоналистъ, если бы не конецъ. Статья начинаетъ за здравіе земства и кончаетъ за его упокой. Противоположный характеръ носитъ ст. Ленина въ Зарѣ № 2—3. Она основательно доказываетъ безплодіе нашей либеральной оппозиціи и нелѣпость мысли, что какое нибудь земство есть зародышъ конституціи. Но начавъ за упокой, онъ кончаетъ за здравіе. Тов. Ленинъ продолжаетъ уповать, что либералы, наконецъ, „одумаются".

Мы, конечно, объясняемъ пораженіе народовольцевъ не „измѣной“ либераловъ. Будь за народовольцами серьезная общественная сила, они добыли бы для себя и, слѣдовательно, для Россіи конституцію, несмотря на измѣну либераловъ. Но это была лишь маленькая кучка героевъ изъ представителей соціалистической интеллигенціи и рабочаго класса. Крестьяне относились къ этой борьбѣ безучастно. Съ тѣхъ поръ положеніе дѣлъ измѣнилось. Мы имѣемъ теперь *классъ*, который, по самому своему положенію, является непримиримымъ врагомъ русскаго абсолютизма, врагомъ, котораго нельзя удовлетворить „великими“ и „не великими“ реформами. Это единственный общественный *классъ, минимальнымъ* политическимъ требованіемъ котораго является *всеобщее избирательное право*. На меньшемъ онъ не помирится, онъ по необходимости долженъ стать во главѣ освободительнаго движенія всѣхъ угнетенныхъ классовъ и слоевъ современной Россіи. Трудная это задача, но ее возлагаетъ на плечи русскаго пролетаріата своеобразное развитіе Россіи. Это, конечно, не значитъ, что эту задачу выполнитъ онъ *одинъ*. Кромѣ указанныхъ уже слоевъ буржуазіи, у насъ имѣются еще и другіе элементы, которые могли бы идти *рядомъ съ рабочимъ классомъ* въ его борьбѣ за политическое освобожденіе. Даже въ Россіи политическое освобожденіе рабочаго класса совершится только съ помощью мелкой буржуазіи во всѣхъ ея видахъ. Эгими помощниками будутъ городская мелкая буржуазія и сельская, т. е. крестьяне въ собственномъ смыслѣ слова.

Мы сказали: *рядомъ съ рабочимъ классомъ*. И въ этихъ словахъ заключается все отличіе того положенія, въ которомъ находится Россія наканунѣ своей буржуазной революціи, отъ положенія Германіи въ соотвѣтствующую эпоху. Тамъ коммунисты хотѣли идти рядомъ съ буржуазіей; они предоставляли ей гегемонію въ политической борьбѣ, чтобы *свою* борьбу, свою оппозицію начать только послѣ *ея* побѣды. И тамъ оказалось, что это слишкомъ трудная задача, потомучто пролетаріатъ не могъ приспособиться къ

„медленной стопѣ“ буржуазіи и обгонялъ ее. У насъ соціалъ-демократы должны взять съ самаго начала *въ свои руки* борьбу съ абсолютизмомъ и предоставить уже буржуазіи идти *рядомъ съ рабочимъ* классомъ или отставать отъ него.

Говоря другими словами: главнымъ иниціаторомъ и самымъ рѣшительнымъ и энергическимъ борцомъ за политическое освобожденіе Россіи *не можетъ не быть* представительница интересовъ этого класса, русская соціалъ-демократія.

Она и *должна* имъ стать. За ней не только героизмъ отдѣльныхъ личностей, но и героизмъ массъ, въ *историческомъ* отношеніи неизмѣримо болѣе плодотворный. За нее всѣ объективныя условія общественнаго развитія. За ней не только практика, за ней теорія, самая революціонная теорія, какую только зналъ міръ, потому что эта теорія самаго революціоннаго класса, какой только извѣстенъ былъ міру.

Я уже сказалъ выше, что народовольцы вели свою борьбу, скрѣпя сердце. Какъ и всѣ народники 70-хъ годовъ, они были убѣждены, что соціально-революціонная партія не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ. Отголосокъ этого настроенія чувствуется еще въ словахъ первой программы Гр. „Освобожденіе Труда“. Неразвитое состояніе средняго класса она считаетъ однимъ изъ *вреднѣйшихъ* слѣдствій отсталаго состоянія производства. Только поэтому соціалистическая интеллигенція должна была взять на себя несвойственную ей роль.*)

Соціалъ-демократія отказалась отъ этого предразсудка. Каждая классовая борьба есть борьба политическая. Партія пролетаріата не можетъ, поэтому, не ставить себѣ политическихъ задачъ. И если она не будетъ имѣть *своей* политики, то она неизбѣжно

*) Чернопередѣльцы, какъ еще совершенно вѣрно замѣтилъ тов. Плехановъ, ничего не имѣли противъ политической свободы и были бы очень рады, если бы ее завоевали либералы. По ихъ мнѣнію, соціалистическая интеллигенція должна была заниматься дѣломъ, на которое была способна только она.

будетъ тащиться на буксирѣ другихъ буржуазныхъ партій.

„Въ западно европейскихъ странахъ пролетаріатъ очень часто боролся противъ абсолютизма подъ знаменемъ и подъ верховнымъ руководствомъ буржуазіи. Отсюда являлась умственная и нравственная зависимость его отъ вожаковъ либерализма, вѣра въ исключительную святость либеральныхъ девизовъ, убѣжденіе въ неприкосновенности буржуазнаго порядка. Въ Германіи понадобилась вся энергія и все краснорѣчіе Лассаля, чтобы только *подорвать* духовную связь рабочихъ съ прогрессистами. Наше „общество“ лишено такого вліянія на рабочій классъ, и соціалистамъ нѣтъ ни нужды, ни выгоды создавать его заново. Они должны указать рабочимъ ихъ собственное рабочее знамя, дать имъ вожаковъ изъ ихъ собственной рабочей среды, короче—должны позаботиться о томъ, чтобы не буржуазное „общество“, а тайныя рабочія оргаризаціи пріобрѣли господствующее вліяніе на умы рабочихъ. Этимъ въ значительной степени ускорится образованіе и ростъ русской рабочей соціалистической партіи, которая съумѣетъ завоевать себѣ почетное мѣсто среди другихъ партій послѣ того, какъ она еще въ пеленкахъ способствовала паденію абсолютизма и торжеству политической свободы.“ *)

Послѣднія 20 лѣтъ показали, что историческія условія еще болѣе благопріятствуютъ созданію русской рабочей соціалистической партіи, идущей во главѣ борьбы съ абсолютизмомъ. И тѣмъ скорѣе должны мы отказаться отъ предразсудка, что *политическая свобода, за которую прежде всего борются русскіе соціалъ-демократы*, принесетъ пользу прежде всего *буржуазіи.* *) Этотъ вредный предразсудокъ создаетъ иллюзію объ *общности* политическихъ задачъ русскаго пролетаріата и буржуазіи, *общности*, которая уже потому не можетъ существовать, что политическія задачи буржуазіи и пролетаріата не одинаковы. Политическая свобода, за которую прежде всего борются *соціалъ-демократы*, предполагаетъ *всеобщее избирательное право.* Этого ли хочетъ наша либеральная буржуазія?

Этотъ предразсудокъ вреденъ еще тѣмъ, что, напирая на общность политическихъ интересовъ экономически враждебныхъ классовъ, онъ создаетъ иллюзію о походѣ *всѣхъ* классовъ противъ главнаго врага русскаго народа — самодержавія. А эта иллюзія дѣйствительно закрываетъ намъ глаза на то обстоятельство, что буржуазія можетъ вырвать у пролетаріата плоды его побѣды, если мы не сосредоточимъ всѣхъ своихъ силъ на подготовкѣ рабочихъ массъ къ предстоящей имъ политической борьбѣ. Вотъ почему мы не должны, увлекаясь борьбой съ главнымъ врагомъ русскаго народа, забывать, что рабочій классъ извлечетъ тѣмъ больше изъ паденія абсолютизма, чѣмъ болѣе онъ будетъ подготовленъ къ борьбѣ со *всѣмъ* буржуазнымъ обществомъ. И въ то время, какъ другія оппозиціонныя и революціонныя партіи больше всего заботятся о томъ, чтобы низвергнуть самодержавіе, соціалъ-демократія, представительница интересовъ самаго враждебнаго самодержавію общественнаго класса, никогда не должна забывать, что „рабочій классъ извлечетъ тѣмъ большую пользу изъ своей политической борьбы, чѣмъ яснѣе будетъ для него связь между его экономическими нуждами и политическими правами“. **) И для этого русскимъ соціалъ-демократамъ „нужно только проникнуться принципами современной соціалъ-демократіи, и, не ограничиваясь политической пропагандой, постоянно вну-

*) Г. Плехановъ, „Наши разногласія“, с. 310. Какъ счастливъ тов. Плехановъ, что писалъ эти строки еще въ то время, когда тов. Ленинъ бѣгалъ „съ разрѣзной бизанью“ и не мечталъ еще о „планѣ“. Иначе онъ былъ бы отданъ подъ судъ и за „демагогическія выходки“ „нещадно битъ батогами“ и исключенъ изъ „нашей“ партіи!

*) Н. Ленинъ, „Гонители земства и Аннибалы либерализма“, „Заря“, № 2—3, с. 98.

**) Г. Плехановъ, „Наши разногласія“, с. 310.

шать своимъ слушателямъ, что „экономическое освобожденіе есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе подчинено, какъ средство“.*)

Никто изъ насъ не можетъ сказать, когда вспыхнетъ революція. Но даже по мнѣнію „Искры“, она не за горами. И мы должны употребить всѣ свои силы, чтобы *„еще въ до-конституціонный періодъ измѣнить фактическія отношенія русскихъ общественныхъ силъ въ пользу рабочаго класса“*, „чтобы въ первый же періодъ конституціонной жизни Россіи нашъ рабочій классъ могъ выступить въ качествѣ особой партіи съ опредѣленной соціально-политической программой“**). А этого мы достигнемъ только тогда, когда соціалъ-демократія станетъ передовымъ борцомъ самого передового класса. Только организованный въ грозную революціонную силу пролетаріатъ еще до революціи и во время ея станетъ позвоночникомъ всего освободительнаго движенія, главной арміей, къ которой будутъ примыкать вспомогательные отряды, высылаемые другими общественными классами.

Рано или поздно, но наступитъ же, наконецъ, день, когда надъ Россіей взойдетъ заря политической свободы. И чѣмъ больше наша партія будетъ работать до этого желаннаго дня, чѣмъ активнѣе будетъ ея участіе во всѣхъ событіяхъ *настоящаго*, чѣмъ тѣснѣе свяжетъ она свою дѣятельность со всѣми проявленіями жизни рабочаго класса, тѣмъ быстрѣе и успѣшнѣе пойдетъ ея развитіе „на другой день послѣ революціи“, тѣмъ меньше ей грозитъ опасность встрѣ-

*) Г. Плехановъ, „Наши разногласія“, с. 310—311. И если бы я не думалъ, что собственный корреспондентъ „Искры“ (№ 22) только вноситъ „извнѣ“ свое настроеніе, то прочитавъ, что, „въ рабочихъ кружкахъ рѣдко слышны разговоры о „заработной платѣ“ или о „прибавочной стоимости“—врагъ русскаго народа приковалъ все вниманіе пролетарія“, я вмѣстѣ съ тов. Плехановымъ подумалъ бы, что наши рабочіе уже попадаютъ изъ Сциллы „экономизма“ въ Харибду „политики“. Корреспондентъ, какъ и „райская птица сиренъ“, просто увлекся, воспѣвая хвалу „Искрѣ“ и „Зарѣ“, распространеніе которыхъ, по его словамъ, составляетъ самую насущную потребность настоящаго момента. C'est mon opinion, et je la partage!

**) Г. Плехановъ, „Соціализмъ и политическая борьба“, с. 73.

тить на аренѣ политической жизни какую нибудь буржуазную политическую партію, которая, опираясь на свои заслуги, тащила бы въ своемъ хвостѣ часть рабочаго класса. Мы уже видѣли, какъ разностороння сфера ея активнаго участія во всѣхъ событіяхъ настоящаго, какъ благопріятны для нея условія, дающія ей возможность стать во главѣ освободительнаго движенія всей трудящейся и обремененной Россіи. И мы сейчасъ увидимъ, что третья особенность дала уже ей возможность связать свою дѣятельность со всѣми проявленіями жизни рабочаго класса и дастъ ей еще въ большей степени, если она только съумѣетъ ею воспользоваться.

В) Третья особенность: гигантскій ростъ рабочаго движенія въ рамкахъ самодержавнаго строя.

Мы видѣли уже, что ни въ одной странѣ „Западной Европы“ наканунѣ буржуазной революціи не было до такой степени развитой крупной промышленности, какъ въ Россіи. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что нигдѣ еще до буржуазной революціи не развивался съ такой быстротой рабочій классъ. Въ Англіи пролетаріатъ до революціи является на исторической сценѣ только „въ качествѣ болѣе другихъ страдающаго класса“, а во время „великаго бунта“, даже въ движеніи Левеллеровъ, совершенно теряется среди мелкой буржуазіи и ремесленниковъ. Самостоятельное движеніе пролетаріата возникаетъ только тамъ, гдѣ раньше всего сложились капиталистическія отношенія, т. е. въ селѣ, но и это движеніе остается только изолированнымъ явленіемъ. Во Франціи рабочій классъ является уже болѣе активнымъ элементомъ — и еще до революціи даетъ о себѣ знать въ цѣломъ рядѣ стачекъ и бунтовъ, учащающихся незадолго до революціи. Еще въ серединѣ 18 столѣтія (1757) рабочій народъ выдвигаетъ изъ своей среды „мстителя“ въ лицѣ Даміена, который, къ великому ужасу и негодованію энциклопедистовъ и просвѣтителей, ударомъ ножа хотѣлъ

напомнить „возлюбленному“ отцу своего народа о страданіяхъ и мукахъ его дѣтей*). Въ 1789 г. городскіе рабочіе играютъ уже рѣшающую роль въ дѣлѣ сверженія „стараго порядка“. Попытка бабувистовъ въ союзѣ съ остатками революціонной демократіи отвоевать и для пролетаріата лучшую долю кончается неудачей и служитъ однимъ изъ главныхъ факторовъ образованія бонапартовской имперіи, миссіей которой является защита буржуазнаго порядка вообще противъ пролетаріата.

Что Германія находилась въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, отмѣчено было еще въ „Манифестѣ“. „Этотъ переворотъ совершится въ ней при гораздо далѣе подвинувшихся впередъ условіяхъ европейской цивилизаціи вообще и застанетъ пролетаріатъ въ гораздо болѣе развитомъ состояніи, чѣмъ онъ былъ въ Англіи XVII и во Франціи XVIII столѣтія“. Но Германія все таки не имѣла рабочаго движенія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Крупная промышленность находилась въ зачаточномъ состояніи. Большинство извѣстныхъ „бунтовъ“ и стачекъ является дѣломъ „кустарей“. Правда, въ революціонномъ движеніи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ принимали участіе не только „интеллигенты“, но вплоть до образованія Союза коммунистовъ среди рабочихъ преобладали ремесленники. Германія не знаетъ организованнаго стачечнаго движенія до революціи 1848 г. Союзъ коммунистовъ слишкомъ поздно образовался для того, чтобы пустить прочные корни среди рабочихъ. Онъ едва успѣлъ выпустить свой „манифестъ“, какъ революція уже разразилась.

*) Даміенъ умеръ героемъ послѣ невѣроятныхъ пытокъ и мученій. Даже у Вольтера, осыпающаго градомъ ругательствъ этого „отчаяннаго“ не хуже многихъ изъ нашихъ „умныхъ и образованныхъ, честныхъ и неподкупныхъ“ предводителей дворянства, сквозитъ уваженіе къ этому фанатику. „Напоминаніемъ“ Даміена воспользовались, конечно, тогдашніе „либералы“. Этотъ любопытный эпизодъ изъ исторіи Франціи XVIII в. совершенно забытъ. А между тѣмъ пора очистить память этого героя отъ ругательствъ и клеветъ, которыя и до сихъ поръ повторяются учеными историками. Пора бы уже написать и исторію „нелегальнаго“ движенія кануна Великой революціи.

Мы уже видѣли, какъ во время революціи Марксъ и Энгельсъ, первые теоретики пролетаріата, оцѣнившіе все громадное значеніе экономической борьбы еще до 1848 г, считавшіе своей задачей быть лишь авангардомъ *рабочаго класса*, очутились въ трагическомъ положеніи бланкистовъ поневолѣ, авангарда *демократіи*.

Пока они занимались чисто политической борьбой, пока они въ союзѣ съ демократами старались со всѣмъ пыломъ своей революціонной страсти добиться полной политической свободы, рабочій классъ занимался стачками и т. д., подъ главнымъ руководствомъ Борна. Ошибка Маркса и Энгельса дополнялась ошибкой Борна и его товарищей. Для революціи нужна организація, но разъ началась революція, лозунгомъ революціонной партіи является не организація, а борьба à outrance.

Мы, не имѣющіе, къ сожалѣнію, въ своихъ рядахъ ни Маркса, ни Энгельса, находимся въ болѣе благопріятныхъ историческихъ условіяхъ. Гигантскій ростъ рабочаго движенія еще до „буржуазной революціи“ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Оно началось еще въ 70-хъ годахъ. И рядомъ съ ростомъ числа революціонеровъ изъ рабочаго класса неудержимо растетъ и стачечное движеніе. Въ девяностыхъ годахъ рабочее движеніе принимаетъ такіе размѣры, о которыхъ не „мечтали“ ни члены группы „Освобожденіе Труда“, ни первые соціалъ-демократы, работавшіе въ Россіи. Въ то время, какъ англійскіе историки, съ „сокрушеніемъ“ отмѣчаютъ, что и послѣ движенія леддитовъ, даже въ періодъ господства чартистовъ и послѣ него, стачки-бунты далеко не представляютъ спорадическое явленіе, у насъ послѣ юзовскихъ волненій стачки совершенно теряютъ „стихійный“ характеръ и пріобрѣтаютъ его лишь тамъ, гдѣ происходитъ слишкомъ усердное „искуственное“ вмѣшательство полиціи и жандармеріи.

Южно-русскій рабочій союзъ, сѣверно-русскій ра-

бочій союзъ, Морозовская стачка, Петербургскія стачки 1896 97 г., Харьковская маевка, мартовскія событія 1901 г.. Обуховское побоище, Тифлисская маевка, — какая страна можетъ указать на такія проявленія рабочаго движенія до паденія абсолютизма?*)

Конечно, для этого требовались извѣстныя „матеріальныя" условія, которыя, какъ мы видѣли уже, не имѣлись въ соотвѣтствующіе періоды ни въ Англіи, ни въ Германіи, ни во Франціи. Но кромѣ этихъ „матеріальныхъ" условій, на лицо должны были имѣться еще и „интеллектуальныя". А они имѣлись въ лицѣ соціалъ-демократовъ. Характерная особенность Россіи и заключается въ томъ, что экономическая борьба, профессіональное движеніе развивается среди рабочихъ прямо пропорціонально развитію соціалъ-демократической пропаганды. Нужна была вся сила идеи освобожденія рабочаго класса, чтобы разбудить въ рабочихъ сознаніе ихъ профессіональныхъ интересовъ, чтобы создать такое *сознательное* стачечное движеніе. Въ Россіи профессіональное движеніе является роднымъ дѣтищемъ соціалъ-демократіи, и чѣмъ сильнѣе будутъ идти пропаганда соціалъ-демократіи, тѣмъ быстрѣе и сознательнѣе пойдетъ развитіе столь любезной нашимъ „экономистамъ" и столь плохо понимаемой ими экономической борьбы.

Возьмемъ самаго талантливаго изъ нихъ, автора „Рабочаго Дѣла въ Россіи"**). Зная твердо, что рабочіе должны сначала побывать въ классѣ „экономики", онъ на соціализмъ смотритъ только какъ на „эксцитативное" средство. За то „когда въ свобод-

*) Теперь къ нимъ нужно прибавить и ростовскую стачку.

**) По словамъ тов. Ленина, авторомъ ея является одинъ изъ членовъ группы „Искры". Онъ, конечно, измѣнилъ теперь свои взгляды, и мы надѣемся, что „въ литературной лабораторіи" „Искры" эта брошюра подвергнется коренной переработкѣ. Прежде всего изъ нея надо удалить всякіе слѣды „рабочей старости", на которую съ такимъ негодованіемъ указалъ А. Б., авторъ ст. „Чему учитъ харьковская маевка?" *Заря*, № 1.

номъ государствѣ рабочій классъ, непрерывно развиваемый своей классовой борьбой и участіемъ въ государственномъ управленіи и политической жизни, *почувствуетъ себя достаточно сильнымъ, онъ естественнымъ образомъ поставитъ себѣ задачей — измѣнить самыя основы того порядка*, который создаетъ неравенство между богатымъ и бѣднымъ и дѣлаетъ необходимой классовую борьбу между ними"*).

Что соціалъ-демократы должны даже въ „рабочемъ дѣлѣ" исходить изъ этой задачи, что они должны сдѣлать ее исходнымъ пунктомъ, нашъ „экономистъ" изъ группы „Искры" не можетъ понять просто потому, что для него соціализмъ всегда являлся только „конечной цѣлью". Онъ никакъ не можетъ взять въ толкъ, почему такъ важно, чтобы экономической борьбой руководила именно соціалъ-демократія, т. е. партія, которая *уже* ставитъ себѣ задачей измѣнить самыя основы существующаго порядка.

Какъ типичный экономистъ, авторъ „Рабочаго Дѣла въ Россіи" живетъ только настоящимъ. Мысль, что экономической борьбой пролетаріата можно пользоваться „для революціи", приводитъ его въ содраганіе, какъ бланкистская. Онъ не хочетъ навязывать рабочему классу чуждыя ему задачи. Онъ терпѣливо ждетъ, пока рабочій классъ созрѣетъ для этого. О великой воспитательной роли соціалъ-демократіи, руководящей всѣми формами проявленія дѣятельности рабочаго класса и направляющей ихъ къ одной цѣли — развитію классоваго сознанія онъ имѣетъ очень смутное понятіе. Опасности превращенія „рабочаго дѣла" въ „чисто-рабочее" движеніе онъ даже не подозрѣваетъ. Мало того — не умѣя связать въ одно цѣлое „конечную цѣль" и „борьбу за непосредственные интересы рабочаго класса", онъ рѣшительно не понимаетъ, какъ можетъ „стоять" за экономическую борьбу человѣкъ, по мнѣнію котораго она не можетъ

*) „Рабочее Дѣло въ Россіи", с. 73.

дать никакихъ „осязательныхъ“ результатовъ*), кромѣ воспитательныхъ, по мнѣнію котораго и тѣ „непосредственныя улучшенія“, къ которымъ ведетъ эта борьба, составляютъ прочное достояніе лишь въ томъ случаѣ, когда за ними стоитъ сильная политическая организація, непрерывно толкающая правительство на путь этихъ маленькихъ уступокъ. И онъ начинаетъ освобождаться отъ узъ, налагаемыхъ на него ортодоксіей. И неудивительно: фактъ необычайнаго роста рабочаго движенія въ „рамкахъ самодержавія“ представлялъ слишкомъ необычное явленіе, чтобы къ нему можно было подойти съ точки зрѣнія шаблона. Онъ переворачивалъ вверхъ дномъ всѣ „унаслѣдованныя традиціи“.

И при „самодержавномъ режимѣ“ рабочій классъ уже ведетъ экономическую борьбу, несмотря на крайне неблагопріятныя условія, въ которыя она у насъ поставлена. И долгъ *соціалъ-демократіи* поспѣшить къ нему на помощъ, поскольку это возможно при самодержавномъ режимѣ. Политическая организація революціонеровъ должна ему замѣнить тѣ средства, которыя для такой борьбы предоставляетъ въ его распоряженіе политическая свобода.

И нѣтъ, и не можетъ быть такой „мелкой“ нужды, такого „мелкаго“ требованія рабочихъ, на защиту которыхъ не должна была бы выступить соціалъ-демократія, не измѣняя своему знамени. Нѣтъ такого „чисто-экономическаго“ требованія, — пусть это будетъ даже требованіе прибавки „копейки на рубль“, — которое нельзя было бы поставить въ связь съ общими политическими условіями, которымъ нельзя было бы воспользоваться для пробужденія въ рабочей массѣ политическаго и классоваго сознанія. Наоборотъ. Выступая на защиту этихъ „мелкихъ“

*) Онъ ничего, впрочемъ, не имѣетъ и противъ того, что „борясь за непосредственные свои интересы, мы не должны упускать изъ виду распространенія среди товарищей правильныхъ понятій о соціализмѣ“ (с. 73). Изъ всего сказаннаго еще, конечно, не слѣдуетъ, что онъ годится въ редакторы какого нибудь органа „независимыхъ“.

нуждъ, являясь единственнымъ адвокатомъ рабочаго класса, адвокатомъ котораго въ его защитѣ не связываютъ никакія „постороннія соображенія“, соціалъ-демократія этимъ самымъ *наглядно* доказываетъ рабочимъ, что даже въ рамкахъ существующихъ политическихъ условій только наша партія является наиболѣе рѣшительнымъ борцомъ за улучшеніе положенія рабочаго класса.

Соціалъ демократія уже успѣла пустить прочные корни въ рабочихъ массахъ. Ея „листочки“ и теперь пользуются такимъ довѣріемъ среди нихъ, что было бы безуміемъ мѣнять ихъ на револьверы и кинжалы неуловимыхъ личностей*). Мы уже и теперь отчасти добились того, что рабочіе „занимаются стачками“, не забывая, что прочное существованіе даже тѣхъ „мелкихъ“ выгодъ, которыя достигаются путемъ экономической борьбы, возможно только при условіи полной политической свободы. Мы уже и теперь боремся съ успѣхомъ противъ зубатовской политики хлѣба или плети. Мы и впредь должны бороться противъ всякихъ попытокъ развивать у насъ чисто рабочее движеніе.

*) Полемика „Искры“ и „Бунда“ съ соціалистами-революціонерами частенько таки напоминаетъ бесѣду двухъ мужиковъ, которую пришлось слышать Базарову и Кирсанову. „Большая ты свинья, говорилъ одинъ другому, а хуже малаго поросенка“. — „А твоя жена колдунья,“ — возражалъ съ достоинствомъ другой. О вкусахъ не спорятъ и о „тонѣ“ не кричатъ. Всякій воленъ полемизировать, какъ ему угодно. Но кричать, какъ это дѣлаютъ соціалисты-революціонеры, „что насъ обидѣли“, и въ то же время писать такія статьи, какъ „Рабочее движеніе и наша тактика“, говорить презрительно о „листочкахъ“ — значитъ нарываться на очень непріятное напоминаніе о фарисеѣ и мытарѣ. Когда Коринѳяне собирались сдѣлать военную глупость, Діогенъ схватилъ свою бочку и началъ ее съ трескомъ и шумомъ вкатывать на холмъ и скатывать оттуда. Если соціалисты шумомъ и трескомъ своего „революціоннаго синтеза“ „листочковъ“ и „револьверчиковъ“ хотятъ напомнить разъединенной соціалъ-демократіи, какой вредъ приноситъ разъединеніе и братоубійственная война, то мы можемъ имъ только спасибо сказать. Когда наши разстроенные ряды опять сомкнутся, соціалъ-демократія перестанетъ терять такихъ людей, какъ Карповичъ, Балмашевъ, Качуръ и Лекертъ, силы которыхъ будутъ находить себѣ достойное примѣненіе въ рядахъ пролетаріата.

Экономическая борьба у насъ теперь въ сильномъ подозрѣніи. Товарищи помнятъ, вѣроятно, наивное заявлѣніе Орѣхово-Богородской организаціи: „Организація заявляетъ въ своемъ уставѣ, что признаетъ своимъ руководящимъ органомъ „Искру". Имѣя въ виду изданіе агитаціонныхъ листковъ на мѣстныя злобы дня, организація оговаривается, что хотя эти листки могутъ носить „экономическій" характеръ, но это не значитъ, чтобы организація держалась „экономическаго" направленія"*). Этотъ фактъ, какъ и многіе другіе, показываетъ, какъ неясны до сихъ поръ еще взгляды на значеніе экономической борьбы даже тѣхъ организацій, которыя признаютъ своимъ руководящимъ органомъ „Искру".

Нашъ пролетаріатъ уже началъ свою экономическую борьбу, и массовое рабочее движеніе въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ практики, въ Россіи будетъ рости тѣмъ сильнѣе, чѣмъ быстрѣе пойдетъ развитіе капитализма. Не мы его создаемъ, не мы его вызываемъ. Но мы должны приходить къ нему на помощь всюду и всегда. Именно потому, что мы *революціонные* соціалъ-демократы, мы должны сейчасъ же откликаться „экономическими" листками на всѣ проявленія „экономической борьбы". Важно не то, будутъ ли выпускать листки, которые носятъ „политическій" или „экономическій" характеръ, важнѣе и несравненно важнѣе, что бы эти листки выпускались *соціалъ-демократами*, задача которыхъ связать въ одно цѣлое всѣ „мелкіе" факты жизни и дѣятельности пролетаріата. Только *соціалъ-демократія* можетъ бороться успѣшно противъ всякихъ увлеченій, развивающихся на почвѣ разнообразныхъ мѣстныхъ, профессіональныхъ и національныхъ различій. И такъ какъ лучшимъ средствомъ воспрепятствовать возникновенію и укрѣпленію различныхъ формъ „чисто рабочаго" движенія является руководство экономической борьбой пролетаріата, то мы никогда не должны за-

*) „Искра", № 90, „Изъ партіи".

бывать, говоря словами „Объявленія объ изданіяхъ гр. „Борьба", что:

„Пренебрегая дѣломъ организаціи пролетаріата, предоставляя его въ исключительное вѣдѣніе „экономистовъ" различныхъ толковъ, революціонная соціалъ-демократія тѣмъ самымъ способствовала бы, хочетъ ли она этого, или нѣтъ, укрѣпленію и развитію такихъ условій, при которыхъ рабочій классъ можетъ подпасть подъ политическое вліяніе несоціалистическихъ или даже враждебныхъ соціализму элементовъ. Между тѣмъ помогая рабочему классу выяснять и высказывать свои ближайшія требованія, приходя къ нему на помощь своимъ опытомъ, почерпнутымъ изъ исторіи и практики западно-европейскаго рабочаго движенія, революціонная соціалъ-демократія должна соединить неразрывной связью эти ближайшія требованія съ задачами движенія въ его цѣломъ, должна, по мѣрѣ силъ своихъ, превращать массовое рабочее движеніе въ соціалъ-демократическое. Стоя, такъ сказать, у колыбели рабочаго движенія, вникая внимательно во всѣ его, даже мелкія нужды, выступая безстрашно на защиту его интересовъ, революціонная соціалъ-демократія создаетъ въ средѣ рабочаго класса традиціи, которыя никогда не позволятъ буржуазной демократіи, какъ бы революціонно она ни выступала, тащить на своемъ буксирѣ рабочее движеніе"*)

И только употребивъ всѣ усилія, чтобы уже *теперь*, до паденія *самодержавія, наканунѣ революціи*,

*) „Объявленіе", с. 9. Получивъ это „объявленіе" „Искра" предпочла, вмѣсто отвѣта по существу, „безумно храбро" спрятаться въ „почтовый ящикъ". Въ этомъ темномъ мѣстѣ она, конечно, увидѣла „несравненное словечко" Personencultus. Если бы она хоть когда нибудь заглядывала въ исторію нѣмецкой и австрійской соціалъ-демократіи, она, конечно, воздержалась бы отъ этой квалификаціи, выдающей ея „несравненное невѣжество". Противъ Personencultus возставали Либкнехтъ, Бебель и Адлеръ. Первые два имѣли, правда, дѣло съ крупными людьми. Не всякому суждено такое счастье. Такъ, Адлеръ, протестовавшій противъ Personencultus въ объединительной резолюціи Гайнфельдскаго конгресса, имѣлъ дѣло съ людьми, имена которыхъ забыты даже тѣми, кто менѣе беззаботенъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ „Искра". Невѣжество — вещь излечимая. Но „Искра" поняла это словечко „субъективно". Тутъ уже ничего не подѣлаешь. Поприщинъ тоже возмущался, когда возставали противъ культа его персоны. И „Искра" хитро „мигаетъ" опытному человѣку, что у гр. „Борьба" „подъ самымъ носомъ шишка". „Какъ опытный человѣкъ, вы уже изъ одного этого, безподобнаго и несравеннаго словечка поймете, въ чемъ тутъ суть". („Искра", № 18). И опытный человѣкъ, преисполненный культа къ персонѣ Фердинанда, короля испанскаго, сейчасъ же повѣрилъ, что у гр. Борьба „подъ самымъ носомъ шишка". Любопытный случай folie à deux.

рабочее движеніе все тѣснѣе соединялось съ соціализмомъ, революціонная соціалъ-демократія добьется того, чтобы во время революціи рабочій классъ всю свою энергію, весь свой революціонный пылъ употребилъ на завоеваніе полной политической свободы, не отвлекаясь отъ этой главной задачи и не тратя своихъ силъ на экономическіе эксперименты. Мы должны употребить всѣ усилія, чтобы рабочій классъ зналъ, что высшей формой его *классовой* борьбы является борьба политическая, а этого мы опять таки достигнемъ только въ томъ случаѣ, если его экономической борьбой будемъ руководить мы, революціонные соціалъ-демократы.

И только въ этомъ случаѣ мы обезпечиваемъ себѣ наиболѣе благопріятныя условія для нашей дѣятельности на другой день послѣ революціи, такъ какъ такимъ образомъ мы уменьшаемъ въ очень сильной степени шансы появленія „чисто рабочаго“ движенія, вѣроятность раскола между соціалъ-демократическимъ рабочимъ движеніемъ и массовымъ рабочимъ движеніемъ.*)

Г.) Чему учитъ насъ опытъ германской соціалъ-демократіи? — Выводы.

Мы видимъ, какъ всѣ указанныя особенности историческаго развитія Россіи усложняютъ практическія задачи русской соціалъ-домократіи. Скромная цѣль, которую себѣ поставили основоположники русской соціалъ-демократіи — „пропаганда соціалистическихъ идей въ Россіи и *выработка элементовъ* для организаціи русской рабочей соціалистической партіи“ — уступила мѣсто другой — организаціи соціалъ-демократической рабочей партіи уже *теперь*, до паденія абсолютизма. Задачи, которыя даже для германской соціалъ-демократіи выдвигались исподволь, становятся предъ русской соціалъ-демократіей во всей ихъ полнотѣ въ такое время, когда у насъ нѣтъ соотвѣтствующихъ политическихъ условій.

Но если одного „шаблона“ недостаточно, то намъ все таки необходимо знакомство съ опытомъ западно-европейскаго рабочаго движенія. Колоссальные успѣхи германской соціалъ-демократіи въ значительной степени объясняются тѣмъ, что она съумѣла воспользоваться опытомъ англійскаго и французскаго рабочаго движенія. Явившись на свѣтъ несравненно позднѣе, германское рабочее движеніе, говоря словами Энгельса, выростало на плечахъ англійскаго и французскаго и пользовалось ихъ дорого стоившимъ опытомъ, чтобы избѣжать ихъ ошибокъ. Наше движеніе явилось на свѣтъ позднѣе нѣмецкаго и можетъ и должно, поэтому, воспользоваться его уроками. Вотъ почему для насъ такъ важно знакомство съ исторіей, теоріей и практикой германской соціалъ-демократіи.

Къ сожалѣнію, примѣръ тов. Ленина показываетъ, что это знакомство сильно хромаетъ даже у нашихъ „политическихъ вождей“. „Вспомните примѣръ Германіи. Въ чемъ состояла историческая заслуга Лассаля предъ нѣмецкимъ рабочимъ движеніемъ? Въ томъ, что онъ *совлекъ* это движеніе съ того пути прогресситскаго трэдъ-юніонизма и кооперативизма, на который оно стихійно направлялось (при благосклонномъ участіи Шульце-Деличей и имъ подобныхъ)“*).

Гдѣ „почерпнулъ“ это знаніе неугомимый обличитель невѣжества тов. Мартынова? И если, какъ онъ

*) Эта сторона вопроса подробно расмотрѣна въ ст. „Ученые Подхалимовы и свобода рабочихъ союзовъ“ (См. „Календарь“). Наши Озеровы, Вормсы и другіе прихвостни самодержавія мечтаютъ о свободѣ рабочихъ союзовъ въ Россіи. Указанная статья доказываетъ, что ни въ одной странѣ легализація рабочихъ союзовъ не предшествовала легализаціи соціалистическихъ и политическихъ союзовъ. Тов. Ленинъ, напротивъ, думаетъ, что это вѣрно не для всѣхъ странъ („Что дѣлать?“). И я все еще жду съ нетерпѣніемъ, когда онъ, наконецъ, укажетъ эти „нѣкоторыя“ страны. Если онъ правъ, то выводы нашихъ ученыхъ Подхалимовыхъ пріобрѣтаютъ *нѣкоторую* вѣроятность.

*) Н. Ленинъ: „Что дѣлать?“ с. 28.

самъ увѣренъ, онъ не принадлежитъ къ числу людей, изучающихъ исторію нѣмецкаго движенія по Прокоповичу, а философію его по Струве, то не имѣетъ ли онъ въ своемъ распоряженіи новыхъ документовъ? Опубликуйте же ихъ скорѣе, тов. Ленинъ? *Лассаль совлекъ германское рабочее движеніе съ пути прогрессистскаго трэдъ-юніонизма* — и какъ это у васъ перо повернулось написать такую нелѣпость? Но, можетъ быть, вы это сдѣлали съ благой цѣлью: знайте же, хвостисты, Лассаль — великій человѣкъ, и тотъ противъ васъ!

Бѣдный тов. Ленинъ! Какъ онъ воюетъ съ этимъ трэдъ-юніонизмомъ! Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, Либкнехтъ — всѣ они, конечно, только и дѣлали, что воевали съ трэдъ-юніонизмомъ.

Историческая заслуга Лассаля состоитъ въ томъ, что онъ положилъ начало самостоятельной рабочей партіи. Можетъ быть, онъ, какъ и его послѣдователи, старался бы совлечь рабочее движеніе съ пути трэдъ-юніонизма, но онъ умеръ до начала трэдъ-юніонистскаго движенія среди германскихъ рабочихъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ высказался категорически противъ такого средства борьбы рабочаго класса.

А Либкнехтъ? Знаете ли вы, тов. Ленинъ, въ чемъ состоитъ историческая заслуга его и его товарищей? Они, конечно, воевали съ прогрессистскимъ трэдъ-юніонизмомъ, они, конечно, какъ и вы, дѣлали изъ слова „трэдъ-юніонизмъ" своего рода „жупелъ"? Не такъ ли?

Увы! Это тоже „мечта", но только отъ невѣжества, которое плохо знаетъ, „съ чего начать" исторію германской соціалъ-демократіи. Несмотря на противодѣйствіе Шульце-Деличей, несмотря на „догму" Лассаля и лассальянцевъ, въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ среди рабочихъ начало развиваться „стихійное" стремленіе къ трэдъ-юніонизму. И вотъ, Либкнехтъ и его товарищи не *совлекали* рабочихъ съ этого пути, а „подталкивали" ихъ. Какъ же они это дѣлали?

„Они (Либкнехтъ и другіе Эйзенахцы) рѣшили принять активное участіе въ зачинавшемся во второй половинѣ 60-хъ годовъ ремесленномъ движеніи. Они поняли громадное его значеніе для организаціи большихъ рабочихъ массъ и, *опасаясь, чтобы, предоставленное самому себѣ, оно не увлекло пролетаріатъ на путь такихъ же палліативовъ, какъ въ Англіи они взяли на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ и, такимъ образомъ, установили тѣсную связь между соціалистическими группами пропаганды и ремесленными организаціями.* Благодаря такому взгляду на принципы и средства рабочаго движенія, новой соціалистической партіи удалось значительно поднять сословное сознаніе и чувство своего собственнаго достоинства въ массѣ рабочихъ и спасти обще-германскій союзъ отъ деморализаціи."*).

И несмотря на всѣ усилія прогресистовъ, которые дѣйствительно *послѣ этого* спохватились и начали увлекать рабочихъ на путь *прогресистскаго* трэдъ-юніонизма, ихъ постигло жалкое фіаско[1]).

А тов. Ленинъ воюетъ съ трэдъ-юніонизмомъ! Осторожнѣе, осторожнѣе, тов. Ленинъ! Не относитесь съ такимъ „трансцендетальнымъ презрѣніемъ" къ Найтамъ. Старайтесь лучше разъяснить нашимъ „экономистамъ", что трэдъ-юніонизмъ и самъ по себѣ не такъ уже плохъ, но особенно хорошъ только тогда, когда онъ превращается въ соціалъ-демократическій, когда этимъ „стихійнымъ" движеніемъ руководятъ *соціалъ-демократы*. Разъясняйте также „массовымъ" „сѣрымъ" рабочимъ, что и свободы рабочихъ союзовъ они добьются только войдя скорѣе въ ряды соціалъ-демократіи. Но не пишите такихъ сравнительныхъ характеристикъ, какую вы дали, сравнивая трэдъ-юніониста Найта и „народнаго трибуна"

---

*) П. Аксельродъ, „Итоги соц.-дем. партіи въ Германіи" („Община", № 8-9). Статья эта писана въ 1878 г., когда тов. Аксельродъ былъ еще бакунистомъ, но очень своеобразнымъ. Она и теперь еще содержитъ массу мѣткихъ замѣчаній, отъ которыхъ тов. Аксельродъ и сейчасъ не отказался бы. Тов. Ленину она была бы полезна и тѣмъ, что познакомила-бы его съ главными фактами исторіи нѣмецкой соціалъ-демократіи 70-хъ годовъ.

[1]) Но этимъ прогрессистомъ не былъ Шульце-Деличъ.

Либкнехта*). Онѣ доказываютъ только, что и англійское рабочее движеніе вы знаете не лучше нѣмецкаго. И я очень жалѣю, что не могу разсказать вамъ исторію американскихъ и англійскихъ „ортодоксовъ“.

А что сказать о характеристикѣ Либкнехта!? Именно Либкнехтъ „работалъ для рабочаго дѣла въ тѣсной связи съ пролетарской борьбой“, именно Либкнехтъ никогда не собирался „одновременно руководить активной дѣятельностью разныхъ оппозиціонныхъ слоевъ“, именно Либкнехтъ не занимался „односторонними обличеніями“, — и рѣзкій „солдатъ революціи“ назвалъ бы нашего маленькаго „политическаго вождя“ очень нехорошимъ словомъ, если бы послѣдній предложилъ ему демонстрировать по поводу всякаго оскорбленія сколько нибудь честной земщины.

Тов. Ленинъ сдѣлалъ еще одно открытіе въ исторіи нѣмецкой соціалъ-демократіи. „Съ ученымъ видомъ знатока“, онъ декретируетъ: „германская партія особенно укрѣпляетъ свои позиціи и расширяетъ свое вліяніе именно благодаря неослабной энергіи политически-обличительной кампаніи“**).

Политическія обличенія! Сколько чернилъ уже пролито за нихъ! И когда я вижу предъ собой смертельно-раненаго, чутъ заживо не похороненнаго тов. Мартынова, когда я вижу, какъ нашъ неистовый Орландъ „политическихъ обличеній“, „дикъ и рьянъ“, гарцуетъ по литературной аренѣ и ждетъ новой жертвы, мною овладѣваетъ невольный страхъ. Но страшенъ сонъ, да милостивъ богъ! Авось не выдастъ!

И въ полной увѣренности, что меня вернетъ къ жизни „живая вода“, которую извлечетъ изъ чистаго источника „ортодоксіи“ года черезъ два-три тов. Плехановъ въ статьѣ „И въ третій разъ соціализмъ

*) Н. Ленинъ: „Что дѣлать?“ с. 60-61.

**) Ibid., c. 51.

и политическая борьба“, я, лишенный наслѣдства, осмѣливаюсь прикоснуться своимъ „копьемъ“ къ вашему „обличительному“ щиту, тов. Ленинъ, и заявляю:

Германская соціалъ-демократія никогда не стала бы тѣмъ, что она есть, если бы она думала, что „авангардомъ революціонныхъ силъ съумѣетъ стать только партія, которая съорганизуетъ дѣйствительно всенародныя обличенія“, что „накопленіе рабочими силъ для борьбы съ абсолютизмомъ должно составить въ политическомъ воспитаніи рабочихъ, въ изобличеніи предъ ними всѣхъ сторонъ нашего гнуснаго самодержавія“, что „дѣло соціалъ-демократическихъ публицистовъ углублять, расширять и усиливать политическія обличенія и политическую агитацію“, что ея задача „пробудить во всѣхъ сколько нибудь сознательныхъ слояхъ народа страсть политическихъ обличеній“*).

Но нѣмцы намъ не указъ. Тов. Ленинъ убѣжденъ, что даетъ „нѣчто новое“. „Всякій человѣкъ, думающій, что онъ даетъ „нѣчто новое“ пишетъ „съ задоромъ“,**) а такъ какъ тов. Ленинъ несомнѣнно пишетъ съ задоромъ, то ясно, что онъ даетъ „нѣчто новое“. Но и авторъ брошюры „Объ агитаціи“ писалъ съ задоромъ и тоже думалъ, что даетъ нѣчто новое. И всетаки, несмотря на несомнѣнную „оригинальность“ каждаго изъ нихъ, они похожи другъ на друга, какъ сіамскіе близнецы. И тотъ, и другой —соціалъ-демократы... въ сферѣ пропаганды, но и тотъ, и другой не любятъ пропаганды, а предпочитаютъ агитацію: одинъ—политическую, другой—экономическую. Теорія ихъ до такой степени тождественна, что мы изложимъ ее словами тов. Ленина и попросимъ только читателя вмѣсто слова „политическій“ всюду поставить „экономическій“.

„Самопознаніе рабочаго класса неразрывно связано съ полной отчетливостью не столько теоретической, сколько на опытѣ жизни

*) Н. Ленинъ: „Что дѣлать?“ с. 67, 53, 66.

**) Ibid.. c. 30.

выработанныхъ представленій. „Ясное представленіе“ не почерпнешь ни изъ какой книжки: его могутъ дать только живыя картины. Мы должны активно взяться за политическое воспитаніе рябочаго класса. Недостаточно объяснять политическое угнетеніе рабочихъ. Необходимо агитировать по поводу каждаго конкретнаго проявленія этого угнетенія. А чтобы агитировать, надо обличить эти проявленія. Если мы это сдѣлаемъ, то и самый сѣрый рабочій пойметъ или почувствуетъ, что его давитъ и гнететъ, а почувствовавъ, онъ уже захочетъ, неудержимо захочетъ отозваться и самъ.*

Тов. Плехановъ! Не эту ли теорію Вы подвергали критикѣ въ ст. „Еще разъ соціализмъ и политическая борьба? Кто лучше: экономическій Нарциссъ Тупорыловъ, который „мыслитъ конкретно“ экономически или политическій Нарциссъ Тупорыловъ, который „мыслитъ конкретно“ политически? На мой взглядъ: оба лучше!

Эта Тупорыловская „теорія“ приводитъ къ одинаковымъ результатамъ. Агитація грозитъ выродиться въ *ажитацію*. Съ экономической агитаціей это уже случилось, и мы уже видѣли, какъ по поводу стачки нѣсколькихъ рабочихъ, насъ серьезно увѣряли, что „классовая борьба есть борьба политическая“. Тоже происходитъ на нашихъ глазахъ съ политической агитаціей. Она тоже вырождается въ ажитацію. Такъ, тов. Ленинъ уже мечтаетъ о томъ, какъ рабочіе, которымъ политическія обличенія дадутъ и умъ, и чувство, неудержимо захотятъ „сегодня устроить кошачій концертъ цензорамъ, завтра демонстрировать предъ домомъ усмирившаго крестьянскій бунтъ губернатора, послѣ завтра проучить тѣхъ жандармовъ въ рясѣ, что дѣлаютъ работу святой инквизиціи“ и т. д.**), ибо онъ увѣренъ, что „всякая политическая борьба есть борьба классовая“.

И невольно вспоминаются слѣдующія ѣдкія слова тов. Плеханова: „Шумимъ, братецъ, шумимъ! Сегодня они агитируютъ въ пользу поднесенія почетнаго револьвера Березовскому, завтра требуютъ уни-

*) Н. Ленинъ: „Что дѣлать?“ с. 52, 41-42, 53.

**) Ibid., с. 53.

чтоженія постоянной арміи, послѣзавтра горячатся по поводу „Искупительной капеллы“ и т. п. Такого рода „шумная“ дѣятельность, разумѣется, невозможна для русскихъ послѣдователей Бланки“.¹) Тов. Плехановъ ошибался. То, что казалось ему невозможнымъ для русскихъ бланкистовъ, оказывается возможнымъ для русскихъ марксистовъ. Увы! Онъ не предвидѣлъ. что русской соціалъ-демократіи суждено было пережить пароксизмъ экономической ажитаціи, онъ не видитъ еще, что она уже переживаетъ пароксизмъ политической агитаціи!

Экономическая агитація съ ея экономическими обличеніями и объявленіемъ войны фабриканту,*) изолируя съ одной стороны пролетаріатъ, какъ классъ продавцовъ специфическаго товара, съ другой создавала общность экономическихъ стремленій—стремленій улучшить условія продажи товаровъ, общія пролетаріату съ другими товаропроизводителями. Отъ правительства абстрагировались, забывая связь его съ классовой структурой всего общества. Идеаломъ становилось массовое рабочее движеніе съ экономическимъ характеромъ. Политическая борьба объявлена была „въ подозрѣніи“. „Обще-русское дѣло“ совершенно забывалось въ пылу экономической борьбы, заставлявшей уходить въ мѣстную работу. Сознанные интересы, сознаніе рабочихъ показывали, что рабочіе не хотятъ ничего кромѣ „копейки на рубль“. И доказательствомъ служили письма рабочихъ, получавшіяся организаціями. Политическая агитація съ ея политическими обличеніями и объявленіемъ войны *правительству*, изолируя, съ одной стороны, пролетаріатъ, только какъ самый *революціонный* классъ, съ другой создаетъ общность политическихъ стремленій —стремленій освободиться отъ самодержавія. Правительство превращается въ абстракцію, въ „темную

¹) Г. Плехановъ: „Наши разногласія“, с. 293-4.

*) Н. Ленинъ. Что дѣлать?, с. 67. „Политическія обличенія являются именно такимъ объявленіемъ войны правительству, какъ экомомическія обличенія—объявляютъ войну фабриканту“.

силу“, гнетущую всѣ классы, такъ какъ забывается связь его съ классовой структурой всего общества. Идеаломъ стаоовится массовое рабочее движеніе съ политическимъ характеромъ. Экономическая борьба объявляется въ подозрѣніи. На первый планъ становится „обще-русское дѣло“, которое не измѣришь ни часами, ни копейками“. Сознанные интересы, *сознаніе* рабочихъ показываютъ, что рабочимъ теперь не нужны ни стачки, ни кассы, ни книжки, что „теперь нужно учить, какъ идти въ бой“, что главный врагъ русскаго народа—правительство, что только тогда мы легче вздохнемъ, какъ свергнемъ самодержавнаго тирана. И все это, конечно, со словъ рабочихъ или изъ ихъ писемъ *).

Пропаганда теоретически признается, но на практикѣ она не въ авантажѣ обрѣтается. И экономическіе, и политическіе ажитаторы одинаково признавали, что *одной пропаганды* недостаточно, что если „сѣраго рабочаго“ *не натолкнуть извнѣ*, то онъ *не пойметъ и не почувствуетъ*, что его гнететъ „темная сила“ экономическаго произвола или что его давитъ „темная сила“ политическаго гнета. И вмѣсто того, чтобы *разъяснять сущность* этихъ „темныхъ силъ“, вмѣсто того, чтобы *разоблачать* классовый характеръ современнаго общества и правительства, *мы взапуски* обличали фабрикантовъ, мастеровъ и т. д. или „правящую клику, башибузуковъ-губернаторовъ, башибузуковъ-цензоровъ и т. д.

*) Надо отдать справедливость „Искрѣ“: она перещеголяла „Рабочую Мысль“ и „Рабочее Дѣло“. „Теорія“—таже. И „экономисты“, и „политики“ ссылаются на с о з н а н н ы е интересы рабочихъ. Когда „экономисты“ выдвигали „широкій демократическій принципъ“, они ссылались на сознаніе рабочихъ—противъ него были „интеллигенты“; когда „Искрѣ“ нужно доказать, что „демократическій принципъ“—послѣднее слово организаціоннаго разврата, оказывается, что „планъ“ приводитъ въ восторгъ рабочихъ и не нравится только „интеллигентамъ“ (см. „Искру“, № 14, фельетонъ). И мы могли бы сослаться на рабочихъ. Въ томъ самомъ письмѣ изъ Петербурга, которое я цитирую въ текстѣ, мы читаемъ: „Приходится слышать жалобы, что въ „Искрѣ“ нѣтъ научнаго отдѣла (конечно, по вопросамъ научнаго соціализма)“, что „передовая часть рабочихъ не можетъ удовлетвориться одной лишь „Искрой“ и, поэтому, сплошь да рядомъ прибѣгаетъ къ легальной литературѣ, въ которой безусловно царитъ буржуазное направленіе“. Жаль, очень жаль, что корреспондентъ не остановился подробнѣе на этомъ любопытномъ явленіи. Оно показываетъ, какъ правы тѣ, которые, исходя изъ о б ъ е к т и в н ы х ъ нуждъ рабочаго к л а с с а, „самой насущной потребностью“ считаютъ его с о ц і а л ъ-д е м о к р а т и ч е с к о е воспитаніе. А практику ссылокъ на „практиковъ“ пора уже оставить. „Заря“ ее осмѣяла еще въ той статьѣ, въ которой она выступала съ прямой полемикой противъ „Рабочаго Дѣла“. См. „Заря“, № 1, сс. 126—127, прим.

Тов. Мартыновъ, вмѣстѣ со многими поклонниками агитаціи, несогласенъ съ тов. Плехановымъ, по мнѣнію котораго пропаганда ничѣмъ качественно отъ агитаціи не отличается, и тов. Ленинъ зло посмѣялся надъ нимъ за желаніе „углублять Плеханова“. Но неужели онъ думаетъ, что „углублять Плеханова“ при его ближайшемъ участіи—болѣе полезное дѣло?

И я полагаю, что если бы онъ далъ себѣ трудъ „понять Плеханова“, то онъ не навязывалъ бы „тов. Плеханову, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣмъ вожакамъ международнаго рабочаго движенія“ свою ребяческую терминологію, по которой Каутскій, разбирая вопросъ о безработицѣ, *объясняетъ ее*, какъ соціалъ-демократъ и является *пропагандистомъ*, а Бебель *возбуждаетъ* въ массѣ недовольство и даетъ ей одну идею о безсмысленности противорѣчія между ростомъ богатства и ростомъ нищеты *), онъ понялъ бы тогда, что секретъ блестящихъ успѣховъ Либкнехта и Бебеля состоитъ въ томъ, что у нихъ пропаганда и агитація никогда не различались *по содержанію*, что они одинаково *возбуждали* рабочихъ и какъ пропагандисты, и какъ агитаторы, съ той только разни-

*) Конечно, агитатору нужны еще особыя личныя качества. Устная проповѣдь дѣйствуетъ сильнѣе печатной, а чтобы быть хорошимъ проповѣдникомъ, агитатору нужно умѣть „сердца порабощать чудесной силой убѣжденья“. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что агитаторы „родятся“. Пусть тов. Ленинъ дастъ себѣ трудъ прочитать главныя агитаціонныя рѣчи Либкнехта, Бебеля, Гэда и др., и онъ увидитъ, что, говоря о какомъ нибудь явленіи, они даютъ не м е н ь ш е идей, чѣмъ пропагандистъ Каутскій или Лафаргъ.

цей, что, какъ пропагандисты, они имѣли дѣло съ рабочими, сознаніе которыхъ стимулировалось *обычнымъ* ходомъ экономической или политической жизни, а какъ агитаторы - съ рабочими, уже *возбужденными* какой нибудь „внезапностью" въ ходѣ „мирнаго процесса". И въ пропагандѣ, и въ агитаціи они всегда оставались соціалъ-демократами. Они говорили рабочимъ „правду, всю правду" и „при лунномъ сіяніи" „органическихъ" періодовъ политической и общественной жизни, и при „солнечномъ сіяніи" критическихъ" періодовъ.

Они одинаково не соглашались какъ съ тѣми, кто, подобно автору брошюры „Объ агитаціи", думалъ, что самая насущная потребность пролетаріата—*экономическое воспитаніе его посредствомъ экономической агитаціи и экономическихъ обличеній*, такъ и съ тѣми, кто, подобно тов. Ленину, думаетъ, что „самая насущная потребность пролетаріата—*политическое воспитаніе его посредствомъ политической агитаціи и политическихъ обличеній*".

Они знали, что жизнь сама достаточно развиваетъ и экономическій, и политическій протестъ рабочаго класса. Они также знали, что рабочій классъ, въ которомъ уже пробудилось стремленіе бороться съ экономическимъ произволомъ капиталистовъ, есть уже сознательный рабочій классъ, но его классовое экономическое сознаніе есть лишь сознаніе пролетаріата, какъ класса продавцовъ особаго товара, какъ товаропроизводителей sui generis. Они также прекрасно знали, что рабочій классъ, въ которомъ пробудилось стремленіе бороться съ правительственнымъ произволомъ, есть уже сознательный рабочій классъ, но его классовое политическое сознаніе есть лишь сознаніе пролетаріата, какъ одной изъ категорій обывателей, страдающихъ подъ политическимъ гнетомъ. Привѣтствуя это пробужденіе, они ставили себѣ другую задачу: развитіе *классоваго* сознанія пролетаріата, какъ класса, всѣми условіями своего существованія предназначеннаго къ роли могильщика всякаго экономическаго и политическаго гнета. Они считали, поэтому, самой насущной потребностью пролетаріата — соціалъ-демократическое воспитаніе его посредствомъ разоблаченія классового характера современнаго общества и государства, всѣхъ проявленій общественной и политической жизни, всякой либеральной и демократической мишуры. Они безпощадно разрушали легенду объ *общности* экономическихъ, политическихъ, правовыхъ интересовъ, и къ такой насущной потребности пролетаріата, какъ политическое воспитаніе посредствомъ политическихъ обличеній, отнеслись бы подозрительно по той самой пичинѣ, по которой ею особенно дорожитъ тов. Ленинъ: *она совпадаетъ съ потребностью общедемократическаго движенія*.

И если бы въ программѣ „Рабочаго Дѣла" первой формаціи они натолкнулись на обѣщаніе редакціи „особенно подчеркивать общность экономическихъ, правовыхъ и политическихъ интересовъ всего рабочаго народа Россіи", увѣреніе, что „лишь въ борьбѣ за интересы и права *всѣхъ* трудящихся противъ всѣхъ формъ гнета россійская соціалъ-демократія исполнитъ свою историческую задачу", то они сказали бы:

Подвергнувъ тщательному анализу интересы и положеніе различныхъ классовъ, соціалъ-демократы ставятъ себѣ болѣе скромную задачу: они являются защитниками интересовъ *только* пролетаріата, а *потому самому* и всѣхъ обездоленныхъ, всѣхъ труждающихся и обремененныхъ. Мы предпочли бы, поэтому, сказать: „Лишь въ борьбѣ за интересы пролетаріата россійская соціалъ-демократія выполнитъ какъ свою *ближайшую* задачу - низверженіе абсолютизма, такъ и слѣдующую за ней—превращеніе товарнаго общества въ соціалистическое"..... Только этимъ и отличается соціалъ-демократія отъ другихъ соціалистическихъ партій, желающихъ бороться за интересы и права *всѣхъ* трудящихся противъ *всѣхъ* формъ гнета и часто забывающихъ, въ пылу этой борьбы, принципъ борьбы классовъ".

И какъ же были бы они поражены, если бы узна-

ли, что соціалъ-демократы, которые не боятся *прослыть* ортодоксами, найдутъ такія мысли *неудобными для печати*! Вы, вѣроятно, уже узнали эти строки, тов. Ленинъ? Онѣ имѣлись въ брошюрѣ, которая должна была выйти въ свѣтъ въ августѣ 1900 г. и исчезли изъ статьи въ первой книжкѣ „Зари“, въ которой *вы* выступили съ прямой полемикой противъ „Рабочаго Дѣла“ ! *) „Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсни“ !

Такое „сектантство“, конечно, мѣшаетъ широкимъ „планамъ“, оно лишаетъ возможности руководить активной дѣятельностью всѣхъ оппозиціонныхъ слоевъ, но оно дѣлаетъ соціалъ-демократію руководительницей и авангардомъ самаго революціоннаго класса современнаго общества, а слѣдовательно и авангардомъ всего демократическаго движенія. Вотъ почему Либкнехтъ и Бебель, никогда не задаваясь нелѣпой мыслью руководить и рабочимъ классомъ, и оппозиціонной буржуазіей всѣхъ категорій, всегда стояли во главѣ всей нѣмецкой демократіи, ибо лучшимъ оплотомъ демократіи является все таки рабочій классъ.

Для Либкнехта и Бебеля соціализмъ никогда не былъ только „конечной цѣлью“. Центральнымъ пунктомъ всей ихъ дѣятельности, центральной задачей настоящаго, которой подчинялись всѣ другія задачи, являлась задача измѣненія основъ того порядка, который покоится на антагонизмѣ классовъ. Если у автора „Рабочаго дѣла въ Россіи“ рабочее дѣло стоитъ на первомъ планѣ, а соціализмъ только маячитъ вдали, какъ „конечная цѣль“, то у нихъ—наоборотъ—соціализмъ поглощалъ рабочее дѣло. Другими словами, какъ бы ни были важны и сами по себѣ экономическая и политическая организація пролетаріата, онѣ должны быть подчинены организаціи во имя идеи соціальной революціи, соціалъ-демократической организаціи. Непосредственные интересы пролетаріата, экономическіе и политическіе, никогда не являются

*) Н. Рязановъ, Замѣчанія на программу „Рабочаго Дѣла“, Заря, № 1.

самодовлѣющими, они подчиняются интересу будущаго, интересу соціальной революціи потомучто поскольку они являются непосредственными, самодовлѣющими, они не выходятъ за предѣлы буржуазнаго общества. Идея соціальной революціи сама есть лишь классовый интересъ всего пролетаріата.

И опять таки, вопреки мнѣнію автора „Рабочаго дѣла въ Россіи“ только борясь за соціализмъ, мы можемъ бороться, какъ слѣдуетъ, за рабочее дѣло. Чѣмъ сильнѣе, чѣмъ энергичнѣе будетъ наша работа, какъ *соціалъ-демократовъ*, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ энергичнѣе идетъ борьба за „непосредственные интересы“, за улучшеніе положенія рабочаго класса, ибо улучшать это положеніе въ капиталистическомъ обществѣ мы можемъ только *приближая его* къ „конечной цѣли“ *этого* общества: къ соціализму.

Именно потому, что Либкнехтъ и Бебель были соціалъ-демократы, они боролись за сокращеніе рабочаго дня, за повышеніе заработной платы, за созданіе условій, противодѣйствующихъ физическому, умственному и нравственному вырожденію рабочаго класса. Именно потому, что Либкнехтъ и Бебель были соціалъ-демократы они боролись за политическую свободу, за демократическую республику, такъ какъ только при полной политической свободѣ можетъ свободно развиваться классовая борьба пролетаріата, только въ демократической республикѣ пролетаріатъ можетъ придти къ власти.

И именно потому, что Либкнехтъ и Бебель боролись за соціализмъ, они старались, чтобы подготовка тѣхъ условій, при которыхъ онъ сможетъ возникнуть, куплена была возможно меньшей цѣной страданій трудящихся массъ: устранить ихъ совершенно нѣтъ никакой возможности. Они выступали всегда принціпіальными врагами всего буржуазнаго общества. И ихъ страстная борьба противъ милитаризма, протекціонизма, колоніальной политики, противъ всѣхъ способовъ капиталистическаго накопленія, противъ всякихъ попытокъ свалить тягости культуры на „маленькихъ людей“ сдѣлали германскую соціалъ-демо

кратію наиболѣе *народной* партіей, поставили ее во главѣ всѣхъ трудящихся и эксплуатируемыхъ, все больше убѣждавшихся и убѣждающихся, что интересы пролетаріата въ то же время и *ихъ* интересы.

Вотъ чему учитъ насъ опытъ германской соціалъ-демократіи, вотъ что дѣлаетъ ея политику образцомъ для соціалъ-демократическихъ партій всѣхъ странъ.

Но блестящіе успѣхи германской соціалъ-демократіи имѣли и оборотную сторону. Они обрекли нѣмецкій либерализмъ на жалкое существованіе. Какъ совершенно справедливо замѣтилъ тов. Молотовъ, статью котораго я настоятельно рекомендую тов. Ленину:

„одна изъ причинъ могучаго развитія нѣмецкой соціалъ-демократіи несомнѣнно та, что нѣмецкіе рабочіе относительно рано сърганизовались въ самостоятельную политическую партію съ соціально-революціонной программой. Она, конечно, этимъ самымъ подорвала значеніе буржуазнаго либерализма, еще болѣе—мѣщанской демократіи и прижала обоихъ къ стѣнѣ. Но она подняла на ноги, сплотила, пробудила къ политической жизни массы рабочихъ, которыя безъ того остались бы внѣ политики, равнодушныя и апатичныя". *)

Мы уже видѣли, что особенности историческаго развитія Россіи въ высшей степени благопріятствуютъ организаціи самостоятельной политической партіи рабочаго класса. И пора уже намъ перестать „держать руку на плечѣ либераловъ", пора уже понять, что если историческія условія обрекли нашъ либерализмъ на безплодіе, то организація соціалъ-демократической партіи еще больше подорветъ его значеніе. Перестаньте же сокрушаться, тов. Мартовъ, выходите скорѣе изъ того „печальнаго состоянія ума", въ которое погружаетъ васъ „повальное безлюдіе въ либеральномъ лагерѣ". Пусть только сърганизуется соціалъ-демократическая партія, пусть только она покажетъ, что она самая революціонная партія, — и наши будущіе Якоби явятся на свѣтъ только для того, чтобы сейчасъ же вступить въ ряды соціалъ-де-

*) Молотовъ, „Заря", № 1, сс. 223—24. Ниже я еще буду имѣть случай поговорить о нашей мѣщанской демократіи.

мократіи, какъ это сдѣлалъ Іоганнъ Якоби послѣ героическаго акта Либкнехта и Бебеля въ 1871 г. А Лафайетовъ, которые будутъ разстрѣливать народъ на Казанской площади, нашъ либерализмъ будетъ „являть" въ достаточномъ количествѣ и безъ вашихъ слезъ, тов. Мартовъ, и безъ вашихъ „подталкиваній", тов. Ленинъ!

И такъ, *организація самостоятельной политической партіи рабочаго класса съ революціонной соціалъ-демократической программой*, а для этого: *соціалъ-демократическое воспитаніе рабочаго класса посредствомъ разоблаченія классового характера всего современнаго общества и государства; развитіе классового сознанія путемъ пропаганды и агитаціи; руководство какъ экономической, такъ и политической борьбой пролетаріата; координированіе его экономической борьбы съ буржуазіей (фабрикантами) и политической борьбы съ правительствомъ въ борьбу соціалъ-демократіи съ классовымъ обществомъ и съ классовымъ государствомъ; подчиненіе экономической и политической организаціи пролетаріата его соціалъ-демократической организаціи во имя идеи соціальной революціи, какъ классового интереса пролетаріата, присущаго ему въ отличіе отъ всѣхъ другихъ классовъ современнаго общества; борьба соціалъ-демократической партіи съ капитализмомъ съ цѣлью уменьшить сумму страданій, которыми сопровождается неизбѣжная при этомъ строѣ экспропріація трудящихся массъ* — вотъ задачи русской соціалъ-демократіи, какъ онѣ диктуются ей особенностями историческаго развитія Россіи. Этими задачами должны опредѣляться какъ организація партіи, такъ и ея средства политической борьбы.

Мы никогда не должны забывать, что соціалъ-демократія — партія *класса*, а не *секты*, партія *массъ*, а не *личностей*, что она хочетъ дѣлать *исторію*, а не *исторіи*. А *исторія* дѣлается только *массами*. „Чѣмъ основательнѣе историческій актъ, тѣмъ больше бу-

детъ увеличиваться объемъ массы, совершающей этотъ актъ".*) А такъ какъ *массы объединяются* преимущественно дѣятельностью, борьбой, то предъ соціалъ-демократіей встаетъ вопросъ о формѣ организаціи и средствахъ борьбы. Но и въ этомъ отношеніи она должна всегда помнить, что вся сила ея въ рабочихъ массахъ, что она должна не изолироваться отъ массъ, а все болѣе и болѣе укрѣплять свои связи съ ней, что ей необходимо выбирать только такія средства, которыя не задерживали бы развитіе классового сознанія, не затемняли бы его и не противорѣчили практикѣ массовой борьбы.**)

Мы не должны также забывать, что именно потому что соціалъ-демократія хочетъ дѣлать *исторію*, она не можетъ руководиться требованіемъ практичности. Въ исторіи непосредственный успѣхъ не всегда указываетъ на конечный. Rira bien qui rira le dernier. И, какъ ни тяжело иногда „дѣлать" сознавая, что ничего не „сдѣлаешь", есть цѣлый рядъ дѣлъ, въ которыхъ надо отказаться отъ надежды на *непосредственный успѣхъ*. А таково дѣло соціалъ-демократіи. И выставляя свои требованія, она никогда не должна умалять ихъ въ угоду „практикамъ", такъ какъ

*) Марксъ.

**) Разборъ „организаціоннаго плана" „Искры" не входитъ въ планъ моей брошюры. Несостоятельность его теоретическихъ основъ я указалъ въ текстѣ. А фантастичность его уже достаточно доказана жизнью, и я увѣренъ, что тов. Ленинъ, „товарищамъ въ угоду" уже перемѣнилъ „свою методу". Замѣнить „кустарничество" комитетовъ капиталистической формой домашней промышленности по системѣ взаимнаго довѣрія гораздо легче, чѣмъ создать организацію, въ основѣ которой лежатъ „цѣлостныя" соціалъ-демократическія группы, съ верховной инстанціей—съѣздомъ, контролирующимъ дѣйствія „политическихъ вождей" и мѣстныхъ комитетовъ. Въ первомъ случаѣ комитеты знали только „мѣстныя" дѣла, во второмъ—они вѣдаютъ только „мѣстныя" дѣла, предоставляя „общія" посреднической конторѣ, въ третьемъ они дѣлаютъ „общее дѣло" въ рамкахъ мѣстныхъ условій. Достаточно прочитать предисловіе тов. Мартова къ „Письму къ товарищамъ пропагандистамъ", чтобы видѣть, до какихъ абсурдовъ можно дойти, когда видишь насущную потребность пролетаріата въ политическомъ воспитаніи посредствомъ политическихъ обличеній.

послѣдніе забываютъ основное условіе революціонной дѣятельности, безъ соблюденія котораго она является „голымъ доктринерствомъ": дѣло революціонеровъ гнуть какъ можно больше влѣво, предъявлять „въ рамкахъ существующихъ условій" къ дѣйствительности максимумъ требованій и предоставить уже „объективной логикѣ" этихъ условій, получившей сильный толчокъ отъ революціонной дѣятельности, опредѣлить компромиссъ, допускаемый данной комбинаціей соціально экономическихъ отношеній. Предвосхищать же этотъ учетъ, производимый самой дѣйствительностью и опредѣляемый равнодѣйствующей между максимумомъ сопротивленія данной соціально-экономической формаціи и максимумомъ революціонныхъ силъ, скопившихся въ ней, и ставить на мѣсто „крайнихъ" требованій результаты „субъективнаго" учета, конечно, очень практично, но — какъ бы это выразиться помягче—свидѣтельствуетъ лишь о недостаточной зрѣлости революціонной мысли.

Согласны ли вы съ этимъ „тезисомъ", тов. Ленинъ? Если мнѣ не измѣняетъ память, онъ изложенъ въ той статьѣ, въ которой „Заря" *выступила съ прямой полемикой противъ „Рабочаго Дѣла"*. „Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсни"!

Конечно, согласенъ,—отвѣчаетъ тов. Ленинъ и указываетъ мнѣ слѣдующее мѣсто: „Развѣ не филистерской является попытка напередъ „предписать" *степень удачи* нашего подталкиванія? Развѣ смѣетъ солдатъ, который уже двинулся въ аттаку, разсуждать о томъ, что мы, можетъ быть, не весь непріятельскій корпусъ, а три пятыхъ его уничтожимъ? Правительству легко будетъ отдѣлаться частичкой платежа по векселю крестьянскихъ требованій. Но намъ то какое до этого дѣло? Частичку платежа мы, конечно, положимъ себѣ въ карманъ, нисколько не прекращая тѣмъ не менѣе отчаянной борьбы за *весь* платежъ. Такъ и въ крестьянскихъ требованіяхъ наше дѣло — опредѣлить на основаніи научныхъ данныхъ — *максимумъ* этихъ требованій и помочь товарищамъ бороться за этотъ максимумъ, а тамъ уже пускай смѣ-

ются надъ его „проблематичностью“ трезвенные легальные критики и влюбленные въ осязательность результатовъ „хвостисты“.*)

Энергично пишетъ тов. Ленинъ! И хотя я свою формулировку предпочитаю этой смѣси изъ генеральскаго окрика „не разсуждать“ и „аблакатскаго“ жаргона: „клади объ это мѣсто“, я очень радъ, что мы имѣемъ такъ или иначе общую почву для нашего дальнѣйшаго спора. Мы приступаемъ теперь къ разбору программы-минимумъ, а ея истолкователемъ является именно тов. Ленинъ, который, какъ и мы, думаетъ, что „не наше дѣло ростить въ комнатныхъ горшкахъ пшеницу“.**)

---

*) Н. Ленинъ, „Аграрня программа“. „Заря“. № 4, с. 162—163.

**) Н. Ленинъ, Что дѣлать?, с. 88.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Оппортунизмъ въ мундирѣ ортодоксіи.

1) Тов. Ленинъ на rendez-vous съ предводителемъ дворянства.

Когда я, наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, получилъ проектъ программы „Искры“, я былъ не то, что разочарованъ, но удивленъ. „Диктатура пролетаріата“ и въ то же время „минимальная программа“ съ аграрной частью, которая своей положительностью могла бы привести въ восторгъ самаго строгаго „реалиста“ въ области политики, странная формулировка, согласно которой программа для рабочихъ *уже требуетъ* такихъ и такихъ то реформъ, а для крестьянъ только *будетъ добиваться*, убѣжденіе, что и въ рамкахъ самодержавнаго строя возможно осуществленіе перечисленныхъ въ программѣ *политическихъ* и соціальныхъ реформъ, осуществленіе, конечно не полное, не послѣдовательное, не прочное — все это было такъ неожиданно, что я терялся въ догадкахъ. Я зналъ, конечно, что „орламъ случается и ниже куръ спускаться“. Но и зная это, я все же не могъ согласить орлиный („болѣе или менѣе“) полетъ первой части съ куринымъ барахтаньемъ, которое „являетъ“ изъ себя вторая часть.

И я тщетно искалъ рѣшенія этого вопроса. Какъ и Тяпушкинъ, я люблю всюду доискиваться „руководящей нити“, но я не могъ найти органически-

развивающейся мысли, которая связывала бы обѣ части этого проекта. Тяпушкинъ въ особенно затруднительныхъ случаяхъ пользовался „народнымъ“ способомъ и обращался къ какому нибудь „человѣчку“, который умѣлъ какъ то особенно конкретно разъяснить самую замысловатую „задачу жизни“ и всегда съ точки зрѣнія совершенно неожиданной. „Вы думали объяснить явленіе преобладаніемъ какой то системы, направленія, полагали, что въ корнѣ дѣла лежитъ какой то планъ, что тутъ надобно объяснить дѣло теоріей „протекціонизма“ или теоріей „свободной торговли“ и т. д., а на дѣлѣ то оказывается, что всему дѣлу корень — Авдотья Миколавна изъ актерокъ“.

Такой „человѣкъ“ есть и у меня. Это Адонисъ Остромордовъ, замѣчательно шустрый „соціалъ-демократъ-репортеръ, умѣющій пролѣзать во всякія закулисы“. Его спеціальная функція дѣлаетъ его особенно способнымъ оцѣнить „роль личности въ исторіи“. „Закулисы“ ему все объясняютъ. Новая теорія, новая партія, новая группа — все это оказывается результатомъ сознательной игры какой нибудь „личности“ или какихъ нибудь „личностей“. „Стихійный элементъ“ онъ отрицаетъ a limine и часто посмѣивался надо мною, когда я при объясненіи какого нибудь явленія старался докопаться до „фактора“. Такъ и теперь, добродушно пожуривъ меня за „доктринерство“, онъ сразу же освѣтилъ занимавшую меня задачу съ совершенно неожиданной стороны. Шатаясь по обязанностямъ своей функціи по различнымъ курортамъ, онъ случайно былъ свидѣтелемъ того свиданія съ предводилемъ дворянства, о которомъ „*Заря*“ оповѣстила еще во второй книжкѣ. Вотъ его разсказъ.

Свиданіе происходило въ Карлсбадѣ, 1 Апрѣля 1902 г., послѣ обѣда. Тов. Ленинъ немного возбужденный, нервно ходилъ взадъ и впредъ. Насталъ наконецъ часъ свиданія, которое должно было „воочію показать“ всѣмъ „явнымъ и тайнымъ экономистамъ“, что русская соціалъ-демократія можетъ руководить активной дѣятельностью различныхъ оппозиціонныхъ слоевъ. И онъ волновался въ ожиданіи торжественнаго момента. Вѣрный своимъ аристократическимъ привычкамъ, его превосходительство изволилъ нѣсколько опоздать.

Но вотъ послѣ томительныхъ 10 — 15 минутъ предводитель, наконецъ, появляется. Онъ въ очень веселомъ расположеніи духа, на лицѣ его видно сознаніе „своего условнаго достоинства“, въ глазахъ свѣтится умъ*). Онъ протягиваетъ свою правую руку (всѣ пять пальцевъ!), тов. Ленинъ даетъ ему свою и, вѣрный своему правилу — держать руку на плечѣ либераловъ — кладетъ ему лѣвую на плечо. Его превосходительство немного удивленъ, но какъ „умный“ человѣкъ, быстро соображаетъ, что у „нихъ“ такъ, вѣроятно, принято и мирится со своимъ нѣсколько неловкимъ положеніемъ. На всякій случай онъ граціознымъ движеніемъ всовываетъ руку въ карманъ и нащупываетъ револьверъ. Отъ другого предводителя онъ слышалъ, что „въ сущности“ эти люди просто анархисты, не боящіеся даже висѣлицы. И, хотя Петръ Струве ему сказалъ, что онъ будетъ имѣть дѣло съ совершенно культурнымъ человѣкомъ, въ „глубинѣ“ души, онъ больше вѣритъ своему брату, „чѣмъ бывшему марксисту“.

„Извините, я, кажется, немного опоздалъ. Меня задержалъ одинъ изъ нашихъ романтиковъ. Какъ мѣтко вы характеризовали ихъ! Они никакъ не могутъ понять властныхъ требованій новаго времени и все мечтаютъ о крѣпостныхъ порядкахъ. Экономическій прогрессъ — для нихъ китайская грамота. Но прежде, чѣмъ перейти къ дѣлу, позвольте мнѣ искренно поблагодарить васъ за энергію, съ которой вы распространяли записку Витте „Самодержавіе и Земство“. Она намъ раскрыла глаза на истинное поло-

---

*) „Среди нашихъ либераловъ—много умныхъ и образованныхъ людей“. Примѣчаніе для тѣхъ соціалъ-демократовъ, которые не имѣли счастья встрѣчаться съ либералами и которымъ этотъ фактъ неизвѣстенъ.

женіе дѣлъ. А великолѣпное предисловіе Петра Бернгардовича? Да, Да! Съ полнымъ убѣжденіемъ говорю вамъ: на немъ почилъ духъ Петра Великаго. Замѣчательно глубокій умъ, громадная эрудиція и въ тоже время такое вѣрное пониманіе очередныхъ задачъ нашей, все болѣе усложняющейся общественности! Какое умѣнье проникнуть во всѣ изгибы и зигзаги бюрократической политики! Онъ далъ намъ лозунгъ и знамя, вокругъ котораго мы и собрались, когда обсуждали на нашемъ съѣздѣ свои дѣла. Долой самодержавную бюрократію!

Такъ трещалъ жизнерадостный предводитель. Вдругъ на лицѣ его показалась легкая усмѣшка.

„А скажите правду? Вѣдь вы не знали, что Н. Р. С. и есть самъ П. Струве? Обманулъ васъ нашъ милый, умный плутъ?"

И легкая усмѣшка нашего конституціоналиста превращается въ гомерическій хохотъ.

Тов. Ленинъ былъ немного шокированъ этой дворянской безцеремонностью. Но гордый тѣмъ, что „Искра" пробуждаетъ политическое недовольство во всѣхъ классахъ населенія, онъ сейчасъ же помирился съ нѣсколько циничной формой, въ которой проявляется иногда политическое недовольство иныхъ оппозиціонныхъ слоевъ.

„Вы ошибаетесь. Р. Н. С.—называется ли онъ Струве или нѣтъ — былъ орудіемъ въ нашихъ рукахъ. Наша обязанность руководить активной дѣятельностью различныхъ опозиціонныхъ слоевъ. Мы считали нужнымъ, поэтому, поддержать земцевъ. Вы знаете: Вы бѣдны (предводитель широко раскрываетъ свои глаза). Мы богаты. Вы слабы, у васъ нѣтъ связей въ народѣ. Мы сильны и у насъ ихъ много. Мы и рѣшили опубликовать эту новую пощечину царямъ — Обмановымъ. А такъ какъ пощечина тѣмъ интереснѣе, чѣмъ солиднѣе люди, ее дающіе, то вы уже и сами поймете, почему мы согласились напечатать предисловіе Н. Р. С. Всетаки оно напечатано въ типографіи „Зари" и вы бы не пришли на свиданіе, если бы это обстоятельство не заставило васъ познакомиться съ нашимъ журналомъ".

Ударъ былъ мастерски парированъ.

„Конечно, конечно. Я, дѣйствительно, сейчасъ же досталъ себѣ этотъ прекрасный журналъ. Первая книга меня не удовлетворила, но вторая произвела и на моихъ товарищей, и на меня прекрасное впечатлѣніе. И, какъ вы совершенно вѣрно замѣтили, доказательство на лицо. А теперь перейдемъ къ дѣлу. Мы вѣдь съ вами не краснобаи, а трезвые политики. — И такъ, по вашему мнѣнію, возвращеніе отрѣзковъ — лучшій способъ покончить съ отработочной системой и уничтожить всякіе остатки крѣпостныхъ отношеній...

Тов. Ленинъ, быстро сообразивъ, что нашъ либералъ подвинулся на одинъ вершокъ, стремительно „подталкиваетъ" его „на аршинъ" и, не желая скрывать своихъ намѣреній, замѣчаетъ ему: „И въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ. Это именно и составляетъ специфическое отличіе соціалъ - демократической аграрной программы".

Огорошенный нѣсколько этой неожиданностью, предводитель уже потянулся къ револьверу, но видя, что тов. Ленинъ „подтолкнувъ" его „на аршинъ", успокоился, онъ и самъ сейчасъ же овладѣлъ собою. Какъ умный человѣкъ онъ быстро сообразилъ: этому фанатику, видно, очень дорогъ ярлыкъ. Не ребенокъ же я въ самомъ дѣлѣ, чтобы изъ за ярлыковъ горячиться".

„Конечно, конечно. Вы называете это соціалъ-демократіей. Пусть. Я ничего противъ того не имѣю".

Это онъ сказалъ bien haut и сейчасъ же прибавилъ: „ну, и простоватъ же этотъ соціалъ-демократъ" (конечно, про себя, ибо онъ былъ опытный дипломатъ).

Маленькая пауза. Предводитель хочетъ задать вопросъ, но видимо стѣсняется. Дѣло въ томъ, что сильно напуганный крестьянскими волненіями, онъ

опасался, чтобы крестьяне, плохо отличающіе помѣщиковъ-романтиковъ отъ помѣщиковъ практиковъ, не вздумали воспользоваться всей землей. Онъ помирился уже съ мыслью, что имъ нужно уступить отрѣзки, отнятые въ 1861 г. (Отецъ его, хотя и былъ большой поклонникъ театра, уже при первыхъ слухахъ объ освобожденіи успѣлъ отрѣзать у крестьянъ значительный кушъ). Узнавъ отъ Петра Бернгардовича, что „Искра“ — органъ самой вліятельной революціонной партіи, онъ хотѣлъ убѣдиться, дѣйствительно ли эти „анархисты“ удовлетворятся только отрѣзками. Но вопросъ былъ щекотливый. И онъ украдкой посмотрѣлъ на тов. Ленина.

А „человѣкъ съ планомъ“ въ это время мечталъ. Тов. Ленинъ, выдвинувшій широкій и смѣлый планъ, внушающій уваженіе и противникамъ, — глубокій политикъ, но онъ любитъ мечтать, хотя, стыдясь этого занятія, онъ прячется при этомъ за Писарева. О чемъ онъ мечталъ? О томъ ли, что либералы, лично неспособные въ военной службѣ, „поощряемые“ и „подталкиваемые“ „Искрой“, возьмутъ на себя массу штатской работы по снабженію арміи оружіемъ, провіантомъ, квартирами и свѣдѣніями, не говоря уже о „красномъ крестѣ“, мерещились ли ему уже безконечные ряды возовъ съ оружіемъ и провіантомъ, милліоны, милліоны, милліоны? Трудно сказать. Но онъ мечталъ.

„Мечтатель“,—съ легкой усмѣшкой подумалъ про себя нашъ предводитель и тихонько повелъ плечомъ, на которомъ лежала рука тов. Ленина. Послѣдній сейчасъ же очнулся, ибо даже во снѣ онъ помнилъ, что партія пролетаріата должна ловить всякаго либерала, когда послѣдній собирается двинуться на вершокъ. Но нашъ либералъ сидѣлъ спокойно.

„Конечно, устраненіе самыхъ варварскихъ формъ эксплуатаціи крестьянства настоятельная задача настоящаго момента, и я совершенно согласенъ съ вашей постановкой вопроса. Но, можетъ быть, это только ваше личное мнѣніе. Вѣдь въ редакціи ва-

шихъ партійныхъ органовъ принимаетъ ближайшее участіе г. Г. Плехановъ, ужасный — passez-moi le mot — brouillon и такой же безтактный человѣкъ, какъ Чернышевскій. Во время голода 1891—92 гг. онъ предлагалъ полную экспропріацію крупныхъ землевладѣльцевъ и обращеніе земли въ національную собственность и очень презрительно отозвался о буржуазныхъ представителяхъ, которые надѣются все уладить незначительными прирѣзками. Мы очень рады принять протянутую вами руку, но вы понимаете сами, что такая перспектива можетъ только испортить добрыя отношенія между сегодняшними и даже завтрашними союзниками“.

„Вы правы, но я могу васъ успокоить. Сначала это было дѣйствительно моимъ личнымъ мнѣніемъ, но теперь его раздѣляетъ вся редакціонная коллегія, а слѣдователъно и Г. Плехановъ. Очередь только за вами. Скажите приличествующее случаю рѣзкое и твердое слово. Оно пригодится, а за нами уже дѣло не станетъ. Долой самодержавную бюрократію!*) Вотъ нашъ общій лозунгъ!“

Что было дальше, Остромордовъ не могъ мнѣ сказать. Его вдругъ замѣтили, и онъ долженъ былъ нѣсколько поспѣшно удалиться. Но и слышаннаго имъ было для него достаточно, чтобы объяснить аграрную программу „Искры“ желаніемъ продиктовать программу дѣтствій и такому оппозиціонному слою, какъ либеральное дворянство. Къ сожалѣнію, я не могъ удовлетвориться этимъ объясненіемъ. Если оно проливало нѣкоторый свѣтъ на аграрную часть программы, то другія части минимальной программы не „подчинялись“ такой основной “идеѣ“.

И только явившійся черезъ два мѣсяца комментарій тов. Ленина къ минимальной программѣ показалъ мнѣ, что я напрасно тратилъ время и трудъ. Чѣмъ больше я читалъ и перечитывалъ эту статью, тѣмъ больше убѣждался, что отыскать „единство“ въ

---

*) „Искра“, № 4: „Самодержавіе и Земство“.

программѣ, авторы которой нарочито составили ее изъ совершенно различныхъ по основной идеѣ частей, было бы такъ же легко, какъ обнять необъятное. Предоставляю слово тов. Ленину:

„Въ пользу наемныхъ рабочихъ отъ *современнаго* общества мы требуемъ такихъ *реформъ*, которыя ограждаютъ ихъ отъ физическаго и нравственнаго вырожденія и повышаютъ ихъ способность къ борьбѣ; въ пользу же крестьянъ мы добиваемся такихъ *требованій*, которыя содѣйствуютъ „устраненію остатковъ стараго крѣпостного порядка и свободному развитію классовой борьбы въ деревнѣ".

Въ пользу рабочихъ мы *требуемъ реформъ*, въ пользу же крестьянъ мы *добиваемся требованій*?! Мудрый Эдипъ, разрѣши! Дальше: „Въ рабочемъ отдѣлѣ мы не вправѣ выходить за предѣлы соціально-реформаторскихъ требованій, въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы не должны останавливаться и передъ соціально-революціонными требованіями. Или иначе: въ рабочемъ отдѣлѣ мы безусловно ограничены рамками программы-минимумъ, въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы можемъ и должны дать программу-максимумъ".

Мы видимъ, что программа минимумъ стоитъ на двухъ ногахъ: одна – реформаторская, другая — революціонная.

Чтобы не оставить у читателя никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ, тов. Ленинъ продолжаетъ: „Въ обоихъ отдѣлахъ мы излагаемъ не нашу конечную цѣль, а наши ближайшія требованія. Въ обоихъ мы должны поэтому оставаться на почвѣ современнаго (—буржуазнаго) общества. Въ этомъ состоитъ сходство обоихъ отдѣловъ. Но ихъ коренное отличіе состоитъ въ томъ, что рабочій отдѣлъ содержитъ требованія, направленныя противъ *буржуазіи*, а крестьянскій—требованія, направленныя противъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ.... Въ рабочемъ отдѣлѣ ближайшихъ требованій мы не можемъ ставить соціально-революціонныхъ требованій, ибо соціальная революція, ниспровергающая господство буржуазіи, есть уже революція пролетаріата, осуществляющая нашу *конечную*

цѣль. Въ крестьянскомъ отдѣлѣ мы ставимъ и соціально-революціонныя требованія, ибо соціальная революція, ниспровергающая господство крѣпостниковъ-помѣщиковъ, возможна и на базисѣ даннаго порядка.... Въ рабочемъ отдѣлѣ мы остаемся на почвѣ соціальной реформы, ибо мы требуемъ здѣсь только того, что буржуазія можетъ отдать намъ, не теряя еще своего господства. Въ крестьянскомъ же отдѣлѣ мы должны, *въ отличіе отъ соціалъ-реформаторовъ*, требовать и того, что никогда намъ (имъ крестьянамъ) не дадутъ и не могутъ дать крѣпостники-помѣщики, — требовать и того, что въ состояніи только силою взять себѣ революціонное движеніе крестьянства".

„Понятно, поэтому, что „критерій непосредственной и ближайшей „осуществимости" приложимъ вообще только къ завѣдомо реформаторскимъ отдѣламъ и пунктамъ нашей программы, отнюдь не къ программѣ революціонной партіи вообще. Другими словами, этотъ критерій приложимъ къ нашей программѣ только въ видѣ исключенія, отнюдь не въ видѣ общаго правила".

И такъ, осуществленіе требованій аграрной части программы предполагаетъ *революцію*, осуществленіе требованій рабочей части возможно путемъ *реформъ*. Теперь понятно, почему въ рабочей части программа *требуетъ*, а въ крестьянской части только *будетъ добиваться*. Только въ такомъ случаѣ понятно странное заявленіе, сдѣланное въ концѣ программы: „съ своей стороны, Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія твердо убѣждена въ томъ, что полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе указанныхъ *политическихъ и соціальныхъ* преобразованій достижимо лишь путемъ низверженія царскаго самодержавія и созыва учредительнаго собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ".

Не полное, не послѣдовательное, не прочное осуществленіе такого политическаго преобразованія, какъ всеобщее избирательное право или такого соціальнаго преобразованія, какъ 8-ми часовый рабочій день!

Не вѣрнѣе ли было бы сказать, что и путемъ революціи мы не добьемся полнаго, послѣдовательнаго и прочнаго осуществленія указанныхъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій? Это было бы ближе къ истинѣ.

Авторы программы стали жертвами „шаблона". Въ Западной Европѣ соціалъ-демократическія партіи имѣютъ „конечную цѣль" и „ближайшія требованія". Съ послѣдними оно обращается къ буржуазному государству. Но то, что въ Западной Европѣ имѣетъ смыслъ, у насъ является безсмыслицей*).

Мы сейчасъ увидимъ, какимъ путемъ могла образоваться программа-минимумъ, которая ставитъ себѣ цѣлью замѣну обсолютизма демократической республикой, въ которой рабочая часть является суммой требованій, предъявляемыхъ къ современному государству и аграрная часть которой *будетъ добиваться* требованій, предполагающихъ революціонное движеніе крестьянства.

2) Заграничные доктринеры и русскіе практики.

Обратимся къ проекту программы группы „Освобожденіе Труда". Мы пользуемся вторымъ, такъ какъ только онъ былъ извѣстенъ нашимъ практикамъ и только онъ подвергался ихъ критикѣ.

Изложивъ цѣли всего соціалъ-демократическаго движенія, показавъ, что необходимымъ предварительнымъ условіемъ освобожденія рабочихъ является захватъ рабочимъ классомъ политической власти въ каждой изъ соотвѣтствующихъ странъ, такъ какъ только это временное господство рабочаго класса можетъ парализовать усилія контръ-революціонеровъ и положить конецъ существованію классовъ и ихъ борьбѣ, программа продолжаетъ:

---

*) На эту странность уже было указано въ письмѣ одной южной группы (въ 25 №.), но „Искра" не поняла сдѣланнаго ей возраженія.

„Эта политическая задача вноситъ элементъ разнообразія въ программы соціалъ-демократовъ различныхъ государствъ, сообразно общественнымъ условіяаъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.— Практическія задачи, а слѣдовательно и программы соціалъ-демократовъ естественно должны имѣть болѣе сложный характеръ въ тѣхъ странахъ, гдѣ современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующимъ и гдѣ трудящіяся массы находятся подъ двойнымъ игомъ развивающагося капитализма и отживающаго патріархальнаго хозяйства. Въ такихъ странахъ соціалъ-демократамъ приходится добиваться, какъ переходныхъ ступеней, такихъ формъ общественнаго устройства, которыя уже теперь существуютъ въ передовыхъ странахъ, и необходимы для дальнѣйшаго развитія рабочей партіи. Россія находится именно въ такомъ положеніи. — Русскіе соціалъ-демократы считаютъ первою и главнѣйшею своею обязанностью образованіе революціонной рабочей партіи. Ростъ и развитіе такой партіи встрѣтитъ однако въ современномъ русскомъ абсолютизмѣ очень сильное препятствіе. Поэтому борьба противъ него обязательна даже для тѣхъ рабочихъ кружковъ, которые представляютъ собою теперь рогатки будущей русской рабочей партіи. Низверженіе абсолютизма должно быть ихъ первой политической задачей.... Цѣлью борьбы рабочей партіи съ абсолютизмомъ является завоеваніе демократической конституціи, обезпечивающей..... (идетъ перечисленіе главныхъ требованій....) *Опираясь на эти основныя политическія права, рабочая партія выдвинетъ рядъ ближайшихъ экономическихъ требованій, какъ напр."....*

Трудно выразиться болѣе категорически. Рабочая партія теперь ничего *не требуетъ* отъ современнаго строя. Только добившись политическихъ правъ, онъ предъявитъ къ вышедшему изъ чистилища революціи режиму цѣлый рядъ требованій. Этимъ самымъ программа категорически заявляла, что въ рамкахъ самодержавнаго строя всякія политическія и экономическія реформы могутъ только быть обманомъ со стороны господствующихъ классовъ, что никакихъ дѣйствительныхъ уступокъ современный режимъ не можетъ сдѣлать, что если бы такія уступки даже были сдѣланы, онѣ дѣйствительны лишь тогда, когда надъ современнымъ режимомъ виситъ дамокловымъ мечемъ угроза революціи. И вся программа ставитъ на очередь дня вопросъ *о революціи*, о низверженіи самодержавія.

На этой-то точкѣ зрѣнія стояли и первые соціалъ-демократы, работавшіе въ Россіи. Никто изъ нихъ

не хотѣлъ брать самодержавія „на уру“, какъ выразился тов. Г., но всѣ они были убѣждены, что низверженіе самодержавія — первый шагъ на пути къ освобожденію рабочаго класса, что оно является главнѣйшей и ближайшей цѣлью русскихъ соціалъ-демократовъ.

Но съ 1896 г. являются новые пророки. Они, какъ дважды два четыре доказываютъ, что группа „Освобожденіе Труда“ ошиблась, что она махала все время бумажнымъ мечемъ. И вотъ что говорили эти положительные люди:

„Въ программѣ русскихъ соціалъ-демократовъ, соотвѣтствующей дѣйствительной жизни, не можетъ быть мѣста прямой политической борьбѣ съ самодержавіемъ. Въ ней есть мѣсто только политической пропагандѣ. Въ интересахъ будущей политической борьбы мы должны всѣми силами избѣгать ея пародіи въ настоящемъ.

Намъ могутъ возразить, что это утопія. Отказъ отъ политической борьбы означаетъ отказъ отъ рабочаго движенія вообще. При русскомъ самодержавномъ правительствѣ невозможно никакое рабочее движеніе, невозможны никакія серьезныя улучшенія въ бытѣ рабочихъ (авторъ ссылается на брошюру Аксельрода — Задачи рабочей интеллигенціи въ Россіи, стр. 11), слѣдовательно, чтобы сдѣлать возможнымъ рабочее движеніе, мы должны низвергнуть самодержавіе.

Впрочемъ это опровергается успѣхами, достигнутыми русскимъ рабочимъ движеніемъ.

Стачечное движеніе дало намъ улучшеніе матеріальнаго положенія рабочихъ, фабричное законодательство, боевыя организаціи въ рабочемъ классѣ. Мирныя, легальныя и нелегальныя, организаціи ростутъ съ каждымъ годомъ“.*)

Такъ говорили факты, а тов. Аксельродъ еще въ 1897 г. рекомендуетъ программу, которая категорически заявляетъ, что только опираясь на политическія права, добытыя путемъ революціи, рабочая партія *выдвинетъ* требованіе „законодательнаго регулированія отношеній рабочихъ (городскихъ и сельскихъ) къ предпринимателямъ и организаціи соотвѣтствующей инспекціи съ представительствомъ рабочихъ“! Это было непростительное доктринерство, которое, по словамъ тов. Г., являлось съ одной стороны, плодомъ теоретизированія, а съ другой — незнанія условій жизни русскаго пролетаріата. Старая теорія выбрасывалась за бортъ.

*) Vademecum для редакціи „Рабочаго Дѣла“, с. 55. Изъ отвѣта Аксельроду. Нельзя достаточно благодарить Гр. „Освобожденіе Труда“ за напечатаніе этихъ документовъ. Для исторіи нашего движенія второй половины 90-хъ годовъ они представляютъ просто незамѣнимый источникъ.

Группа „Освобожденіе Труда“ упорно закрывала глаза на дѣйствительность. Она продолжала утверждать, что самодержавіе должно погибнуть для того, чтобы рабочіе могли жить. Члены ея не видѣли, что и въ рамкахъ самодержавнаго строя можно добиться осуществленія цѣлаго ряда политическихъ и соціальныхъ преобразованій, правда не въ полномъ видѣ, проведенныхъ не достаточно послѣдовательно, не совсѣмъ прочныхъ. И имъ говорили:

„Остается ничего не ожидая, ни на кого не возлагая надеждъ, самимъ рабочимъ, при существующей формѣ правленія теперь, немедленно, неустанно и шагъ за шагомъ, добиваться политическихъ правъ..... Такимъ же путемъ, какимъ добились (sic!) они легализированія стачки — необходимо добиваться свободы собраній, печати. Путемъ постояннаго повторенія стачекъ, путемъ массового движенія, массовой организаціи нужно защищать политическія права рабочихъ“. *)

Да! Факты черезчуръ громко вопіяли противъ теоріи. Группа „Освобожденіе Труда“ говорила, что при русскомъ самодержавномъ правительствѣ невозможно никакое рабочее движеніе, а жизнь показывала, что это рабочее движеніе растетъ не по днямъ, а по часамъ. Группа „Освобожденіе Труда“ говорила, что при русскомъ самодержавномъ строѣ невозны никакія серьезныя улучшенія въ бытѣ рабочихъ, а жизнь показывала, что самодержавіе не мѣшаетъ стачечному движенію все больше улучшать матеріальное положеніе рабочихъ, что подъ давленіемъ массового рабочаго движенія оно даетъ фабричное законодательство. Группа „Освобожденіе Труда“ говорила, что русское самодержавіе и политическія права рабочаго класса — свобода стачекъ, собраній, со-

*) Vademecum, с. 19, изъ письма г-на М. М.

юзовъ и т. д. — несовмѣстимыя вещи, а жизнь показывала, что путемъ повторенія стачекъ, собраній и т. д. и т. д. можно заставить правительство дать фактическую свободу стачекъ, собраній и т. д., а за тѣмъ, конечно, и политическую.

Особенную смуту въ умахъ вызвала побѣда рабочаго класса въ 1896 — 1897 гг. Въ ней видѣли не только *моральную* побѣду, ей придавали существенное значеніе и въ практическомъ отношеніи. Даже тов. Ленинъ, который въ своей брошюрѣ „Новый фабричный законъ" показалъ, какъ незначительны и двусмысленны были уступки, сдѣланныя правительствомъ, надѣялся, что „новый законъ необходимо и неизбѣжно дастъ новый толчокъ русскому рабочему движенію". Какимъ образомъ?

„Введеніе новыхъ фабричныхъ порядковъ, измѣненіе въ громадномъ большинствѣ фабрикъ по всей Россіи обычнаго, урочнаго дня принесетъ громадную пользу: оно стряхнетъ самые отсталые слои рабочихъ; оно пробудитъ вездѣ самый живой интересъ къ вопросамъ и правиламъ фабричнаго быта; оно послужитъ прекраснымъ, удобнымъ, *законнымъ* поводомъ для рабочихъ предъявлять свои *требованія*, отстаивать свое пониманіе закона, отстаивать старые обычаи, когда они выгоднѣе для рабочихъ, добиваться болѣе выгодныхъ условій при *новыхъ соглашеніяхъ* о сверхурочныхъ работахъ, добиваться болѣе высокой платы, чтобы сокращеніе рабочаго дня принесло дѣйствительную пользу рабочимъ безъ всякаго ущерба для нихъ".

Практика показала, какъ наивны были эти ожиданія. Они уже были разбиты почти цѣликомъ еще до того, какъ авторъ успѣлъ кончить свою брошюру и, хотя онъ въ приложеніи излагаетъ правила о примѣненіи новаго закона, утвержденныя 20 сентября 1897 г., онъ оставилъ безъ измѣненія свои общіе выводы. *Отстаивать свое пониманіе закона* при самодержавіи, при нашихъ судебныхъ порядкахъ! Если и въ Западной Европѣ фабричные законы часто остаются мертвой буквой, если и тамъ они соблюдаются лишь тогда, когда на букву закона опираются могучіе рабочіе союзы или когда за рабочими стоитъ могучая соціалъ-демократическая партія, умѣющая защищать непосредственные интересы рабочихъ, то

нужно быть очень наивнымъ человѣкомъ, чтобы думать, что у насъ, гдѣ стачка является преступленіемъ, фабричный законъ могъ дать *законный* поводъ для рабочихъ предъявлять свои требованія и видѣть въ этомъ одну изъ выгодъ этого закона. Гораздо вѣрнѣе опредѣлилъ значеніе этого закона тов. Д. Кольцовъ, по мнѣнію котораго этотъ, созданный цѣною тяжелой борьбы, законъ долженъ былъ своими недостатками показать, „что современные законодатели меньше всего могутъ заботиться объ интересахъ рабочихъ, что они чаще противодѣйствуютъ охранѣ этихъ интересовъ, чѣмъ помогаютъ имъ, что самодержавіе должно погибнуть для того, чтобы рабочіе могли жить".

И понятно, что тов. Д. Кольцовъ навлекъ на себя слѣдующую распеканцію г-на М. М.: „Причемъ тутъ самодержавіе? Еслибы Кольцовъ говорилъ въ томъ смыслѣ, что *всякая* буржуазная законодательная машина неспособна *безъ силы рабочихъ* обезпечить имъ защиту — я думаю, всякій бы съ нимъ согласился, но выдѣлять самодержавіе невѣрно".

Тов. Кольцовъ могъ бы на это отвѣтить; „Нѣтъ, самодержавіе мы можемъ выдѣлять именно потому, что только съ уничтоженіемъ самодержавія рабочіе могутъ пользоваться законодательной машиной. Не самодержавіе, а буржуазная законодательная машина предоставляетъ рабочимъ возможность отстаивать свое пониманіе закона, создаетъ *законные* поводы предъявленія своихъ требованій и, предоставляя имъ право коллективнаго договора, дозволяетъ добиваться болѣе высокой платы, чтобы сокращеніе рабочаго дня принесло дѣйствительную пользу рабочимъ безъ всякаго ущерба для нихъ". Но если этого не понималъ тов. Ленинъ, то г-ну М. М. мы и подавно можемъ простить незнаніе этой существенной разницы между самодержавной и буржуазной законодательной машиной.

Такимъ образомъ, та особенность историческаго

развитія Россіи, на которую мы указывали во второй части, — гигантскій ростъ рабочаго движенія въ рамкахъ самодержавнаго строя — вмѣсто того, чтобы служить доказательствомъ необходимости охранять чистоту принциповъ, необходимости использовать ее въ интересахъ революціонной соціалъ-демократіи, для „практиковъ“ служила только доказательствомъ ложности „заграничной“ доктрины группы „Освобожденіе Труда“. А недовѣріе къ этой доктринѣ переносилось и на теорію Маркса и Энгельса. Аналогичное теченіе въ европейской соціалъ-демократіи, опиравшееся тоже на громадные успѣхи экономической борьбы и направленное противъ окостенѣвшихъ въ своей ортодоксіи теоретиковъ, не замѣчавшихъ или не желавшихъ видѣть, что положеніе рабочаго класса все больше улучшается и въ рамкахъ существующаго строя, — ревизіонистское теченіе давало желанную теорію для нашихъ практиковъ. Если на „Западѣ“ трезвые соціалъ-демократы хотѣли отбросить программу максимумъ и оставить только программу -минимумъ (конечно, на время), то у насъ являются оригинальныя попытки создать изъ программы минимумъ западной соціалъ-демократіи: программу максимумъ — низверженіе самодержавія и программу минимумъ — политическія права для рабочихъ и экономическія реформы. Развивается стремленіе облегчить правительству исполненіе требованій рабочихъ: вмѣсто 8 часового рабочаго дня, требуютъ 10 часового и т. д. Наша практичность начинаетъ, наконецъ, принимать размѣры настоящей болѣзни.

Мало по малу опьяненіе, вызванное побѣдой 1897 г., проходитъ. Становится ясно, что это была только моральная побѣда, что она дала лишь одинъ практическій результатъ: отъ самодержавія ничего не добьешься добромъ. Борьба за политическія права опять уступаетъ мѣсто борьбѣ за низверженіе самодержавія, правда, съ мотивировкой, которая показываетъ, какъ сильны еще традиціи „экономическаго“ періода. Но „положительность“ и „практичность“ не исчезаютъ, — онѣ пріобрѣтаютъ новую форму. Подоплека остается та же самая. Это все та же боязнь сказать рабочимъ „правду, всю правду“: при сохраненіи самодержавія невозможно никакое улучшеніе ни въ экономическомъ, ни въ политическомъ положеніи рабочаго класса.

Классическое выраженіе это революціонное филистерство нашло себѣ въ слѣдующихъ словахъ тов. Мартынова:

> Если бы въ предѣлахъ настоящаго политическаго и соціальнаго строя невозможно было систематической борьбой одерживать ни малѣйшихъ матеріальныхъ—экономическихъ и нравственныхъ—политическихъ побѣдъ, то внутри этого режима не могла бы созрѣть организованная общественная сила для его низверженія; тогда бы у насъ царили лишь уныніе и пессимизмъ, и мы, сложивши безсильныя руки на пустой груди, должны были бы ждать, покуда естественный процессъ, покуда фатальное банкротство режима не избавило бы насъ отъ кошмара, или же мы должны были бы въ надеждѣ на это банкротство выступить на заговорщическій путь.... *)

Въ этой цитатѣ заключается квинтъ-эссенція всей мудрости, которая уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ излагается оппортунистами всѣхъ странъ. Долой революціонную фразеологію! Рабочимъ нужно дать что-нибудь „положительное“. Развитіе классоваго сознанія, непримиримая вражда къ существующему строю — все это „слова, слова, слова.“**) Нуженъ призывъ къ конкретнымъ дѣйствіямъ, ибо безъ этого не вовлечешь массу въ активную политическую борьбу. Какъ же сдѣлать это? Рецептъ очень простъ. „Вы-

---

*) Мартыновъ, Соціалъ-демократія и рабочій классъ, с. 26.

**) Исказивъ или просто не понявъ словъ тов. Плеханова, тов. Мартыновъ съ уничтожающимъ презрѣніемъ отзывается о тѣхъ, которые дорожатъ „распространеніемъ и усвоеніемъ идей“. „Такъ можетъ разсуждать только тотъ, кто вполнѣ усвоилъ урокъ Мефистофеля:

„Mit Worten lässt sich trefflich streiten,
Mit Worten ein Sistem bereiten“.

Такую выходку можно объяснить только тѣмъ, что Мартыновъ не знаетъ нѣмецкаго языка. Иначе онъ понялъ бы все неприличіе этой выходки противъ людей, которые дорожатъ „распространеніемъ и усвоеніемъ идей“.

ставить единообразныя требованія фабричныхъ законовъ; для смягченія безработицы и голода выставить *опредѣленныя* требованія отчета въ хищнической финансовой политикѣ нашего правительства, широкаго страхованія отъ безработицы на средства капиталистовъ, а не рабочихъ, снятія съ крестьянства податного бремени и поповско-дворянско-чиновнической опеки". „Такія требованія не были бы пустымъ звукомъ, потому что суля извѣстные осязательные результаты, они могли бы быть активно поддержаны рабочей массой".

Придумавъ это архи-оригинальное средство „вовлечь рабочія массы въ активную политическую борьбу", нашъ „быстрый разумомъ Невтонъ" читаетъ слѣдующую нотацію тов. Плеханову и его единомышленникамъ до сихъ поръ, молъ, не додумавшимся до такого конкретнаго средства:

„Какъ же критикуемое нами теченіе относилось и относится къ подобнаго рода тактикѣ организованной борьбы пролетаріата съ государствомъ за радикальныя экономическія требованія? Оно ихъ въ лучшемъ случаѣ игнорируетъ. Для Плеханова и его единомышленниковъ соціальныя бѣдствія служатъ только поводомъ къ политической и соціалистической пропагандѣ, къ критикѣ господствующаго режима, но не поводомъ къ вовлеченію массы въ непосредственную борьбу съ этимъ режимомъ во имя радикальныхъ экономическихъ требованій".

Можно ли себѣ представить большее нарушеніе всѣхъ принциповъ соціалъ-демократіи! Несчастные не знаютъ, что дважды два не четыре, а пять или сапоги въ смятку, какъ это вытекаетъ изъ открытыхъ новымъ Невтономъ „новыхъ принциповъ".

Но мы можемъ успокоить тов. Мартынова. Если онъ правъ по отношенію къ тов. Плеханову, то онъ ошибается по отношенію къ его единомышленникамъ изъ „Искры". Они тоже „углубили Плеханова", правда, съ его разрѣшенія.

Проектъ программы „Искры" долженъ окончательно удовлетворить тов. Мартынова. Она уже требуетъ отъ самодержавнаго правительства и фабричныхъ законовъ и страхованія и т. д. и т. д., т. е.

предлагаетъ цѣлый рядъ радикальныхъ экономическихъ требованій, во имя которыхъ она и хочетъ вовлечь массы въ непосредственную борьбу съ самодержавнымъ режимомъ.

Конечно, „Российская Соціалъ-демократическая рабочая партія твердо убѣждена въ томъ, что *полное, послѣдовательное и прочное* осуществленіе указанныхъ *политическихъ и соціальныхъ* преобразованій достижимо лишь путемъ низверженія самодержавія".

Тов. Мартыновъ тоже знаетъ это:

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что наша „россійская держава", кровно связанная съ интересами эксплуататоровъ народнаго труда, что безконтрольные воры съ министерскими портфелями, вродѣ господ. Вышнеградскихъ, Сипягиныхъ и Витте, которые ловятъ рыбу въ мутной водѣ въ компаніи съ гг. Мамонтовыми, не захотѣли бы, да и не смогли бы удовлетворить въ сколько нибудь достаточной мѣрѣ подобныхъ требованій"*)

Надо однако признать, что тов. Мартыновъ радикальнѣе. Онъ говоритъ объ удовлетвореніи „въ сколько нибудь достаточной мѣрѣ" только *экономическихъ* преобразованій. „Конечно, говоритъ онъ, если мы рекомендуемъ рабочимъ предъявлять извѣстныя экономическія требованія правительству, мы это дѣлаемъ потому, что въ области экономической самодержавное правительство по нуждѣ готово идти на извѣстныя уступки". „Какая узость, какой „хвостизмъ", презрительно замѣчаетъ тов. Ленинъ и читаетъ тов. Мартынову лекцію по государственному праву, опираясь, конечно, на основательныя изслѣдованія покойнаго Градовскаго и здравствующаго понынѣ Коркунова, доказавшихъ, что россійская держава дѣйствительно управляется „на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ" и можетъ „излучать" изъ себя законы о свободѣ совѣсти, свободѣ печати и т. д. „Это странное заблужденіе, поучаетъ тов. Мартынова тов. Ленинъ, уступки возможны и бываютъ и

---

*) Мартыновъ: „Соціалъ-демократія и рабочій классъ", с. 25

въ области законодательства о розгѣ*), о паспортахъ и выкупныхъ платежахъ*), о сектантствѣ, о цензурѣ и пр., и пр.*). „Экономическія“ уступки (или неуступки) для правительства, разумѣется, всего дешевле и всего выгоднѣе, ибо оно надѣется внушить этимъ довѣріе рабочимъ массамъ къ себѣ. Но именно потому мы, соціалъ-демократы, и *не должны* никоимъ образомъ и абсолютно ничѣмъ давать мѣсто мнѣнію (или недоразумѣнію), будто для насъ дороже экономическія реформы, будто мы именно ихъ считаемъ особенно важными и т. п.“*)

Все свое превосходство надъ жалкимъ „хвостистомъ“ нашъ „головастикъ“ или „главистъ“ — предоставляю тов. Ленину выбрать подходящій терминъ — видитъ въ томъ, что онъ, не въ примѣръ Мартынову, вѣритъ въ способность рабочихъ массъ поддержать всякій протестъ, даже абсолютно никакихъ осязательныхъ результатовъ имъ несулящій. Зная магическую силу политической агитаціи и политическихъ обличеній, онъ убѣжденъ, что они заставятъ и сѣраго рабочаго понять — и не только понять но и почувствовать, что его гнететъ та самая темная сила, которая давитъ студента и писателя, а убѣжденный въ этомъ онъ смѣло выставляетъ *и* политическія требованія. Понявъ и почувствовавъ, рабочая масса захочетъ отозваться, неудержимо захочетъ и, устроивъ сегодня демонстрацію предъ домомъ башибузука губернатора, получитъ уступку въ области законодательства о розгахъ, завтра предъ домомъ

*) Напримѣръ, шпицрутены отмѣняются, батоги уступаютъ мѣсто кнуту, кнутъ — плети, плеть — просто розгамъ, и т. д. Перечислить всѣ возможныя уступки въ этой области законодательства мы предоставляемъ тов. Ленину.

*) Если тов. Мартыновъ зачисляетъ въ экономическія требованія „снятіе дворянски-поповско-чиновничьей опеки“, то тов. Ленинъ, чтобы не остаться въ долгу, зачисляетъ по политической части „выкупные платежи“.

*) Перечисленіе всѣхъ возможныхъ въ этой области реформъ читатель можетъ найти у Щебрина.

*) Н. Ленинъ: „Что дѣлать?“ с. 46.

цензора — и получитъ уступку въ области законодательства о цензурѣ, послѣзавтра предъ домомъ митрополита или архіепископа — и получитъ уступку въ области законодательства о сектанствѣ. Конечно такія политическія реформы, которыя „связаны съ какимъ бы то ни было расширеніемъ или упроченіемъ полицейско-чиновничьей опеки“, мы „рѣшительно отвергаемъ“!

„Гора родила мышь!“ „Именно теперь русскій революціонеръ, руководимый истинно-революціонной теоріей, опираясь на истинно революціонный и стихійно пробуждающійся классъ, можетъ наконецъ — наконецъ! — выпрямиться во весь свой ростъ и развернуть всѣ свои богатырскія силы“*), говоритъ съ свойственной ему энергіей выраженій тов. Ленинъ и „выпрямляется“, но — увы! и, вытягиваясь елико возможно, онъ „дотягивается“ до „политическаго“ оппортуниста.

Нѣтъ! Надо было доказать, что при самодержавіи невозможны никакія реформы, кромѣ „бумажныхъ“, какъ бы дорого онѣ ни стоили. Вопреки тов. Мартынову и вопреки тов. Ленину, мы никоимъ образомъ и абсолютно ничѣмъ не должны давать мѣсто мнѣнію (или недоразумѣнію), будто для насъ при самодержавіи дороги *и* экономическія, *и* политическія реформы, что мы можемъ придавать имъ какое либо значеніе, кромѣ показателя усиленія революціоннаго движенія пролетаріата. Западно-европейская революціонная соціалъ-демократія можетъ добиваться реформъ, какъ этаповъ по пути къ соціальной революціи, мы русскіе соціалъ-демократы будемъ упорно повторять: Carthaginem delendam esse! Не реформа или революція, не реформа *и* революція, а только революція. Всякая реформа — я не говорю, конечно, о реформѣ обмундировки или перераспредѣленіи департаментовъ — при сохраненіи самодержавія не имѣетъ никакого смысла и только лишній разъ указываетъ, что попытка привить къ самодержавному строю какое нибудь „улучшеніе“, не „связан-

*) Н. Ленинъ: „Что дѣлать?“ с. 81.

ное съ какимъ бы то ни было расширеніемъ или упроченіемъ полицейско-чиновничьей опеки надъ трудящимися классами", въ лучшемъ случаѣ является доказательствомъ безнадежнаго состоянія умственныхъ способностей тѣхъ людей, которые занимаются этимъ дѣломъ.

Только пошлое филистерство можетъ говорить объ улучшеніи положенія рабочаго класса при такомъ строѣ,

Гдѣ царствуетъ стыдъ и позоръ безпримѣрный!

Какъ будто замѣна гороховаго супа картофельнымъ можетъ улучшить положеніе человѣка, сидящаго въ одиночкѣ и скованнаго по рукамъ и ногамъ! А если къ тому же и картофель то гнилой!*)

И чѣмъ скорѣе, чѣмъ безпощаднѣе мы будемъ разоблачать всякія иллюзіи, чѣмъ скорѣе мы поймемъ, что въ предѣлахъ настоящаго политическаго и соціальнаго строя невозможно даже систематической борьбой одержать какія нибудь матеріальныя экономическія побѣды или нравственно-политическія", тѣмъ скорѣе наше движеніе станетъ на единственный путь, по которому оно можетъ дойти до своей ближайшей цѣли: путь революціи. Тогда и только тогда *опираясь на политическія права*, добытыя путемъ революціи, мы *выдвинемъ требованіе* создать—ну, хотя бы рабочее законодательство.

Я знаю, что мое доктринерство возмутитъ нашихъ практиковъ. Какъ будто мы не имѣемъ уже, правда, не полное, не послѣдовательное, не прочное рабочее законодательство.

Когда группа „Освобожденіе Труда" составляла свой проектъ программы (даже первый), она тоже

*) И „Искра" поступила бы несравненно цѣлесообразнѣе, если бы издавая проектъ закона о разрѣшеніи стачекъ, не поступившій еще въ государственный совѣтъ, назвала его не „Новая побѣда русскихъ рабочихъ", а „Новая попытка обмануть русскихъ рабочихъ". Намъ не слѣдъ брать примѣръ съ жоресистовъ, которые тоже зачисляли всѣ проекты Мильерана въ разрядъ „новыхъ побѣдъ".

имѣла предъ собою опытъ такого законодательства. И все таки она была совершенно права, когда, не „считаясь" съ этимъ опытомъ, рѣшительно утверждала, что „для заявленія, а тѣмъ болѣе для полнаго осуществленія въ жизни такого рода требованій рабочимъ опять таки необходимы прежде всего свобода печати, сходокъ, союзовъ и т. п., затѣмъ необходима также и возможность *непосредственно* влiять на тѣ общественныя и политическія учрежденія, отъ которыхъ зависитъ принятіе такихъ законовъ и надзоръ за ихъ исполненіемъ"*).

Но „практики" — „русскіе" и „истинно-русскіе", практики „попавшіе за границу" или только „бывавшіе за границей" настойчиво раскрывали группѣ глаза на дѣйствительность.

Повторять „аргументъ, выставляемый послѣдовательно всѣми фракціями русской революціонной интеллигенціи, борящейся за улучшеніе положенія того или другого слоя трудящагося класса"*), говорить, что при русскомъ самодержавномъ правительствѣ невозможны никакія улучшенія быта рабочихъ, когда факты указывали на блестящіе успѣхи нашихъ еврейскихъ товарищей, которые, опираясь на законъ Екатерины II, пользовались этимъ *законнымъ* поводомъ, чтобы открыто настаивать на выполненіи этого закона и добивались часто сокращенія рабочаго дня съ 18 до 14 часовъ, значило бы окончательно закрѣпить за собой славу омертвѣвшихъ теоретиковъ, потерявшихъ всякое чутье жизни въ затхлой атмосферѣ заграничной эмигрантской жизни.

*) П. Аксельродъ: „Задачи рабочей интеллигенціи, с. 13 И какъ будто предвидя увлеченія позднѣйшихъ „трезвенниковъ", тов. Аксельродъ прибавляетъ въ примѣчаніи: „говорю нарочно для „полнаго осуществленія въ жизни" потому что, какъ показываетъ Россія, на *бумагѣ* могутъ существовать ограниченія — хотя и слабыя — хозяевъ въ пользу рабочихъ и въ деспотическихъ странахъ. Но рабочіе и ихъ приверженцы *лишены права и возможности открыто настаивать на выполненіи даже этихъ законовъ*, а потому они обыкновенно и остаются *только на бумагѣ*".

*) Vademecum, с. 55, слова Н. Н.

И послѣ долгихъ колебаній группа „Освобожденіе Труда“, всегда чутко прислушивавшаяся къ голосамъ вліятельныхъ практиковъ, наконецъ уступила.

Но тутъ случилось нѣчто странное и весьма неожиданное. „Русскіе практики“, только „бывавшіе заграницей“, наградили русскую соціалъ-демократію вполнѣ „заграничной“ программой. Если программа группы „Освобожденіе Труда“ рѣзко отличалась отъ всѣхъ заграничныхъ программъ тѣмъ, что въ сущности *не имѣла* программы минимумъ, то новый проектъ, въ составленіи котораго группа принимала только ближайшее участіе, по своему построенію какъ двѣ капли воды похожъ на заграничныя программы. Все, что въ немъ было „русскаго“, все, что указывало на отличіе постановки цѣлаго ряда вопросовъ у насъ и заграницей, — все это исчезло. И мы, оказывается, не лыкомъ шиты. Мы имѣемъ такую же программу-минимумъ, что и наши западно-европейскіе товарищи.

Что такое программа-минимумъ? Она заключаетъ maximum требованій, которыя можно предъявить къ современному строю. Она какъ бы говорить ему: ты увѣряешь, что всѣ недостатки существующаго „порядка“, на которые мы указываемъ, не являются необходимымъ порожденіемъ твоей основы, частной собстввенности на орудія производства, что ихъ легко устранить съ помощью цѣлаго ряда реформъ. Прекрасно. Вотъ перечисленіе всего, что ты можешь сдѣлать, не измѣняя своимъ основамъ. Мы такъ мало „боимся“ твоихъ реформъ, что готовы всѣми силами помогать тебѣ въ этомъ дѣлѣ. Чѣмъ полнѣе будутъ осуществлены эти реформы, тѣмъ скорѣе массы поймутъ, что корень всѣхъ золъ современнаго строя лежитъ не въ „маленькихъ недостаткахъ механизма“, а въ его основномъ принципѣ. И только заставивъ это общество дать maximum того, что оно въ состояніи дать, соціалъ-демократія покажетъ, какъ ничтоженъ minimum условій, доставляемыхъ имъ для всесторонняго развитія личности.

Вотъ почему западно-европейская соціалъ-демократія выставляетъ свою программу-минимумъ. У насъ многіе привыкли смотрѣть на нее, какъ на ловкій пріемъ со стороны соціалъ-демократіи, имѣющій цѣлью обнаружить „злую волю“ правящихъ классовъ. Но это только побочная выгода, которою соціалъ-демократія можетъ удовлетвориться лишь потому, что она не можетъ добиться большей. „Злая воля“ обыкновенно проявляется въ томъ, что реформы проводятся непослѣдовательно и, такимъ образомъ, даютъ возможность всякимъ положительнымъ людямъ упорствовать въ своемъ ослѣпленіи: ься бѣда оказывается въ томъ, что реформа имѣетъ пробѣлы, съ устраненіемъ которыхъ „зло“ будетъ искоренено. Поэтому соціалъ-демократія заинтересована, чтобы реформы осуществлялись *вполнѣ*, и это тѣмъ паче, что такія реформы производятся только подъ ея давленіемъ и тѣмъ полнѣе, чѣмъ большимъ вліяніемъ пользуется соціалъ-демократія. Конечно, „злая воля“ господствующихъ классовъ очень упорна. Всего вѣроятнѣе поэтому, что и европейской соціалъ-демократіи удастся осуществить свою программу minimnm только путемъ революціи. Такъ Каутскій сомнѣвается, чтобы такая реформа, какъ 8-ми-часовый рабочіи день, была добыта пролетаріатомъ до завоеванія имъ политической власти.

У насъ о программѣ-минимумъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ намъ еще нужно создать тѣ условія, при которыхъ мы можемъ выставить такую программу. То „современное общество и государство“, къ которому адресуется программа-минимумъ западно-европейской соціалъ-демократіи, у насъ находится еще im Werden.

Единственное требованіе, которое мы можемъ предъявить нашему современному режиму это „требованіе“ скорѣе сгинуть. Только тогда, когда это „требованіе“ будетъ осуществлено, мы предъявимъ къ вышедшему изъ чистилища революціи режиму цѣлый рядъ политическихъ и экономическихъ требованій; не потому, что они *сулятъ* осязательные результаты,

а потому что ихъ полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе даетъ намъ возможность заняться еще болѣе основательно дѣломъ разрушенія основъ всего существующаго общественнаго строя.

И формулируя въ своей программѣ *предположительно* всѣ требованія, которыя мы выдвинемъ во время революціи, мы должны ни на минуту не забывать, что наша программа минимумъ не имѣетъ никакого *практическаго* значенія, что она не преслѣдуетъ какія нибудь „*положительныя*“ задачи. Она должна лишь дать отвѣтъ на вопросы: чего намъ требовать во время революціи, ея дѣло указать эти требованія рабочимъ массамъ, чтобы въ день революціи онѣ знали, вокругъ какого знамени имъ собраться, что бы онѣ не были обмануты „честными и неподкупными, умными и образованными“ либералами Земскаго Собора. Программа тогда будетъ имѣть громадное воспитательное значеніе, и чѣмъ шире распространится знакомство съ ея основными положеніями, тѣмъ больше шансовъ, что трудящіяся массы не дадутъ себя обмануть. Но эта программа и сама по себѣ, и въ тѣхъ устныхъ и печатныхъ комментаріяхъ, которыми она будетъ сопровождаться, должна имъ всегда напоминать, что внѣ революціи, что безъ низверженія самодержавія для нихъ нѣтъ никакой надежды выйти изъ этого ада. Онѣ должны понять, что „положеніе отрѣзываетъ всякій путь къ отступленію“, что „сами обстоятельства кричатъ: Hic Rhodus, hic salta.

„Мы достаточно знаемъ, что такіе нашъ старый абсолютизмъ. Поэтому прочь всякіе компромиссы; Прочь всякая нерѣшительность! За горло его и колѣно ему на грудь!“[1]).

Этимъ революціоннымъ духомъ пропитаны были и смыслъ, и буква старой программы революціонной соціалъ-демократіи. Въ новомъ проектѣ программы онъ совершенно исчезаетъ и уступаетъ, правда, стыдливо оговариваясь, мѣсто болѣе практичному взгляду.

[1]) Слова Лассаля.

Мы видѣли, что этотъ практицизмъ, упрочившійся во второй половинѣ 90-хъ годовъ, шелъ снизу, изъ рядовъ самой соціалъ-демократіи, изъ среды тѣхъ элементовъ, которые обладали слишкомъ слабой теоретической подготовкой, чтобы понять, что такое отступленіе отъ „шаблона“, какъ ростъ рабочаго движенія въ рамкахъ самодержавнаго строя, еще не свидѣтельствуетъ о недостаточности, „абстрактности“, „мертвенности“ старой программы. Отъ автора брошюры „Объ агитаціи“ уже было недалеко до М. М. и Н. Н. Практика одержала верхъ надъ теоріей.

Но въ новомъ проектѣ имѣется еще и практицизмъ совершенно особаго свойства. Русской соціалъ-демократіи теперь прививается точка зрѣнія, которую мы привыкли встрѣчать только въ устахъ „карикатуръ, рисуемыхъ на марксистовъ гг. Михайловскимъ, Карѣевымъ, Кривенкомъ и другими“*). „Это — точка зрѣнія человѣка, смотрящаго на существующій міръ общественныхъ отношеній приблизительно такъ же, какъ рачительный хозяинъ смотритъ на запущенное имѣніе. Вотъ домъ покосился — его надо подправить; дорожки всюду заросли — ихъ слѣдуетъ почистить. Деревья не привиты, гряды не вскопаны, скотъ безъ призора. Надо скорѣе *распорядиться* по хозяйству, наверстать упущенное“*). Это — „жажда строительства“, въ которой Старовѣръ справедливо видитъ „корень бѣдъ и злоключеній нашей демократіи, источникъ неизсякаемаго ея оппортунизма“, такъ какъ „на основѣ строительства растетъ и крѣпнетъ сознаніе своей принадлежности къ дѣйствующему цѣлому и постепенно замираетъ самая возможность принципіальной оппозиціи ему“*).

Старовѣръ проситъ читателя „вообразить себѣ на мгновенье народолюбивую демократію, со всѣмъ букетомъ ея психологическихъ навыковъ, привыкшую

*) Vademecum, с. XLVII.

*) Старовѣръ: „Современная весталка“, с. 235.

*) Старовѣръ, тамъ же, с. 254.

бѣгать пѣтушкомъ вокругъ да около народно-хозяйственнаго механизма, — повѣрившей въ спасительность ускореннаго капиталистическаго развитія". „Вамъ станетъ понятенъ ужасъ ея положенія и крикъ сердобольнаго сердца. Потомучто предъ ней во всемъ трагизмѣ предсталъ бы вопросъ: *какъ распорядиться съ крестьянами? Какія мѣропріятія изобрѣсти, какія начинанія предпринять для ускоренія фатально-цѣлительнаго хода?* Она такъ много и такъ напрасно „хлопотала" около крестьянскаго хозяйства, неужели же теперь ей предстояло бы еще „хлопотать" около его разложенія?*)

Вѣрно указавъ характерную черту нашей демократіи, Старовѣръ забылъ, что она не вся—„на одно лицо". У насъ была демократія „хлопотавшая" около крестьянскаго хозяйства, у насъ была и демократія „хлопотавшая" около его разложенія. Это — та демократія, которая подъ названіемъ „буржуазной" теперь такъ часто пестритъ страницы соціалъ-демократическихъ изданій. Ея девизъ: „Россія изъ бѣдной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной"*). Бюрократичная не менѣе народолюбивой, на тоже — и, надо сказать, удачнѣе — занималась строительствомъ. Такъ какъ „культурный прогрессъ Россіи тѣсно связанъ съ развитіемъ общественнаго раздѣленія труда, т. е. съ развитіемъ капитализма", то по ея мнѣнію „единственная раціональная государственная политика можетъ состоять въ разчищеніи почвы для этого процесса и смягченіи соціальныхъ его послѣдствій. Только такая политика и возможна для современнаго государства"*).

Мы, такимъ образомъ, вплотную подошли къ новой особенности историческаго развитія Россіи, отмѣченной тов. Ленинымъ. Читатель сейчасъ увидитъ, почему мы сдѣлали это „упущеніе". Надѣюсь, что

*) Старовѣръ, тамъ же. с. 237. — Курсивъ нашъ.

*) Струве: „Критическія замѣтки", с. 250.

*) Струве, тамъ же, с. 284 — 85, тезисы 18 и 19.

онъ не посѣтуетъ на меня за отступленіе. Маленькая экскурсія во владѣнія буржуазной демократіи поможетъ намъ найти секретъ многихъ „наглядныхъ несообразностей" въ разбираемой нами программѣ. Мы поймемъ тогда, какимъ образомъ совершилось превращеніе одной изъ наиболѣе вліятельныхъ соціалъ-демократическихъ группъ въ горе-„строительницу", далекую отъ „наивныхъ" мечтаній, архи-„трезвую" и уже, конечно, не „кабинетную".

---

3) Кукольная комедія съ букетомъ марксистской идеологіи или Первый политическій договоръ русской соціалъ-демократіи съ буржуазной демократіей.

Россіи „везетъ". И до сихъ поръ еще ей „на чужомъ пиру" достается больше всего похмѣлье. Мы еще не имѣли сложившейся соціалъ-демократической партіи, но уже имѣли сложившійся оппортунизмъ. Мы еще не имѣли настоящей борьбы политическихъ партій, но мы уже имѣли политическій договоръ между соціалъ-демократіей и буржуазной демократіей со всѣми его послѣдствіями.

„Основная особенность Россіи состоитъ въ томъ, что уже *самое начало* стихійнаго рабочаго движенія, съ одной стороны, и поворота передоваго общественнаго мнѣнія къ марксизму, съ другой, ознаменовалось соединеніемъ завѣдомо разнородныхъ элементовъ подъ общимъ флагомъ и для борьбы съ общимъ противникомъ (устарѣлымъ соціально политическимъ міровоззрѣніемъ)*)."

„Легальный марксизмъ", о медовомъ мѣсяцѣ ко-

*) Н. Ленинъ: „Что дѣлать?" с. 8.

тораго говоритъ тов. Ленинъ, наложилъ слишкомъ яркій отпечатокъ на девяностые годы, чтобы его можно было снести со счетовъ исторіи. Поскольку онъ популяризовалъ марксизмъ, поскольку онъ способствовалъ распространенію *въ ширь* запаса идей, накопленныхъ въ сочиненіяхъ русскихъ нелегальныхъ марксистовъ, онъ не могъ, конечно, не имѣть крупнаго значенія. Такія книги, какъ книги Бельтова и Волгина, переводы Маркса, Энгельса, Каутскаго — сдѣлались доступны такой массѣ читателей, что можно было мириться съ нѣкоторой недоговоренностью въ оригинальныхъ сочиненіяхъ и пропусками въ переводныхъ. Но такое прорываніе революціонныхъ теорій въ подъ-цензурную литературу само по себѣ не представляло ничего оригинальнаго. „Тяжеловѣсная армія цензоровъ и жандармовъ" и прежде не всегда поспѣвала разыскать сейчасъ же крамолу. Это удавалось даже въ годы такой отчаянной политической реакціи, какъ реакція сороковыхъ, удавалось не разъ и позже. Параллелизмъ легальной прогрессивной литературы и нелегальной революціонной проходитъ красной нитью чрезъ всю исторію нашей общественной мысли. И революціонныя теоріи просачивались въ подцензурную литературу тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше поднималась революціонная волна. Когда эта волна падала, мельчало и ея отраженіе въ легальной литературѣ. Наступало время не широкихъ задачъ, малыхъ дѣлъ, свѣтлыхъ явленій, отрадныхъ фактовъ и т. д. Тоже случилось съ нашимъ „легальнымъ марксизмомъ". Начавъ критикой „малыхъ дѣлъ", онъ самъ очутился въ плѣну у нихъ. Онъ забылъ, какъ и предшествовавшія ему легальныя отраженія революціонныхъ теорій, что онъ является только отраженіемъ революціонныхъ низовъ, что онъ свѣтитъ чужимъ свѣтомъ. Какъ и прежде, такъ и теперь къ „легализировавшемуся" революціонному теченію примазались различные элементы, которые плохо себя чувствуютъ въ пылу революціонной борьбы и, какъ амфибіи, лучше приспособлены къ профессіи „мудраго пискаря".

Случалось это прежде, случилось и теперь. Что среди людей, принимавшихъ участіе въ этой „кукольной комедіи съ букетомъ марксистской идеологіи" на ряду съ людьми умѣренными были и люди крайніе, ни для кого не было тайной. Когда наступило фіаско нашего національ-марксизма, многіе чувствовали себя неловко. У нѣкоторыхъ могло остаться непріятное чувство человѣка, случайно сѣвшаго за одинъ столъ съ филистимлянами. Mitgefangen-mitgehangen. Но ошибка въ фальшь не ставится. У другихъ это непріятное чувство ослаблялось сознаніемъ, что вѣдь въ сущности я это и раньше предвидѣлъ. У третьихъ, людей прямолинейныхъ, какъ ихъ называетъ тов. Ленинъ, могло вырваться слово укора по адресу людей, своимъ авторитетомъ часто освящавшихъ подмѣнъ марксизма мѣшаниной изъ Листа и Брентано. Но дѣло это уже прошлое. „Вожди" уже затрубили отбой. И обо всей этой исторіи можно было бы говорить совершенно спокойно, а оцѣнку этого явленія sine ira et studio передать бабушкѣ исторіи, которая уже сама разобрала бы, кто былъ правъ, а кто виноватъ.

Но этотъ эпизодъ получаетъ совершенно особый привкусъ, когда его стараются возвести въ перлъ политической премудрости. А эту попытку дѣлаетъ тов. Ленинъ. Людей, которые „черезчуръ прямолинейно смотрятъ на дѣло" и „въ силу своей прямолинейности возлагали за всю эту „смуту" наибольшую отвѣтственность на революціонныхъ соціалъ-демократовъ, вошедшихъ въ союзъ съ будущими „критиками" онъ „наталкиваетъ" на слѣдующія мысли: Вы „совершенно не правы. Бояться временныхъ союзовъ, хотя бы и съ ненадежными людьми можетъ только тотъ, кто самъ на себя не надѣется, и ни одна политическая партія безъ такихъ союзовъ не могла бы существовать. (Бѣдный Гэдъ! Бѣдный Либкнехтъ!). А соединеніе съ легальными марксистами было своего рода первымъ дѣйствительно политическимъ союзомъ русской соціалъ-демократіи. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая

побѣда надъ народничествомъ и громадное распространеніе вширь идеи марксизма *(хотя и въ вульгаризированномъ видѣ)**. Притомъ союзъ заключенъ былъ не совсѣмъ безъ всякихъ „условій". Доказательство: сожженный въ 1895 г. цензурой марксистскій сборникъ „Матеріалы къ вопросу о хозяйственномъ развитіи Россіи". Если литературное соглашеніе съ легальными марксистами можно сравнить съ политическимъ союзомъ, то эту книгу можно сравнить съ политическимъ договоромъ"*).

„Черезчуръ прямолинейные люди", конечно, ошибались, но не потому, что они были прямолинейны. Они просто переоцѣнивали значеніе такого фактора, какъ „легальная литература", и не понимали, что Sturm und Drang періодъ нашего марксизма, пережитый имъ послѣ голода 1891-92 г., не могъ не породить цѣлый рядъ уродливостей. Приписывать эту „смуту" ошибкамъ маленькой группы революціонныхъ соціалъ-демократовъ значило бы выказать не больше историческаго пониманія, чѣмъ тов. Ленинъ, всю эту смуту приписывающій злой волѣ нѣсколькихъ лицъ и „искуственному подбору", произведенному жандармеріей. Эта маленькая группа была увлечена общимъ потокомъ и продѣлала тотъ же циклъ, что и другіе.

Вотъ почему „черезчуръ прямолинейные люди" неправы. Но они будутъ правы, если *теперь*, послѣ „неожиданныхъ признаній" тов. Ленина, возложатъ на этихъ революціонныхъ соціалъ-демократовъ *часть* отвѣтственности за „смуту" послѣднихъ лѣтъ.

А смута была дѣйствительна велика. Пока въ столицахъ производился „шумъ", гремѣли витіи (правда, часто въ защиту аграріевъ)*, кипѣла словесная вой-

*) На кого намекаетъ тов. Ленинъ: на П. Струве или В. Ильина? Вѣдь первый, по его же словамъ, былъ въ сущности буржуазный демократъ.

*) Ленинъ: „Что дѣлать?" с. 9.

*) Будущій историкъ этого періода не сможетъ не остановиться на крайне любопытномъ спорѣ о высокихъ и низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Незавидную роль съиграли въ этомъ эпизодѣ эпигоны на-

на, тамъ въ глубинѣ Россіи разросталось и укрѣплялось „чисто рабочее движеніе", которое имѣло своими руководителями „полосу дѣятелей, воспитавшихся почти только на одной „легальной" марксистской литературѣ"*). А по словамъ того же Ленина „главная умственная пища современнаго студента, легальный марксизмъ, и не могъ дать ничего, кромѣ азбуки, кромѣ крохъ"*).

Не случайность вѣдь поразительная бѣдность нашей нелегальной литаратуры какъ разъ въ тотъ самый періодъ, когда въ Россіи „выходили одна за другой марксистскія книги, открывались марксистскія журналы и газеты, марксистами становились повально всѣ, марксистамъ льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходкимъ сбытомъ марксистскихъ книгъ"*).

И нашъ „мыслящій пролетаріатъ", всецѣло, по выраженію Старовѣра, предоставленный своему общественному инстинкту и лишенный даже азбуки политическаго знанія" брелъ въ потьмахъ и видѣлъ свѣтъ только въ „Критическихъ замѣткахъ" Струве *).

родничества, но не болѣе завидная роль выпала и на долю гг. Струве, Туганъ-Барановскаго и В. Ильина, который принципіально былъ съ ними согласенъ.

*) Н. Ленинъ: „Что дѣлать?" с. 139

*) Н. Ленинъ: „Что дѣлать?" с. 93

*) Н. Ленинъ, Что дѣлать?, с. 8. И онъ вѣрно прибавляетъ: „Вполнѣ понятно, что среди окруженныхъ этимъ чадомъ начинающихъ марксистовъ оказался не одинъ „писатель, который зазнался"...

**) Теперь пошла мода на воспоминанія. Позволю и я себѣ вспомнить одного моего пріятеля. „Черезчуръ прямолинейный человѣкъ", очень рѣзкій и совершенно невозможный въ салонахъ „умныхъ и образованныхъ либераловъ", гдѣ онъ чувствовалъ себя не лучше Базарова, начитавшагося писемъ Гоголя къ калужской губернаторшѣ, онъ особенно рѣзко отзывался о легальныхъ марксистахъ", честя ихъ то „сикофантами торжествующей свиньи", то „брентанистами въ плащѣ марксизма". Какъ настоящій практикъ, онъ признаетъ только устную пропаганду и лишь рѣдко прибѣгаетъ къ письмамъ. И онъ съ грустью говорилъ мнѣ, что самый побѣдоносный аргументъ, который онъ встрѣчалъ отъ „молодыхъ", былъ всегда „отъ лица". „Если вы правы, то какъ же съ ними рядомъ пишетъ Имярекъ"! Къ счастью, послѣ статьи „Противъ ортодоксіи" сомнѣній уже не могло быть.

Постепенно обрывалась связь не только съ славными традиціями семидесятыхъ годовъ, забывалась — и это было еще хуже — связь съ тѣми, которые нѣкогда считали вмѣстѣ съ группой „Освобожденіе Труда“ своей ближайшей задачей организацію рабочихъ кружковъ для борьбы съ абсолютизмомъ. Ихъ презрительно обзывали „народовольцами“ и поучали трезвости въ политикѣ. Притокъ интеллигентныхъ силъ въ революціонную среду началъ ослабѣвать. Какъ бабочки къ свѣту, тянулись онѣ къ легальной литературѣ и заливали редакціи „марксистскихъ“ журналовъ потоками статей, отъ которыхъ такъ и разило крохоборствомъ.

Мы видѣли, что и самъ тов. Ленинъ, котораго я не осмѣлился бы упрекнуть въ „черезчуръ большой прямолинейности“, говоритъ о вульгаризированномъ марксизмѣ“, объ „азбукѣ“, о „крохахъ“. Тов. Мартовъ, котораго я тоже не оскорблю подозрѣніемъ въ черезчуръ большой прямолинейности, еще пессимистичнѣе смотритъ на слѣдствія этого періода и, либо потому, что они ему давали себя чувствовать особенно сильно или по другой причинѣ, готовъ приписать зловредной „критикѣ“ даже такія явленія, въ которыхъ она совершенно не повинна. Буржуазная демократія насъ наградила „экономизмомъ“, теоріей „частичнаго завоеванія политическихъ правъ“, „оппортунистическимъ пониманіемъ реализма въ политическомъ и соціальномъ движеніи“, „практицизмомъ“ — и все это при ближайшемъ участіи революціонной соціалъ-демократіи. *)

„Пиръ кончился бѣдой“. Пострадали не только „мышата, не видавшіе свѣта“, не взвидѣла свѣта и бѣжала

*) Мартовъ, Всегда въ меньшинствѣ, Заря № 2-3. Въ этой статьѣ, усыпительнѣйшимъ речитативомъ „поющей пѣсни безумству храбрыхъ“, поражаетъ какой то преувеличенный срахъ предъ буржуазной демократіей. Она изображается въ видѣ злостнаго Мефистофеля, продѣлывающаго всякія штуки съ „ученикомъ“. „Сильнѣе кошки — звѣря нѣтъ“ — твердитъ на всѣ лады нашъ „мышенокъ, не видавшій свѣта и по неопытности попавшій въ бѣду“.

не одна премудрая крыса Онуфрій, оставивъ буржуазной демократіи на память либо хвостикъ, либо лапку.**)

Но „благодаря этому союзу, говоритъ тов. Ленинъ, была достигнута поразительно быстрая побѣда надъ народничествомъ“ или, какъ выражается тов. Мартовъ, надъ соціально-реакціоннымъ противникомъ“. Это тоже иллюзія, которую исторія въ свое время разоблачитъ. Революціонное народничество было побѣждено за долго до „союза“. Революціонная интеллигенція уже стала марксистской.

Побѣждено было *легальное народничество* и побѣждено среди *буржуазной* или, какъ называетъ ее тов. Мартовъ, радикальной интеллигенціи. И онъ самъ выдаетъ намъ секретъ этой побѣды:

„Марксизмъ освободилъ сознаніе передовой русской интеллигенціи отъ завѣщанной народническимъ утопизмомъ боязни соціальнаго прогресса, онъ позволилъ ей работать на его основѣ, не связывая своихъ рукъ сомнѣніемъ о судьбѣ разоряемаго этимъ прогрессомъ мелкаго производителя. Прогрессъ экономическій въ концѣ концовъ ведетъ и къ прогрессу соціальному“.*)

Не знаю, тов. Мартовъ, какъ *вашъ* марксизмъ, но *нашъ* марксизмъ училъ насъ кое чему другому. Для *насъ*, пасынковъ русской соціалъ-демократіи, переживавшихъ ту мрачную эпоху, когда только складывалась новая „правда“, когда мы, отказавшись уже отъ иллюзій народничества и народовольчества, по ироніи исторіи, должны были дѣлить съ ними ихъ судьбу, для насъ марксизмъ явился не для того, чтобы „разрушить законъ, а исполнить его и сохранить“. Мы не искали въ немъ разрѣшенія отъ узъ, „связывавшихъ“ намъ руки *такими* сомнѣніями. Къ „сомнѣніямъ о судьбѣ *раззоряемаго* этимъ прогрессомъ

*) Несмотря на горькій опытъ, нѣкоторыя изъ нихъ до сихъ поръ сохранили привычку „хоронить котовъ“ — и не только въ одиночку, но и группами. Какъ бы опять не кончилось бѣдой!

*) Мартовъ, Всегда въ меньшинствѣ, Заря, № 2-3, с. 187. Тов. Мартовъ, конечно, знаетъ, что это еще не весь марксизмъ. О нѣтъ! Это „еще далеко не составляетъ всего марксизма“. Это только часть! Какъ настоящій фокусникъ, онъ къ ослиному заду прибавляетъ переднюю часть льва и, конечно, получаетъ всего льва!

мелкаго производителя“ прибавились новыя сомнѣнія о судьбѣ уже *раззореннаго* производителя. Но старая правда не оставила намъ ничего, кромѣ этихъ сомнѣній и на безнадежныя муки раззоряемаго прогрессомъ мелкаго производителя мы могли отвѣтить лишь мученичествомъ отчаянія. Напротивъ, новая правда, не освобождая насъ отъ дорогихъ намъ „сомнѣній“, скорѣе увеличивая ихъ, указала намъ въ этой безпощадно терзаемой прогрессомъ трудящейся массѣ, пассивно принимавшей на себя удары судьбы, на раззоренныхъ производителей, которые не могутъ освободить себя отъ мукъ, не освободивъ отъ нихъ всей трудящейся массы. И на новомъ пути ждали насъ муки, но это уже не было мученичество отчаянія. Мы сѣяли, увѣренные, что наша работа рано или поздно принесетъ свои плоды. И мы не ошиблись. Вотъ что принесъ марксизмъ *намъ*, тов. Мартовъ! Но это былъ и *нашъ* марксизмъ, не марксизмъ, который получается *весь*, если къ двумъ — тремъ брентанистскимъ положеніямъ прибавить два — три марксистскихъ, а марксизмъ цѣлостный, объединяющій въ одно стройное цѣлое теорію и практику.

Нѣтъ! Революціонная интеллигенція была побѣждена не *вашимъ* марксизмомъ. Но кромѣ нея была еще другая, радикальная или, если хотите, передовая. И для нея, дѣйствительно, *вашъ* марксизмъ былъ манной небесной. Она то же отзывчива на всякія теченія и вѣянія. Отзывчива и впечатлительна, какъ обыкновенный россійскій телячій студень, который отзывается трепетомъ даже на чиханье кого нибудь изъ обѣдающихъ — а разрѣжьте его, вѣдь ледъ льдомъ, холодъ внутри его ледяной, точно мороженое! *) Она „привѣтствовала“, она „восторгалась“, она „сочувствовала“, она „жертвовала“ и всегда въ особенномъ изобиліи выдѣляла изъ своей среды „туристовъ“, порхавшихъ по заграницамъ и читавшихъ „послѣднія

*) Сравненіе Глѣба Успенскаго. См. „Волей-неволей“, гдѣ художественно изображенъ бунтъ этой интеллигенціи противъ ярма мужицкой идеологіи.

книжки“. *) Но она не любила „погибать изъ за ничего“. *) Однако, на ея несчастіе люди, любившіе заниматься этимъ безумнымъ дѣломъ, время отъ времени сильно встряхивали ее и мѣшали ей забыться „въ чарованьи красныхъ вымысловъ“. Тогда въ душѣ ихъ просыпались сомнѣнія, мѣшавшія ей спокойно работать на нивѣ соціальнаго прогресса, напоминавшія о какомъ то долгѣ народу.

Особенно сильно угнетало ее ярмо революціонной идеологіи въ концѣ 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. И она взбунтовалась. „Мужикъ, мужикъ, мужикъ, мужикъ, мужикъ. Нѣтъ! Бога ради! Довольно, довольно, довольно! Позвольте и намъ, и намъ, и намъ!“— кричала наша передовая интеллигенція со всей страстью, на которую только способенъ нравственный студень. Настала эра искусства безъ тенденціи, „новыхъ словъ“ В. Соловьева, „малыхъ дѣлъ“ и т. д. и т. д. Мужикъ вышелъ изъ моды. Но онъ опять напомнилъ о себѣ. Голодъ 1891—92 гг. не могъ не поразить и нашу „отзывчивую“ знакомку. Отъ нея требовали „жалости“, „милостыни вниманія“ къ раззоряемому прогрессомъ мелкому производителю. И ее опять охватили „сомнѣнія“. Она ударяется въ „филантропію“ и начинаетъ опять „трепетать“. Бѣдняжку вновь запрягли.

Скоро явился избавитель. И этимъ избавителемъ былъ тотъ марксизмъ, о которомъ говорите вы, тов. Мартовъ! Изтрепетавшейся душѣ этой студенеобразной интеллигенціи онъ несъ разрѣшеніе отъ сомнѣній о судьбѣ раззоряемаго прогрессомъ мелкаго производителя и не отягчалъ ее новыми о судьбѣ уже раззоренныхъ. Онъ училъ ее что положеніе о капитализмѣ, какъ основной причинѣ крестьянскаго разоренія невѣрно, что „бѣдность массы русскаго населенія есть въ гораздо большей мѣрѣ историческое

*) См. злую характеристику „туристовъ 40-хъ годовъ“, данную Лавровымъ (Угрюмовымъ) въ „Дѣлѣ“ 1877 г. 10. Лавровъ говоритъ объ Анненковѣ.

**) Слова Кавелина о Чернышевскомъ.

наслѣдіе натуральнаго хозяйства, чѣмъ продуктъ капиталистическаго развитія“, что „при условіи культурнаго и техническаго прогресса, ни уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ, ни паденіе заработной платы невозможно à la longue для цѣлаго народнаго хозяйства даже и при капиталистической организаціи“ *) и т. д. и т. д. Избавленная такимъ образомъ отъ угнетавшихъ ее сомнѣній, она, по словамъ тов. Мартова, „стала способной беззавѣтно отстаивать интересы общественнаго развитія“. А всякіе „туристы“, иронически посмѣиваясь надъ инвалидомъ Крюковымъ, всегда искавшимъ „труда независимаго и по существу своему не противорѣчащаго убѣжденіямъ“, по мѣрѣ силъ своихъ способствовали прогрессу національнаго богатства подъ просвѣщеннымъ руководствомъ всероссійскаго Листа.

Кумиромъ дня становится типичнѣйшій „туристъ“ русской литературы — Петръ фонъ Струве, нынѣ Петръ Освободитель. *) И никогда еще наша „отзывчивая“ интеллигенція, передовая nota bene, не находила себѣ такого „отзывчиваго“ выразителя; какъ и она, несмотря на всѣ свои зигзаги, онъ оставался вѣренъ своей „субстанціи“. И онъ это блестяще доказалъ.

Но „союзъ“ распался. Почему? Тов. Мартовъ увѣряетъ насъ, что „едва только замолкъ шумъ борьбы между марксизмомъ и народничествомъ, какъ появились первыя ласточки борьбы противъ самого марксизма со стороны его вчерашнихъ партизановъ“ *) Тов. Ленинъ говоритъ, что разрывъ былъ необходимъ, потому что союзники повально обратились къ бернштейніанству и „критическому направленію“ и „опошляли“ марксизмъ. Конечно, на вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ, но я думаю, что будущій историкъ со-

---

*) Струве, Критическія замѣтки, сс. 250, 284, 251.

*) Не случайность вѣдь, что Струве искалъ своего духовнаго родоначальника въ Боткинѣ, тоже „туристѣ 40-хъ годовъ“, а Каменскій — въ Бѣлинскомъ.

*) Мартовъ, Всегда въ меньшинствѣ, с. 189. Заря, № 2-3.

гласится скорѣе съ отзывомъ моего строптиваго пріятеля и признаетъ, что струвизмъ несмотря на всякіе зигзаги, всегда былъ лишь „брентанизмомъ въ плащѣ марксизма“. И тотъ же тов. Мартовъ, самъ подсказываетъ этотъ выводъ:

„Такимъ образомъ, извѣстная часть радикальной русской интеллигенціи, *отнюдь не разрывая съ классовымъ кругозоромъ своей среды*, въ предѣлахъ этого кругозора, могла производить подъ знаменемъ новаго ученія „переоцѣнку всѣхъ цѣнностей“ традиціоннаго міровоззрѣнія и, выдвинувъ противъ народническаго ученія классовое ученіе пролетаріата, сковало себѣ надежное идейное оружіе для успѣшной борьбы со ставшей реакціонной старой идеологіей“. *)

А она не могла бы сдѣлать этого, если бы марксизмъ не былъ лишь знаменемъ для смѣси изъ Брентано и Листа. Почему же все таки мирное сожительство, продолжавшееся еще въ „Началѣ“, въ концѣ концовъ разстроилось?

Тов. Ленинъ объясняетъ это тѣмъ, что якобы измѣнившійся струвизмъ хотѣлъ наложить свое иго на марксизмъ, тов. Мартовъ, слѣдуя за Старовѣромъ, яркіе образы котораго онъ превращаетъ въ сзучныя и туманныя абстракціи, объясняетъ этотъ расколъ бунтомъ буржуазной демократіи противъ ига, которое хотѣла наложить на нее пролетарская идеологія. Версія тов. Мартова, не объясняя факта, вѣрнѣе его констатируетъ. Когда въ силу условій, о которыхъ я сейчасъ скажу, марксизмъ, не тотъ, который мерещится вамъ, тов. Мартовъ, предсталъ въ своемъ настоящемъ видѣ предъ глазами нашей „отзывчивой“ интеллигенціи и сказалъ ей: выбирай между моимъ „рабомъ“ и мной, она воскликнула: „Наивный мальчикъ! Онъ серьезно думалъ, что я хочу навѣрное погибнуть“ и, повернувшись къ нему спиной, бросилась въ объятія къ своему вѣрному и преданному рабу. „Передовая интеллигенція“ окончательно взбун-

---

*) Мартовъ, Всегда въ меньшинствѣ, с. 188, Заря № 2-3. Курсивъ Мартова.

товалась. Она негодовала. Она искала освободителя, а ее опять хотѣли поработить и... кому? Рабочему, котораго она, кажется, и такъ достаточно просвѣщала". И повторилась старая комедія. „Рабочій, рабочій, рабочій! Нѣтъ! Бога ради! Довольно, довольно, довольно! Все экономика да экономика! Рабочій — дома, рабочій — на улицѣ, рабочій — въ книгѣ! Долой тенденцію, долой скорбь! Позвольте и намъ не рабочимъ, позвольте и намъ предъявить свои, наши, не рабочія требованія". Началась новая погудка на старый ладъ. Вѣрный своей „субстанціи", нашъ „туристъ" уже отправился вмѣстѣ съ нашей знакомкой въ заоблачныя выси метафизики и долго бы оставался тамъ, если бы ему и его „знакомкѣ" не пришлось скоро на горькомъ опытѣ убѣдиться, что несгибаемая сущность абсолютизма загибаетъ такія реальныя салазки, противъ которыхъ не можетъ устоять и несгибаемая сущность идеализма. И наше „культурное общество" опять „затрепетало", и нашъ „туристъ" опять „отозвался", но оба, какъ и прежде, какъ и всегда, остались вѣрны своей „субстанціи"— это все тотъ же обыкновенный россійскій телячій студень, преподнесенный подъ новымъ названіемъ — „умѣренность обязываетъ".!

Но трудно сказать, сколько бы еще длился „союзъ", которому, по словамъ тов. Ленина, мы обязаны „кратковременнымъ процвѣтаніемъ марксизма", если бы насъ не вызвалъ изъ сладкаго забытья шумъ, поднятый на Западѣ строптивыми ортодоксами. Началась Бернштейніада.

И въ то время, когда въ Россіи между туристами и марксистами царило еще полное согласіе, когда В. Ильинъ рука объ руку съ П. Струве и Туганъ Барановскимъ воевалъ съ хулителями русскаго капитализма и доказывалъ, что капитализмъ „повышаетъ *жизненный уровень населенія*", когда тотъже В. Ильинъ занимался съ тѣми же „туристами" дружеской бесѣдой о рынкахъ и увѣрялъ Струве, не безъ основанія, что разногласія между ними основаны въ значительной части „на простомъ недоразумѣніи",

— на Западѣ „азіатъ" Парвусъ уже звонилъ въ набатъ, предупреждая нѣмецкую социалъ-демократію объ опасности, а тов. Плехановъ началъ свою „дѣшеную полемику", какъ разъ противъ тѣхъ сторонъ бернштейніанства, которыя у насъ считались верхомъ марксистской мудрости. Въ Петербургѣ раздался вопль негодованія. Союзники были возмущены. Увы! Русскій абсолютизмъ не можетъ загородить Россію китайской стѣной, еще труднѣе было это сдѣлать легальному марксизму. Бернштейнъ заявилъ, и съ полнымъ правомъ, что у него въ Россіи много приверженцевъ. Никакія „условія" не могли устоять, разъ поднимался вопросъ: быть или не быть марксизму. „Толпа" уже начинала роптать и „герои" разорвали договоръ. Марксисты вздохнули съ облегченіемъ. The rest.... is silence, скажемъ мы словами Гамлета.

Читатель вѣроятно скажетъ, что я уклонился въ сторону. Я и самъ чувствую это, хотя и жалѣю, что не могу подробнѣе поговорить объ этомъ любопытномъ эпизодѣ. Очень онъ уже поучителенъ, да и съигралъ не малую роль въ той смутѣ, которую мы собираемся ликвидировать.

Сдѣлаемъ теперь нѣкоторые выводы. Союзъ буржуазной демократіи съ маленькой кучкой революціонныхъ социалъ-демократовъ дѣйствительно существовалъ. Онъ былъ заключенъ не безъ условій, что видно уже изъ систематическаго замалчиванія довольно явныхъ грѣховъ буржуазной демократіи. Такимъ образомъ, наши революціонные социалъ-демократы, подобно Мильерану, стоявшіе „внѣ контроля партіи", хотя они и не находились „въ отпуску", должны принять на себя отвѣтственность за всѣ подвиги легальнаго марксизма отъ *1895* г., когда онъ былъ заключенъ, до *1900* г., когда онъ былъ оффиціально нарушенъ.

Это была, конечно, вліятельная группа, но не больше. И если этотъ „союзъ" былъ „политическимъ договоромъ", то — не всей русской социалъ-демократіи, а только одной группы, договоръ, заключен-

ный безъ вѣдома другихъ группъ. И одной изъ задачъ русской социалъ-демократіи при ликвидаціи „смуты“ является ликвидація разъ на всегда *такихъ* союзовъ со стороны группъ, стоящихъ внѣ контроля партіи. Попытка тов. Ленина навязать этотъ „договоръ“, а, слѣдовательно, и отвѣтственность за его послѣдствія на всю русскую социалъ-демократію такъ же смѣшна, какъ и попытка нѣкоторыхъ соціалистовъ-революціонеровъ. Нужно еще доказать, что легальный марксизмъ могъ дѣлать свое дѣло только въ братскомъ союзѣ съ П. фонъ Струве. А нѣкоторые факты — хотя бы книга Бельтова — говорятъ противъ этого. Конечно, нашъ націоналъ-марксизмъ не расцвѣлъ бы такъ пышно, но зато и самое дѣло было бы чище и многіе изъ нашихъ товарищей не переживали бы мучительныхъ минутъ растерянности и, по выраженію Старовѣра, „не продавали бы за чечевичную похлебку преходящихъ интересовъ права первородства своихъ идеаловъ“*).

„Было бы только сознаніе недостатковъ, равносильное въ революціонномъ дѣлѣ больше, чѣмъ половинѣ исправленія“, говоритъ неумолимый тов. Ленинъ въ сознаніи своей непогрѣшимости.

Мы никого не зовемъ къ покаянію и вмѣстѣ съ тов. Плехановымъ думаемъ, что надо прежде всего внимательно изучить причины того непріятнаго положенія, въ которое попала русская социалъ-демократія. И если бы тов. Ленинъ былъ хоть на чуточку меньше преисполненъ сознанія своей непогрѣшимости и внимательнѣе изучилъ бы періодъ нашего движенія отъ *1894* до *1898* онъ увидѣлъ бы, что третій періодъ, къ ликвидаціи котораго онъ сводитъ

*) Въ своей прекрасной статьѣ „Что случилось?“ — настоящая „элегія въ прозѣ“, стонъ цѣлаго поколѣнія соціалъ-демократовъ, истосковавшагося въ затхлыхъ подвалахъ легальнаго марксизма и рвущагося на волю и просторъ революціонной борьбы — Старовѣкъ, къ сожалѣнію, не замѣчаетъ, что легальный марксизмъ уже сидѣлъ довольно прочно въ салонахъ „культурнаго общества“. Поэтому нельзя объяснить его „случай“ тѣмъ, что онъ не ушелъ, а „усѣлся“.

главную нашу задачу, составляетъ органическое продолженіе втораго, что „хвостизмъ“, столь возмущающій его, ведетъ свое происхожденіе отъ теорій брошюры „Объ агитаціи“, съ одной стороны и отъ „вульгаризированнаго марксизма“ — съ другой. И лучшимъ доказательствомъ служатъ петербургское движеніе 1896 — 1898 и брошюрная литература тѣхъ же годовъ.

Мы никогда не поймемъ, почему центромъ экономическаго направленія явился Петербургъ, откуда оно послѣ распространилось по всей Россіи и оказало сильное вліяніе на заграничныхъ доктринеровъ, если мы забудемъ, что этотъ городъ находился подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ буржуазной демократіи, настойчиво прививавшей соціальной демократіи „специфическое мѣщанское пониманіе реализма въ области политики“. Ни для кого не секретъ, что преобладающимъ вліяніемъ въ это время пользовался П. Струве, дѣлавшій свое дѣло „при ближайшемъ участіи“ революціонныхъ соціалъ-демократовъ и, какъ теперь оказывается, съ нарочитаго согласія ихъ*).

Но этому вліянію буржуазной демократіи подверглись не только „солдаты“. Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ, какъ сильно дѣйствовало оно и на нашихъ „политическихъ вождей“.

Съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься. „Пси-

*) Мы имѣемъ теперь любопытное свидѣтельство самой „Искры“. Въ статьѣ „Борьба направленій — пожива демагоговъ“ (№ 30) мы читаемъ слѣдующія строки: „Въ силу причинъ, на которыхъ здѣсь не мѣсто останавливаться, внутренній кризисъ, пережитый нашей партіей во второй половинѣ 20-хъ годовъ, съ особенной силой сказался въ СПБ. *На развивающееся пролетарское самосознаніе сильнѣе*, чѣмъ гдѣ бы то ни было, здѣсь давили безсознательныя и сознательныя вліянія буржуазно-демократической интеллигенціи систематически внушавшей организованнымъ пролетаріямъ и ихъ товарищамъ-интеллигентамъ идеи, послѣдовательное усвоеніе которыхъ неизбѣжно должно было бы сдѣлать наше рабочее движеніе простымъ придаткомъ къ либерально-демократической буржуазіи, руководимой гг. Струве и К°“. Остается только жалѣть, что редакція не нашла еще мѣста, чтобы выяснить причины этого явленія.

хологическій складъ" буржуазной демократіи, который весь приспособленъ къ такъ называемой „положительной работѣ, хотя бы эта работа сводилась къ созиданію карточныхъ домиковъ, походя сдуваемыхъ непріятелемъ" заразилъ и нашихъ революціонныхъ соціалъ-демократовъ жаждой строительства, и они забыли, что „организовывать борьбу „строить партію — единственная доступная революціонеру „положительная" задача нашего времени"*).

4) „Остатки" и „начатки".

Мы уже видѣли, что проектъ программы группы „Освобожденіе Труда" отмѣчаетъ болѣе сложный характеръ задачъ русскихъ соціалъ-демократовъ по сравненію съ западно-европейскими. Въ противоположность народовольцамъ того времени, которые хотѣли „перескочить" черезъ конституціонализмъ, проектъ показываетъ, что мы должны добиваться этой формы, какъ переходной ступени, ибо она необходима для дальнѣйшаго развитія рабочей партіи. И хотя проектъ составлялся еще въ такое время, когда „*современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующимъ*", мы въ немъ не найдемъ ни одного намека на то, что намъ слѣдуетъ заниматься устраненіемъ препятствій, лежащихъ на пути его развитія. Еще въ „Нашихъ Разногласіяхъ" тов. Плехановъ посмѣялся надъ Л. Тихоміровымъ, который вообразилъ, что русскій соціалъ-демократъ долженъ „хлопотать" о развитіи капитализма.

Новый проектъ „Искры" и въ этомъ отношеніи даетъ „нѣчно новое". Хотя въ Россіи капитализмъ уже сталъ господствующимъ способомъ производства,

*) Староверъ: „Современная весталка", с. 237, 238.

на русскую соціалъ-демократію возлагается „положительная" задача: надо достроить капитализмъ, надо его очистить отъ всякихъ остатковъ докапиталистичкихъ порядковъ.

„Въ Россіи, гдѣ капитализмъ уже сталъ господствующимъ способомъ производства, на каждомъ шагу встрѣчаются еще остатки нашего стараго, до-капиталистическаго общественнаго порядка, который основывался на закрѣпощеніи трудящихся массъ помѣщикамъ, государству или главѣ государства. Въ сильнѣйшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускаютъ всесторонняго развитія классовой борьбы пролетаріата, содѣйствуютъ сохраненію и усиленію самыхъ варварскихъ формъ эксплуатаціи многомилліоннаго крестьянства государствомъ и имущими классами и держатъ въ темнотѣ и безправіи весь народъ".

Что ей Гекуба? Какимъ образомъ въ соціалъ-демократическую программу попалъ экономическій *прогрессъ?* И неужели, желая содѣйствовать всестороннему развитію классовой борьбы пролетаріата, мы должны способствовать экономическому *прогрессу?*

Но, можетъ быть, авторы проекта думаютъ вмѣстѣ съ тов. Мартовымъ, что тезисъ „экономическій прогрессъ въ концѣ концовъ ведетъ и къ прогрессу соціальному" — тезисъ, составляющій часть *марксизма?* И, слѣдовательно, способствуя экономическому прогрессу, мы въ то же время, хотя и „въ концѣ концовъ", способствуемъ и соціальному прогрессу?

Что такое „экономическій прогрессъ"? Развитіе капитализма, экспропріація непосредственныхъ производителей. Экономическій прогрессъ „развиваетъ технику и концентрацію общественнаго процесса производства, но въ то же время подтачиваетъ самые источники всякаго богатсва: землю и работника". Экономическій прогрессъ въ то же время соціальный регрессъ непосредственнаго производителя и наемнаго рабочаго, положеніе котораго онъ „ухудшаетъ относительно или даже абсолютно". Экономическій прогрессъ — это ростъ народной нищеты.

„Экономическій прогрессъ въ концѣ концовъ ве-

*) „Характерное для русскаго человѣка выраженіе", замѣчаетъ тов. Плехановъ.

детъ и къ соціальному“ — этотъ тезисъ принадлежитъ не Марксу, а Брентано и у насъ впервые выставленъ былъ все тѣмъ же Струве. Этотъ тезисъ имѣетъ смыслъ лишь въ устахъ того, кто убѣжденъ, что соціальный прогрессъ является неизбѣжнымъ результатомъ свободнаго развитія капитализма, что капитализмъ à la longue самъ излечиваетъ все зло, которое порождается такъ называемыми переходными періодами или моментами перехода. Онъ очень удобенъ для тѣхъ, кто хочетъ затушевать подвиги капитализма въ области „распредѣленія“, кто хочетъ доказать, что капитализмъ — „не причемъ“ въ страданіяхъ трудящихся массъ*).

Марксъ, поэтому, никогда не говорилъ объ экономическомъ *прогрессѣ*, онъ говоритъ только объ экономическомъ развитіи. А это экономическое развитіе въ „концѣ концовъ“ безчисленныхъ жизней безчисленныхъ поколѣній ведетъ къ замѣнѣ одного способа эксплуатаціи другимъ. Конечно, *форма* эксплуатаціи имѣетъ громадное значеніе, и экономическое развитіе ведетъ въ „концѣ концовъ“ къ такой „формѣ“ эксплуатаціи, которая вынуждаетъ эксплуатируемыхъ направить всѣ свои усилія не только противъ *извѣстныхъ* формъ эксплуатаціи, „противъ самыхъ варварскихъ формъ ея“, какъ говоритъ разбираемый проектъ, но и противъ самой сущности ея. Экономическое развитіе „въ концѣ концокъ“ порождаетъ такія соціальныя условія, при которыхъ экономическій „прогрессъ“ будетъ одновременно и соціальнымъ. Только въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что экономическое развитіе въ концѣ концовъ ведетъ и къ соціальному прогрессу.

*) Вотъ иллюстрація къ этому тезису: „Въ самый моментъ перехода къ хозяйству денежному бѣдность можетъ даже обостриться, но въ концѣ концовъ этотъ переходъ всегда приводитъ къ росту національнаго богатства и увеличенію покупательной способности массы населенія, хотя бы это увлеченіе, въ силу либо неравномѣрнаго распредѣленія, либо усиленнаго роста населенія, либо дѣйствія того и другого фактора *вмѣстѣ* и *не сопровождалось* подъемомъ народнаго благосостоянія“. П. Струве: „Критическія замѣтки“, с. 272.

А подъ этимъ положеніемъ не подпишутся ни Брентано, ни его ученики.

Но будемъ ли мы говорить вмѣстѣ съ тов. Мартовымъ и брентанистами объ экономическомъ прогрессѣ, который, nota bene, въ концѣ концовъ ведетъ и къ соціальному, или вмѣстѣ съ Марксомъ объ экономическомъ развитіи, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ мы, какъ я уже говорилъ во второй части, не должны „хлопотать“ о развитіи капитализма. По отношенію къ экономическому развитію у насъ нѣтъ никакихъ „положительныхъ“ задачъ. Мы ничего не „строимъ“. Единственная наша „положительная“ задача — организація и воспитаніе пролетаріата (интеллектуальный элементъ) съ цѣлью овладѣть производительными силами, обобществленными капитализмомъ средствами производства (матеріальный элементъ).

Мало того. Мы не можемъ не мѣшать „экономическому прогрессу“. Такъ мы должны самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовать противъ всѣхъ способовъ первоначальнаго накопленія, хотя они несомнѣнно „въ концѣ концовъ“ ведутъ и къ „соціальному прогрессу“. Протекціонизмъ, налоговая система, колоніальная политика (завоеваніе внѣшнихъ рынковъ), какъ бы ни способствовали они экономическому прогрессу, уже съ самаго начала встрѣчаютъ и должны встрѣчать въ насъ непримиримыхъ враговъ. „Смѣшно было бы опасаться того, что наша пропаганда остановитъ развитіе капитализма“*). Наоборотъ. На извѣстной ступени развитія эта пропаганда сама становится стимуломъ „экономическаго прогресса“ съ той только разницей, что продолжая свою историческую миссію — развитіе техники и общественной формы труда, капитализмъ дѣлаетъ это дѣло, „связывая себѣ руки сомнѣніями“ о судьбѣ раззоряемыхъ и раззоренныхъ производителей.

А теперь новый вопросъ. Что это за „остатки“ докапиталистическихъ порядковъ, которые „въ силь-

*) Г. Плехановъ: „Наши разногласія“, с.

нѣйшей степени препятствуютъ экономическому прогрессу"? Программа не даетъ на это яснаго отвѣта. И объ этомъ приходится сильно сожалѣть. „Остатками докапиталистическихъ общественныхъ порядковъ являются напр., общинное землевладѣніе, сервитуты*), ремесло, кустарная промышленность въ ея чистомъ видѣ) и т. д. Должны ли мы содѣйствовать устраненію и этихъ „остатковъ"? Возьмемъ напримѣръ сервитуты. Это — „средневѣковый остатокъ". Если послушать спеціалистовъ-агрономовъ и юго-западныхъ помѣщиковъ, то нѣтъ большей помѣхи для экономическаго прогресса въ сельскомъ хозяйствѣ. И все таки соціалъ-демократія, которая потребовала бы уничтоженія этихъ „остатковъ", „въ сильнѣйшей степени препятствующихъ экономическому прогрессу", сдѣлала бы величайшую глупость. Почему? На это отвѣтитъ намъ Каутскій.

„Уничтоженіе этихъ правъ является частью великаго процесса экспропріаціи народныхъ массъ въ пользу немногихъ собственниковъ. Этотъ процессъ неизбѣженъ и составляетъ необходимое предварительное условіе развитія новаго соціалистическаго производства. Тамъ, гдѣ мелкіе крестьяне и сельскіе поденщики сохранили право пользованія лугомъ и лѣсомъ, соціалъ-демократія не должна способствовать уничтоженію этихъ правъ. Она можетъ спокойно предоставить господствующимъ классамъ уничтожить эти права всюду, гдѣ они мѣшаютъ раціональному земледѣлію или лѣсоводству. Ея же задача состоитъ въ томъ, чтобы тамъ, гдѣ происходитъ такое уничтоженіе, пользующіеся этими правами пострадали возможно меньше, и не были лишены обманомъ своихъ скудныхъ правъ, какъ это въ большинствѣ случаевъ бываетъ"*).

Мы дальше еще встрѣтимся съ этими „остатками", но въ болѣе опредѣленной формѣ.

Какъ бы то ни было, „остаткамъ до капиталистическихъ порядковъ" нѣтъ мѣста въ соціалъ-демократической программѣ. Это слишкомъ туманное и не-

*) Относительно этого „остатка" мы имѣемъ прямое указаніе тов. Ленина.

*) Kautsky, Die Agrarfrage, p. 335.

опредѣленное выраженіе, *объединяющее* соціалъ-демократію съ буржуазной демократіей въ одинъ классъ. *Буржуазная* демократія, „не игнорирующая культурно историческую связь экономическаго прогресса съ институтомъ частной собственности, принципами экономической свободы и чувствомъ индивидуализма", можетъ и должна воевать съ остатками докапиталистическихъ общественныхъ порядковъ, ибо, какъ прибавляетъ тотъ же Струве „только игнорируя эту связь, можно разсчитывать на то, что безъ осуществленія названныхъ началъ возможенъ для экономически и культурно-неразвитаго общества хозяйственный прогрессъ". Въ то время, какъ соціалъ-демократія видитъ главную причину всѣхъ неудачъ въ частной собственности на орудія производства и товарномъ хозяйствѣ, а слѣдовательно въ развитіи капитализма, буржуазная демократія, наоборотъ, видитъ ихъ въ недостаточномъ развитіи вышеназванныхъ началъ и при объясненіи царящаго зла, особенно усердно ссылается на всякіе „остатки".

А между тѣмъ еще большой вопросъ, на сколько всѣ тѣ явленія, на которыя указываетъ программа „Искры", связывая ихъ съ „остатками", объясняются дѣйствительно этими „остатками", а не „начатками" капитализма. Пришлось ли бы намъ теперь заниматься „радикальнымъ пересмотромъ условій освобожденія крестьянъ", если бы это „освобожденіе" не было подготовлено не „народнымъ производствомъ", а „капитализмомъ на барщинной основѣ, если бы оно не было совершено землевладѣльцами, уже искусившимися въ дѣлѣ выкачиванія „прибавочной стоимости" въ союзѣ съ государствомъ, не менѣе ихъ заинтересованнымъ въ развитіи капитализма? Развѣ періодъ отъ „эпохи великихъ реформъ" до настоящаго времени, періодъ непрерывнаго развитія капитализма не создалъ цѣлаго ряда „начатковъ", не допускающихъ всесторонняго развитія классовой борьбы пролетаріата? Развѣ онъ не создалъ цѣлаго ряда начатковъ, не только содѣйствующихъ сохраненію и усиленію самыхъ варварскихъ формъ эксплуатаціи

многомилліоннаго крестьянства, но и создающихъ новыя менѣе варварскія, но несравненно болѣе утонченныя? Развѣ онъ не создалъ цѣлаго ряда „началковъ“, которые держатъ въ темнотѣ и безправіи весь народъ не въ меньшей степени, чѣмъ остатки до капиталистическихъ порядковъ? Неужели протекціонизмъ, податная система, милитаризмъ и т. д. и т. д. являются наслѣдіемъ крѣпостного права?

И соціалъ-демократы лучше всего поступятъ, если предоставивъ буржуазной демократіи воевать противъ „остатковъ“ докапиталистическихъ порядковъ, будутъ съ своей стороны указывать лишь, что гибель ихъ неизбѣжна тамъ, гдѣ капитализмъ уже сталъ господствующимъ способомъ производства и что при товарномъ хозяйствѣ они изъ источника благосостоянія превращаются въ источникъ проклятія.

Какъ соціалъ-демократы, мы не должны также допускать такія историческія конструкціи, какъ соединеніе всѣхъ формъ докапиталистическаго общественнаго порядка въ одинъ сплошной періодъ, основанный на закрѣпощеніи трудящихся массъ помѣщикамъ, государству или главѣ государства. Это — конструкція, заимствованная у идеологовъ буржуазіи XVIII вѣка, у „просвѣтителей“. У насъ ее особенно усердно культивировалъ г. П. Струве и вульгаризированный марксизмъ.

„Экономическая исторія нашего русскаго крестьянства убѣдительно говоритъ о томъ, что и въ эпоху натуральнаго хозяйстаа, когда — какъ насъ хотятъ увѣрить — средства производства принадлежали производителю, происходитъ грандіозный процессъ закабаленія непосредственныхъ производителей своего рода „*капиталомъ*“ и при томъ въ значительной

---

*) И можно сказать, что если бы не страхъ предъ новой пугачевщиной и необходимость для „либераловъ-тверитянъ“ обзавестись капиталомъ для веденія своего хозяйства на раціональныхъ началахъ, мы теперь не имѣли бы этихъ „остатковъ“. Выигралъ ли бы отъ этого народъ — трудно сказать. Чернышевскій думалъ, что-да.

мѣрѣ при помощи *кредита*“ (П. Струве, тамъ же с. 81). Гораздо рѣзче эта мысль выражена у В. Ильина: „Отработочная система хозяйства безраздѣльно господствовала въ нашемъ земледѣліи со временъ Русской Правды и вплоть до современной обработки частновладѣльческихъ полей крестьянскимъ инвентаремъ; необходимымъ спутникомъ ея была забитость и одичалость земледѣльца, приниженнаго если не крѣпостнымъ, то „полусвободнымъ“ характеромъ его труда“*)

До-капиталистическій общественный порядокъ не всегда основывался на закрѣпощеніи. Никогда не нужно забывать, что, какъ говоритъ Марксъ, очень удобно быть „либеральнымъ“ на счетъ „среднихъ вѣковъ“. И въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ „капитализмъ уже сталъ господствующимъ способомъ производства“, намъ нужно уже разрушать всякія легенды о докапиталистическихъ порядкахъ. Вспомнимъ хотя бы слѣдующія слова Энгельса. „Въ такой странѣ, какъ Германія, въ которой половина населенія занимается земледѣліемъ, необходимо, чтобы соціалистическіе рабочіе, а чрезъ ихъ посредство и крестьяне, узнали, какъ возникло современное землевладѣніе какъ крупное, такъ и мелкое, необходимо, чтобы современной нищетѣ сельскихъ рабочихъ и современной задолженности мелкаго крестьянства противопоставлено было старое общинное пользованіе свободныхъ людей всѣмъ тѣмъ, что тогда для нихъ являлось дѣйствительно „родиной“, унаслѣдованной общинной собственностью“. *)

Въ Россіи это еще болѣе необходимо и именно въ силу той особенности ея историческаго развитія, о

---

*) В. Ильинъ: „Развитіе капитализма въ Россіи“, с. 235-36. Конечно, конструкція, которая у писателя съ такими историческими знаніями, какъ у Струве, объясняется классовымъ дальтонизмомъ, у В. Ильина объясняется либо вліяніемъ перваго, либо — и это всего вѣроятнѣе — тѣмъ, что онъ спеціалистъ. А „всякій спеціалистъ, какъ уже давно сказалъ Кузьма Прутковъ, подобенъ флюсу: полнота его одностороння“. Спеціалистъ въ области экономики въ Россіи, г. В. Ильинъ очень плохъ по части исторіи.

) См. Объявленіе объ изданіяхъ группы „Борьба“, с. 10.

которой я говорилъ во второй части. И намъ остается вмѣстѣ съ Марксомъ показать, что не всегда съ докапиталистическими порядками связывалось рабство, крѣпостничество и другія зависимыя отношенія. Мы показали бы, что на Руси не всегда были только „забитые и одичалые“ земледѣльцы, что были времена, когда и въ Россіи національное богатство не покупалось насчетъ народной нищеты, что не всегда существовала „отработочная система“.

Мы не чернили бы на чемъ свѣтъ стоитъ натуральное хозяйство, памятуя, что нашимъ идеаломъ является то же натуральное хозяйство, но en grand. Мы не стыдились бы „идиллической картины родового быта, набросанной Морганомъ“, и не увлекались бы реалистическими картинами Брентано и Бюхера*). Мы не представляли бы себѣ вмѣстѣ съ „либеральными“ историками всемірную исторію, какъ исторію непрерывнаго прогресса и не, впадая въ „славянофильскую“ слащавость, мы не пѣли бы въ унисонъ съ такими „западниками“, какъ Чичеринъ, но на каждомъ шагу указывали бы, что буржуазный, экономическій и пр. *прогрессъ* по самому существу своему антагонистиченъ и въ самомъ ходѣ своего развитія создаетъ *осадки* нищеты, гнета, порабощенія, темноты, которые ни чѣмъ не лучше тѣхъ *остатковъ* докапиталистическихъ порядковъ, въ которыхъ апологеты буржуазнаго строя видятъ главное зло, что „самыя варварскія формы эксплуатаціи“ создаются, сохраняются и усиливаются тамъ, гдѣ въ „натуральное хозяйство“ вторгается мѣновая стоимость.

Но, скажетъ читатель, вы не будете же отрицать, что самодержавіе „не допускаетъ всесторонняго развитія классовой борьбы пролетаріата, содѣйствуетъ сохраненію и усиленію самыхъ варварскихъ формъ эксплуатаціи и т. д. и т. д.? Конечно, не буду отрицать. Но, не соглашаясь вообще съ тѣмъ значеніемъ, которое придается въ программѣ остаткамъ докапиталистическихъ общественныхъ отношеній, я не могу согласиться и съ тѣмъ, что „самымъ значительнымъ изъ всѣхъ этихъ пережитковъ и самымъ могучимъ оплотомъ всего этого варварства является царское самодержавіе. По самой природѣ своей оно враждебно всякому общественному движенію и не можетъ не быть злѣйшимъ противникомъ всѣхъ освободительныхъ стремленій пролетаріата“.

*) Ср. того же Ильина.

Царское самодержавіе — какъ *пережитокъ* докапиталистическихъ порядковъ — составляетъ плодъ все той же „просвѣтительской“ историографіи, свойственной буржуазной демократіи.

„Наши общественныя формы, писалъ въ поученіе Энгельсу П. Ткачевъ, обязаны своимъ существованіемъ государству, которое виситъ такъ сказать въ воздухѣ, не имѣетъ ничего общаго съ существующимъ общественнымъ строемъ и коренится только въ прошломъ, но не настоящемъ“.

Что отвѣтилъ ему Энгельсъ? Онъ перечислилъ Ткачеву всѣ классы, заинтересованные въ сохраненіи русскаго государства. Результатъ, къ которому онъ пришелъ, привелъ его къ заключенію, что въ воздухѣ виситъ не русское государство, а скорѣе самъ Ткачевъ, и ему оставалось только удивляться, какъ могъ предаваться такимъ разсужденіямъ человѣкъ, пережившій двѣнадцатилѣтній возрастъ?

Послѣдовать ли и мнѣ примѣру Энгельса и показать составителямъ нашего проекта, несомнѣнно пережившимъ двѣнадцатилѣтній возрастъ, что наше самодержавіе не есть пережитокъ, что оно коренится не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ, что за нимъ стоятъ классы, паки и паки заинтересованные въ его сохраненіи, что за нимъ не только бюрократія, что оно не только „правящая клика“? Напомнить ли имъ, что „правительство Романовыхъ, говоря словами тов. Плеханова, не хочетъ и не можетъ отказаться отъ своихъ дворянско-буржуазныхъ традицій“, что не только на западѣ, но и у насъ „государство является результатомъ классовой борьбы“, органомъ классового господства?.. Нѣтъ; я не сдѣлаю этого, чтобы не лишать ихъ удовольствія прочитать вновь брошюру „Фридрихъ Энгельсъ о Россіи“ въ переводѣ В. Засуличъ и съ предисловіемъ г. Плеханова и „Наши Разногласія“.

Исторически наше самодержавіе, дѣйствительно, коренится въ прошломъ, но эту судьбу оно дѣлитъ со многими другими явленіями общественной жизни. Не въ примѣръ другимъ „остаткамъ", оно не *пережитокъ*, случайно сохранившійся обломокъ прошлаго. Увы! Оно очень прочно сидитъ въ *настоящемъ* И еслибы авторы нашего проекта не дѣлили всю исторію на два періода: одинъ до — капиталистическій, другой — капиталистическій, они увидѣли бы какъ сильно мѣнялся характеръ нашего самодержавія, ну хотя бы отъ Іоанна III. Здѣсь не мѣсто слѣдить за всѣми этими измѣненіями. Достаточно сказать, что, вопреки мнѣнію даже такихъ историковъ, какъ П. Милюковъ, наше самодержавіе всегда было орудіемъ въ рукахъ того или иного общественнаго класса. Измѣнялась общественно-экономическая структура, измѣнялся и характеръ нашего самодержавія. Особенно сильныя измѣненія потерпѣло оно въ періодъ отъ конца XVIII вѣка до эпохи великихъ реформъ, когда „народное производство" которое до сихъ поръ мерещится еще народникамъ, окончательно уступило мѣсто капитализму на барщинной основѣ. И мы будемъ несравненно ближе къ истинѣ, если скажемъ, что наше самодержавіе въ его современной формѣ есть продуктъ „начатковъ" капитализма. Историческія преданія того времени, когда оно было орудіемъ въ рукахъ однихъ только дворянъ, уже давнымъ давно, хотя и „съ упорствомъ" отступаютъ на задній планъ предъ сильными и крѣпкими ростками капитализма. Оно пытается еще сохранить равновѣсіе между землевладѣніемъ и буржуазіей, но растущія въ силу развитія капитализма противорѣчія внутри обѣихъ его опоръ должны будутъ привести его къ гибели, несмотря на всѣ попытки приспособиться къ измѣнившейся классовой структурѣ. Революціонное движеніе пролетаріата и увлеченной имъ бѣднѣйшей части крестьянства неминуемо должны привести къ замѣнѣ абсолютизма, облеченнаго въ формы законнаго правопорядка въ абсолютизмъ, прикрытый формами конституціоннаго правового порядка, или въ

демократическую республику..., если революціонное движеніе русскаго пролетаріата сольется съ революціоннымъ движеніемъ западно-европейскаго.

Предоставимъ революціонной демократіи тѣшить себя иллюзіями. „Они — защитники *народныхъ правъ*, ихъ интересы—*народные интересы*. Имъ, поэтому, незачѣмъ наканунѣ борьбы анализировать интересы и положеніе различныхъ классовъ. Имъ незачѣмъ особенно осторожно взвѣшивать свои собственныя средства. Имъ стоитъ вѣдь только дать сигналъ— и *народъ* со всѣми своими неисчерпаемыми силами бросится на *угнетателей*"*). Наше самодержавіе *пережило* уже не одно революціонное движеніе и *переживетъ* еще не одно, если мы забудемъ, что съ нимъ, какъ съ органомъ классового господства можетъ бороться только *классъ*, по своему положенію являющійся его непримиримымъ врагомъ.

И если я понимаю еще, что тов. Ленинъ, который видитъ въ царскомъ самодержавіи „могущественнѣйшій и гнуснѣйшій остатокъ крѣпостничества", могъ подписаться подъ этимъ исправленнымъ изданіемъ ткачевскаго пониманія исторіи, то я рѣшительно не въ состояніи понять, какъ могъ сдѣлать это тов. Плехановъ, съ такою страстностью доказывавшій необходимость придать политической борьбѣ *классовой* характеръ, именно потому что наше самодержавіе есть органъ классового господства.

Особенно ярко эта демократическая фразеологія сказалась въ слѣдующихъ словахъ программы: „по самой природѣ своей оно враждебно всякому общественному движенію".

Это — старое противопоставленіе государства и общества (народъ), которое составляло всю квинтэссенцію премудрости нѣмецкихъ демократовъ à la Гейнценъ. Демократія *объединяетъ* всѣ классы въ общей враждѣ противъ абсолютизма, подчеркиваніе *разъединяющихъ* элементовъ она считаетъ признакомъ „сектантства". И въ своемъ объединительномъ рвеніи

*) К. Марксъ, 18-е брюмера, с. 44, русскій переводъ.

она превращаетъ абсолютизмъ въ какое то „чудище, обло, озорно, стозѣвно и лаяй, противостоящее невинному обществу. Классовый характеръ всего общества, а, слѣдовательно, и государства остается для нея книгой за семью печатями.

Но откуда эта демократическая мудрость попала въ социалъ-демократическую программу? Неужели составители этого проэкта не знали, что самодержавіе по самой своей природѣ враждебно не *всякому* общественному движенію, а только *опредѣленнымъ*, не общественнымъ движеніямъ *всякихъ* классовъ, а только опредѣленныхъ?

Мы знаемъ уже что по мнѣнію тов. Ленина, въ данномъ случаѣ являющагося выразителемъ взглядовъ „Искры“, самая насущная потребность пролетаріата (всестороннее политическое воспитаніе) *совпадаетъ* съ потребностью общедемократическаго движенія. Мы показали, что это лишь „политическая“ Тупорыловщина. Мы видимъ теперь, что она свила себѣ гнѣздышко и въ самомъ проэктѣ программы. Авторы проэкта хотѣли „подтолкнуть“ общедемократическое движеніе и, увлекшись этимъ желаніемъ „столкнули“ *принципіальное* различіе между демократическимъ движеніемъ пролетаріата и общедемократическимъ движеніемъ.

Слѣды этого смѣшенія мы найдемъ и въ формулировкѣ политическихъ требованій рабочей демократіи.

5) Рабочая демократія и буржуазная демократія.

Какъ бы мы ни смотрѣли на наше самодержавіе, будемъ ли мы вмѣстѣ съ демократіей смотрѣть на него, какъ на „гнуснѣйшій и могущественнѣйшій остатокъ крѣпостничества“, который „по самой своей природѣ враждебенъ всякому общественному движенію“ или вмѣстѣ съ социалъ-демократіей видѣть въ немъ органъ классоваго господства, по самой своей природѣ враждебный всякому общественному движенію угнетенныхъ классовъ, а тѣмъ паче общественному движенію пролетаріата, класса, занимающаго самые низы социальной лѣстницы, — ближайшей задачей русской социалъ-демократіи является низверженіе абсолютизма.

Эта задача диктуется *классовыми* интересами пролетаріата и, слѣдовательно вытекаетъ въ порядкѣ логической послѣдовательности изъ его социалистическихъ цѣлей. Пролетаріатъ не можетъ освободить себя, не завладѣвъ предварительно политической властью. Лишь диктатура пролетаріата положитъ конецъ антагонизму классовъ, уничтоживъ классовое общество. Вотъ почему ведя непрестанную экономическую борьбу съ фабрикантами (буржуазіей), пролетаріатъ, сознавшій свои классовые интересы, признаетъ политическую борьбу наиболѣе совершенной формой своей *классовой* борьбы. Только путемъ этой борьбы онъ можетъ добиться и политической свободы, безъ которой невозможна даже защита его непосредственныхъ экономическихъ интересовъ. Въ силу своихъ *классовыхъ* интересовъ онъ является наиболѣе рѣшительнымъ борцомъ за демократизацію всѣхъ формъ общественной и политической жизни. Демократическая республика—та политическая фор-

ма, въ которой совершенно свободно развивается классовая борьба пролетаріата съ буржуазіей. Но она должна быть таковой не только по названію. Она должна обезпечить возможность участія въ политической жизни всей страны всякому гражданину, изъ нея не долженъ быть исключенъ ни одинъ классъ населенія. Мы уже говорили во второй части, что низверженіе абсолютизма будетъ совершенно не однимъ рабочимъ классомъ. „Государственный переворотъ можетъ быть совершенъ совокупнымъ дѣйствіемъ многихъ силъ", *враждебныхъ между собою*, но тѣмъ не менѣе революціонныхъ по отношенію къ существующему порядку"*). И мы не должны забывать, что сверженіе общаго врага — это только первый шагъ. За нимъ сейчасъ же начнется борьба „враждебныхъ между собою силъ". И чѣмъ лучше эта враждебность сознается еще во время борьбы съ общимъ врагомъ, тѣмъ меньше сюрпризовъ принесетъ намъ побѣда надъ нимъ.

Разобравши программу „Освобожденія" въ № 23 „Искра" пишетъ: „Ни рабочій классъ, ни революціонная демократія вообще не могутъ оказать *такой* партіи никакого политическаго кредита". Она къ сожалѣнію не сказала, какой партіи она оказала бы этотъ кредитъ. Какъ видно изъ словъ тов. Ленина, такой партіей могла бы быть буржуазная демократія, такъ какъ:

„представители этого послѣдняго направленія естественные и желательные союзники соціалъ-демократіи, поскольку дѣло идетъ о ея демократическихъ задачахъ, выдвигаемыхъ на первый планъ современнымъ положеніемъ Россіи".

Можетъ ли соціалъ-демократія вступить въ *союзъ* съ буржуазной демократіей до паденія самодержавія? Можетъ, отвѣчаетъ тов. Ленинъ:

„но необходимымъ условіемъ такого союза является полная возможность для соціалистовъ раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересовъ и интересовъ буржуазіи".

*) Г. Плехановъ, Наши разногласія, с. 246. Курсивъ нашъ.

Я думаю, что такіе союзы чреваты опасностями. Мы видѣли это на примѣрѣ той соціалъ-демократической группы, которая на свой рискъ и страхъ заключила союзъ съ буржуазной демократіей. Уже одна необходимость ставить указанное тов. Ленинымъ условіе показываетъ, что соціалъ-демократія въ этихъ случаяхъ является стороной, волей неволей ослабляющей опредѣленность *своей* точки зрѣнія. Даже въ странахъ, пользующихся политической свободой, такой *союзъ* неизбѣжно приводитъ къ ослабленію соціалъ-демократической точки зрѣнія: соціалъ-демократія становится придаткомъ буржуазной демократіи, ея крайней лѣвой. Соціалъ-демократія, партія пролетаріата, должна всегда оставаться рѣзко обособленной партіей, никогда, ни по какому пункту, не становясь хотя бы даже крайнимъ лѣвымъ крыломъ самой революціонной демократіи.

Но, скажетъ намъ тов. Ленинъ, „рабочая демократія своими политическими требованіями не *принципіально*, а только *по степени* отличается отъ буржуазной демократіи". Это опять таки предразсудокъ, лежащій въ основѣ всѣхъ грѣховъ оппортунизма.

Конвентъ, не смотря на свой радикализмъ, не смотря на то, что въ его средѣ были Дантонъ, Робеспьеръ и Маратъ, все таки не включилъ въ число „основныхъ правъ", обезпечиваемыхъ республикой, право коалицій и стачекъ. Это одно изъ тѣхъ требованій, которыми рабочая демократія *принципіально* отличается отъ буржуазной. Почему?

Если мы даже возьмемъ пролетаріатъ, какъ классъ буржуазнаго общества, какъ классъ продавцевъ товара sui generis, заинтересованный только въ томъ, чтобы продавать свой товаръ при наилучшихъ условіяхъ, то и въ этомъ случаѣ его политическія требованія *принципіально* отличаются отъ требованій буржуазной демократіи. Демократизмъ рабочаго класса — демократизмъ людей, лишенныхъ собственности. Демократизмъ мелкой буржуазіи, наоборотъ, по самой „природѣ" этого класса, демократизмъ *собственниковъ*, конечно собственниковъ, пріобрѣвшихъ свою собст-

венность самымъ честнымъ трудомъ, *трудовыхъ* собственниковъ. Свои лучшія стороны онъ развилъ въ классическихъ странахъ свободнаго мелкаго производства въ городѣ и селѣ. Но и въ дни своей „розовой юности“ онъ съ трудомъ лишь допускалъ къ участію въ политической жизни людей, совершенно лишенныхъ собственности. Если буржуазный либерализмъ раздѣлилъ націю на активныхъ и пассивныхъ гражданъ, то буржуазная демократія распространила избирательное право на всѣ категоріи гражданъ (включая прислугу и поденщиковъ) только подъ давленіемъ парижскаго пролетаріата.

Пролетарская демократія не только *шире* буржуазной, не только *крайнѣе*. Она не только *покрываетъ* послѣднюю, но претворяетъ ее, такъ сказать, органически въ демократію высшаго порядка. Даже въ томъ случаѣ, когда требованія пролетарской демократіи, повидимому, совпадаютъ съ требованіями буржуазной, они не являются простымъ логическимъ продолженіемъ ихъ и имѣютъ совершенно различное принципіальное обоснованіе. Пролетаріатъ — классъ настоящаго и будущаго, мелкая буржуазія — классъ прошлаго и настоящаго; пролетаріатъ растетъ качественно и количественно, мелкая буржуазія падаетъ качественно и количественно. Соціалъ-демократія добивается полной демократизаціи всего общественнаго строя, чтобы *обнажить* его классовую структуру; буржуазная демократія, связанная интересами *трудовыхъ* собственниковъ, тоже хочетъ демократизировать буржуазный строй, но она надѣется *затушевать, скрыть* лежащій въ его основѣ классовый антагонизмъ. Для соціалъ-демократіи — демократическая республика есть только преддверіе къ соціализму, для буржуазной демократіи — предѣлъ, его же не прейдеши.

Поэтому, въ высшей степени ошибочно мнѣніе, что политическія требованія соціалъ-демократіи составляютъ простое заимствованіе изъ программы буржуазной демократіи, съ увеличеніемъ на нѣсколько степеней. Возьмемъ, напримѣръ, демократическое требо-

ваніе: „отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви“, вошедшее цѣликомъ и въ проектъ „Искры“. Это требованіе, фигурировавшее въ Эйзенахской программѣ, было исключено изъ Эрфуртской. Вотъ какъ объясняетъ это измѣненіе Либкнехтъ:

„Та (демократическая) формулировка признаетъ *церковь, какъ учрежденіе, существующее рядомъ съ государствомъ*, а мы этого не хотимъ. Мы идемъ гораздо дальше: для насъ церковь составляетъ простое частное общество и союзъ, подчиненный тѣмъ же законамъ, что и остальныя общества и союзы. Въ нашей формулировкѣ мы старались выразить идею абсолютнаго равенства. Вотъ почему мы говоримъ: „церковныя и религіозныя общества должны разсматриваться, какъ частныя“, а чтобы католики не могли сказать, что мы хотимъ подвергнуть ихъ насилію, мы прибавляемъ: „общества, которыя вѣдаютъ свои дѣла совершенно самостоятельно“. И въ связи съ этимъ абзацомъ о церкви мы требуемъ „свѣтскую школу“. *)

Вотъ почему мы при формулировкѣ политическихъ требованій пролетаріата должны исходить изъ его *классовыхъ* интересовъ. Только такимъ путемъ мы можемъ добиться, чтобы всѣ остальные демократическіе элементы видѣли въ соціалъ-демократіи передовой отрядъ всей демократіи. И чѣмъ лучше и полнѣе формулируетъ свои политическія требованія пролетарская демократія, тѣмъ больше вѣроятія, что идеологи демократіи скорѣе поймутъ, что послѣдовательнымъ демократомъ можетъ быть только соціалъ-демократъ.

Авторы проекта „Искры“, убѣжденные, что политическія требованія рабочей и буржуазной демократіи совпадаютъ, ограничились простымъ заимствованіемъ политической программы буржуазной демократіи не только въ указанномъ уже выше случаѣ. Они этимъ, конечно, ослабили демократичность политической программы. А между тѣмъ уже изъ бѣглаго обзора главныхъ требованій пролетарской демократіи мы увидимъ, насколько полнѣе и шире она осуществляетъ идеалъ демократіи, чѣмъ буржуазная.

Основнымъ признакомъ демократіи является само-

---

*) Протоколъ Эрфуртскаго конгресса (на нѣм.), с. 350.

державіе народа, но безъ полнаго самоуправленія народа оно является пустымъ звукомъ. „Самодержавіе народа, т. е. сосредоточеніе всей верховной государственной власти въ рукахъ законодательнаго собранія, составленнаго изъ представителей народа", какъ гласитъ первый пунктъ программы „Искры" и „Зари", должно быть, поэтому, дополнено требованіемъ полнаго самоуправленія въ государствѣ, провинціи (губерніи), городѣ и селѣ (общинѣ).

Самоуправленіе въ государствѣ — необходимое условіе, чтобы народъ не сталъ игрушкой въ рукахъ управляющихъ, т. е. *бюрократіи*. Полная демократія возможна тамъ, гдѣ положенъ конецъ существованію бюрократіи, какъ независимому отъ народа органу. И только указанной уже тенденціей „Искры" отожествлять требованія рабочей демократіи и буржуазной, можно объяснить появленіе такой статьи, какъ „Самодержавіе и Земство", кончающейся призывомъ: „Долой *самодержавную* бюрократію!" Рабочая демократія отрицаетъ безусловно бюрократію и не можетъ, поэтому, удовольствоваться тѣмъ коррективомъ, который выставляютъ вслѣдъ за буржуазной демократіей „Искра" и „Заря". Пунктъ 7 гласитъ: „Предоставленіе всякому гражданину права преслѣдовать всякаго чиновника предъ судомъ безъ жалобы по начальству". Этого недостаточно: *чиновники должны быть выбираемы и смѣняемы народомъ.* Только тогда они являются тѣмъ, чѣмъ они должны быть: *слугами народа.*

Этотъ принципъ выборности и смѣняемости долженъ быть проведенъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда самоуправляющееся государство, самоуправляющаяся провинція, самоуправляющаяся община отдаютъ часть своей власти всякаго рода органамъ исполнительной власти, начиная отъ министра и кончая должностнымъ лицомъ какой нибудь общины.

Въ демократическомъ государствѣ каждый гражданинъ, достигшій извѣстнаго возраста, безъ различія пола, имѣетъ неотъемлемое право участвовать во всѣхъ функціяхъ верховной государственной власти.

Необходимой гарантіей этого является всеобщее, равное, тайное, прямое, активное и пассивное избирательное право, какъ при выборахъ въ законодательное собраніе, такъ и во всѣ органы мѣстнаго самоуправленія. Но это право, чтобы быть дѣйствительнымъ, должно осуществляться возможно чаще. Чартисты, напримѣръ, требовали, чтобы парламентъ избирался ежегодно, нѣмецкіе соціалъ-демократы требуютъ двухъ-лѣтнихъ законодательныхъ періодовъ. *) Выборы должны производиться въ признанный закономъ день отдыха. *) Народнымъ представителямъ обезпечивается жалованье.

Такъ какъ буржуазное общество по самому существу своему не можетъ гарантировать *фактическое* равенство, оно должно, по крайней мѣрѣ, дать полное равенство во всѣхъ областяхъ *права*. Неприкосновенность личности и жилища, свобода передвиженія и промысловъ, неограниченная свобода совѣсти, слова, печати и собраній, полная равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ расы, религіи и пола — все это требованія, общія рабочей демократіи съ буржуазной. Но послѣдняя не можетъ довести до конца демократизацію всего гражданскаго и уголовнаго законодательства. Связанная интересами собственниковъ, она даетъ полную защиту только тѣмъ товаропроизводителямъ, которые производятъ товары, отдѣляющіеся отъ ихъ человѣческой личности; наемныхъ же рабочихъ, продающихъ въ видѣ товара свою рабочую силу, себя, она защищаетъ лишь въ очень недостаточной степени. Поэтому, полное преобразованіе всего гражданскаго и уголовнаго законодательства, полное преобразованіе всей юстиціи составляетъ одно изъ главныхъ требованій рабочей демократіи. *) Она же должна настаивать на томъ, чтобы исчезли всякія наказанія, несовмѣстимыя съ досто-

---

*) Это требованіе пропущено въ проектѣ „Искры".

*) Тоже.

*) Тоже. Вѣроятно по оплошности, потому что оно имѣется въ обоихъ проектахъ группы „Освобожденіе Труда".

инствомъ человѣка. И опять таки, только рабочая демократія можетъ довести до конца демократизацію всего военнаго права, уничтожая всякое раздѣленіе между военными и гражданскими, превративъ всѣхъ военныхъ въ гражданъ, всѣхъ гражданъ въ военныхъ.*)

Уже буржуазная демократія пыталась изгнать элементъ *благотворительности* въ отношеніяхъ общества къ жертвамъ соціальнаго прогресса. Но и замѣнивъ благотворительность общественнымъ призрѣніемъ, она не съумѣла этого сдѣлать. Для этого нужно было бы признать, что всѣ явленія, слѣдствія которыхъ нужно устранить посредствомъ помощи общества, связаны неразрывно съ самой сущностью буржуазнаго общества. Но то, чего не можетъ сдѣлать буржуазная демократія, дѣлаетъ рабочая. Она требуетъ безвозмездности врачебной помощи и лекарствъ, безплатнаго погребенія мертвыхъ, обезпеченія вдовъ и сиротъ, а также всеобщаго страхованія на случай старости и неспособности къ труду.

Мы видѣли уже, что буржуазная демократія боится затронуть церковь, какъ отдѣльное самостоятельное учрежденіе, стоящее внѣ или надъ обществомъ. Только рабочая демократія можетъ обезпечить всѣмъ гражданамъ свѣтскую школу и всеобщее безплатное, обязательное, общее и профессіональное образованіе. Только она можетъ его сдѣлать дѣйствительно всеобщимъ, обезпечивая всѣхъ учащихся дѣтей учебными пособіями, одеждой и пищей.**)

Толко рабочая демократія можетъ провести полную демократизацію всего государственнаго хозяйства, только она можетъ добиваться отмѣны всѣхъ кос-

---

*) И если бы Жоресъ не думалъ вмѣстѣ съ тов. Ленинымъ, что требованія рабочей демократіи ничѣмъ принципіально не отличаются отъ требованій буржуазной, онъ въ дѣлѣ Дрейфуса дѣйствительно стоялъ бы *впереди* всей буржуазной демократіи, а не занималъ бы только мѣсто на *ея* крайнемъ лѣвомъ крылѣ.

**) Въ проектѣ „Искры“ говорится о *бѣдныхъ* дѣтяхъ, что является совершенно ненужной оговоркой.

венныхъ налоговъ и таможенныхъ пошлинъ, уничтоженія всякихъ податей и установленія прогрессивнаго налога на доходы, наслѣдства и капиталы. И въ будущей программѣ Россійской соціалъ-демократической партіи нужно будетъ особенно подчеркнуть требованіе отмѣны таможенныхъ пошлинъ, такъ какъ нашъ протекціонизмъ является однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ факторовъ разоренія трудящихся массъ.*)

Но рабочая демократія не можетъ ограничиться выставленіемъ этихъ общихъ требованій, касающихся всѣхъ классовъ. Представляя классъ лишенныхъ собственности рабочихъ, принужденныхъ поэтому продавать, какъ товаръ, свою человѣческую личность, она должна позаботиться о томъ, чтобы этотъ товаропроизводитель былъ поставленъ въ такія условія, которыя не подкапывали бы самый источникъ его существованія, она должна противодѣйствовать физическому, умственному и нравственному вырожденію, которое грозитъ рабочему классу въ томъ случаѣ, если „свободная“ эксплуатація капиталистовъ не обуздана закономъ. И она можетъ достигнуть этого, только выдвинувъ требованіе создать всестороннее рабочее законодательство, которое охватило бы всѣ категоріи гражданъ, живущихъ въ той или иной формѣ продажей своей рабочей силы (городскихъ и сельскихъ рабочихъ и всякаго рода прислугу). Русскіе соціалъ-демократы должны будутъ обратить главное вниманіе на то, чтобы въ революціонный періодъ осуществить это требованіе возможно полнѣе. При современномъ политическомъ режимѣ всякая такая реформа является только иилюзіей. Частичное улучшеніе положенія рабочаго класса можетъ быть добыто и удержано только революціонной борьбой, при расцвѣтѣ промышленности въ большей степени, при кризисѣ — въ меньшей.

Разбираемый нами проектъ программы уже тре-

---

*) Въ проектѣ „Искры“ это требованіе пропущено, вѣроятно, по оплошности.

буетъ такого законодательства, хотя авторы его убѣждены, что при самодержавіи оно не можетъ надѣяться на полное, прочное и послѣдовательное осуществленіе. Вѣроятно, желаніе сдѣлать его болѣе осуществимымъ заставило ихъ нѣсколько „умѣрить“ нѣкоторые пункты, „примѣнительно къ подлости“ нашего самодержавія.

Двумя главными пунктами этого законодательства являются: во первыхъ, полная и безусловная свобода коалицій и стачекъ (слѣдовательно, и отмѣна всякихъ законовъ, ставящихъ въ исключительное положеніе сельскихъ рабочихъ и прислугу) и, во вторыхъ, восьмичасовой рабочій день для всѣхъ наемныхъ рабочихъ безъ исключенія.

Первый пунктъ въ проектѣ „Искры“ отсутствуетъ, хотя фигурируетъ въ общей части, что недостаточно. Авторы забыли указать, что рабочее время подростковъ отъ 14 до 18 лѣтъ должно быть ограничено, что ночной трудъ женщинъ, подростковъ и дѣтей долженъ быть безусловно воспрещенъ*). При формулировкѣ основъ фабричной инспекціи они забыли, что она должна быть реорганизована на началахъ выборности и начинаютъ прямо съ требованія увеличить число теперешнихъ фабричныхъ инспекторовъ [1]). Они не рѣшились выставить даже такое требованіе, чтобы биржи труда находились въ завѣдываніи рабочихъ организацій, и довольствуются только ихъ участіемъ въ управленін.

Невнимательной редакціей можно объяснить и то обстоятельство, что постановленія, касающіяся заработной платы, вмѣсто того, чтобы быть собранными въ одномъ параграфѣ, разбросаны въ нѣсколькихъ, и странное опредѣленіе ночного времени для рабочихъ — отъ 9 ч. вечера до 5 ч. утра. Авторы забыли, что это требованіе, конечно, на бумагѣ осуществлено уже въ самодержавной Россіи. Имѣются уже страны, гдѣ оно считается отъ 6 часовъ вечера до 6 часовъ утра.

---

*) Авторы проекта для дѣтей устанавливаютъ предѣльный возрастъ въ 16 лѣтъ. На Лондонскомъ конгрессѣ русская делегація вотировала противъ этого фабіанскаго предложенія вмѣстѣ со всѣми „ортодоксами“. При соотвѣтственномъ уменьшеніи рабочаго времени подростковъ это повышеніе предѣльнаго возраста совершенно излишне. Оно объясняется только „цеховыми“ стремленіями англійскихъ трэдъ-юніоновъ.

[1]) Не говорю уже о томъ, что фабричная инспекція должна быть распространена и на такъ называемую „домашнюю промышленность“ и сельское хозяйство.

Если только мы отдаемъ себѣ ясный отчетъ въ принципіальномъ различіи между требованіями буржуазной демократіи и рабочей, то и вопросъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ рѣшается довольно просто. И въ этомъ отношеніи для насъ любопытенъ опытъ Маркса и Энгельса.

Когда они уже замѣтили свою ошибку, когда они поняли, что *либерализмъ* отрекся отъ своей исторической миссіи, они, опять таки опираясь на опытъ англійской и французской революціи, ожидали, что побѣда реакціи будетъ только кратковременной и что скоро опять вспыхнетъ революція. А такъ какъ они уже и тогда исходили изъ взгляда, что ни одна общественная формація не исчезаетъ, не развивши всѣхъ своихъ потенцій, то они дѣлали вполнѣ правильный выводъ, что задачу развитія всѣхъ „хорошихъ“ сторонъ буржуазнаго общества возьметъ на себя мелко-буржуазная демократія. Но они съ самаго начала относятся къ ней недовѣрчиво и набрасываютъ главные принципы тактики рабочей партіи въ циркулярѣ Союза Коммунистовъ. (Мартъ 1850 г.)

Они не хотятъ опять стать придаткомъ буржуазной демократіи. Они настаиваютъ на созданіи самостоятельной рабочей партіи, состоящей изъ рабочихъ кружковъ, въ которыхъ положеніе и интересы пролетаріата обсуждались бы независимо отъ буржуазныхъ вліяній. Рабочіе должны организоваться, и мѣст-

ныя организаціи должны поддерживать возможно болѣе тѣсныя отношенія со всякими рабочими обществами. Они теперь безусловно возстаютъ противъ всякой попытки образованія большой оппозиціонной партіи, которая охватывала бы всѣ демократическіе элементы, такъ какъ при этомъ пришлось бы пожертвовать спеціальными интересами пролетаріата. По ихъ мнѣнію, даже въ случаѣ борьбы съ общимъ противникомъ не нуженъ спеціальный союзъ. Въ этомъ случаѣ интересы обѣихъ партій совпадаютъ, и соединеніе установится само собою въ необходимый моментъ. Въ теченіе всего періода борьбы и послѣ нея рабочая партія должна всегда выставлять *свои* тробованія.

Марксъ и Энгельсъ опять „ошиблись". Революція не возобновилась, но Энгельсъ былъ правъ, когда, перепечатывая этотъ циркуляръ въ 1885 г. писалъ, что „кое что можетъ еще и теперь пригодиться". Онъ думалъ, что при ближайшей революціи кормило правленія попадетъ въ руки мелко-буржуазной демократіи и что соціалъ-демократія делжна будетъ сообразовать съ этимъ свою тактику. Мнѣ лично кажется, что Энгельсъ переоцѣнилъ и значеніе мелкой буржуазной демократіи. Но, какъ бы то ни было, буржуазная демократія еще не сказала своего послѣдняго слова и можетъ еще явиться „спасительницей" буржуазнаго общества.

Но если на Западѣ она оттирается на заднiй планъ соціальной демократіей, то у насъ она, какъ политическая партія, еще не сказала даже перваго слова. Между тѣмъ элементы для образованія этой партіи имѣются. Каково же должно быть наше отношеніе къ ней, *если* она образуется?

„Политическаго кредита" мы не окажемъ даже этой партіи. Сохраняя рѣзко обособленное положеніе, соціалъ-демократія будетъ съ своей стороны поддерживать ее, если, конечно, она, кромѣ всеобщаго избирательнаго права, включитъ въ свою программу требованіе свободы коалицій и стачекъ. Постоянная поддержка и временныя соединенія, гдѣ и когда это

требуется условіями борьбы — и въ то же время безпощадная критика всѣхъ иллюзій буржуазной демократіи — вотъ политика соціалъ-демократіи по отношенію къ послѣдней.

Со своей стороны соціалъ-демократія должна стараться сохранить за собой и все больше укрѣплять положеніе самаго рѣшительнаго и передового борца въ освободительной борьбѣ всѣхъ угнетенныхъ классовъ, всей эксплуатируемой массы. Мы подходимъ такимъ образомъ вплотную къ вопросу о крестьянствѣ.

6) Русская соціалъ-демократія и крестьянство.

А) Соціалъ демократическая „крестьянофобія".

„Насъ соціалъ-демократовъ часто обвиняли въ игнорированіи крестьянства. Нечего говорить, что это совершенно несправедливое обвиненіе, основанное на незнакомствѣ съ принципами соціалъ-демократіи. Русская соціалъ-демократія уже съ первыхъ своихъ шаговъ заявила, что ставитъ своей задачей организацію соціально-революціонныхъ силъ города для вовлеченія деревни въ русло всемирно-историческаго движенія. Если практически она не могла взяться за это дѣло, то ее приходится такъ же мало винить, какъ Народную Волю, которую почему то не принято обвинять въ игнорированіи крестьянства"*).

Мы можемъ сказать еще больше: такъ называемой „крестьянофобіи" первые соціалъ-демократы научились у народовольцевъ, раньше всѣхъ пришедшихъ къ выводу, что работать среди крестьянства значитъ „биться, какъ рыба объ ледъ". Въ другомъ мѣстѣ я уже указалъ, въ какое трагическое положеніе попали они, желая работать для народа безъ народа. Несмотря на сверхъ-человѣческую энергію, имъ не удалось снять съ крестьянства давившій его

*) Объявленіе объ изданіяхъ гр. „Борьба".

политическій гнетъ. Изъ подъ палки „Народной Воли“ правительство вступило на путь „народной политики“ и дало крестьянамъ отмѣну соляного налога, пониженіе выкупныхъ платежей и переводъ всѣхъ временно-обязанныхъ на обязательный выкупъ. Успокоивъ крестьянъ и „общество“ цѣлымъ рядомъ „уступокъ“, царизмъ уже могъ на досугѣ раздавить „Народную Волю“.

Пока эпигоны народовольчества, распавшись на отдѣльныя группы, занимались то приготовленіями къ террору (бомбисты), то привлеченіемъ офицеровъ (милитаристы), то уловленіемъ либераловъ („Свободная Россія“), то культурной работой среди рабочихъ, подростало новое поколѣніе, изъ котораго вышли первые соціалъ-демократы, работавшіе въ Россіи. Не равнодушіе къ мукамъ и страданіямъ обездоливаемаго крестьянства, не желаніе освободить себя отъ „сомнѣній о судьбѣ раззоряемаго экономическимъ прогрессомъ самостоятельнаго производителя“, сдѣлали ихъ соціалъ-демократами, а наоборотъ, горькое сознаніе, что, при современныхъ условіяхъ, мы ничего не можемъ сдѣлать для крестьянства посредствомъ него же, что разложеніе земельной общины и разложеніе крестьянства неотвратимы до тѣхъ поръ, пока не будетъ создана серьезная общественная сила, которая поможетъ крестьянству перейти къ другому способу производства безъ чистилища капиталистическаго накопленія. Эту общественную силу они видѣли въ рабочей партіи.

Можно сказать, что для нихъ, какъ и для народовольцевъ, рабочіе были важны не сами по себѣ, а какъ факторъ революціи съ той только разницей, что революція народовольцевъ должна была быть произведена интеллигенціей съ помощью рабочихъ, а революція соціалъ-демократовъ — рабочими съ помощью интеллигенціи. И точно такъ же, какъ народовольцы, нисколько не игнорируя крестьянства *теоретически*, оставляли его въ сторонѣ *практически**), надѣясь, что добытая ими политическая свобода дастъ имъ возможность свободно вести пропаганду среди крестьянъ, такъ и соціалъ-демократы, нисколько не игнорируя крестьянство *теоретически*, *практически* оставляли его въ сторонѣ, въ полной увѣренности, что при политической свободѣ они смогутъ тѣмъ сильнѣе воздѣйствовать на крестьянство, что къ тому времени будутъ созданы кадры соціалистической рабочей партіи. И съ самого же начала своей дѣятельности они обратили особенное вниманіе на промышленныхъ отхожихъ рабочихъ*).

Первые соціалъ-демократы отличались не меньшей „наивностью“, чѣмъ семидесятники. Они представляли себѣ революцію не за горами и точно такъ же, какъ народовольцы, торопились создать ту силу, на которую они возлагали свои надежды. Непосредственная практическая работа въ деревнѣ казалась имъ либо безжизненнымъ доктринерствомъ, либо безумной тратой силъ. И въ спорахъ съ „чистыми“ народниками по этому вопросу они были вполнѣ солидарны съ народовольцами. Какъ ни были важны пункты расхожденія, споры соціалъ-демократовъ и народовольцевъ касались не пункта о крестьянствѣ.

И только безграничнымъ невѣжествомъ въ области исторіи революціоннаго русскаго движенія можно объяснить тѣ безсмысленно-нелѣпыя и нелѣпо-

---

*) „Привлеченіе въ организацію отдѣльныхъ лицъ изъ крестьянства, способныхъ къ ней примкнуть, конечно, всегда признавалось очень желательнымъ. Составители „Подг. раб.“ лишь косвенно упоминаютъ объ „той просто потому, что дѣло слишкомъ ясно для всѣхъ. Но что касается организаціи въ настоящее время въ массѣ крестьянства, то она признавалась въ эпоху составленія программы совершенной фантазіей, и, если не ошибаемся, дальнѣйшая практика не могла измѣнить въ этомъ отношеніи мнѣній нашихъ соціалистовъ“. *Календарь Народной Воли*, с. 129.

*) Первый періодъ дѣятельности соціалъ-демократовъ въ Россіи не выходилъ изъ рамокъ устной пропаганды и „посланій“. Но я могъ бы сослаться на каталогъ книгъ и статей для самообразованія, циркулировавшій на югѣ Россіи во многихъ копіяхъ. Исходнымъ пунктомъ являются именно судьбы крестьянства. Та же группа, которая распространяла этотъ каталогъ, не создавая крестьянской секціи, устраивала спеціальныя занятія съ рабочими, которые должны были вернуться въ деревню.

безсмысленныя обвиненія по адресу русской *соціалъ-демократіи*, которыя такъ часто выставляются всякими Иванами Непомнящими*).

Группа „Освобожденіе Труда", на долю которой досталась честь обоснованія и защиты принциповъ соціалъ-демократіи въ ихъ приложеніи къ русской дѣйствительности, особенно часто и особенно настойчиво обвиняется въ тяжкомъ преступленіи игнорированія крестьянства. Обвиненія эти тѣмъ комичнѣе, что направлены противъ группы, главные члены которой были въ свое время ярыми „крестьянофилами" и поклонниками общины.

Положеніе группы было крайне оригинально. Ей пришлось „сражаться" на два фронта — съ народовольцами съ одной стороны, и съ чернопередѣльцами съ другой. И если бы внезапно объявившіеся хранители „наслѣдства" Народной Воли дали себѣ трудъ познакомиться съ исторіей нашего движенія въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, они увидѣли бы, какъ неосновательны ихъ желанія приписать народовольцамъ свое „крестьянофильство". Народовольцы, настоящіе народовольцы, а не ихъ эпигоны, никогда не упрекали, да и не могли упрекать группу „Освобожденіе Труда" въ игнорированіи крестьянства. Эти обвиненія сыпались на группу со стороны чернопередѣльцевъ.

„И такъ, еще разъ: возможно болѣе скорое образованіе рабочей партіи есть единственное средство разрѣшенія всѣхъ экономическихъ и политическихъ противорѣчій современной Россіи. На этой дорогѣ насъ ждутъ успѣхъ и побѣда; всѣ же другіе пути ведутъ лишь къ пораженію и безсилію.

А терроръ? — восклицаютъ народовольцы. А крестьянство? — кричатъ съ другой стороны народники."

И тов. Плехановъ отвѣчаетъ первымъ по вопросу о террорѣ, вторымъ — о крестьянствѣ.

*) Свѣжій образчикъ представляетъ брошюра А. Рудина: „Къ крестьянскому вопросу". Чтобы уничтожить соціалъ-демократію, онъ создаетъ себѣ Народную Волю по своему образу и подобію, ничего общаго не имѣющую съ ея дѣйствительнымъ видомъ.

*) Г. Плехановъ: „Наши разногласія", с.

„Мы указываемъ революціонной интеллигенціи на промышленныхъ рабочихъ, какъ на промежуточный слой, способный помочь ея слiянію съ „народомъ". Значитъ ли это, что мы игнорируемъ крестьянство? Нисколько. Это значитъ, напротивъ, что мы ищемъ болѣе дѣйствительныхъ способовъ для воздѣйствія на него.... Промышленный рабочій и въ этомъ случаѣ составляетъ середину между крестьяниномъ и „студентомъ". Онъ долженъ, поэтому, послужить связующимъ звеномъ между ними."

И позднѣе, даже до послѣдняго времени, главнымъ пунктомъ разногласій между „настоящими" народовольцами и соціалъ-демократами былъ вопросъ не о крестьянствѣ, а о террорѣ и роли интеллигенціи*). Обвиненія въ забвеніи интересовъ крестьянства особенно усердно выставляются тѣми элементами въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, которые никогда не были въ старой „Народной Волѣ". Это либо бывшіе народники 70-хъ годовъ, либо члены той группы, которая нѣкогда издавала „Русскій рабочій".

Но, скажетъ намъ читатель, нельзя же отрицать тотъ фактъ, что аграрная программа была выдвинута впервые „Искрой". Вѣдь группа „Освобожденіе Труда" никогда не высказывалась опредѣленно по этому вопросу? — Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ намъ приходится защищать тов. Плеханова не только отъ неосновательныхъ выходокъ всякихъ Ивановъ Непомнящихъ, но и отъ него самого. Въ своемъ комментаріи къ новому проекту программы онъ взводитъ на группу и другой „поклепъ". По его словамъ она „ничего не сказала о томъ, *какія положительныя требованія* должна по ея мнѣнію выставить соціалистическая партія во время желательнаго ей радикальнаго пересмотра нашихъ аграрныхъ отно-

*) Доказательствомъ служитъ „Вѣстникъ русской революціи", сначала органъ группы старыхъ народовольцевъ. Въ программѣ перваго номера онъ остается вѣренъ старому взгляду „Народной Воли" на крестьянство, не смотря на значительно измѣнившіяся условія. Даже въ второй книгѣ, вышедшей уже подъ фирмой партіи соціалистовъ-революціонеровъ, редакція еще считаетъ нужнымъ сдѣлать примѣчаніе къ статьѣ Нечетнаго, показывающее, что она продолжаетъ упорствовать въ своемъ „догматизмѣ".

шеній". И не сказала, конечно, въ силу все той же „дипломатичности".

Тов. Плехановъ опять забылъ кое какіе эпизоды своей литературной дѣятельности, забылъ и сочиненія своихъ товарищей по группѣ. Дѣйствительно, въ самомъ проектѣ программы не всѣ требованія въ пользу крестьянства были формулированы достаточно ясно, но этотъ пробѣлъ былъ восполненъ членами группы въ отдѣльныхъ изданіяхъ. „Мы, писалъ тов. Плехановъ въ „Соціализмъ и политическая борьба",

„Не держимся того взгляда — скорѣе, какъ мы видѣли, навязаннаго школѣ Маркса, чѣмъ существовавшаго въ дѣйствительности — взгляда, по которому соціалистическое движеніе не можетъ будто бы встрѣтить поддержки въ нашей крестьянской средѣ до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ не превратится въ безземельнаго пролетарія, а сельская община не разложится подъ вліяніемъ капитализма. Мы думаемъ, что — въ общемъ — русское крестьянство отнеслось бы съ большой симпатіей ко всякой мѣрѣ, имѣющей въ виду такъ называемую „національзацію земли"*).

Эта же мысль проводится тов. Засуличъ въ ея прекрасномъ предисловіи къ переводу Энгельса („Развитіе научнаго соціализма").

Въ „Задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи" тов. Плехановъ выражается еще опредѣленнѣе. Радикальный пересмотръ условій выкупа земли и надѣленія ею крестьянскихъ обществъ сводится къ *полной отмѣнѣ выкупныхъ платежей и полной экспропріаціи крупныхъ землевладѣльцевъ и обращенію земли въ національную собственность*.

Всѣ эти требованія, вполнѣ въ духѣ программы гр. „Осв. Труда", должны быть выставлены во время революціи „въ томъ предположеніи, что уже состоялось созваніе Земскаго Собора". И все это писано въ 1892 г., когда самая дипломатичная дипломатичность не могла мѣшать ставить точки надъ і.

Что же случилось? Что заставило тов. Плеханова и, вмѣстѣ съ нимъ, всю группу „Осв. Труда" отказаться отъ старой программы? На это мы можемъ

*) Указанная брошюра, с. 68.

дать только одинъ отвѣтъ: группа подъ вліяніемъ русскихъ практиковъ стала положительнѣе и практичнѣе; революція, съ которой прежде считались въ програмныхъ построеніяхъ, отодвигается въ область не „предвидимаго будущаго". Если прежде мы составляли программу, чтобы знать, что дѣлать во время революціи, то теперь, когда мы стали зрѣлѣе и старѣе, мы уже не можемъ ограничиться единственной „положительной" задачей: созданіемъ соціалъ-демократической партіи; мы составляемъ программы, чтобы знать, каковы наши „положительныя", „практическія" задачи, чего мы можемъ требовать и чего нѣтъ еще *до* паденія самодержавія. Группѣ просто навязывались тѣ или другіе взгляды, смотря по тому, какое теченіе преобладало среди „русскихъ практиковъ".

Особенно рѣзко это „русское" вліяніе сказалось на аграрной части программы группы „Освобожденія Труда", и каждый разъ въ противоположномъ направленіи.

Было время, когда подъ вліяніемъ одной волны практиковъ она отказалась отъ всякой аграрной программы на томъ основаніи, что нужно быть крайне осторожнымъ въ этомъ отношеніи при существованіи абсолютизма. Мы говоримъ о пресловутомъ докладѣ на лондонскій конгрессъ „Аграрный вопросъ и соціальная демократія въ Россіи": хотя тов. Плехановъ говоритъ объ этомъ докладѣ, какъ о „нашемъ", но, вѣроятно, только въ томъ смыслѣ, что онъ былъ „принятъ нами".

Изъ этого доклада мы узнаемъ, что міровоззрѣніе семидесятниковъ „было чрезвычайно туманно по своимъ теоретическимъ основамъ и *крайне наивно по ихъ практическимъ требованіямъ*". До тривіальности ясный и до прѣсности трезвый авторъ доклада такъ характеризуетъ это міровоззрѣніе: существенное его содержаніе составляла „идеализація первобытныхъ, якобы, крестьянскихъ учрежденій и крестьянскаго натуральнаго хозяйства съ характернымъ для него приблизительнымъ соціальнымъ равенствомъ кресть-

янъ"*). Такъ какъ среди этихъ идеализируемыхъ учрежденій первое мѣсто занимало общинное землевладѣніе, то авторъ доклада обрушивается на него. Оказывается, что „новѣйшія изслѣдованія съ полной убѣдительностью доказали, что русское общинное землевладѣніе не есть остатокъ первобытнаго коммунизма; оно создано, съ одной стороны, властью помѣщиковъ надъ крѣпостными крестьянами, а съ другой — финансовой политикой государства. Лишь съ установленіемъ этого историческаго факта стало возможнымъ серьезное пониманіе какъ прошлаго и настоящаго, такъ и будущаго общины"**). Для автора не подлежитъ никакому сомнѣнію, что „общинное землевладѣніе не выгодно для бѣднѣйшей части сельскаго населенія". Признавая, что „положеніе русскаго крестьянина крайне печально", онъ вполнѣ послѣдовательно думаетъ, что оно

„объясняется лишь отчасти, и при томъ не преимущественно, особенностями буржуазнаго строя. Крестьянство, какъ цѣлое, страдаетъ, прежде всего, отъ остатковъ крѣпостного права, отъ гнета политическихъ учрежденій и господствующей, крайне нераціональной, податной системы. Невѣрно — и по своему практическому смыслу прямо реакціонно — мнѣніе мелкобуржуазнаго народничества, по которому всѣ бѣды русскаго крестьянства порождаются развивающимся капитализмомъ". ***)

За этими перлами марксистской теоріи слѣдуютъ

*) Списано цѣликомъ у П. Струве. См. „Крит. Замѣтки", глава пятая, гдѣ народничество характеризуетстя какъ „идеализація и возведеніе въ идеалъ натуральнаго земледѣльческаго хозяйства и примитивной экономической самостоятельности"

**) См. Струве. „Сама община представляла въ лучшемъ случаѣ фундаментъ фискальной организаціи". Для тов. Плеханова она, напротивъ, была остаткомъ первобытнаго коммунизма, и даже послѣ, усвоивъ себѣ „долевую теорію" г-жи Ефименки, онъ не смѣшивалъ ее съ теоріей Чичерина. Еще рѣшительнѣе Струве нашъ флюсоподобный спеціалистъ г. В. Ильинъ. Онъ смѣло пишетъ: „*Община (т. е. круговая порука и отсутствіе права отказа отъ земли)* становится все болѣе *вредной* для крестьянской бѣдноты. С. 102.

***) Списано опятя таки у Струве. Напомню его 16-ый тезисъ· „Бѣдность массы русскаго населенія есть въ гораздо большей мѣрѣ историческое наслѣдіе натуральнаго хозяйства, чѣмъ продуктъ

„адаманты" марксистской практики. Сначала авторъ считаетъ нужнымъ подчеркнуть „трезвенность" соціалъ-демократіи. „Русской соціалъ-демократіи вообще чужда вѣра въ политическія чудеса и въ частности она не вѣритъ въ полную демократизацію русскихъ государственныхъ учрежденій въ ближайшемъ будущемъ". Всякому овощу свое время. Только „наивныя" традиціи „наивныхъ" семидесятыхъ годовъ заставляли русскую соціалъ-демократію, по словамъ Старовѣра, „еще въ 80-хъ годахъ стоять предъ крестьянскимъ вопросомъ съ мучительнымъ сознаніемъ его кардинальной важности". Нашъ авторъ не такъ наивенъ. Онъ знаетъ, что „аграрный вопросъ и практическое отношеніе къ нему становится настоятельнымъ дѣломъ для соціалъ-демократіи, когда промышленное населеніе, этотъ историческій носитель рабочаго соціализма, является уже насыщеннымъ соціалистическими идеями". Вмѣсто того, чтобы заявить, какъ и прежде, что *практически* русская соціалъ-демократія до низверженія абсолютизма ровно ничего не можетъ сдѣлать, ей „*на все предвидимое будущее*" рекомендуется „лишь очень мало практически выступать въ области аграрныхъ отношеній. Задача ея въ этой области сводится, главнымъ образомъ, къ борьбѣ противъ реакціонныхъ поползновеній, имѣющихъ цѣлью задержать ростъ силы пролетаріата"!

Для всякаго, знакомаго съ соціалъ-демократической литературой 80-хъ годовъ докладъ этотъ представляется совершенно неожиданнымъ явленіемъ. Остается предположить, что онъ былъ представленъ какой нибудь вліятельной соціалъ-демократической организаціей, находившейся подъ сильнымъ идейнымъ вліяніемъ П. Струве. Для будущаго историка этотъ

капиталистическаго развитія". Ср. и слѣдующія положенія. „Въ такія условія русскія трудящіяся массы поставлены своимъ историческимъ прошлымъ, и въ нихъ капитализмъ совершенно не причемъ". „Мы отвергаемъ одно изъ самыхъ краеугольныхъ положеній народнической теоріи экономическаго развитія Россіи, — положеніе, что развитіе крупной обработывающей промышленности разоряетъ крестьянина земледѣльца".

инцидентъ явится однимъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ доказательствъ сильнаго воздѣйствія буржуазной демократіи на нѣкоторыя соціалъ-демократическія группы. Къ сожалѣнію, это воздѣйствіе не ограничилось только указаннымъ докладомъ. Взгляды, развитые въ немъ, повліяли въ очень сильной степени и на ту полосу дѣятелей, которая воспиталась на легальномъ марксизмѣ.

Группа „Осв. Труда“ согласилась теперь подписаться подъ аграрной программой „Искры“. Въ противоположность автору доклада, тов. Ленинъ, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и группа, думаютъ теперь, что „врядъ ли есть надобность подробно доказывать необходимость аграрной программы для русской соціалъ-демократической партіи“. Правда, это измѣненіе тактики — не въ 24 часа, а по прошествіи 6 лѣтъ. Чѣмъ же „плѣнили“ группу новые „русскіе практики“? Къ сожалѣнію, группа молчитъ о причинахъ, заставившихъ ее отказаться отъ старыхъ взглядовъ. Вѣроятнѣе всего, что ее убѣдили аргументы тов. Ленина, по его собственному признанію, дѣйствительнаго автора новой аграрной программы. Намъ остается теперь разсмотрѣть его аргументацію.

Б) Программа просвѣщенныхъ аграріевъ или аграрная программа?

Хотя тов. Ленинъ, повидимому, не сомнѣвается въ необходимости „аграрной программы“, онъ чувствуетъ себя нѣсколько неловко. Рабочихъ онъ готовъ защищать прямо, безъ всякихъ оговорокъ, не обставляя эту защиту никакими условіями — съ крестьянами онъ строже.

„Выставленіе „крестьянскихъ“ требованій въ нашемъ проектѣ программы обставлено д в у м я у с л о в і я м и. Мы подчиняемъ законность „крестьянскихъ требованій“ въ соціалъ-демократической программѣ, во первыхъ, тому условію, чтобы они вели къ устраненію остатковъ крѣпостного порядка, а во вторыхъ, чтобы они содѣйствовали свободному развитію классовой борьбы въ деревнѣ“.

Такъ сказано въ комментаріи. Программа еще строже. Она, такъ сказать, помогаетъ не крестьянству или дѣлаетъ это только „мимоходомъ“. Она не говоритъ: мы добиваемся въ интересахъ крестьянства устраненія остатковъ крѣпостного порядка, тяжелымъ гнетомъ лежащихъ на немъ, а для этой цѣли выставляемъ такія то требованія, а наоборотъ „въ цѣляхъ устраненія остатковъ крѣпостного порядка, тяжелымъ гнетомъ лежащихъ на крестьянахъ, и въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ“.

Если тов. Ленинъ думаетъ, что защиту интересовъ рабочаго класса соціалъ-демократія можетъ брать на себя всегда, что „по отношенію къ наемнымъ рабочимъ мы беремъ на себя защиту ихъ интересовъ, какъ класса въ современномъ обществѣ, а защиту интересовъ остальныхъ классовъ „лишь при извѣстныхъ обстоятельствахъ и на извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ условіяхъ“, то онъ сильно ошибается. Напримѣръ, Каутскій, котораго въ оппортунизмѣ до сихъ поръ обвинялъ только такой неистовый „ортодоксъ“ и противникъ „демократическаго принципа“, какъ Де Леонъ, утверждаетъ, что соціалъ-демократія можетъ защищать интересы рабочихъ, какъ класса въ современномъ обществѣ „лишь при извѣстныхъ обстоятельствахъ и на извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ условіяхъ“. Нѣмецкая соціалъ-демократія и до сихъ поръ отказывается выставить напр. такое требованіе, какъ установленіе минимума заработной платы. Интересы рабочихъ, какъ класса въ современномъ обществѣ, она подчиняетъ его *классовому* интересу, *соціальной* революціи. И хотя, какъ мы видѣли прежде, германской соціалъ-демократіи удалось лучше, чѣмъ какой бы то ни было другой партіи, согласовать экономическую борьбу пролетаріата съ его политической, время отъ времени возникаютъ конфликты между „вожаками“ профессіональнаго движенія, защищающими „интересы рабочихъ какъ класса въ современномъ обществѣ“ и „вожаками“ политическаго движенія, защищающими *классовые* интересы рабочихъ, представляющими интересы *будущаго*.

Выставляя въ своей программѣ-минимумъ цѣлый

рядъ требованій въ пользу наемныхъ рабочихъ, соціалъ-демократія дѣлаетъ это не потому, что защищаетъ ихъ интересы, какъ класса въ современномъ обществѣ. Она прекрасно знаетъ, что самое совершенное рабочее законадельство не можетъ ни на іоту измѣнить положеніе рабочихъ въ капиталистическомъ обществѣ, какъ *класса*. Рабочіе остаются продавцами своей рабочей силы и въ громадной массѣ своей вполнѣ безпомощны противъ капиталистической эксплуатаціи, не менѣе безпомощны, чѣмъ и другіе *мелкіе* товаропроизводители. И Каутскій вполнѣ правъ, когда говоритъ что „рабочее законодательство, котораго требуетъ соціалъ-демократія, ставитъ себѣ цѣлью не сохраненіе ихъ профессіональнаго положенія, а сохраненіе ихъ работо и жизнеспособности; оно охраняетъ ихъ *какъ людей*, а не какъ членовъ извѣстной профессіи“.

Съ этой точки зрѣнія соціалъ-демократія *одинаково* защищаетъ интересы *всѣхъ* трудящихся классовъ. И она можетъ дѣлать это лучше, чѣмъ какая либо другая партія, такъ какъ она меньше всего склонна заботиться о законныхъ интересахъ господствующихъ классовъ.

Тов. Ленинъ былъ бы, поэтому, ближе къ истинѣ, если бы сказалъ: соціалъ-демократія, носительница *классового* движенія рабочихъ массъ, беретъ на себя защиту ихъ интересовъ, какъ класса въ современномъ обществѣ только на извѣстныхъ условіяхъ и ни на какихъ условіяхъ не беретъ на себя защиту *классовыхъ* интересовъ мелкихъ производителей ни въ городѣ, ни въ селѣ. Raison d'être соціалъ-демократіи — признаніе частной собственности на орудія производства источникомъ всѣхъ злосчастій современнаго общества и, беря на себя защиту или укрѣпленіе того или иного вида частной собственности, она совершаетъ самоубійство, такъ какъ она этимъ только затемняетъ классовое сознаніе пролетаріата и способствуетъ сохраненію иллюзій мелкихъ производителей. Она этимъ подрываетъ весь нравственный престижъ, которымъ она можетъ пользоваться какъ самая дальновидная и правдивая партія. Поэтому „ортодоксы“ безусловно отвергаютъ всякую аграрную программу, которая ставитъ себѣ цѣлью помочь крестьянамъ, какъ „классу въ современномъ обществѣ“.

Но нѣмцы намъ не указъ.

Мы, говоритъ тов. Ленинъ съ гордостью новаго Колумба, русскіе соціалъ-демократы, постараемся воспользоваться опытомъ Европы и *гораздо раньше, гораздо усерднѣе* займемся привлеченіемъ „деревенщины“ къ соціалъ-демократическому рабочему движенію, чѣмъ это удалось нашимъ западнымъ товарищамъ, которые послѣ завоеванія политической свободы долго еще „ощупью“ искали путей для движенія (?) промышленныхъ рабочихъ: въ этой области мы многое возьмемъ готовымъ „у нѣмцевъ“, а *вотъ въ аграрной области, можетъ быть, выработаемъ и нѣчто новое*“. *)

Это „новое“ состоитъ въ открытіи, что „все на свѣтѣ имѣетъ двѣ стороны“. Если на „Западѣ“ аграрная программа, ставящая себѣ цѣлью „умножать мелкое хозяйство и мелкую собственность“ является нарушеніемъ принциповъ соціалъ-демократіи, то на „Востокѣ“ мы имѣемъ „исключительный примѣръ“. Мы поддерживаемъ и умножаемъ мелкую собственность въ интересахъ устраненія остатковъ крѣпостного порядка и свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ, иными словами *въ интересахъ развитія сельско-хозяйственнаго капитализма*.

Такая аграрная программа представляетъ дѣйствительно „новое“ явленіе. „Ясно, говоритъ Каутскій, что способствованіе экономическому развитію сельскаго хозяйства въ капиталистическомъ смыслѣ не можетъ быть задачей соціалистической аграрной программы“. Но когда Каутскій прибавляетъ, что „это никому не приходило въ голову“, онъ ошиба-

*) Можно себѣ представить, какое удовольствіе доставило это мѣсто почтенному Оленину, какъ извѣстно, счастливому собственнику самой богатой во всемъ мірѣ коллекціи цитатъ изъ отчетовъ нѣмецкихъ партейтаговъ, неопровержимо доказывающихъ, что соціалъ-демократія вспомнила о крестьянахъ черезчуръ поздно и никогда не занималась этимъ вопросомъ съ достаточнымъ усердіемъ.

ется: онъ не зналъ еще, что съ Востока грядутъ „новые" ортодоксы, которые въ аграрной области дадутъ „нѣчтое новое". Какъ отсталый человѣкъ, онъ думалъ, что наша задача и въ области аграрныхъ отношеній состоитъ въ томъ, чтобы воспитывать и организовывать подготовляемые развитіемъ капитализма элементы соціалистической арміи; онъ не зналъ еще, что соціалъ-демократы должны „подталкивать" капитализмъ, что бываютъ такіе „исключительные случаи, когда соціалъ-демократы должны „умножать мелкую собственность", потому что это способствуетъ развитію капитализма. Какъ жаль, что Фольмаръ и Давидъ не знали открытаго тов. Ленинымъ секрета! Какъ легко было бы имъ дать аграрной программѣ, защищающей интересы крестьянъ, какъ „класса въ современномъ обществѣ", санкцію самаго что ни на есть революціоннаго марксизма!

А секретъ очень простъ. Нужно подчинить крестьянскія требованія такому условію, какъ свободное развитіе классовой борьбы въ деревнѣ или, какъ говоритъ тов. Ленинъ въ другомъ мѣстѣ, нужно внести классовую борьбу въ деревню. „Это условіе — основной и центральный пунктъ теоріи революціоннаго марксизма въ области аграрнаго вопроса".

Хотя я знаю, что исключаю себя своимъ признаніемъ изъ списка революціонныхъ марксистовъ, я все таки смѣю думать, что это требованіе или условіе такъ же мало имѣетъ общаго съ революціоннымъ марксизмомъ, какъ и положеніе, что „экономическій прогрессъ въ концѣ концовъ ведетъ и къ соціальному".

Марксизмъ никогда не ставилъ себѣ цѣлью содѣйствовать развитію классовой борьбы или вносить ее, ибо это значитъ содѣйствовать развитію капитализма. Капитализмъ развивается въ селѣ, и въ городѣ, въ индустріи (въ собственномъ смыслѣ этого слова) и въ сельскомъ хозяйствѣ. И тутъ, и тамъ онъ замѣняетъ борьбу сословій борьбой классовъ, между собою и внутри нихъ. Въ этотъ процессъ развитія

или внесенія классовой борьбы намъ, какъ *революціонерамъ*, нечего вмѣшиваться. Эволюція эта можетъ быть въ селѣ сложнѣе и запутаннѣе, чѣмъ въ городѣ, хотя и въ послѣднемъ она совершается далеко не такъ просто, какъ это кажется иногда не только „критикамъ въ аграрномъ вопросѣ", но ни въ коемъ случаѣ мы не должны приходить на помощь этому стихійному процессу. Конечно, не хорошо было бы съ нашей стороны, говоря словами тов. Ленина, „отстраниться, пройти мимо, предоставить „стихійному элементу всю эту кашу расхлебывать". Но, какъ соціалъ-демократы, мы въ этомъ процессѣ имѣемъ совершенно особыя задачи. Мы должны выяснить одинаковость основныхъ тенденцій эволюціи капитализма въ городѣ и селѣ, показать, что классовой антагонизмъ все больше и больше обостряется, безпощадно разоблачать всякія иллюзія о тождествѣ интересовъ различныхъ трудящихся классовъ. Мы должны показать, что и въ городѣ, и въ селѣ, несмотря на все разнообразіе формъ капиталистической эволюціи, самостоятельные производители осуждены на неизбѣжную гибель, что непрерывно растетъ число пролетаріевъ и, клеймя всякую попытку затушевать происходящую и въ деревнѣ, и въ городѣ борьбу классовъ, мы должны выполнять свою главную положительную задачу: организацію пролетаріата.

„Внесеніе классовой борьбы въ деревню" — такая же нелѣпость, какъ и внесеніе классовой борьбы въ городъ. Если указываемое условіе есть основной и центральный пунктъ теоріи революціоннаго марксизма въ области аграрнаго вопроса, то оно такимъ же должно явиться и въ „городѣ". Почему же въ рабочей программѣ проектъ говоритъ только „въ интересахъ развитія способности къ освободительной борьбѣ"?

Добиваясь политической свободы, соціалъ-демократія хочетъ создать условія для свободнаго развитія классовой борьбы пролетаріата съ буржуазіей, но она не развиваетъ „борьбу классовъ" и уже, конечно, не „вноситъ" ее. Эта борьба классовъ существуетъ до

нея, ибо она неизбѣжна тамъ, гдѣ существуютъ *классы*. Существуетъ она и въ деревнѣ. Разница между соціалъ-демократіей и другими направленіями состоитъ только въ томъ, что въ то время, какъ послѣднія затушевываютъ эту борьбу или стараются ее скрыть подъ громкими фразами о трудовыхъ собственникахъ, она *вскрываетъ* ее, обнажаетъ отъ скрывающей ее сословной оболочки, показываетъ, какъ силенъ классовый антагонизмъ даже въ предѣлахъ крестьянской общины. Руководящая нить, которую она даетъ своимъ членамъ, гдѣ бы они ни дѣйствовали, въ городѣ или селѣ — интересы пролетаріата и организація его классовои борьбы съ буржуазіей.

По мнѣнію тов. Ленина. эту руководящую нить въ деревнѣ даетъ соціалъ-демократу „внесеніе классовой борьбы въ деревню". Я, наоборотъ, сильно сомнѣваюсь, чтобы соціалъ-демократъ, попавшій въ деревню, могъ подчеркнуть свою пролетарскую точку зрѣнія, если будетъ держаться такой руководящей нити. И если эта Аріаднина нить поможетъ ему забраться въ лабиринтъ аграрныхъ отношеній, то развѣ только для того, чтобы стать невольнымъ пособникомъ сельскохозяйственнаго Минкотавра. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что вся аграрная программа „Искры" не „наталкиваетъ" его на классовыя противорѣчія внутри „крестьянства", которое въ ея глазахъ въ борьбѣ „противъ крѣпостничества, противъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ и служащаго имъ государства продолжаетъ еще оставаться *классомъ*, именно классомъ не капиталистическаго, а крѣпостного общества т. е. классомъ-сословіемъ". Какое положеніе займетъ онъ, „вносящій" въ деревню классовую борьбу всего „крестьянства" противъ „крѣпостниковъ-помѣщиковъ", когда онъ натолкнется, несомнѣнно натолкнется на борьбу классовъ внутри крестьянства? Будетъ ли онъ настаивать на отмѣнѣ всѣхъ остатковъ крѣпостного права, въ „сильнѣйшей степени препятствующихъ экономическому прогрессу?"

А этотъ „регулятивъ" указывается ему другимъ условіемъ, которому тов. Ленинъ подчиняетъ „законность крестьянскихъ требованій" — устраненіе остатковъ крѣпостного права. Если вспомнить, что эти требованія выставляются *соціалъ-демократами*, то такое условіе является плеоназмомъ. Въ аграрной программѣ „Искры" оно выдвинуто только для того, чтобы хоть отчасти прикрыть *беззаконность* выставленныхъ въ программѣ „крестьянскихъ" требованій, беззаконность, конечно, съ точки зрѣнія революціонной соціалъ-демократіи, которая всегда выставляетъ свои требованія въ интересахъ *людей*, руководясь при этомъ интересами даннаго *класса* людей, пролетаріата.

Но „Искра" находится въ другомъ положеніи, она требуетъ „умноженія и расширенія частной собственности" и хочетъ оправдаться необходимостью „достроить" буржуазный порядокъ, расчистить ему путь.

„Остатки стараго крѣпостного порядка" страшно еще велики въ нашей деревнѣ. Это фактъ общеизвѣстный. Отработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчиненіе вооруженному розгой привиллегированному землевладѣльцу, бытовая приниженность, дѣлающая крестьянина настоящимъ варваромъ — все это не исключеніе, а правило въ русской деревнѣ, и все это является, въ послѣднемъ счетѣ, переживаніемъ крѣпостного порядка" *) Такъ какъ самъ тов. Ленинъ признаетъ, что „никакого единаго юридическаго учрежденія, которое бы выражало или обусловливало эти остатки, *не существуетъ* — я говорю, конечно, объ остаткахъ крѣпостничества исключительно въ области занимающихъ насъ теперь аграрныхъ отношеній, а не въ области законодательства сословнаго, финансоваго и пр." **), то ясно, что большинство указанныхъ имъ „остатковъ" устраняется осуществленіемъ требованій, выставленныхъ въ политической части соціалъ-демократической программы. Остаются кабала и отработки. Оказывается, что лучшимъ средствомъ освободить отъ нихъ мелкихъ земельныхъ соб-

---

*) Н. Ленинъ, Агр. прогр. русск. с.-д. Заря, № 4, с. 157.
*) Ibid., с. 168.

ственниковъ является увеличеніе ихъ частной собственности. „Противорѣчивое положеніе мелкаго крестьянства на рубежѣ крѣпостническаго и капиталистическаго хозяйства вполнѣ оправдываетъ эту исключительную и временную поддержку мелкой собственности соціалъ-демократіей“. Открытый тов. Ленинымъ рецептъ гласитъ — возвращеніе „отрѣзковъ“. Этотъ пунктъ и составляетъ „гвоздь“ всей аграрной программы „Искры“, „является наиболѣе важнымъ, центральнымъ, придающимъ особый характеръ аграрной программѣ“.

В). Экскурсія въ страну „отрѣзковъ“.

Намъ предстоитъ страшная дорога. Мы должны будемъ, увѣряетъ насъ тов. Ленинъ, „и по краю обрыва проползти и черезъ чащу пробираться и черезъ ямы перескочить“.

Когда Фаустъ и Мефистофель торопились на Вальпургіеву ночь, имъ пришлось очень туго. Дорога была ужасная — мрачныя бездны, вѣковые утесы, подъ ногами пропасти. Ихъ выручилъ блудящій огонекъ, которому Мефистофель приказалъ пойти „прямо“ предъ ними.

Я вашей милости въ угоду
Готовъ перемѣнить методу.
Привыкли мы и вкривь и вкось блуждать.

Мы въ лучшемъ положеніи. Предъ нами не „блудящій огонекъ“, а „Искра“ и ея факелоносецъ. Онъ уже, конечно не скажетъ намъ:

У насъ такая смѣсь,
Что я и на себя не полагаюсь.

Въ „редакціонной коллегіи“ съ нимъ „всѣ согласны“. И попросивъ его не „наталкивать“ и не „подталкивать“ насъ — того и гляди въ обрывъ сорвешься — мы смѣло послѣдуемъ за нимъ въ самую „сердцевину путаницы“ аграрныхъ отношеній.

Мы находимъ тамъ отработочную систему, однимъ „изъ главнѣйшихъ (если не главнѣйшимъ) базисовъ“ которой являются отрѣзки крестьянскихъ земель въ пользу помѣщиковъ. Она считается преобладающей не менѣе, какъ въ 17 губерніяхъ Евр. Россіи. Сущность ея состоитъ въ томъ, что крестьяне обработываютъ своимъ инвентаремъ часть помѣщичьей земли за снятыя ими угодья. Изъ всѣхъ формъ аренды это самая невыгодная для крестьянъ, и они, конечно, соглашаются на нее только въ силу крайней нужды въ землѣ.

„Отработки, говоритъ тов. Ленинъ, обусловливаютъ собой застой техники и застой *всѣхъ* общественно-экономическихъ отношеній, ибо эти отработки *препятствуютъ развитію денежнаго хозяйства и разложенію крестьянства.* избавляютъ (сравнительно) помѣщика отъ подтягивающаго вліянія конкурренціи и т. д. и т. д.“ Уничтожьте отработки — и разовьется техника, всѣ общественно-экономическія отношенія закружатся, точно „листья въ ноябрѣ“, денежное хозяйство процвѣтетъ, помѣщикъ Обломовъ встряхнется и перейдетъ къ болѣе усовершенствованному хозяйству, крестьянство окончательно разложится („въ цѣляхъ устраненія остатковъ крѣпостного порядка, тяжелымъ гнетомъ лежащихъ на крестьянахъ“) и т. д. и т. д. А „разъ общепризнано, что отрѣзки есть одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ отработочной системы, а эта система есть прямое переживаніе крѣпостничества, задерживающее развитіе капитализма, то какъ можно сомнѣваться въ томъ, что возвращеніе отрѣзковъ подорветъ отработки и ускоритъ общественно-экономическое развитіе?“ Однако къ великому изумленію тов. Ленина „усомнились въ этомъ очень многіе“. Усомнился и я. Такъ ли все это общепризнано? И я обратился къ книгѣ В. Ильина, которая, какъ видно по всему, произвела сильное впечатлѣніе на тов. Ленина, а чрезъ его посредство и на всю редакціонную коллегію „Искры“. Можно сказать, что она лежитъ въ основѣ аграрной программы „Искры“.

„Если въ чисто русскихъ губерніяхъ, говоритъ

г. В. Ильинъ, преобладаютъ отработки, то вообще по Европ. Россіи *капиталистическая система помѣщичьяго хозяйства должна быть признана въ настоящее время преобладающей*". Даже среди тѣхъ 17 губерній, о которыхъ вслѣдъ за В. Ильинымъ говоритъ Н. Ленинъ, „нѣтъ ни одной, вѣроятно, даже ни одного ведущаго свое хозяйство имѣнія, въ которомъ бы не примѣнялась хотя отчасти капиталистическая система..... Наконецъ, необходимо, замѣтить, что иногда отработочная система переходитъ въ капиталистическую и настолько сливается съ нею, что становится почти невозможнымъ выдѣлить одну отъ другой и различить ихъ".*) И въ слѣдующемъ параграфѣ „Паденіе отработочной системы" г. Ильинъ показываетъ, что она все больше вытѣсняется капитализмомъ по мѣрѣ того, какъ подвигается процессъ разложенія крестьянства. „Замѣна отработковъ вольно-наемнымъ трудомъ является крупной исторической заслугой земледѣльческаго капитализма въ Россіи". **) Все, что способствуетъ развитію товарнаго хозяйства, ведетъ лишь къ улучшенію положенія производителей: капитализмъ повышаетъ жизненный уровень населенія, повышаетъ его потребности. „Зимняя безработица нашего крестьянства зависитъ не столько отъ капитализма, сколько отъ недостаточнаго развитія капитализма". Ergo, все, что способствуетъ развитію капитализма, уничтожаетъ крестьянство — виноватъ! — зимнюю безработицу крестьянства. Болѣе того! „Земледѣльческій капитализмъ не только создаетъ спросъ на наемный трудъ, но и распредѣляетъ этотъ спросъ равномѣрнѣе по всему году"!

„Во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша"! сказалъ бы г. В. Ильинъ капитализму, не будь онъ un savant sérieux! Если капитализмъ до сихъ поръ упорствуетъ въ своемъ желаніи „воспользоваться выгодами докапиталистическихъ пріемовъ хозяйства, то это нужно поставить въ счетъ не ему, а тѣмъ остаткамъ старины, которые задерживаютъ его развитіе и которые держатся во многихъ случаяхъ силой закона". И чтобы избавить его отъ этого соблазна, г. В. Ильинъ настаиваетъ на немедленномъ уничтоженіи этихъ остатковъ.

*) В. Ильинъ, op. cit. с. 133—4.
*) ibid., с. 236.

„Дѣйствительно важный вопросъ относится вовсе не къ формѣ землевладѣнія, а къ тѣмъ остаткамъ чисто средневѣковой старины, которые продолжаютъ тяготѣть надъ крестьянствомъ: сословная замкнутость крестьянскихъ обществъ, круговая порука, непомѣрно высокое податное обложеніе крестьянской земли, не идущее ни въ какое сравненіе съ обложеніемъ земель частнаго владѣнія, отсутствіе полной свободы мобилизаціи крестьянскихъ земель, передвиженія и переселенія крестьянства. Всѣ эти устарѣлыя учрежденія, нисколько не гарантируя крестьянство отъ разложенія, ведутъ только къ умноженію различныхъ формъ отработковъ и кабалы, къ громадной задержкѣ всего общественнаго развитія". *)

Вы можете не соглашаться съ этой аргументаціей, сильно напоминающей аргументацію буржуазныхъ экономистовъ, которые старались „показать, насколько законы и категоріи буржуазнаго общества удобнѣе для производства богатствъ, чѣмъ законы и категоріи феодальнаго общества". **) Но вы должны признать, что флюсоподобный спеціалистъ вполнѣ послѣдователенъ. „Нѣтъ смысла поддерживать мелкое производство, которое ведетъ къ пониженію жизненнаго уровня производителя ниже уровня батрака". (с. 201). Ибо, какъ резонно замѣчаетъ неумолимый г. В. Ильинъ „надѣленіе крестьянина землей есть одно изъ условій барщиннаго или отработочнаго хозяйства". (с. 147).

Мы видимъ, что даже тотъ писатель, который далъ „Искрѣ" общія основанія ея аграрной политики и вмѣстѣ съ ней настаиваетъ на *ускореніи* капиталистическаго развитія, не совсѣмъ согласенъ съ тѣмъ, что по мнѣнію тов. Ленина „общепризнано".

Но г. В. Ильинъ — легальный писатель. А „легальные писатели потому и *легальные*, что не выходятъ

*) В. Ильинъ, op. cit. с. 243.
**) Марксъ, Нищета философіи, с. 98.

за предѣлы *мирнаго* рѣшенія общественныхъ вопросовъ".*) Онъ, поэтому, ограничивается тѣмъ, что выставляетъ слѣдующее утвержденіе: „общественное (sic!) вниманіе должно быть устремлено.... на устраненіе всѣхъ препятствій къ отходу, на всестороннее облегченіе его, на удешевленіе и улучшеніе всѣхъ условій передвиженія рабочихъ и т. д." **) однимъ словомъ, на устраненіе всѣхъ остатковъ средневѣковой старины.

Тов. Ленинъ, наоборотъ, революціонеръ, не останавливающійся предъ самыми революціонными свед-ствами.

„Такая революціонная мѣра, какъ возвращеніе отрѣзковъ, сослужила бы гигантскую службу именно тѣмъ, что хоть разъ замѣнила бы „методъ" постепеннаго и незамѣтнаго превращенія крѣпостнической зависимости въ буржуазную (а это рекомендуется г. В. Ильинымъ) „методомъ" открытаго революціоннаго превращенія". (с. 173.)

И хотя мы не согласны съ тѣмъ, что именно „отрѣзки" являются „однимъ изъ главнѣйшихъ (если не главнѣйшимъ) базисовъ отработочной системы", хотя, даже въ исключительныхъ случаяхъ, мы не можемъ признать нашей обязанностью умножать мелкую собственность, да еще въ цѣляхъ расчистки путей для развитія капитализма, мы, помня, что согласились оставить столбовую дорогу и послѣдовать за тов. Ленинымъ, посмотримъ, что можетъ дать возвращеніе „отрѣзковъ".

Возьмемъ, какъ предлагаетъ тов. Ленинъ, „типичный", „чистый" случай: дѣти бывшихъ крѣпостныхъ работаютъ на сыновей бывшаго барина за снимаемый выпасъ.

Предъ нами три деревни: Разутово, Горѣлово и Нѣлово, принадлежавшія во время оно помѣщикамъ Обалдуеву, Утятину, Простакову.

*) Г. Плехановъ, Новый походъ и т. д., с. 29.

*) В. Ильинъ, ibid., с. 178.

	Разутово	Горѣлово	Нѣлово
Число рев. душъ	394	187	211
Было земли у крестьянъ до реф. дес.	1070	917	599
Отрѣзано по пол. 19 февр.	70	112	69
Осталось у помѣщика	1300	1500	1250

Будущіе крестьянскіе комитеты, проектируемые тов. Ленинымъ, при всемъ ихъ желаніи (тов. Ленинъ ручается, что они будутъ демократическими) не могутъ вернуть крестьянамъ больше 70 д. въ первомъ случаѣ, 112 — въ другомъ и 69 — въ третьемъ. Если мы предположимъ, что населеніе (беру самый „выгодный" для тов. Ленина случай) совершенно не возрастало, то въ первомъ случаѣ на душу (ревизскую — nota bene) придется прирѣзка въ 0,18 д., во второмъ — 0,6, въ третьемъ — 0,33, въ процентахъ къ прежнему надѣлу 6 %, 13 %, 12 %. Во что же превратится эта прирѣзка, если мы увеличимъ на соотвѣтственную цифру число крестьянъ, если мы вспомнимъ, что мы производили разсчетъ на ревизскія души? Она пойдетъ „на распылъ". А рядомъ съ нашими крестьянами остаются тѣ же помѣщики, у которыхъ послѣ отрѣзки останутся лишь въ очень незначительной степени „ущербленныя" имѣнія. И вы увѣрены, тов. Ленинъ, что система отработковъ исчезнетъ тогда, какъ по мановенію волшебнаго жезла? Скорѣе наоборотъ. Она укрѣпится. „Жизнь, говоритъ г. В. Ильинъ, создаетъ такія формы, которыя соединяютъ противоположныя по своимъ основнымъ чертамъ системы хозяйства съ замѣчательною постепенностью. Становится невозможнымъ сказать, гдѣ кончаются „отработки" и гдѣ начинается „капитализмъ". Какъ провести тутъ разницу между такимъ „крестьяниномъ" и тѣмъ западно-европейскимъ или остзейскимъ „батракомъ", который получаетъ клочекъ земли съ обязательствомъ работать опредѣленное число дней"? *) Можно сказать, что, когда крестьянамъ дана будетъ полная свобода передви-

*) В. Ильинъ, op. cit. с. 134.

женія и переселенія, помѣщики будутъ прямо заинтересованы въ томъ, чтобы „привязать“ крестьянъ, надѣляя ихъ незначительными клочками земли. Достаточно сослаться на примѣръ Западной Европы. Тов. Ленинъ можетъ узнать объ этомъ хотя бы у того же В. Ильина. „Во всѣхъ европейскихъ странахъ представители интересовъ землевладѣльцевъ желаютъ привязать сельскихъ рабочихъ посредствомъ надѣленія землей и пытаются уже вводить въ законодательство соотвѣтствующія мѣропріятія“. *)

Но, скажутъ намъ, такими гипотетическими примѣрами можно все доказать. Надо еще доказать, что „отрѣзки“ дѣйствительно такъ ничтожны, что возвращеніемъ ихъ мы вовсе не поставимъ крестьянство въ такое положеніе, при которомъ оно не должно будетъ обращаться къ арендѣ помѣщичьей земли за отработки, а будетъ арендовать ее исключительно за деньги?

Къ сожалѣнію или къ счастью, наши примѣры взяты изъ самой что ни на есть конкретной дѣйствительности. Наше Разутово — Рязанская губ., Горѣлово — Псковская, Неѣлово — Симбирская губ. Всѣ три губерніи принадлежатъ къ числу тѣхъ 17 губ., въ которыхъ господствуетъ отработочная система. Читателю остается увеличить всѣ цифры въ 1000 разъ, и онъ получитъ число крѣпостныхъ ревизскихъ душъ, площадь крестьянскаго и помѣщичьяго землепользованія наканунѣ 19 февраля и количество отрѣзанной земли.**) Я могъ бы привести еще другіе случаи. Въ какихъ размѣрахъ были ограблены крестьяне *19 февр. 1861 г.*, трудно сказать. Вся-

*) В. Ильинъ, op. cit. с. IV.

**) См. А. Скребицкій: „Крестьянское дѣло въ царствованіе имп. Александра II“, особенно томъ II, части первая и вторая, П. Милюковъ, Крестьяне, Энц. словарь Брокгауза, Янсонъ, Опытъ стат. изслѣд. о кр. надѣлахъ и платежахъ. Отрѣзки въ нечерноземныхъ губерніяхъ были больше, чѣмъ въ черноземныхъ. Въ послѣднихъ надѣлъ чаще всего состоялъ почти исключительно изъ пахатныхъ земель. Реформа лишила крестьянъ права пользованія другими угодьями и еще отняла часть пахоти.

ко бывало. Условія, на которыхъ происходило освобожденіе крестьянъ, были очень разнообразны, но, при всемъ своемъ разнообразіи, они сводились къ желанію такъ или иначе, но *ограбить* крестьянъ, такъ какъ и самые „умные и честные“ либералы помѣщики, „тверитяне“, добивались *экспропріаціи* крестьянства. Въ одной губерніи у крестьянъ отняли меньше, въ другой — больше, въ нѣкоторыхъ были настолько „великодушны“, что оставили крестьянамъ „*всю*“ землю, бывшую въ *ихъ* пользованіи, но всюду ихъ заставили платить за нее въ нѣсколько разъ больше ея дѣйствительной рыночной цѣны. Изъ данныхъ, приведенныхъ у П. Милюкова, видно, что дворянскіе комитеты хотѣли отрѣзать половину бывшей въ надѣлѣ у крестьянъ земли, но имъ пришлось удовольствоваться въ общемъ одной пятой. Слѣдовательно, путемъ экспропріаціи или вѣрнѣе выкупа (о чемъ ниже) Ленинскіе „крестьянскіе комитеты“ могутъ увеличить крестьянское землевладѣніе на одну пятую бывшей у нихъ площади. Достаточно знать, какъ ничтожны современные крестьянскіе „наличные“ надѣлы, чтобы понять, какъ правъ былъ тов. Плехановъ, когда смѣялся надъ буржуазными представителями, которые надѣются все уладить незначительными прирѣзками.

Нѣкоторые товарищи возражали противъ возвращенія отрѣзковъ и съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности: „неразсчетливо отвлекать вниманіе партіи на исправленіе всякихъ, теряющихъ уже современное значеніе историческихъ несправедливостей“. Тов. Ленинъ находитъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такой исторической несправедливостью, которая непосредственно продолжаетъ задерживать общественное развитіе и классовую борьбу.

Не останавливаясь на этомъ аргументѣ, я скажу только, что если соціалъ-демократія не обязана исправлять всякія историческія несправедливости, то ни въ какомъ случаѣ и никогда она не должна *освящать* ихъ своимъ признаніемъ, своей санкціей.

Возвращенiе отрѣзковъ, нисколько не исправляя „исторической несправедливости“, освящаетъ самый вопiющiй грабежъ, когда либо сдѣланный во всемiрной исторiи.

У насъ, съ легкой руки тов. Ленина, теперь много говорятъ объ „отрѣзкахъ“. Но, къ сожалѣнiю, этимъ вопросомъ далеко не исчерпывается исторiя крестьянской реформы. *Отрѣзки* — это части крестьянскихъ „надѣловъ“ въ эпоху отмѣны крѣпостного права. И тотъ, кто сосредоточиваетъ все свое вниманiе на этихъ отрѣзкахъ, забываетъ или проглядываетъ фактъ, что вся исторiя частнаго землевладѣнiя въ Россiи (какъ и въ другихъ странахъ) есть исторiя послѣдовательныхъ отрѣзокъ отъ крестьянскаго землевладѣнiя. „Мы ваши, а земля — наша“ — въ этой наивной формулировкѣ крѣпостныхъ отношенiй больше исторической истины, чѣмъ во всѣхъ трудахъ всякихъ либеральныхъ и прогрессивныхъ историковъ вплоть до Чичерина и Струве.*)

Феодализацiя общественныхъ отношенiй совершалась въ Россiи по тому же самому типу, что и въ Западной Европѣ, что и во всемъ мiрѣ: изъ первобытнаго общиннаго союза равныхъ людей мало по малу выдѣляются въ силу развитiя общественнаго раздѣленiя труда „храбрые“, „лучшiе“, которые выполняютъ различныя функцiи, нужныя для охраненiя и защиты „порядка“. Остальные члены общины „кормятъ“ ихъ или выдѣляютъ имъ особый участокъ, который они же обрабатываютъ для будущихъ „феодаловъ“. Ни послѣднiе, ни такъ наз. „служилые люди“ не имѣютъ никакихъ правъ на *землю* общинниковъ.**) Только путемъ юридической фикцiи общинныя земли, бывшiя въ нераздѣльномъ пользованiи всѣхъ членовъ общины — пастбища, лѣса, воды и т. д. — превращаются въ собственность помѣщика, феодала. То обстоятельство, что крестьяне имѣютъ право пользоваться безвозмездно всѣми этими угодьями, начинаетъ служить доказательствомъ особой „милости“ со стороны помѣщика. Когда въ старыя барщинныя отношенiя вторгается категорiя мѣновой стоимости, когда они смѣняются капиталистическимъ хозяйствомъ на барщинной основѣ, тогда феодалъ превращается въ сельскаго хозяина и протягиваетъ свою лапу къ *исконнымъ* участкамъ крестьянъ. Начиная съ послѣдней четверти 18 вѣка, когда Россiя становится поставщицей сырья для Западной Европы, но особенно сильно въ первой половинѣ XIX вѣка, когда она становится страной, экспортирующей хлѣбъ, борьба между помѣщиками и крестьянами усиливается. Растетъ жадность помѣщиковъ не только къ труду крестьянъ, но и къ ихъ землѣ, всего больше въ черноземной полосѣ. Все больше и больше регламентируется право крестьянъ пользоваться „господскими“ лѣсами и все чаще и чаще увеличивается помѣщичья запашка на счетъ крестьянской. Вопреки мнѣнiю г. В. Ильина, помѣщики въ теченiе всего этого перiода господства отработочной системы не надѣляютъ крестьянъ землей, а *обдѣляютъ* ихъ. *) Эта борьба за землю все

---

*) „Русскiе крестьяне никогда не сидѣли на своей землѣ“. П. Струве: „Основн. моменты въ разв. крѣп. хоз. въ Россiи“, М. Божiй, 1899, Октябрь.

**) „Барщинный трудъ очень рѣдко оказывается возникшимъ изъ крѣпостничества, напротивъ того, по большей части крѣпостничество оказывается при этомъ развившимся изъ барщиннаго труда“. Это мѣткое замѣчанiе Маркса подтверждается теперь тѣмъ направленiемъ въ исторiографiи, которое видитъ въ исторiи развитiе не отъ рабства къ свободѣ, а отъ свободнаго состоянiя чрезъ крѣпостничество (мѣстами рабство) къ современнымъ капиталистическимъ отношенiямъ. „Трудъ свободныхъ земледѣльцевъ на ихъ собственной зеллѣ, находившейся у нихъ въ общинномъ владѣнiи, превратился въ барщинный трудъ на людей, отнявшихъ ихъ общую собственность“ (Марксъ).

*) Этимъ процессомъ объясняется и то обстоятельство, что въ нечерноземныхъ губернiяхъ, гдѣ преобладала оброчная система, помѣщики ко времени освобожденiя оставили въ пользованiи крестьянъ большую площадь, а потому и *отрѣзки*, произведенные *при* уничтоженiи крѣпостнаго права, были больше. Примѣръ — Новгородская губернiя. Какъ велики были отрѣзки, сдѣланные *до* уничтоженiя крѣпостного права, показываетъ сравненiе данныхъ,

больше обостряетъ отношенія между помѣщиками и крестьянами и приводитъ наконецъ къ „великой реформѣ“. Вынужденная борьбой классовыхъ интересовъ, складывавшихся на почвѣ капиталистическаго хозяйства на барщинной основѣ, эта „реформа“ отъ начала до конца является результатомъ ожесточенной борьбы интересовъ и внутри самого дворянства, борьбы между такъ назыв. либералами и крѣпостниками. Только она *освятила* окончательно право помѣщика на никогда не принадлежавшія ему земли, только она лишила окончательно крестьянъ права пользованія лѣсомъ и всѣми общинными угодьями, котораго не успѣли ихъ лишить помѣщики въ теченіе всего періода крѣпостного права. А что эти *отрѣзки* были произведены, должны были признать и Редакціонныя комиссіи при опредѣленіи низшихъ размѣровъ надѣла, сдѣлавъ лживое увѣреніе, что „въ великорусскихъ губерніяхъ отобраніе земель у крестьянъ не было общимъ явленіемъ, а было рѣдкимъ исключеніемъ“ и уничтожая это заявленіе оговоркой, что „въ большей части случаевъ надѣлъ не уничтожался, а только уменьшался для образованія помѣщичьей запашки.“ *)

И ничего не добивались такъ упорно наши помѣщики, — не „крѣпостники“, а „честные и умные“ либералы, — какъ признанія закономъ, что имъ принадлежитъ вся земля, находящаяся въ пользованіи крестьянъ, что они архивеликодушны, когда *надѣляютъ* крестьянъ клочками ихъ же земли за разбойническій выкупъ.

приводимыхъ г. Семевскимъ въ его изслѣдованіи „Крестьяне въ царств. Екатерины II“ о величинѣ надѣла и данныхъ, собранныхъ у Скребицкаго о надѣлахъ въ эпоху „великой реформы“.

*) А Скребицкій, т. II, часть первая, сс. 232 — 236, 251 — 257, мнѣніе „крѣпостника“ Желтухина и сс. 286 — 292, 298 — 301, мнѣніе либерала Унковскаго. Мнѣніе перваго отличается только меньшимъ „лоскомъ“. Во второй части этого тома помѣщена „Вѣдомость о количествѣ земель въ пом. имѣніяхъ по 45 губ.“, изъ которой видно, какъ старательно помѣщики ограничивали право пользованія лѣсомъ еще при крѣпостномъ правѣ.

Какъ же тов. Ленинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и „Искра“ исправляютъ эту „историческую несправедливость“? „*Мы признаемъ крестьянскими тѣ земли, которыя отрѣзало у нихъ дворянское правительство*“ !!! **А земли, отрѣзанныя до 1861 г. вы признаете дворянскими, тов. Ленинъ?**

Помните ли вы, читатель, „неустрашимаго, великаго, ни съ кѣмъ не сравнимаго“ Тартарена изъ Тараскона, его прелестный садъ, въ которомъ такъ пышно произрастали сплошь все экзотическія растенія: кокосовыя пальмы, баобабъ и т. п. Все это было, конечно, не въ натуральную величину: такъ кокосовая пальма была не крупнѣе свеклы, а баобабъ, гигантскій баобабъ, росъ въ горшкѣ изъ подъ резеды. Но для Тараскона и это было хорошо, и добрые Тарасконцы ходили по воскресеньямъ любоваться на знаменитый баобабъ, взращенный трудами рукъ великаго Тартарена. Тарасконцы „не бывали заграницей“, хотя вмѣстѣ съ тов. Ленинымъ знали, что „пшеницу не разводятъ въ комнатныхъ горшкахъ“.*)

Нашъ руский Тартаренъ еще счастливѣе. Онъ отрѣзалъ вѣточку отъ революціонной Arbor gigantea, посадилъ ее въ чернильницу и не только себя увѣрилъ, что это революціонный баобабъ, но и всю редакціонную коллегію, въ томъ числѣ и тов. Плеханова!

„Демократическій пересмотръ государственныхъ и гражданскихъ законовъ Россіи мы хотимъ дополнить демократическимъ революціоннымъ пересмотромъ пресловутой „крестьянской реформы“. Жалкая реформа, давнымъ давно выдвинутая у насъ буржуазными представителями, превращается въ максимумъ требованій, предъявляемыхъ революціонерами!

И не смотря на это, нашелся „практическій человѣкъ, которому и этотъ баобабъ показался черезчуръ гигантскимъ. Тов. Мартыновъ доказалъ, какъ дважды два четыре, что это требованіе идетъ слишкомъ далеко, такъ какъ оно нарушаетъ интересы собствен-

---

*) Н. Ленинъ: „Что дѣлать?“ с. 88.

никовъ, купившихъ „отрѣзки“ и обработывающихъ свою землю по послѣднему слову капиталистической агрономіи, да и вообще повредитъ капитализму. Возраженія эти очень сильно подѣйствовали на „Искру“. Чтобы оградить интересы новыхъ собственниковъ, она ввела въ свою программу выкупъ всѣхъ отрѣзковъ, которые переходили изъ рукъ въ руки. Какая трогательная заботливость о нашихъ Деруновыхъ и Разуваевыхъ, пришедшихъ на „смѣну“ романтиковъ-помѣщиковъ!

Понятно, что, когда тов. Ленинъ, а съ нимъ и редакціонная колегія, еще больше подрѣзали „гигантскій баобобъ“, взращенный въ статьѣ „Рабочая партія и крестьянство“ (Искра № 3), когда тов. Ленинъ доказалъ тов. Мартынову, что возвращеніе отрѣзковъ не повредитъ капитализму, а дастъ ему сильный толчокъ, нашъ „хвостистъ“, а съ нимъ и „Красное знамя“, согласились, что аграрная программа „Искры“ вполнѣ въ духѣ брентанизма — виноватъ! — марксизма. Есть, правда, и разница. Продолжая твердо стоять на чисто пролетарской точкѣ зрѣнія, онъ еще больше, чѣмъ тов. Ленинъ, стѣсняется выставлять требованія въ интересахъ крестьянства и... предлагаетъ держать ее подъ „крылышкомъ“.

Выкупъ „отрѣзковъ“ уничтожаетъ всякій смыслъ предложенной тов. Ленинымъ мѣры. Онъ явился бы повтореніемъ, въ уменьшенномъ, конечно, масштабѣ, пресловутой выкупной операціи. При специфически-высокой цѣнѣ типичныхъ „отрѣзковъ“, этотъ выкупъ возможенъ былъ бы только путемъ „деспотическаго вторженія въ право частной собственности“*). А при условіи выкупа тѣхъ отрѣзковъ, которые переходили изъ рукъ въ руки, придется выкупать чуть не всѣ отрѣзки. Мобилизація нашего частнаго землевладѣ-

*) Такіе случаи, какъ желаніе крестьянства купить отрѣзокъ чуть не по 1000 р. за десятину, отмѣчены были въ первыхъ отчетахъ крестьянскаго поземельнаго банка и, если мнѣ не измѣняетъ память, въ отчетахъ о командировкахъ Воропонова и Картавцова.

нія достигла размѣровъ, которые могутъ радовать сердце даже такого ревнителя „вовлеченія земли въ гражданскій обиротъ“, какъ тов. Ленинъ. Вѣроятнѣе всего, что большинство мобилизированныхъ отрѣзковъ попало изъ рукъ помѣщиковъ-романтиковъ въ руки помѣщиковъ-практиковъ (тѣ же *дворяне)*, кое что попало въ руки *купцовъ*, но столь же вѣроятно, что многіе изъ нихъ попали въ руки *крестьянъ*. Эти миѳическіе „крестьяне“ вообще успѣли обзавестись иногда очень недурными участками. „Въ Бессарабской губерніи одинъ крестьянинъ купилъ около 10 т. дес., въ Донской 1 — болѣе 9 тысячъ, въ Новгородской, Олонецкой и Уфимской 3 — по 8 тыс., въ Оренбургской 2 — слишкомъ 11 тысячь, въ Самарской и Саратовской 2 по 4 тыс. Всего же насчитано нами въ 31 изъ 45 губ. 140 лицъ, купившихъ вмѣстѣ около 280 тыс. дес., т. е. въ среднемъ по 2000 дес.“*)

Теперь представьте себѣ *крестьянскіе* комитеты, занятые вопросомъ о выкупѣ отрѣзковъ, переходившихъ изъ рукъ въ руки! Тов. Ленинъ увѣряетъ насъ, что *крестьянство* теперь въ борьбѣ *съ помѣщиками* является однимъ классомъ. А я, опираясь хотя бы на ту же ослѣпительно-ученую и помрачительно-скучную книгу г. В. Ильина, показавшаго, что „въ рукахъ 22-хъ процентовъ дворовъ (2,2 милліона дворовъ изъ 10,2 милліоновъ) сосредоточено 9 1/2 милліоневъ лошадей изъ 17-ти милліоновъ т. е. 56,3 проц. всего числа“, думаю, что крестьянство у насъ „разслоилось“ въ такой значительной степени, что мы и теперь не должны упускать изъ виду *классовой борьбы, уже происходящей въ деревнѣ.* Иначе мы рискуемъ сыграть въ руку сельской буржуазіи и совсѣмъ не привлечь на свою сторону „бѣднѣйшую часть крестьянства“. Соціалъ-демократическій агитаторъ, доказывающій крестьянской бѣднотѣ, что они не имѣютъ

*) В. Іоновъ: „Факты и иллюзіи въ вопросѣ движенія частной позем. собственности“, *Жизнь*, 1900 г., с. 198.

*) В. Ильинъ, op. cit., с. 92.

права отобрать „отрѣзокъ“, потому что онъ перешелъ изъ рукъ дворянина Обалдуева въ руки крестьянина Колупаева, можетъ быть и „внесетъ классовую борьбу въ деревню“, но съ противоположнаго конца и въ придачу рискуетъ еще получить сильную встряску отъ слабосильнаго „крестьянства“. И этотъ образъ дѣйствій рекомендуется, не *буржуазными* демократами, а соціалъ-демократами! Право, нашимъ революціоннымъ соціалъ-демократамъ не мѣшало бы нѣсколько поучиться у французской буржуазной демократіи временъ великой революціи.

Говорить съ такимъ трескомъ, съ такой помпой о необходимости положить революціоннымъ способомъ конецъ всякимъ остаткамъ „крѣпостничества“ и предложить мѣру, которая даже въ революціоноое время связана съ расширеніемъ и укрѣпленіемъ бюрократической канцелярщины, можетъ лишь человѣкъ, прошедшій основательно науку „строительства“, проникнувшійся убѣжденіемъ, что очередная задача нашей все болѣе усложняющееся дѣйствительности — превращеніе Россіи изъ бѣдной капиталистической страны въ богатую капиталистическую же. Хотя нашъ „туристъ“ „убрался изъ лагеря марксистовъ“, по вліяніе его чувствуется еще до сихъ поръ.

И такъ, чтобы покончить съ Ленинскими отрѣзками: *выставленіе русской соціалъ-демократіей требованія вернуть земли, отрѣзанныя у крестьянъ при уничтоженіи крѣпостного права, было бы равносильно признанію ею права собственности дворянъ на всѣ земли, отрѣзанныя у крестьянъ до уничтоженія крѣпостного права. Подложные документы россійскихъ феодаловъ, покрытые кровью многихъ поколѣній крестьянъ, получили бы скрѣпу русской соціалъ-демократіи. И требованіе вернуть отрѣзки должно быть отвергнуто безусловно, такъ какъ осуществленіе его лежитъ больше въ интересахъ нашихъ аграріевъ, которые уже и теперь думаютъ отдѣлаться этой подачкой отъ грозящей имъ крестьянской жакеріи.*

Я бы прибавилъ, что оно ни чѣмъ не поможетъ крестьянству, если бы я возражалъ не тов. Ленину.

Онъ прекрасно знаетъ это и самъ: его цѣль — уничтоженіе отработочной системы, какъ фактора, задерживающаго разложеніе крестьянства. Ему мнѣ остается только повторить, что возвращеніе отрѣзковъ *само по себѣ* не можетъ освободить крестьянъ отъ кабалы. За примѣрами нечего далеко ходить: Восточная Пруссія, Австрія и Венгрія достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ. А въ заключеніе я совѣтую тов. Ленину внимательно прочитать слѣдующее мѣсто изъ книги В. Ильина. Онъ все таки „спеціалистъ“:

„Соединеніе отработной и капиталистической системы дѣлаетъ современный строй помѣщичьяго хозяйства чрезвычайно похожимъ по экономической организаціи на тотъ строй, который преобладалъ въ нашей текстильной индустріи до появленія крупной машинной индустріи. Тамъ часть операцій купецъ производилъ своими орудіями и наемными рабочими, а часть орудіями крестьянъ-кустарей работавшихъ на него изъ его матеріала; здѣсь часть операцій исполняется наемными рабочими, употребляющими инвентарь владѣльца, часть-трудомъ и инвентаремъ крестьянъ работающихъ на чужой землѣ“. (*)

Мы видимъ, „что остатки до-капиталистическихъ общественныхъ порядковъ“ одинаково встрѣчаются и въ „обработывающей“ промышленности, и въ „добывающей“. Слѣдуетъ ли изъ этого, что мы должны взять на себя „положительную“ задачу — „подтолкнуть“ развитіе капитализма въ области „индустріи“?. Различныя формы домашней промышленности тоже „задерживаютъ“ развитіе капитализма въ его „чистомъ“ видѣ. Не придумаетъ ли тов. Ленинъ что нибудь въ родѣ возвращенія „отрѣзковъ“ и въ этой области? А такіе прожекты существуютъ. Соціалъ-демократія, съ своей стороны, рекомендуетъ только

---

*) Въ своей статьѣ „Изъ лѣтнихъ наблюденій“ (въ Смоленской губ., въ которой отработки играютъ значительную роль) г. П. Струве приводитъ примѣръ одной деревни, опутанной цѣлой сѣтью отработковъ. *По закону* у нихъ не отрѣзали ни одного клочка земли — за ними сохранены были существовавшіе при уничтоженіи крѣпостного права надѣлы. Они, конечно, были сильно „урѣзаны“ еще задолго до 1861 г.

*) В. Ильинъ, ibid. с. 140.

одно средство: организація „кустарей“ и распространеніе фабричной инспекціи на всѣ формы „домашней“ промышленности. Глупые люди по этому поводу говорятъ, что она „отстраняется“ отъ рѣшенія этого наболѣвшаго вопроса. Все, что можно сдѣлать для домашнихъ рабочихъ (кустарей) на почвѣ существующихъ отношеній, формулировано въ соціалъ-демократической программѣ. А до какой степени доходитъ „кабала“ въ этой области, свидѣтельствуетъ Sweating-system, даже въ Англіи.

Конечно, „все на свѣтѣ имѣетъ двѣ стороны“, и то, что непримѣнимо въ одной области, можетъ быть приложено въ другой. Но соціалъ-демократія не можетъ „ходить на двѣ стези“. Нѣтъ такого „исключительнаго случая“, который заставилъ бы ее поддерживать и укрѣплять частную собственность. Соціалъ-демократія же, укрѣпляющая частную собственность съ цѣлью „подтолкнуть“ развитіе капитализма, явилась бы только историко-психологическимъ курьезомъ.

Г) „Искра“ въ роли агронома и цивилиста. Секретъ революціоннаго „баобаба“.

Всѣмъ извѣстно, какую „почетную“ роль съиграли при переходѣ крѣпостнической эксплуатаціи въ капиталистическую агрономы и юристы. Первые доказывали необходимость освободить землю отъ остатковъ средневѣковной старины, потому что они задерживаютъ развитіе раціональнаго хозяйства, юристы — потому что эти остатки, къ великому огорченію ихъ и тов. Ленина „изъемлютъ въ тоже время не малое количество земли изъ гражданскаго и торговаго оборота“. И тѣ, и другіе давали санкцію великому и мучительному процессу экспропріаціи непосредственныхъ производителей. Законъ 28 сентямбря 1791 г. освобождаетъ землю Франціи отъ всѣхъ сервитутовъ, на ней лежавшихъ и даетъ собственникамъ полную свободу вести какое имъ угодно хозяйство. Однимъ почеркомъ

пера крестьяне лишены были права пастьбы скота по помѣщичьимъ парамъ и жнивью и пользованія „помѣщичьимъ“ лѣсомъ*).

Крестьяне были дѣйствительно экспропріированы, но прошло еще не мало времени, пока „процвѣло“ сельское хозяйство. Для этого понадобился расцвѣтъ цѣлаго ряда „начатковъ“ капитализма. И когда мы слышимъ вопли нашихъ агрономовъ противъ всякихъ остатковъ средневѣковой старины, мы, соціалъ-демократы, должны относиться къ нимъ очень скептически. Бываютъ случаи, когда такіе остатки лежатъ тяжелымъ гнетомъ на помѣщикахъ.

Опасаясь, чтобы наша буржуазія не забыла и свою соціальную миссію, „Искра“ даетъ ей дружескій толчокъ.

Пунктъ 4, б аграрной программы „Искры“ предоставляетъ крестьянскимъ комитетамъ полномочіе устранять остатки крѣпостнаго права, уцѣлѣвшіе въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ государства (сервитуты, незаконченные выдѣлы земли и размежеванія и проч., и т. п.). Это все, что мы узнаемъ изъ комментарія объ остаткахъ крѣпостнаго права „на Уралѣ, на Алтаѣ, въ западномъ краѣ и въ другихъ областяхъ государства“. Надо сказать, что это очень неясно. Возьмемъ сервитуты. Всегда ли крестьяне признаютъ, что нужно устранить этотъ „остатокъ“, что онъ лежитъ тяжелымъ гнетомъ на нихъ?

Тов. Ленинъ очень „хлопочетъ“ объ уничтоженіи отработковъ, но замѣтилъ ли онъ странное явленіе? Кіевская, Волынская и Подольская губерніи принадлежатъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ преобладаетъ *капиталистическая* система, хотя эти губерніи до сихъ поръ не избавились отъ гнета такого остатка

*) Не случайность, что Конвентъ долженъ былъ *въ Бретани* сохранить за крестьянами цѣлый рядъ сервитутовъ на „помѣщичьи“ земли. То обстоятельство, что это было сдѣлано *противъ* феодаловъ, показываетъ, что эти сервитуты были нужны крестьянамъ. Въ Пруссіи отъ этой реформы сильно потеряли бѣднѣйшіе слои сельскаго населенія. Ихъ натуральные доходы сократились и въ значительной мѣрѣ безъ всякаго вознагражденія.

средневѣковой старины, какъ сервитуты. „Отрѣзки“ сдѣланы были и въ этой мѣстности, но не въ такихъ размѣрахъ, какъ въ центрѣ (благодаря польскому возстанію)*. Важнѣе всего то, что крестьяне сохранили право выпаса скота на помѣщичьей землѣ. Помѣщики, такимъ образомъ, лишены были возможности сдавать крестьянамъ землю подъ выпасъ по повышеннымъ цѣнамъ. Понятно, что они вмѣстѣ съ своими прихвостнями, учеными агрономами, протестуютъ противъ такого „гнуснаго“ остатка крѣпостного права, какъ сервитуты. Характерно, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ помѣщикамъ удалось освободиться отъ этого „остатка“, тяжелымъ гнетомъ лежащаго на крестьянахъ, они сейчасъ же начали сдавать свою землю.... за *отработки*. А какъ прогрессируетъ раціональное сельское хозяйство, показываетъ тотъ фактъ, что изъ 2 000 имѣній этихъ губерній, освободившихся отъ сервитутовъ послѣ 1861 г., 80 o/o остались при трехполномъ оборотѣ.

Какимъ же образомъ „крестьянскіе комитеты“ уничтожатъ этотъ остатокъ старины, попытка уничтоженія котораго со стороны помѣщиковъ не разъ уже вызвала крестьянскія волненія? Путемъ выкупа? Путемъ экспропріаціи всей земли, „обремененной сервитутами? Жаль, что тов. Ленинъ, питающій пристрастіе къ опредѣленнымъ, „конкретнымъ“ средствомъ, не указалъ намъ выходъ изъ этой путаницы. Въ такой формѣ, какъ онъ выраженъ въ программѣ „Искры“ этотъ пунктъ можетъ быть формулированъ любымъ уѣзднымъ комитетомъ, для котораго, какъ и для „Искры“, сервитуты являются остаткомъ докапиталистическихъ общественныхъ порядковъ, въ сильнѣйшей степени препятствующимъ экономическому

*) Въ этихъ же мѣстностяхъ, да и во всей западной полосѣ, крестьяне раньше всего избавились отъ *формальнаго* крѣпостного права, такъ какъ выкупъ сдѣланъ былъ обязательнымъ еще въ 1863-64 гг. Въ Великороссіи эти остатки формальнаго крѣпостного права, временно-обязанныя отношенія, — сохранились до начала 80-хъ годовъ.

прогрессу. Въ революціонной аграрной программѣ вопросъ этотъ рѣшается проще.

Въ томъ же духѣ составленъ и второй пунктъ разбираемой программы: „Отмѣна круговой поруки и всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей“. Это требованіе ровно ни чѣмъ не отличается отъ требованій просвѣщенныхъ аграріевъ и даже Витте и Плеве.

Отмѣна круговой поруки implicite уже имѣется въ программѣ, требующей уничтоженія всей современной податной системы точно такъ же, какъ имѣется въ ней и требованіе отмѣны цеховъ, котораго мы однако отдѣльно не выставляемъ. Проектъ программы группы „Осв. Труда“ не упоминаетъ вовсе объ этой реформѣ и ограничивается тѣмъ, что требуетъ предоставленія крестьянину права отказа отъ надѣла и выхода изъ общины. Такая формулировка рѣзко отдѣляетъ насъ отъ нашихъ бюрократовъ — Витте, Плеве, Бржесскихъ — которые въ отмѣнѣ круговой поруки видятъ серьезную реформу современной податной системы. Самъ тов. Ленинъ признаетъ, что отмѣна круговой поруки будетъ проведена, вѣроятно, еще Витте*).

Старая формулировка удобна и въ томъ отношеніи, что отмежевываетъ насъ не только отъ защитниковъ общины, но и отъ ея противниковъ. Первые слышать не хотятъ о правѣ крестьянина выйти изъ общины, вторые требуютъ для него полной свободы распоряжаться своей землей.

„По вопросу объ общинѣ русскіе соціалисты утописты разсуждаютъ такъ: община — хорошее дѣло; ее надо поддержать; *слѣдовательно*, мы ее поддержимъ. Могли быть и другіе утописты,

*) И онъ уже сдѣлалъ шагъ къ этому въ положеніи 23 Іюня 1899 г. о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель. Тѣ народники, которые противъ отмѣны круговой поруки, забываютъ, что во многихъ мѣстахъ она служитъ для хозяйственныхъ мужичковъ предлогомъ уменьшать надѣлы своихъ сообщинниковъ. Думать, что отмѣна круговой поруки разрушитъ общину можетъ лишь такой народникъ, какъ Щербина, или такой марксистъ, какъ В. Ильинъ, для котораго община почти отождествляется съ круговой порукой.

которые сказали бы: община тормазитъ наше общественное развитіе; ее надо устранить; *слѣдовательно*, мы устранимъ общину. Соціалъ-демократы разъ навсегда распростились съ утопіями.... Не отъ насъ зависитъ измѣнить ходъ экономической исторіи Россіи. Но мы можемъ *понять* его и сильные своимъ пониманіемъ явиться сознательными революціонными дѣятелями. Народники плачутъ о томъ, что община разлагается. Они не видятъ того. что разложеніе общины создаетъ новую общественную, революціонную силу, которая приведетъ насъ и къ политической свободѣ и къ соціализму. Сила эта — пролетаріатъ, съ которымъ мы должны прежде всего сблизиться. Вотъ и все. И все это было сказано въ „Нашихъ Разногласіяхъ").

Тамъ же было сказано, что „силы, освобождающіяся при разложеніи общины въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, могутъ предохранить ее отъ полнаго разложенія въ другихъ мѣстностяхъ". И еще много другихъ вѣрныхъ вещей сказано было объ этомъ и тов. Плехановымъ, и тов. Засуличъ, и всѣ эти вѣрныя вещи обязываютъ насъ не сливаться въ одинъ хоръ съ нашими оффиціальными или либеральными противниками общины. Пора перестать вслѣдъ за легальными марксистами афишировать свое равнодушіе къ „пресловутой и приснопамятной общинѣ"*), какъ говоритъ тов. Ленинъ. Сохранится ли она или нѣтъ, когда съ нея будетъ снята „фискально-крѣпостническая обуза", покажетъ будущее, а пока не наше дѣло способствовать разрушенію этого „остатка крѣпостнаго права".

Во многихъ общинахъ теперь идетъ глухая борьба между крестьянами, захватившими большіе надѣлы и крестьянской бѣднотой. Въ своей борьбѣ съ послѣдней хозяйственные мужички имѣютъ на своей сторонѣ земскихъ начальниковъ. Представимъ себѣ, что этотъ политическій гнетъ снятъ. Исторія показываетъ, что въ такихъ случаяхъ только сильная поддержка со стороны революціоннаго правительства, поспѣшившаго *освятить* право частной соб-

) Г. Плехановъ: „Задачи соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи", с. 88.

*) В. Ильинъ, ibid., с. 243. „Мы относимся очень равнодушно къ вопросу собственно о формѣ крестьянскаго землевладѣнія".

ственности, избавляетъ „хозяйственныхъ мужичковъ" отъ разграбленія (не всегда, впрочемъ). И въ такое время соціалъ-демократъ будетъ настаивать на правѣ каждаго крестьянина свободно распоряжаться *его* (!) землей!? „Каждый отдѣльный крестьянинъ, *вопреки волѣ большинства*, вправѣ будетъ требовать выдѣла его (!) земли въ особый участокъ", говоритъ тов. Ленинъ.

Совсѣмъ другое дѣло, когда крестьянину дается право отказаться отъ надѣла и выхода изъ общины. Если онъ уходитъ со всей своей семьей, дѣло общины такъ или иначе вознаградить его за оставляемую имъ землю, если онъ уходитъ самъ, то и вопросъ о вознагражденіи его *общиной* исчезаетъ.

Вопреки мнѣнію тов. Ленина, ни къ селу, ни къ городу сославшагося на Каутскаго, мы защищаемъ права коллективности по отношенію къ индивидууму во всѣхъ случаяхъ, когда интересы коллективности страдаютъ отъ произвола индивидуума. Мы не защищаемъ ихъ только въ томъ случаѣ, когда они противорѣчатъ соціальному развитію*). Но и въ этихъ случаяхъ мы должны слѣдить за тѣмъ, чтобы не пострадали „маленькіе люди", которые всегда являются жертвами „экономическаго прогресса". Этимъ мы отличаемся отъ либераловъ, которые, наоборотъ, всегда защищаютъ права личности по отношенію къ коллективности.

Выставляя формулированное выше тов. Ленинымъ требованіе, мы въ своемъ уваженіи къ правамъ отдѣльной личности заходимъ дальше *буржуазнаго* законодательства. Черезполосица препятствуетъ „соціальному и техническому прогрессу". Но имѣетъ ли право *каждый* частный собственникъ, *вопреки волѣ большинства* сосѣдей, потребовать выдѣла его (*дѣйствительно его*) земли въ особый участокъ? Нѣтъ.

*) Такъ Каутскій предпочитаетъ требованіе австр. агр. программы: „Передача права охоты и рыбной ловли общинамъ" требованію Бреславльской: „Право своб. охоты на собственномъ и арендуемомъ участкѣ".

Буржуазное законодательство установливаетъ опредѣленный querum*).

Повторяю, мы можемъ и должны сохранить старую формулировку группы „Освобожденіе Труда“. Тов. Ленинъ думаетъ, что предоставленіе крестьянину права свободно распоряжаться его (!) землей есть оселокъ, на которомъ можно испытывать „многочисленныхъ въ Россіи радикаловъ и даже революціонеровъ изъ Вѣстника Русской Революціи, склонныхъ сидѣть въ данномъ вопросѣ между двумя стульями“.

Старое соціалъ-демократическое требованіе — предоставленіе права отказа отъ надѣла и выхода изъ общины тѣмъ изъ крестьянъ, которые найдутъ это для себя угоднымъ — хотя и не можетъ служить „оселькомъ“ во вкусѣ тов. Ленина, но удобно въ томъ отношеніи, что рѣзко отдѣляетъ насъ отъ всякихъ „прогрессистовъ“ и лишній разъ указываетъ нашимъ „радикаламъ“ и революціонерамъ, какъ неосновательны легенды о соціалъ-демократической крестянофабіи. Наши разногласія и безъ того достаточно велики, чтобы нужно было выдумывать новые „оселки“, которые могутъ лишь увеличить существующее взаимное непониманіе между соціалъ-демократіей и нашей революціонной (аграрной) демократіей**).

Пятый пунктъ по увѣренію тов. Ленина не возбуждалъ никакихъ недоразумѣній. „Всѣ согласны“, что нужно предоставить судамъ право понижать непомѣрно высокія арендныя платы. Я тоже ничего не имѣю противъ такой мѣры. У насъ это требованіе выставлено было еще легальными народниками, даже такимъ, какъ г. Н. Карышевъ. Правда, онъ получилъ за это жестокій нагоняй отъ нашего флюсоподобнаго спеціалиста, г. В. Ильина. „Какъ мила, саркастически замѣчаетъ послѣдній, должна быть

*) Нѣкоторыя изъ нихъ требуютъ согласія 1/2 или даже 2/3 всего числа собственниковъ.

**) А тѣмъ изъ соціалистовъ-революціонеровъ, которые не согласны и съ формулировкой гр. „Освобожденіе Труда“, я рекомендую прочитать ст. Бородаевскаго въ „Русскомъ Богатствѣ, 1900 г. 6-8.

такому „хозяйственному мужичку“ „арендная теорія“ г-на Каришева, требующая долгихъ арендныхъ сроковъ, удешевленія аренды, вознагражденія за улучшенія и пр. Это именно то, что ему нужно“*). Мы не такъ строги, хотя и думаемъ, что русская соціалъ-демократія могла бы выставить болѣе революціонное требованіе**).

Мы теперь подходимъ къ самому любопытному пункту всей аграрной программы „Искры“. Она требуетъ возвращенія народу денежныхъ суммъ, взятыхъ съ него въ формѣ выкупныхъ и оброчныхъ платежей. Съ этой цѣлью она предлаетъ конфисковать монастырскія имущества и удѣльныя имѣнія и кромѣ того обложить особымъ налогомъ земли крупныхъ зямлевладѣльцевъ-дворянъ, воспользовавшихся выкупной ссудой. Всѣ эти суммы обращаются въ особый народныйфондъ для культурныхъ и благотворительныхъ (!?) нуждъ сельскихъ обществъ.

Трудно себѣ представить болѣе любоцытный продуктъ революціоннаго бюрократизма! Возвращеніе государствомъ всѣхъ оброчныхъ платежей просто нелѣпость. Лучше было предложить освобожденіе отъ всякихъ податей въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Конфискація монастырскихъ и удѣльныхъ имѣній съ цѣлью пустить въ „гражданскій оборотъ“ ихъ земли и образованіе изъ вырученныхъ съ продажи денегъ особаго фонда — нелѣпость еще худшаго сорта***).

Но Искра предлагаатъ обложить особымъ налогомъ земли крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, воспользовавшихся выкупной ссудой*). Странное требованіе, особенно со стороны Искры, признавшей крестьянскими только тѣ земли, которыя у нихъ бы-

*) В. Ильинъ, ibid., с. 104.

**) Ирландская практика показываетъ, что этотъ палліативъ не удовлетворяетъ ни землевладѣльцевъ, ни арендторовъ.

***) Это требованіе выставлено еще авторомъ брошюры „Рабочее Дѣло въ Россіи“. Онъ великодушно требуетъ для крестьянъ и пониженія срока военной службы съ 3 до 2 лѣтъ!!

ли отрѣзаны 19 февраля дворянскимъ правительствомъ! Помѣщики получили деньги за *„ихъ“* землю, правда, съ изряднымъ „лишкомъ“. Но Искра требуетъ не только этотъ „лишокъ“. Она хочетъ вернуть народу всѣ взятые съ него выкупные платежи.

Съ 1862 г. по 1 янв. 1894 помѣщикамъ уплачено было 895 879 473 р. за землю, которой они „надѣлили“ крестьянъ. Какъ думаетъ Искра получить ихъ назадъ? На сколько лѣтъ растянется эта выкупная операція à rebours? Или можетъ быть Искра думаетъ отобрать эти деньги сразу, путемъ революціонной контрибуціи?

Бѣдные дворяне! У нихъ же отнимаютъ „отрѣзки“ и съ нихъ же хотятъ взять почти милліардъ рублей! Не проще и было бы прямо избавить ихъ отъ этой муки и выставить требованіе экспропріаціи государствомъ всего дворянскаго землевладѣнія, благо тѣ же дворяне одному Дворянскому Банку должны были къ 1 янв. 1899 г. 568 м. р.?

Не боится ли Искра повредить капиталистическому хозяйству? Не думаетъ ли она, что послѣднее немыслимо безъ монополіи частной собственности на землю? Если да, то ее могъ бы успокоить такой сокрушитель „критиковъ въ аграрномъ вопросѣ“, какъ тотъ же Ленинъ. Вотъ что онъ говоритъ:

„Ничего *необходимаго* для капиталистическаго общества и для капиталистической организаціи земледѣлія эта монополія изъ себя не представляетъ. Съ одной стороны, мы вполнѣ можемъ мыслить капиталистическое земедѣліе безъ частной собственности на землю, и многіе послѣдовательные буржуазные экономисты требовали національзацію земли. Съ другой стороны, мы въ дѣйствительности встрѣчаемъ капиталистическую организацію земледѣлія при отсутствіи частной поземельной собственности, напр., на земляхъ государственныхъ и общинныхъ“(1).

Почему же Искра вмѣсто возвращенія отрѣзковъ и всѣхъ выкупныхъ платежей не выставила стараго соціалъ-демократическаго требованія: экспропріаціи крупныхъ землевладѣльцевъ? Да просто потому, что

*) Н. Ленинъ, *Заря* № 2-3, с. 275.

„поспѣшать“ надо „медленно“. Послушаемъ тов. Плеханова.

„Правда и то, что *въ революціонную эпоху* экспропріація крупныхъ землевладѣльцевъ можетъ явиться у насъ необходимымъ условіемъ соціально-политической побѣды революціонной партіи. Но это — вопросъ совсѣмъ другой. Его постановка и его рѣшеніе будетъ обусловливаться *соотношеніемъ общественныхъ силъ въ такую эпоху*. Говорить о немъ теперь преждевременно, хотя теперь же слѣдуетъ замѣтить, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ *его необходимо будетъ постановить*“).

Секретъ всѣхъ „наглядныхъ несообразностей“ аграрной программы „Искры“ и заключается въ томъ, что она *практически расчитана на періодъ до паденія самодержавія*.

Мы видѣли, что тов. Плехановъ призналъ „нашимъ“ докладъ (на Лондонскій конгрессъ), въ которомъ доказывалось, что до паденія самодержавія русская соціалъ-демократія должна „лишь очень мало практически выступать въ области аграрныхъ отношеній“. И тов. Плехановъ согласился теперь съ противоположнымъ мнѣніемъ по той же причинѣ: революція, которая должна привести къ паденію самодержавія, отодвигается въ область не „предвидимаго будущаго“ и, поэтому, совершенно не принимается въ разсчеть при опредѣленіи политики русской соціалъ-демократіи. Пока что, мы должны имѣть программу и на дореволюціонный періодъ.

Я чувствую, что читатель окончательно возмущенъ моею „придирчивостью“. Тов. Ленинъ такъ зычно кричалъ на хвостиста Мартынова, что читатель и въ самомъ дѣлѣ могъ подумать, что предъ нимъ революціонеръ „съ головы до ногъ“, который знаетъ „одной лишь думы власть“: какъ обезпечить за пролетаріатомъ максимумъ политическихъ и соціальныхъ пріобрѣтеній въ теченіе и послѣ революціоннаго періода?

„Да какъ же иначе, возмущается читатель, вѣдь тов. Ленинъ ясно говоритъ, что онъ выставляетъ революціонный максимумъ,

*) Г. Плехановъ, *Заря*, № 4, с. 37.

что аграрная программа предполагаетъ революціонное движеніе крестьянства, что крестьянскіе комитеты будутъ функціонировать при политической свободѣ".

Я вижу, что читатель внимательно читалъ текстъ Ленинской статьи, но я сомнѣваюсь, заглянулъ ли онъ въ примѣчаніе на сс. 161 — 162. Тамъ онъ найдетъ любопытное заявленіе, которое даетъ ему ключъ ко всѣмъ революціоннымъ „баобабамъ" этой программы.

„Наша аграрная программа, въ преобладающей части ея требованій, будетъ имѣть тѣмъ меньшее практическое значеніе, чѣмъ *дальше* идетъ развитіе сельскохозяйственнаго капитализма, — ибо остатки крѣпостного права, противъ которыхъ эта программа направлена, *вымираютъ и сами собой и подъ вліяніемъ политики правительства*".

Не можемъ же мы предоставить честь развитія сельско-хозяйственнаго капитализма стихійному процессу и нашему правительству! Мы вѣдь не „хвостисты". Всюду должны мы вносить сознательный элементъ и вмѣшиваться во всѣ вопросы современности. Какъ Іоаннъ Предтеча Іисусу, мы должны предуготовить, расчистить путь для капитализма, ибо, какъ говоритъ тов. В. Ильинъ, „все, что задерживаетъ развитіе товарнаго хозяйства, ведетъ лишь къ ухудшенію положенія производителей". И этому условію вполнѣ удовлетворяетъ программа просвѣщенныхъ аграріевъ „Искры".

Наша аграрная программа, продолжаетъ тов. Ленинъ, разсчитана, поэтому, практически главнымъ образомъ на непосредственно-ближайшее будущее, на періодъ *до* *) паденія самодержавія. Политическій переворотъ въ Россіи во всякомъ случаѣ и неизбѣжно поведетъ за собою такія коренныя преобразованія отсталыхъ нашихъ аграрныхъ порядковъ, что намъ тогда непремѣнно придется пересмотрѣть нашу аграрную программу".

„Надъ нами не каплетъ". Наше время — не время широкихъ задачъ. Мы теперь должны „строить". Конечно, съ своей стороны, Россійская Соціалъ-демократическая Рабочая Партія твердо убѣждена

*) Курсивъ тов. Ленина.

въ томъ, что полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе указанныхъ политическихъ и *соціальныхъ* преобразованій достижимо лишь *путемъ низверженія царскаго самодержавія* и созыва *учредительнаго собранія*, свободно избраннаго всѣмъ народомъ". А пока *суля* извѣстные осязательные результаты, въ осуществленіе которыхъ *до* паденія самодержавія мы сами плохо вѣримъ (за исключеніемъ отмѣны круговой поруки), они „сослужатъ намъ самую полезную службу въ дѣлѣ расширенія и приближенія революціоннаго возмущенія крестьянъ противъ всѣхъ крѣпостниковъ и всяческаго крѣпостничества".

„Божественная теорія классовъ" или стадій стараго „Рабочаго Дѣла" въ соціальной программѣ русской соціалъ-демократіи, Мартыновская теорія выставленія требованій, сулящихъ осязательные результаты *до* паденія самодержавія, оппортунистическая жажда строительства, заимствованная у буржуазной демократіи—какъ все это тѣсно переплелось въ soit-disant революціонной программѣ „Искры"!

Мы имѣемъ программу практически разсчитанную на періодъ *до* паденія самодержавія. Тов. Ленинъ увѣряетъ насъ, что послѣ его паденія мы должны будемъ ее пересмотрять. А что мы будемъ дѣлать въ революціонную эпоху, въ періодъ ликвидаціи самодержавія? спроситъ его соціалъ-демократическій агитаторъ, отправляющійся въ деревню.

И тов. Ленинъ прочтетъ ему нотацію:

„Только Надеждинъ, со вчерашняго дня начавшій себя называть соціалъ-демократомъ, можетъ забывать о томъ, что цѣль соціалъ-демократіи — коренное преобразованіе условій жизни всего человѣчества, что поэтому соціалъ-демократу не позволительно „смущаться" вопросомъ о долготѣ работы". *)

Я вамъ далъ руководящую нить для всего періода *до* паденія самодержавія. Улита ѣдетъ, когда то будетъ. Ну, а если грянетъ революція, то....

*) Н. Ленинъ, Что дѣлать?, с. 135.

Товарищи, я вамъ въ угоду
Готовъ перемѣнить методу.
И вкривь, и вкось привыкли мы блуждать".

Довлѣетъ дневи злоба его. Хотя мы за „тактику-планъ", но только *до* паденія самодержавія. Дальше этого „класса" мы не можемъ идти. Поступать иначе, составить себѣ планъ дѣятельности для революціонной эпохи значило бы, говоря словами тов. Кричевскаго, съ которымъ несомнѣнно теперь согласны и тов. Ленинъ, и тов. Плехановъ, „приближаться къ заговорщическому взгляду на „подготовленіе" революціи, т. е. удѣлять объективному или стихійному процессу второстепенное мѣсто и въ конечномъ актѣ революціоннаго развитія". Долой „тактику планъ" и да здравствуетъ „тактика-процессъ"! На той стадіи, на которой находится наше движеніе, постановка такого вопроса преждевременна. „Его постановка и его рѣшеніе будутъ обусловливаться соотношеніемъ общественныхъ силъ въ такую эпоху", говоритъ тов. Плехановъ, предпочитая теперь „тактику-процессъ" которая, какъ извѣстно, состоитъ „въ процессѣ роста тактическихъ задачъ, растущихъ вмѣстѣ съ ростомъ партіи".

Намъ думается, что эта тактическая философія хорошо иллюстрируется стихотвореніемъ Кузьмы Пруткова „Предъ моремъ житейскимъ".

Все стою на камнѣ:
Дай ка брошусь въ море..
Что пошлетъ судьба мнѣ:
Радость или горе?

Можетъ, одурачитъ.
Можетъ, не обидитъ.
Вѣдь кузнечикъ скачетъ,
А куда, — не видитъ.

Не правда ли, товарищи Плехановъ и Ленинъ? И не попадетъ ли въ положеніе этого „кузнечика" русская соціалъ-демократія, когда „въ пѣнѣ гнѣва застонутъ волны" народной революціи? Не будетъ ли тогда слишкомъ поздно „мѣнять методу"? Не придется ли намъ тогда довольствоваться уже готовыми отвѣтами? И не станутъ ли русскіе соціалъ-демократы игрушкой стихійнаго объективнаго процесса? И не будетъ ли наша партія въ лучшемъ случаѣ только придаткомъ нашей революціонной демократіи

Какъ вы думаете, тов. Плехановъ?

А пока „Искра" уже успѣла сойтись, трогательно сошлась съ почтеннымъ елецкимъ предводителемъ дворянства, А. А. Стаховичемъ. Онъ предложилъ обязательный выкупъ тѣхъ земель, которыя необходимы крестьянамъ и въ тоже время не имѣютъ никакого хозяйственнаго значенія для землевладѣльцевъ. Таковы такъ наз. „отрѣзки". Противъ обязательнаго выкупа возсталъ А. Д. Полѣновъ, вмѣстѣ съ „Новымъ Временемъ" *въ принципѣ* согласный съ этой мѣрой.

И органъ революціонной соціалъ-демократіи, *обличительница* нашихъ порядковъ, „Искра", увидѣла въ этомъ эпизодѣ доказательство своей „трезвенности". Она даже не напомнила „просвѣщеннымъ аграріямъ" цифры о количествѣ арендуемыхъ крестьянами земель, цифры, которыя приводились на засѣданіяхъ этихъ же комитетовъ и слишкомъ хорошо показываютъ, какой жалкой мѣрой является возвращеніе отрѣзковъ, какъ средство противодѣйствія ростовщическому вздуванію арендныхъ цѣнъ.

Какой то Нарцисъ Тупорыловъ изъ „Революціонной Россіи" возражалъ противъ возвращенія отрѣзковъ на томъ основаніи, что оно является плодомъ кабинетной мысли, далекой отъ дѣйствительной жизни. И „Искра" обрадовалась случаю заявить, что она такъ же „трезва", какъ елецкіе землевладѣльцы, которые поняли, что нужно кинуть крестьянамъ кость, благо въ той же Орловской губерніи цѣна десятины земли во многихъ мѣстахъ достигла 300 р. (вслѣдствіе развитія свекловичныхъ плантацій). Прогоны, клинья и пр. мы продадимъ, а деньги пустимъ въ оборотъ!

Но „Искра" все таки устыдилась.... и совершила маленькій подмѣнъ. Она, если не принципіально, то по степени, отличается отъ елецкихъ аграріевъ. „Чуждая оппортунистической трезвенности буржуазныхъ реформатовъ" она заявляетъ: *Но* обставлять эту необходимую реформу какой нибудь „выкупной операціей" и проводить ее методами „полюбовной сдѣлки",

— значило бы, пожалуй, еще больше запутать и безъ того сложную сѣть, въ которой бьется русскій крестьянинъ собственникъ". И забывъ, что *въ своей программѣ она предложила именно этотъ методъ* (за исключеніемъ „чистыхъ" случаевъ, когда отрѣзки не переходили изъ рукъ въ руки") она быстро „мѣняетъ методу". Оказывается уже, что только „радикальное — безвозмездное, повсемѣстное и обязательное — отчужденіе отрѣзковъ можетъ принести крестьянамъ собственникамъ замѣтное облегченіе" !

И какъ бы боясь, что комитеты выдвинутъ и другія требованія аграрной программы *), что соціалъ-демократическая *партія* лишена будетъ той чести, которая отнынѣ принадлежитъ „Искрѣ", она заканчиваетъ слѣдующимъ призывомъ :

„Поднимаемые въ засѣданіи земскихъ комитетовъ важные (!) общественные вопросы (Искра думаетъ: вопросъ объ отрѣзкахъ) показываютъ всю настоятельную необходимость для нашей партіи поскорѣе выработать и утвердить свою программу, могущую служить опорнымъ базисомъ для воздѣйствія соціалъ-демократическихъ организацій на общественное (sic !) мнѣніе страны" то бишь, на мнѣніе просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ. **)

„Хвостистъ" ! Сердито обрываетъ меня тов. Ленинъ и „наталкиваетъ" меня на слѣдующее мѣсто въ „Зарѣ" :

„*Но было бы неразумно испытывать на соціалистическомъ оселкѣ* (у „Зари" для всего двѣ мѣры : все на свѣтѣ имѣетъ двѣ стороны. Н. Р.) *воззрѣнія и чувства предводителя дворянства, которому осточертѣла поганая россійская казенщина.* Намъ хитрить нечего — ни съ нимъ, ни съ кѣмъ бы то ни было ; когда русскій помѣщикъ, напримѣръ, будетъ громить незаконную эксплуатацію и обездоленіе *фабричныхъ* рабочихъ, мы не преминемъ, въ *скобкахъ*, (какое „тонкое обращеніе" ! Н. Р.) сказать ему : „не худо-бъ на себя, кума, оборотиться !" Мы ни на минуту не скроемъ отъ него, что стоимъ и будемъ стоять на точкѣ зрѣнія непримиримой

*) „Бессарабскіе милорды" уже предлагаютъ „конфискацію" доходовъ монастырскихъ имѣній для образованія благотворительнаго и культурнаго фонда для сельскихъ обществъ.

**) Искра № 30.

классовой борьбы противъ „хозяевъ" современнаго общества. *Но политическая группировка опредѣляется не только конечными, а и ближайшими цѣлями, не только общими воззрѣніями, а и давленіемъ непосредственной практической необходимости.* Всякій, передъ кѣмъ ясно встало противорѣчіе между „культурнымъ развитіемъ" страны и „давящимъ режимомъ бюрократической диктатуры", рано или поздно самой жизнью будетъ приведенъ къ выводу, что это противорѣчіе неустранимо безъ устраненія самодержавія. Сдѣлавъ этотъ выводъ, онъ непремѣнно будетъ помогать — ворчать будетъ, а станетъ помогать — той партіи, которая съумѣетъ двинуть противъ самодержавія грозную (не въ ея только глазахъ, а въ глазахъ всѣхъ и каждаго) силу. Чтобы стать такой партіей, соціалъ-демократія должна, повторяемъ, очиститься отъ всякой оппортунистической скверны и, подъ знаменемъ революціонной теоріи, опираясь на самый революціонный классъ, *направить свою агитаціонную и организаціонную дѣятельность во всѣ классы населенія !*

А предводителямъ дворянства мы скажемъ, прощаясь съ ними: до свиданія, господа завтрашніе наши союзники !" *)

И въ ожиданіи этого блаженства, „Искра" усердно очищаетъ себя отъ оппортунистической скверны по принципу — „similia similibus curantur" !

„Съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься". Наша легальная демократія — большая строительница. „А на основѣ строительства растетъ и крѣпнетъ сознаніе своей принадлежности къ дѣйствующему цѣлому и постепенно замираетъ самая возможность принципіальной оппозиціи ему". **) Легальный марксизмъ умеръ, но „le mort saisit le vif" !

7) Такъ что же дѣлать ?

„Но будучи недовольны предложеннымъ нами конкретнымъ рѣшеніемъ запутаннаго вопроса, вы *не вправѣ* отдѣлываться общей „жалобой" на запутан-

*) Заря, № 2-3, с. 402-3. Курсивъ нашъ. Читатель видитъ, что объясненія, данныя мнѣ Адонисомъ Остромордовымъ, отличаются „правдоподобностью". Инцидентъ въ Елецкомъ комитетѣ показываетъ, что „завтрашніе" союзники уже успѣли превратиться въ „сегодняшнихъ".

**) Старовѣръ, Заря, №2-3, с. 256.

ность, а должны сдѣлать попытку самостоятельно разобраться въ немъ, предложить другое конкретное рѣшеніе", скажетъ мнѣ, вѣроятно, вслѣдъ за тов. Ленинымъ не одинъ читатель.

Отдѣлываться общей жалобой на запутанность послѣ того, какъ не смотря на запутанность воззрѣній тов. Ленина, я согласился безъ всякой жалобы отправиться за нимъ въ самую сердцевину ихъ путаницы, было бы съ моей стороны просто странно. И чтобы успокоить читателя, я ему могу сказать, что я такъ мало склоненъ преуменьшать сложность и запутанность вопроса, что для меня прямо непостижимо, какимъ образомъ тов. Ленинъ, а съ нимъ и вся редакціонная коллегія, проглядѣли указанный уже мною фактъ, что отношенія въ „городѣ" не менѣе сложны и запутаны, чѣмъ въ деревнѣ, что „отработочная система" свирѣпствуетъ въ „городѣ" не меньше, чѣмъ въ деревнѣ, хотя въ первомъ она по условіямъ „естества" принимаетъ другія формы. „Чистый" капитализмъ, который такъ пугаетъ „чистыхъ" народниковъ и такъ привлекаетъ „чистыхъ" марксистовъ, существуетъ только въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства (горнозаводское дѣло, обработка металловъ, электротехника, текстильная индустрія) да и то не во всѣхъ странахъ. У насъ въ Россіи даже въ южномъ горнозаводскомъ районѣ существуютъ „остатки докапиталистическихъ общественныхъ порядковъ" по мнѣнію горнозаводчиковъ и ихъ сикофантовъ „въ сильнѣйшей степени препятствующихъ экономическому прогрессу". А что сказать о всемъ разнообразіи „остатковъ", угнетающихъ остальныя отрасли нашей промышленности? Протекціонизмъ, отмѣну котораго забыла подчеркнуть въ своемъ проектѣ „Искра", создаетъ очень благопріятныя условія для „упроченія и сохраненія самыхъ варварскихъ формъ эксплуатаціи" въ области обрабатывающей промышленности. Но, и вполнѣ признавая всю сложность и запутанность этихъ отношеній, я все таки не считаю себя нисколько обязаннымъ предложить другое конкретное рѣшеніе. Это тупорыловское тре-

бованіе я признаю только въ устахъ какого нибудь соціальнаго реформатора или безчисленныхъ критиковъ марксизма, недовольныхъ слишкомъ общими, мало опредѣленными, мало „конкретными" требованіями соціалъ-демократической программы. Когда авторы Бреславльской аграрной программы отстаивали ее, доказывая, что она сообщитъ Эрфуртской программѣ надлежащую конкретность, то Каутскій вполнѣ основательно назвалъ это желаніе напичкать программу „конкретными средствіями", Detailkramerei. Когда они, какъ и тов. Ленинъ, ссылались на необходимость „подтолкнуть" развитіе сельскаго хозяйства, онъ отвѣтилъ имъ, что соціалъ-демократія не имѣетъ никакихъ „положительныхъ" задачъ, хотя дѣло шло бы о воспособленіи и развитіи „матеріальныхъ элементовъ" будущаго соціалистическаго строя. По его мнѣнію соціалъ-демократія „такъ же мало должна ставить на переднемъ планѣ своихъ требованій охрану даже дѣйствительныхъ, совпадающихъ съ интересами всего общества, нуждъ сельскаго хозяйства, какъ и горячиться изъ за интересовъ промышленности и торговли. Не потому, что она недооцѣниваетъ ихъ, а потому, что она можетъ быть увѣрена, что въ современномъ государствѣ они находятъ надежнаго защитника, дѣлающаго все, что возможно, для ихъ развитія. Положительнымъ и „подталкивающимъ" образомъ она должна дѣйствовать только въ интересахъ пролетаріата, тамъ же, гдѣ рѣчь идетъ объ охранѣ общихъ интересовъ въ современномъ обществѣ, она должна ограничиться отрицательной оборонительной политикой. И пока она не будетъ имѣть опредѣляющаго вліянія на жизнь государства, положительная сторона ея дѣятельности будетъ отставать отъ отрицательной". *)

Это говорится о соціалъ-демократіи, уже пользующейся политической свободой, имѣющей многочисленныхъ представителей въ парламентѣ, въ муниципалитетахъ и общинныхъ совѣтахъ. Что же сказать о

*) Karl Kautsky Die Agrarfrage, сс. 385—86.

русской соціалъ-демократіи? Что можетъ сдѣлать „положительнаго“ она, какія „конкретныя“ средства можетъ она придумать, не рискуя сыграть въ руку всякимъ рыцарямъ первоначальнаго накопленія, не затемняя классоваго сознанія рабочихъ, не создавая иллюзіи возможности хотя бы и частичнаго улучшенія положенія трудящихся массъ въ рамкахъ самодержавнаго строя? Ровно ничего — ни для крестьянъ, ни для рабочихъ.

Вотъ почему одинаково безсмысленной является всякая программа — minimum, разсчитанная *практически* на періодъ *до* паденія самодержавія, будемъ ли мы ее придумывать для рабочихъ или для крестьянъ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой *принципіальной* разницы между требованіями въ пользу рабочихъ или въ пользу крестьянъ. Всякая же попытка конструировать такую *принципіальную* разницу въ самомъ характерѣ требованій для тѣхъ или другихъ приводитъ и не можетъ не приводить, какъ мы видѣли на примѣрѣ аграрной программы „Искры“, къ нарушенію всѣхъ *принциповъ* международной соціалъ-демократіи.

Но такія програмы, „разсчитанныя практически на періодъ *до* паденія самодержавія“ вредны еще въ томъ отношеніи, что мѣшаютъ намъ исполнять единственную доступную намъ политическую задачу: выясненіе съ нашей точки зрѣнія всей „путаницы“ современныхъ общественныхъ отношеній и сведеніе ихъ къ одному основному недостатку.

Конечно, эта программа разсчитана практически на періодъ *до* паденія самодержавія“ — во время революціи мы ее измѣнимъ, говоритъ тов. Плехановъ (тов. Ленинъ хочетъ измѣнить ее только послѣ революціи.) Но удастся ли намъ съ помощью такой программы закрѣпить тѣ связи, которыя вслѣдствіе роста соціалъ-демократическаго движенія завязались уже и завязываются съ деревней? Удастся ли намъ создать въ деревнѣ ядро, которое дѣйствовало бы вполнѣ солидарно съ городскими рабочими во время революціи? Не придется ли намъ быть свидѣтелями того, какъ крестьянское движеніе, которое въ сущности является лишь отраженнымъ дѣйствіемъ рабочаго движенія, подпадетъ подъ руководство не соціалъ-демократическихъ элементовъ?

Это въ высшей степени важный вопросъ, и отъ того или иного рѣшенія его зависитъ размѣръ тѣхъ соціальныхъ и политическихъ пріобрѣтеній, которыя рабочій классъ можетъ завоевать путемъ революціи.

Въ наше „положительное“ время, когда даже среди „ортодоксовъ“ объявилось странное пристрастіе къ „конкретнымъ“ рѣшеніямъ всякихъ „политическихъ“ и „соціальныхъ“ Нарциссовъ Тупорыловыхъ, какъ то неловко говорить о такой „абстрактной“, не „положительной“ вещи, какъ революція. И я испытывалъ бы еще большую неловкость, если бы не имѣлъ теперь за собой авторитетъ Организаціоннаго Комитета. Вопреки тов. Ленину и тов. Плеханову, которые считаютъ теперь излишнимъ на все „предвидимое будущее“ принимать въ разсчетъ революцію, Организаціонный комитетъ прямо пишетъ: „мы должны быть готовы не сегодня — завтра услышать призывный кличъ: „Ведите насъ, куда вы насъ звали!“ и страшно, если этотъ мигъ насъ застанетъ врасплохъ, столь же разрозненными, столь же неподготовленными, какъ въ настоящій моментъ. Пусть намъ не говорятъ, что мы преувеличиваемъ серьезность момента. Кто способенъ заглядывать дальше поверхности ряби, кто способенъ распознавать совершающійся въ глубинѣ процессъ, тотъ не заподозритъ насъ въ преувеличеніи“.

Пусть это „сегодня-завтра“ будетъ чрезъ годъ, два, чрезъ пять, десять, двадцать лѣтъ — это нисколько не измѣняетъ положенія дѣлъ. До революціи мы все равно *практически* ничего не можемъ сдѣлать и должны употребить всѣ свои усилія, чтобы какъ можно лучше *подготовиться* къ этому времени. И я очень радъ, что могу теперь сослаться на прекрасныя слова, которыми заканчивается передовица № 31 „Искры“ (Идейныя традиціи и идейныя задачи пролетарскаго соціализма):

„Помните, что въ моментъ, когда будетъ происходить ликвидація теперешняго въ сущности подготовительнаго періода нашего движенія, когда на расчищенной отъ самодержавія аренѣ будетъ происходить открытая классовая борьба между враждебными соціальными силами, — что въ этотъ моментъ будетъ поздно искать отвѣта на вопросы, которые задаетъ пролетаріату жизнь, — будетъ время безъ остатка отдать свои силы на борьбу за *отвѣты, уже найденные*".

Имѣемъ ли мы въ такомъ случаѣ право составлять программы, разсчитанныя практически на періодъ *до* паденія самодержавія, не должны ли мы наоборотъ составлять программу, разсчитанную практически на періодъ паденія самодержавія, на революціонный періодъ?

Предположимъ, что революція уже вспыхнула. Созывается учредительное собраніе, въ которомъ „умные и образованные, честные и неподкупные" либералы, составятъ, вѣроятно, большинство. Соціалъ-демократы уже заранѣе должны знать, что арена ихъ практической дѣятельности не парламентъ, а улица, что даже попавшіе въ парламентъ будутъ лишь проводниками того давленія, которое товарищи ихъ съ рабочими, находящимися подъ ихъ вліяніемъ, будутъ оказывать на парламентъ. Главная ихъ задача — не дать остыть революціонному порыву, толкать революцію впередъ, доводить ее до послѣднихъ ея слѣдствій. Лозунгъ дѣятельности соціалъ-демократіи – революція in permanentia, не „порядокъ" на мѣсто революціи, а революція на мѣсто порядка.

И соціалъ-демократы тѣмъ успѣшнѣе будутъ выполнять свою революціонную работу въ городѣ, чѣмъ сильнѣе будетъ революція въ деревнѣ, чѣмъ больше принуждена будетъ партія порядка разбрасывать свои силы въ погонѣ за безчисленными его врагами. Поэтому, чѣмъ болѣе революціонныя требованія будетъ выставлять соціалъ-демократія, чѣмъ сильнѣе она будетъ *фактически* вторгаться въ область всякихъ священныхъ и неприкосновенныхъ правъ, чѣмъ шире будетъ *фактическій* захватъ народомъ всякихъ льготъ и вольностей, чѣмъ многочисленнѣе будетъ кругъ людей, заинтересованныхъ въ сохраненіи пріобрѣтеній революціи, тѣмъ глубже будетъ проложена пропасть между прошлымъ и будущимъ, тѣмъ болѣе благопріятны будутъ условія для дальнѣйшаго развитія соціалъ-демократіи.

А отъ того или иного отношенія къ революціи крестьянства въ значительной степени зависитъ самый исходъ революціи. И если мы дорожимъ успѣхомъ революціи, если мы хотимъ обезпечить за революціонной партіей соціально-политическую побѣду, мы должны выдвинуть цѣлый рядъ мѣръ въ интересахъ обездоливаемаго всѣмъ современнымъ режимомъ крестьянства. Это не значитъ, что мы будемъ имъ „сулить" блага, въ осуществленіе которыхъ мы сами плохо вѣримъ. Говоря словами проекта программы группы „Осв. Труда" мы можемъ сказать, что „торжество русскаго революціоннаго движенія послужило бы прежде всего на пользу крестьянства". И если говорить о матеріальныхъ выгодахъ революціи, то несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи крестьянство выиграетъ больше, чѣмъ рабочій классъ. Но и выставляя во время революціи максимумъ революціонныхъ требованій въ пользу крестьянъ, мы имъ скажемъ, что достаточно сохраненія частной собственности на *всѣ* орудія производства и товарнаго производства, чтобы переходъ ихъ въ ряды пролетаріата — правда, менѣе мучительный — былъ такъ же неизбѣженъ, какъ и прежде.

Но не желая внушать другимъ иллюзіи на счетъ ихъ положенія, мы не должны обманывать и себя, преувеличивая возможную политическую роль крестьянства. По самымъ условіямъ своего существованія оно является элементомъ, неспособнымъ къ общему политическому дѣйствію. Такъ называемыя крестьянскія войны пріобрѣтали значеніе политическаго фактора только тамъ, гдѣ крестьянское движеніе сливалось временно съ городскимъ движеніемъ. Представляя такой слой населенія страны, въ которомъ одинаковость интересовъ далеко не идетъ рука объ руку съ ихъ общностью, оно, какъ „одинъ человѣкъ" возстаетъ только тогда, когда его на про-

тяженіи всей страны поражаетъ общій ударъ вродѣ цѣлаго ряда стихійныхъ бѣдствій, подготовляемыхъ даннымъ общественнымъ строемъ и служащихъ въ тоже время послѣдней каплей въ чашѣ бѣдъ, испиваемыхъ крестьянствомъ. Мѣстные интересы продолжаютъ преобладать и поэтому, какъ ни сильна иногда его способность сопротивленія, крестьянство легко поддается на удочку разныхъ подачекъ. Первый порывъ скоро исчезаетъ, и одна деревня за другой покидаютъ „общее“ дѣло, удовлетворяясь маленькими уступочками. Политическая активность, проявляющаяся въ умѣніи настойчиво преслѣдовать отдаленныя общія цѣли движенія, очень невелика даже въ то время, когда крестьянство еще слабо дифференцировано.

Еще меньше она, когда крестьянство подверглось сильному воздѣйствію денежнаго хозяйства. Оно дифенцируется не только внутри общины, деревни, оно распадается иа различныя террриторіальныя группы съ *особыми* одинаковыми интересами. Во время такъ называемыхъ буржуазныхъ революцій крестьянскіе бунты спорадически предшествующіе имъ, вспыхиваютъ съ особенной силой тамъ, гдѣ крестьяне сдерживались центральной властью, охотно приходившей на помощь „дикимъ помѣщикамъ“. Но и въ такія эпохи крестьянство не играетъ активной роли въ самой революціи. Наоборотъ. Крестьянскія волненія начинаются только послѣ того, какъ революція уже разразилась въ городѣ и служатъ ея продолженіемъ. Такъ было во время великой французской революціи, то же самое повторилось въ Германіи и Аістріи. Но въ то время, какъ въ этихъ странахъ революція застала еще во многихъ мѣстахъ формальное крѣпостное право со множествомъ самыхъ ненавистныхъ феодальныхъ повинностей, у насъ отъ крѣпостнаго права сохранился только одинъ крупныи остатокъ, самая форма котораго показываетъ, какъ глубоко врѣзалась категорія мѣновой стоимости въ наши экономическія отношенія до 1861 г. Я говорю о выкупныхъ платежахъ. Недовольство нашихъ крестьянъ, кромѣ чисто

политическихъ причинъ, коренящихся въ сословномъ строѣ нашего государства, питается, главнымъ образомъ, податнымъ гнетомъ и недостаткомъ земли. И тотъ и другой факторъ дѣйствуютъ крайне не равномѣрно на всемъ пространствѣ Россіи. А это создаетъ различія въ положеніи крестьянства, которыя не могутъ не отразиться и на степени политическаго возмущенія его въ различныхъ мѣстностяхъ. При такихъ условіяхъ „ничтожныя подачки ничтожной части собственниковъ“. о которыхъ говоритъ тов. Ленинъ и проектъ которыхъ онъ самъ же предлагаетъ, дадутъ возможность будущему центральному правительству быстро успокоить или еще болѣе разъединить различныя территоріальныя крестьянскія группы. Мы должны поэтому выдвинуть въ пользу крестьянъ такія требованія, которыя носятъ общій, всероссійскій характеръ (а не только мѣстный, какъ пресловутые „отрѣзки“) и глубоко затрагиваютъ все крестьянство, объединяя его въ общей борьбѣ съ помѣщиками: отмѣна всѣхъ выкупныхъ платежей, уничтоженіе всѣхъ долговыхъ обязательствъ, въ основѣ которыхъ лежитъ кабальная сдѣлка и, главнымъ образомъ, экспропріація всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ *).

Но это еще не значитъ, что соціалъ-демократія должна *обобщать* требованія крестьянъ, какъ она обобщаетъ требованія рабочаго класса. Мы поддерживаемъ данное требованіе крестьянъ, требованіе земли лишь въ той формѣ, которая не противорѣчитъ нашимъ принцикамъ и не заставляетъ насъ дѣлать въ пользу крестьянъ такой шагъ, какого мы не дѣлаемъ въ пользу рабочаго класса. Поэтому всякія рѣчи о *соціализаціи* замли должны быть отброшены, какъ попытка обратить по существу *буржуазное* требованіе крестьянъ о прибавкѣ землицы въ соціалистическое, какъ попытка навязать въ лучшемъ

---

*) Если взять даже только землевладѣльцевъ, имѣющихъ своихъ 100 десятинъ, то въ рукахъ 15 процентовъ ихъ числа сосредоточивается около 90 проц. всего частнаго землевладѣнія.

случаѣ буржуазно демократичаскому движенію крестьянства соціалистическій характеръ. Наши соціалисты революціонеры, которые въ сущности являются партіей аграрной демократіи, скрывающейся подъ плохо понятымъ соціализмомъ, могутъ конечно и въ нашей общинѣ видѣть не учрежденіе, которое „можетъ только менѣе сопротивляться коммунистическому движенію, чѣмъ подворное землевладѣніе", а одинъ изъ его активныхъ элементовъ. Мы же въ современномъ „крестьянствѣ" при современныхъ условіяхъ не видимъ почти задатковъ для соціалистическаго движенія за исключеніемъ сельскаго пролетаріата. Мы думаемъ однако, что отъ роли, которую сыграетъ рабочая партія по отношенію къ крестьянству до паденія самодержавія и во время самой революціи, въ сильнѣйшей степени зависитъ и успѣхъ соціалъ-демократической проповѣди въ деревнѣ на другой день послѣ революціи.

Хотя противъ національзаціи земли ничего нельзя возразить съ точки зрѣнія ея осуществимости при сохраненіи буржуазнаго общества, хотя противъ выставленія этого требованія во время революціи и нельзя сдѣлать тѣхъ возраженій, которыя приводилъ Каутскій противъ его выставленія въ гогенцоллернской Германіи, мы съ своей стороны думаемъ, что намъ придется отказаться отъ него въ той абсолютной формѣ, въ какой оно обыкновенно понимается. Наше крестьянство, какъ я уже замѣтилъ, представляетъ далеко не однообразный конгломератъ, и во многихъ мѣстахъ переходъ *всей* земли въ собственность государства могъ бы встрѣтить со стороны крестьянъ самое отчаянное сопротивленіе и могъ бы привести къ самымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Вотъ почему соціалъ-демократы поступятъ цѣлесообразнѣе, если выставятъ требованіе *экспропріаціи всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ.* Это минимальное требованіе, которое революціонная партія можетъ выставить въ теченіе революціоннаго періода.

Но выставляя это требованіе, мы не должны забывать, что, какъ соціалъ-демократы, мы должны въ тоже время потребовать, чтобы экспропріированная земля перешла въ собственность государства. Тамъ, гдѣ крестьяне и теперь арендуютъ помѣщичьи земли, они арендную плату, конечно, значительно уменьшенную будутъ вносить государству. Да и вообще соціалъ-демократы будутъ настаивать, чтобы земли сдавались въ аренду преимущественно ассоціаціямъ сельскихъ рабочихъ, которыя обработывали бы ихъ непосредственно для государства или тѣмъ же крестьянамъ. Удастся ли осуществить эти требованія и въ какой степени — зависитъ отъ момента, когда произойдетъ революція, отъ соотношенія общественныхъ силъ въ эту эпоху. Можетъ, конечно, случиться, что экспропріированная земля не останется въ рукахъ государства, что крестьянство захваченную землю просто передѣлитъ между собою, что государство, руководясь идеей о свободномъ обращеніи земли, пуститъ ихъ въ продажу, какъ во время великой французской революціи и что мы не сможемъ помѣшать этому. Но и это не страшно. Даже въ этомъ худшемъ случаѣ, только такимъ способомъ можно создать дѣйствительную пропасть между прошлымъ и будущимъ, можно однимъ революціоннымъ ударомъ устранить всякіе остатки феодализма, обезпечить вышедшій изъ революціи новый порядокъ отъ повторныхъ припадковъ политической реакціи, укрѣпить ту почву, на которой разыграется послѣдняя рѣшительная битва между пролетаріатомъ и буржуазіей.

Выставляя свое „неопредѣленное" требованіе — экспропріація всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ и обращеніе ихъ земли въ государственную собственность—соціалъ-демократія тѣмъ самымъ даетъ вполнѣ опредѣленный и ясный отвѣтъ на запутанный вопросъ о томъ, какъ раздѣлаться со всякими „остатками средневѣковыхъ порядковъ" вродѣ сервитутовъ, неразмежеванныхъ угодій и т. д. не нанося никакого ущерба крестьянамъ. А такой остатокъ, какъ общинное землевладѣніе, она оставляетъ въ неприкос-

новенности, стараясь лишь, путемъ предоставленія отдѣльному крестьянину права выхода, устранить ненужный гнетъ общины надъ личностью. Только въ такомъ случаѣ соціалъ-демократическій агитаторъ, попавшій въ деревню, сможетъ сказать и крестьянамъ „правду, всю правду“ и въ каждомъ данномъ случаѣ поступить такъ, чтобы не съиграть въ руку сельской буржуазіи, только въ такомъ случаѣ русская соціалъ-демократія можетъ увлечь за собой бѣднѣйшую часть крестьянства и только въ такомъ случаѣ мы сможемъ помѣшать нашимъ „честнымъ и неподкупнымъ, умнымъ и образованнымъ“ либераламъ изъ Земскаго Собора уже въ самомъ началѣ испортить все дѣло революціи путемъ провозглашенія священныхъ правъ частной собственности на землю.

Но для всего этого мы должны уже теперь, сейчасъ же взяться за пропаганду и агитацію въ средѣ крестьянства, гдѣ это только возможно. А въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ условія для этой дѣятельности стали болѣе благопріятными. Надежды первыхъ соціалъ-демократовъ, что затронутые соціалъ-демократической пропагандой отхожіе рабочіе, попадая обратно въ деревню, занесутъ туда сѣмя революціоннаго возбужденія, вполнѣ оправдались. Сама деревня значительно измѣнилась за это время, и идущій усиленнымъ темпомъ процессъ разслоенія крестьянства создаетъ все больше элементовъ для революціонной агитаціи и пропаганды. Послѣднія крестьянскія волненія сами являются лишь отголоскомъ революціоннаго рабочаго движенія въ городахъ, принявъ специфическую форму только въ зависимости отъ специальныхъ условій деревни. Популяризація въ средѣ крестьянства цѣлей и задачъ соціалъ-демократической партіи путемъ непосредственнаго воздѣйствія, гдѣ это дозволяютъ средства и силы партіи или путемъ усиленной пропаганды и агитаціи въ тѣхъ пунктахъ, гъѣ собираются большими массами сельскохозяйственные рабочіе — всѣ эти способы вмѣстѣ съ ознакомленіемъ городскихъ рабочихъ, отхожихъ и осѣдлыхъ, съ положеніемъ дерев-

ни путемъ литературы дадутъ возможность партіи еще до революціи обезпечить себѣ условія для благотворнаго вліянія на крестьянство во время революціи. *)

Мы не должны забывать, что при извѣстныхъ намъ политическихъ навыкахъ русской буржуазіи только революціонное движеніе массъ въ городахъ и деревняхъ даетъ намъ возможность противопоставить серьезную силу той коалиціи между властями предержащими и буржуазной оппозиціей, которая образуется между ними на почвѣ извѣстнаго компромиса, какъ только „порядку“ начнетъ грозить серьезная опасность со стороны „крамолы“. Всѣми силами и средствами мы должны поэтому расширять и укрѣплять свои связи съ трудящимися массами, чтобы быть въ состояніи отвѣтить на „измѣну“ нашихъ „умныхъ и образованныхъ“ либераловъ народной революціей.

Я исходилъ до сихъ поръ изъ предположенія, что русская революція останется изолированнымъ явленіемъ, что она не выйдетъ за предѣлы Россійской имперіи. Лично я считаю это мало вѣроятнымъ. По моему мнѣнію, всего вѣроятнѣе, что революція въ Россіи послужила бы сигналомъ для западно-европейской революціи. Судьбы Россіи теперь слишкомъ тѣсно связаны съ судьбамы Западной Евопы, чтобы такой коренной переворотъ не послужилъ могучимъ толчкомъ для революцоннаго движенія европейскаго пролетаріата. А положеніе послѣдняго теперь очень своеобразно. Господсвующая уже много лѣтъ реакція, поддерживаемая всей буржуазіей, заставляетъ пролетаріатъ быть паки и паки осторожнымъ. Рѣчь идетъ

---

*) Энгельсъ еще въ 1887 г. въ предисловіи къ новому изданію „Zur Wohnungsfrage“ указалъ на громадную роль, которую съиграло въ дѣлѣ распространенія соціалъ-демократіи революціонизированіе сельскихъ округовъ домашней формой крупной промышленности. Данныя о числѣ голосовъ, поданныхъ на выборахъ за соціалъ-демократовъ вполнѣ подтвердили его выводъ. Такъ въ странѣ средняго крестьянства, въ Баваріи изъ 100 голосовъ, поданныхъ въ деревнѣ, падаетъ на соціалъ-демократовъ лишь 7,6, въ Пруссіи — 11,6, въ Саксоніи — 40 процентовъ.

не столько о завоеваніи новыхъ свободъ, сколько о сохраненіи старыхъ, отъ которыхъ готова отказаться и буржуазія. И германская соціалъ-демократія, напримѣръ, не смотря на въ высшей степени благопріятныя условія, не дѣлаетъ рѣшительнаго шага изъ опасенія потерять вслѣдствіе необдуманнаго порыва все пріобрѣтенное съ такимъ трудомъ. Русскій пролетаріатъ находится въ другомъ положеніи. Ему буквально нечего терять, кромѣ своихъ цѣлей. И по своему положенію онъ является наиболѣе революціоннымъ въ рядахъ европейскаго пролетаріата. Мы вполнѣ присоединяемся поэтому къ слѣдующимъ словамъ Каутскаго:

„Россія, воспринявшая столько революціонной иниціативы съ Запада, теперь, быть можетъ, сама готова послужить для него источникомъ революціонной энергіи. Разгорающееся русское революціонное движеніе окажется, быть можетъ, самымъ могучимъ средствомъ для того, чтобы вытравить тотъ духъ дряблаго филистерства и трезвеннаго политиканства, который начинаетъ распространяться въ нашихъ рядахъ, и заставить снова вспыхнуть яркимъ пламенемъ жажду борьбы и страстную преданность нашимъ великимъ идеаламъ...... Въ 1848 г. славяне были трескучимъ морозомъ, который побилъ цвѣты народной весны. Быть можетъ, теперь имъ суждено быть той бурей, которая взломаетъ ледъ реакціи и неудержимо принесетъ со собою новую, счастливую весну для народовъ". (Славяне и революція. Искра № 18).

И это тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ сильнѣе будетъ разгораться тотъ духъ революціоннаго протеста, который дѣлаетъ изъ пролетаріата самый революціонный классъ современной Россіи. Грандіозныя ростовскія событія лишній разъ подтвердили, какую странную революціонную силу можетъ развернуть русскій пролетаріатъ, если онъ возстанетъ единовременно по всей Россіи. Говоря словами Ростовскаго Комитета „одинъ только пролетаріатъ высоко держитъ знамя борьбы и среди всеобщаго мрака не угашаетъ свободы" *).

---

*) Иного мнѣнія „Южный Рабочій". Воспѣвъ въ 10 № хвалу нашимъ конституціоналистамъ, онъ въ 11 №, послѣ ростовскихъ событій, повторяетъ то, что мы такъ часто слышимъ отъ соціалистовъ-революціонеровъ и конституціоналистовъ: „въ рабочемъ классѣ даже у насъ въ Россіи *пробуждается нѣкоторое (правда, еще слабое)* стремленіе къ самодѣятельности". И самый революціонный классъ современной Россіи предлагаютъ *столкнуть* (!) съ самодержавнымъ режимомъ. Мы видимъ, что тупорыловская педагогія одинаково прочно сидитъ и въ „экономистахъ" и въ „политикахъ". Въ „Южномъ рабочемъ" стараго состава такія статьи были бы не мыслимы.

А если революція русскаго пролетаріата послужитъ сигналомъ для европейскаго пролетаріата, если русская революція сольется съ западно-европейской, если она дѣйствительно „взломаетъ ледъ реакціи", сковывающій революціонную энергію европейскаго пролетаріата, то наша революція явится лишь непосредственнымъ прологомъ соціальной революціи.

Какъ бы то ни было, мы русскіе соціалъ-демократы, если только хотимъ быть вѣрными выразителями самого революціоннаго класса современнаго общества, должны работать такъ, чтобы грядущая революція, которая несомнѣнно совершится на основѣ буржуазныхъ отношеній производства и въ этомъ смыслѣ несомнѣнно явится „буржуазной", была отъ начала до конца *пролетарской* въ томъ смыслѣ, что пролетаріатъ явится въ ней элементомъ, руководящимъ и накладывающимъ свою классовую печать на все движеніе, мы должны не умалять заранѣе размахъ своей революціонной работы, внушая себѣ, что наша побѣда принесетъ прежде всего пользу буржуазіи, а дѣлать ее все шире и глубже, стараясь уже подготовить условія, которыя сократили бы переходный періодъ между грядущей „политической" революціей и слѣдующей за ней соціальной, стараясь превратить ее въ непосредственный прологъ соціальной революціи. А для этого мы должны отказаться отъ оппортунизма во всѣхъ его формахъ, мы должны всей своей дѣятельностью ставить на очередь дня вопросъ о *революціи*, мы должны подготовлять и подготовляться *для революціи*.

Что бы ни говорили разные филистеры, какъ бы ни распинались различные „критики" въ пользу „мирнаго" прогресса и теперь, какъ и 55 лѣтъ тому назадъ, сохраняютъ всю свою истину слѣдующія слова Маркса:

„Только при такомъ порядкѣ вещей, когда не будетъ больше классовъ и классоваго антагонизма, соціальныя эволюціи перестанутъ быть политическими революціями. До этихъ же поръ наканунѣ каждаго полнаго переустройства общества, послѣднимъ словомъ соціальной науки будетъ:

Война или смерть; кровавая борьба или уничтоженіе. Такова неотразимая постановка вопроса (Жоржъ Зандъ)". (*)

Пусть же сильнѣе грянетъ буря!

Мы видимъ, какъ сложны и велики задачи, которыя стоятъ передъ русской соціалъ-демократіей. Онѣ могутъ быть выполнены только коллективными силами всѣхъ русскихъ соціалъ-демократовъ, сплоченныхъ въ одну, единую и объединенную, партію. Задача теоретическаго и практическаго объединенія партіи — вотъ ближайшая задача нашего движенія*).

Однимъ изъ главныхъ, если не главнѣйшимъ, условій практическаго объединенія является объединеніе теоретическое, согласіе по главнымъ вопросамъ программы и тактики. И если мы хотимъ, чтобы объединеніе былъ прочно, чтобы оно съ самаго начала

*) Карлъ Марксъ: „Нищета Философіи", с. 145.

*) Не менѣе важнымъ условіемъ побѣды революціонной партіи является согласованность дѣйствій и объединеніе революціонныхъ партій различныхъ національностей. Вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ какъ можно скорѣе, и послѣ возстановленія организаціоннаго единства русской соціалъ-демократической партіи долженъ быть поставленъ сейчасъ же на очередь. Примѣръ австрійской соціалъ-демократіи показываетъ, что вопросъ этотъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть рѣшенъ такъ, чтобы единство дѣйствій соціалъ-демократической партій не пострадало. Тѣмъ паче у насъ, гдѣ низверженіе самодержавія должно быть ближайшей политической задачей всѣхъ соціалистическихъ партій.

не носило въ себѣ зародышей будущаго раскола, мы должны стараться, чтобы оно произошло на почвѣ принціально безупречной программы.

Къ сожалѣнію, Организаціонный комитетъ, дерзнувшій, по его словамъ, взять на себя задачу фактическаго возстановленія Россійской Соціалъ-демократической рабочей Партіи, до сихъ поръ не указалъ еще или не опредѣлилъ своего отношенія ни къ организаціоннымъ вопросамъ, ни къ принципіальнымъ. Но если принять во вниманіе, что въ составъ его кромѣ представителя „Бунда" входятъ представители Петербургскаго комитета, организаціи „Искры" и „Южнаго Рабочаго", то остается предположить, что проектъ программы, выработанный редакціей „Искры", будетъ предложенъ и организаціоннымъ комитетомъ *).

А между тѣмъ съ точки зрѣнія, указанной самимъ Организаціоннымъ Комитетомъ принятіе этой программы Партіей явилось бы громадной политической ошибкой. Указавъ въ своей первой прокламаціи на то обстоятельство, что пробужденіе рабочаго класса вызвало къ политической жизни различные общественные слои, которые стараются организоваться, Организаціонный комитетъ говоритъ, что соціалъ-демократія

„должна зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы подобные союзники не сдѣлали ее молотомъ въ своихъ рукахъ, не отодвинули ее отъ главной арены дѣятельности, не лишили бы руководящей роли

*) Противъ этого предположенія говорятъ нѣкоторые факты, указывающіе на отсутствіе солидарности во всѣхъ взглядахъ главныхъ организацій, представленныхъ въ Орг. Комитетѣ. Такъ Петербургскій комитетъ въ своемъ декабрскомъ заявленіи отвергаетъ первоначальный организаціонный планъ „Искры" т. е. планъ, изложенный въ книгѣ Ленина, а организаціонный комитетъ въ своей третьей прокламаціи по поводу 19 февр. далъ такое „расширительное" толкованіе „отрѣзкамъ", что свелъ на нѣтъ „центральный пунктъ" всей аграрной программы „Искры". Оказывается, что все дворянское землевладѣніе является „отрѣзкомъ". Можно не соглашаться съ фактическими данными, приводимыми въ этой прокламаціи, но нельзя отрицать, что выводомъ изъ нея является требованіе экспропріаціи всего крупнаго землевладѣнія.

въ борьбѣ съ самодержавіемъ и, главное, не повредили бы поступательному ходу революціонной борьбы, отклонивъ ее отъ правильнаго пути. Что подобная опасность не призракъ воображенія — ясно для всякаго, внимательно слѣдившаго за революціонной борьбой послѣднихъ лѣтъ".

Наиболѣе опасной въ этомъ отношеніи является партія соціалистовъ-революціонеровъ, являющаяся конгломератомъ различныхъ окрашенныхъ мелко-буржуазнымъ соціализмомъ демократическихъ и соціалитеченій съ преобладаніемъ аграрной демократіи. „Экономическій" періодъ нашего движенія, ослабивъ политическій радикализмъ нашихъ требованій, далъ возможность укрѣпиться этой партіи и пріобрѣсти даже приверженцевъ (пока не многихъ) въ средѣ рабочаго класса. Но если до сихъ поръ эта партія особенно подчеркивала умѣренность политической программы соціалъ-демократіи и выдвигала на первый планъ терроръ, то теперь она получаетъ новую опору въ соціальномъ оппортунизмѣ, который защищается „Искрой". Соціалъ-демократія, принявъ ея программу, лишила бы себя руководящей роли въ освободительной борьбѣ всѣхъ угнетенныхъ классовъ современной Россіи и не смотря на буржуазно-демократическіе аллюры этой программы, потеряла бы всякое вліяніе на нашу демократію.

„Предъ нами будетъ партія, которая заботится объ „умѣренности" своихъ требованій въ то время, когда въ этой атмосферѣ „умѣренности" задыхается всякій, мысль и энергія котораго еще не совсѣмъ оскоплены".*)

Но второе изданіе „умѣренности" въ области программныхъ требованій несравненно опаснѣе перваго. Если оппортунизмъ въ области политической программы отталкивалъ отъ соціалъ-демократіи оппозиціонные элементы нашего „общества" и создавалъ лишніе шансы для укрѣпленія буржуазной демократіи, то оппортунизмъ въ области экономическихъ и соціальныхъ требованій оттолкнетъ отъ насъ многіе революціонные элементы трудящихся массъ и создастъ лишніе шансы для укрѣпленія партіи соціалистовъ-революціонеровъ, облекая въ плоть легенду объ индифферентизмѣ соціалъ-демократіи къ „крестьянству".

*) Н. Рязановъ: „Заря", № 1, с. 134.

Къ этому надо прибавить, что и теоретическая часть программы, своими совершенно ненужными поправками искажая ясный и прямой смыслъ „догмы", даетъ только лишнее оружіе господамъ критикамъ" и какъ бы санкціонируетъ походъ нашихъ соціалистовъ-революціонеровъ на „догму" во имя „свободы критики".

У насъ много смѣялись надъ такъ называемой „кружковщиной". Она дѣйствительно отличалась „наивностью" своихъ воззрѣній. Но она имѣла одно крупное преимущество: она всюду и всегда пропагандировала принципы соціалъ-демократіи цѣликомъ, безъ всякихъ урѣзываній. Насталъ періодъ агитаціи, такъ часто превращавшейся и превращающейся въ ажитацію, экономическую или политическую. Пропаганда отдѣлилась отъ агитаціи. Это раздѣленіе неминуемо должно было породить всякія отклоненія отъ принциповъ соціалъ-демократіи.

Если мы хотимъ ликвидировать основательно всѣ недостатки послѣдняго періода нашего движенія, мы должны разъ на всегда отказаться отъ принципіальнаго раздѣленія пропаганды и агитаціи. Мы должны соединить лучшія стороны перваго періода нашего движенія съ лучшими сторонами второго, полноту и цѣлостность принципіальной пропаганды „кружковщины" съ интенсивностью и массовымъ характеромъ „агитаціоннаго" періода нашего движенія. И въ пропагандѣ, и въ агитаціи мы должны оставаться соціалъ-демократами, и какъ во времена „кружковщины" мы должны всегда и всюду готовиться къ революціи. И нашимъ палладіумомъ должна быть, какъ и тогда, соціалъ-демократическая программа, духъ и буква которой одинаково были бы пропитаны этимъ революціоннымъ настроеніемъ.

И я кончаю свой разборъ проекта программы

„Искры“ тѣми же словами, которыми кончилъ разборъ старой программы „Рабочаго Дѣла“.

„Какъ ни важно объединеніе, оно имѣетъ подъ собой прочную почву только въ томъ случаѣ, когда оно основывается на единствѣ принциповъ. Выраженіемъ этого единства должна служить программа, принятая всей партіей. — По нашему мнѣнію, въ основу этой программы должна быть положена программа группы „Освобожденіе Труда“ съ соотвѣтствующими измѣненіями“. *)

---

*) Н. Рязановъ : Замѣчанія на программу „Рабочаго Дѣла“, Заря, № 1, с. 136.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

страница	строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать
12	12 снизу	организаціи	организаціей
16	14 „	его	ее
19	5 сверху	изъ страха іудейска	страха ради іудейска
81	6 снизу	образахъ	абзацахъ
131	19 сверху	соіуальнаго	соціальнаго
155	11 сверху	агитаціи	ажитаціи
205	15 снизу	сзучныя	скучныя
208	5 сверху	навязать	свалить
220	3 снизу	замѣнѣ	превращенію
230	4 сверху	гражданскими	гражданами
237	14 снизу	той	этомъ

ИЗДАНІЯ ГРУППЫ „БОРЬБА“

		фр. с.
1.	Объявленіе объ изданіяхъ соціалъ-демократической группы „Борьба“ (разошлось) . .	—.10
2.	Соціалъ-демократическій Календарь на 1902 г. (почти разошелся) . . .	2.50
3.	Судебный приговоръ по дѣлу Обуховцевъ съ предисловіемъ Н. Рязанова . . .	— 60
4.	Отказываемся-ли мы отъ наслѣдства? Къ вопросу объ историческомъ подготовленіи русской Соціалъ-демократіи. (Страничка изъ исторіи русской революціонной мысли). *Ю. Невзорова.* Съ приложеніемъ статьи „Двѣ правды“. *Н. Рязанова*	1.50
5.	Солдатская бесѣда. *Стараго Служиваго* . . (Разошлась)	—.60
6.	Летучій Листокъ группы „Борьба“, № 1 . . . (Разошелся)	—.50
7.	Протоколы Съѣзда южныхъ комитетовъ и организацій Р. С.-Д. Р. П. (разошлось)	—.20
8)	Новая программа „Рабочаго Дѣла“ *Н. Рязанова*	—.60
9)	Проектъ программы „Искры“ и задачи русскихъ соціалъ-демократовъ	—.3

ПЕЧАТАЕТСЯ:

„*Къ програмнымъ и организаціоннымъ вопросамъ*“.

Адресъ для писемъ изъ за-границы:

1.) Monsieur Souchinsky, 22, rue des Usines, Acacias, Genève, Suisse.

На внутреннихъ конвертахъ слѣдуетъ надписывать: «Для редакціи организаціи „Борьба“».